НА ВОСТОКЪ.

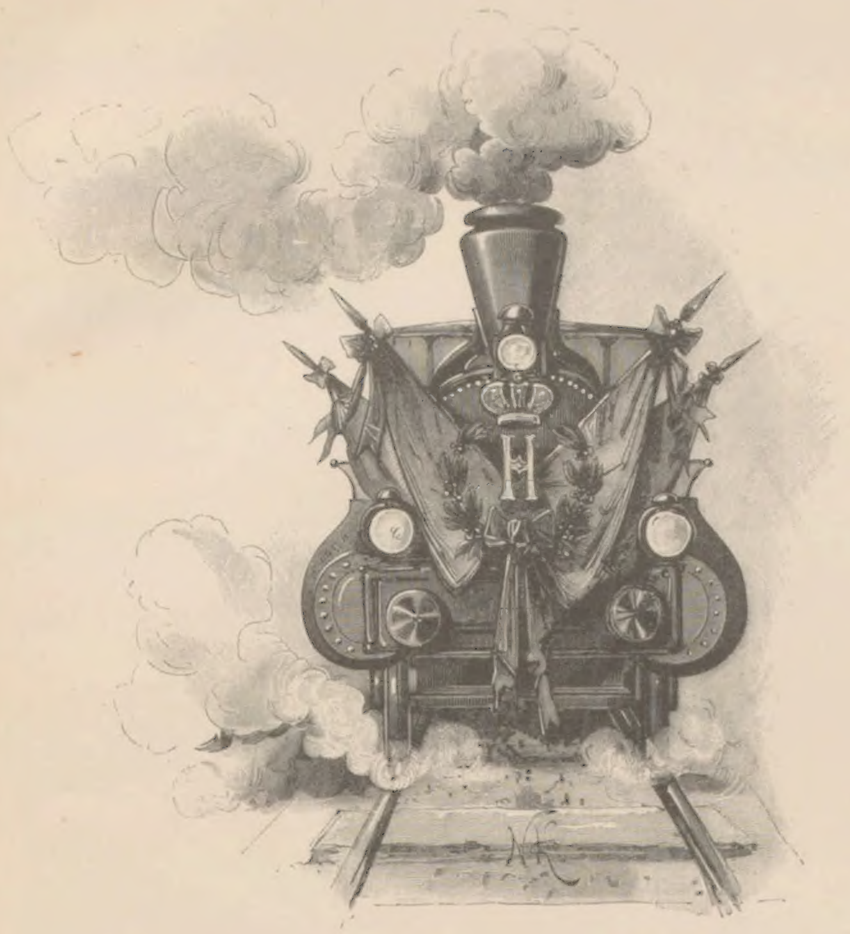
Н. В. ГАЕВСКИЙ, СПБ.

ПБ.

65

65

Востокъ
Путешествіе
Наслѣдника Цесаревича
Т. I. Ч. I
N Каразинъ



НА ВОСТОКЪ.

Tous droits réservés.

Его Императорское Высочество
Наследникъ Цесаревичъ и Великій Князь
Николай Александровичъ

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ВОСТОКЪ

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ

НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

1890—1891.

АВТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ КН. Э. Э. УХТОМСКІЙ.

ИЛЛЮСТРИРОВАЛЪ Н. Н. КАРАЗИНЪ.

Ч. 1.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛЕЙПЦИГЪ: Ф. А. БРОКГАУЗЪ.

1893.

Типографія Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

[illegible]

Давно носились слухи о томъ, что Высочайше предположено далекое и многотрудное путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича на Индію и Китай, съ возвращеніемъ обратно или черезъ Америку, или черезъ безконечную Сибирь. Возможность совершенія такого продолжительнаго и опаснаго путешествія сначала казалась положительно несбыточною; когда же къ веснѣ и къ лѣту 1890 года осуществленіе замысла стало близкимъ и несомнѣннымъ, — подробности о вѣроятныхъ маршрутахъ естественно привлекли всеобщее вниманіе, ибо каждая должна была получить въ будущемъ особое культурно-историческое освѣщеніе. Ничто такъ широко не раздвигаетъ умственнаго кругозора, ничто такъ не воздѣйствуетъ на характеръ, какъ непосредственное живое соприкосновеніе съ чужбиною, — а тутъ что за дивныя и заманчивыя страны ожидали Августѣйшаго путешественника! Вся прошедшая жизнь человѣчества связана съ ними. Все, когда-либо окрылявшее духъ, до нынѣ уцѣлѣло въ памятникахъ и краснорѣчиво говоритъ о непрестанной побѣдѣ разума и художественнаго творчества надъ безличнымъ, безформеннымъ веществомъ. Можно, нисколько не преувеличивая, утверждать, что нѣтъ ничего достопримѣчательнаго въ области восточныхъ религій, архитектурныхъ особенностей и тому подобнаго, о чемъ Его Императорское Высочество не получалъ бы во время поѣздки ясное и глубоко поучительное впечатлѣніе. Почти доисторическая старина вставала передъ Нимъ изъ безмолвія могилъ и развалинъ.

Самыя странныя и могучія идеи, создавшія и проникнувшія Элладу, Египетъ и Азію, воочію [illegible] на каждомъ шагу низведенными поэзіей на землю съ высоты небесъ, воплощенными въ камень и слово, незыблемыми, непокоренными хаосомъ вѣковъ.

Надъ составленіемъ программы государственно-важнаго путешествія потрудились особенно: воспитатель Наслѣдника Цесаревича генералъ-адъютантъ Гр. Гр. Даниловичъ и отчасти покойный адміралъ И. А. Шестаковъ, нашъ извѣстный географъ А. И. Воейковъ и капитанъ 1-го ранга Н. Н. Ломенъ, впослѣдствіи командиръ фрегата «Память Азова», на которомъ благополучно совершилось знаменательное плаваніе. Частными сторонами намѣченной поѣздки занялись затѣмъ уже отдѣльныя вѣдомства, но объемъ ея и цѣль выяснились еще гораздо раньше въ Гатчинѣ и Петергофѣ.

Число лицъ, избранныхъ для неотлучнаго сопровожденія Его Императорскаго Высочества, было весьма ограниченно и состояло: изъ главнаго руководителя, облеченнаго довѣріемъ Государя Императора, Свиты Его Величества генералъ-маіора князя Вл. Анат. Барятинскаго, флигель-адъютанта кн. Н. Д. Оболенскаго (лейбъ-гвардіи Коннаго полка), кн. В. С. Кочубея (Кавалергардскаго Ея Величества полка) и Е. Н. Волкова (лейбъ-гвардіи Гусарскаго Е. В. полка).

За нѣсколько дней до отъѣзда, съ Высочайшаго соизволенія, меня откомандировали изъ департамента иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ въ распоряженіе кн. Барятинскаго для письменныхъ занятій и составленія книги о путешествіи. Въ Тріестѣ къ свитѣ присоединился акварелистъ Н. Н. Гриценко, ученикъ Боголюбова, а въ Каирѣ военно-морской врачъ В. К. фонъ-Рамбахъ. Черезъ Сибирь также сопровождалъ Наслѣдника Цесаревича флагъ-капитанъ Его Императорскаго Величества контръ-адміралъ (нынѣ генералъ-адъютантъ) В. Г. Басаргинъ.

Только пять вышеупомянутыхъ лицъ находились при Особѣ Его Императорскаго Высочества съ минуты отбытія изъ Гатчины 23 октября (4 ноября) 1890 г. до возвращенія домой 4 (16) августа 1891 г. и 21 октября, непосредственно передъ разлукой Престолонаслѣдника съ Вѣнценосными Родителями, присутствовали при послѣдней воскресной обѣднѣ въ Гатчинскомъ Дворцѣ, послѣ чего Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили каждаго изъ уѣзжавшихъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ милостивымъ разговоромъ. Впереди ждало много чарующей новизны, но таилось въ свою очередь нѣчто невыразимо горькое и неподдающееся забвенію.

Если мысленно перенестись къ пережитому и освѣтить, хоть сколько-нибудь подробнѣе, все, что относится до $9^1/_2$ мѣсяцевъ, положенныхъ на безконечные переѣзды во много тысячъ верстъ, — въ результатѣ получается до такой степени разнообразное, грандіозное и положительно неисчерпаемое количество глубокихъ впечатлѣній, что пока нѣтъ возможности опредѣленно сказать, гдѣ собственно — интереснѣйшій моментъ, которая страница наиболѣе ярка и неизгладима.

Въ памяти и воображеніи постепенно развертывается безконечный свитокъ. Начертанныя на немъ странныя письмена, — понятныя только для тѣхъ, кто посвященъ въ ихъ сокровенное значеніе, — постепенно сливаются въ нѣчто органически цѣльное и осмысленное. Словно узорныя и цвѣтныя украшенія дорогой старинной рукописи, по сторонамъ обрисовываются мелькомъ видѣнные знаменитые памятники, незабвенныя красоты той или иной природы, мягкій свѣтъ южныхъ безоблачныхъ небесъ. . . Все это какъ будто просыпается въ насъ, сквозитъ вездѣ кругомъ, притягиваетъ къ невозвратному прошедшему.

Конечно, бывали путешествія и сложнѣе, и продолжительнѣе, и опаснѣе, — но едва-ли было и едва-ли можетъ скоро повториться въ мировой исторіи второе подобное

ОБЗОРЪ ПУТИ.

путешествіе, важное особенно потому, что его послѣдствія пока еще неопредѣлимы. Оттого очень затруднительно разобраться въ накопившемся за это время матеріалѣ: нужна крайняя осторожность въ обсужденіи того, что такъ рѣзко отмѣчено печатью вѣчности!

Нельзя и передать на словахъ, какъ много приходилось переиспытывать, когда десятки дней или за днями, смѣняясь сотнею и новою сотнею дней, на каждомъ шагу дававшихъ самую обильную пищу познанію и обогащавшихъ фантазію. Засыпая наканунѣ въ дрожащей мглѣ катящагося въ ночи вагона, утромъ уже приходилось вставать среди совершенно незнакомой области образовъ и красокъ: то видѣть золотые лучи солнца надъ иззелена-синимъ моремъ, то окаменѣвшіе въ доисторическомъ бытѣ народы внутренней Индіи, то созданія гордаго мусульманскаго искусства, среди праха мѣстныхъ разрушенныхъ культуръ, то такіе уголки земнаго шара, гдѣ все еще собою являетъ первые проблески міротворенія: дѣвственный, темнолиственный лѣсъ съ прорывающимся изъ него таинственнымъ мракомъ и шумными, стремительными потоками, — [illegible] растеній, обвившія и точно собирающіяся задушить могучіе стволы любаго широко разросшагося дерева, — дымъ огнедышущей горы, стонущей и жаждущей исхода внутреннимъ мукамъ, подъ непроницаемою тропическою чащей, которая опоясала ея грудь. Сегодня мы видимъ наводненныя зрителями веселыя улицы Вѣны. Грохотъ салютовъ несется съ эскадры, на слѣдующій день, по гулкому заливу Тріеста. Волнистыми линіями всплываютъ скоро вслѣдъ затѣмъ спокойные острова греческаго царства. Еще не было возможности уяснить себѣ и сознательно пережить видѣнное, еще не было возможности вполнѣ насладиться этими впечатлѣніями, какъ передъ нами уже раскинуты мирныя долины древней Элиды: священные останки Зевсова храма сиротливо сѣрѣютъ у нашихъ ногъ. Въ стѣнахъ олимпійскаго музея стоятъ и смотрятъ въ даль недвижнымъ, застывшимъ окомъ изломанныя, истерзанныя, поруганныя изваянія, — работа лучшихъ представителей эллинскаго творчества!

ЗАМОКЪ ШЕНБРУНЪ

Отъ примелькавшихся развалинъ Акрополя морская пучина уноситъ, наконецъ, все дальше и властнѣе на чужбину. Африка. . . Узкая полоса песковъ, случайно и недавно населенная, считающаяся городомъ. Узкій и до игрушечныхъ размѣровъ невзрачный Суэзскій

каналъ: вихри встаютъ и клубятся грядою, и носятся по сосѣдней аравійской пустынѣ, — на противоположной же сторонѣ простирается унылое озеро-море Мензалэ... и вдругъ Каиръ, — Каиръ арабскихъ сказокъ и послѣдняго слова европейской цивилизаціи, пересаженной на африканскую почву, — Каиръ, на который любуется почти недосягаемая высота ближайшихъ къ столицѣ пирамидъ. Кажется, есть отъ чего почувствовать головокруженіе и быть взволнованнымъ: смущенный духъ, право, былъ бы не прочь отъ временнаго отдыха и тишины.

Но ея-то и нѣтъ. Торжество смѣняется торжествомъ. Съ неудержимою силою, по прежнему все ростутъ и смѣняются впечатлѣнія. Верхній Египетъ... Придворныя яхты, разсѣкающія зеркальную гладь царственнаго Нила: древніе языческіе храмы, чертоги боговъ, лѣса іероглифовъ.

Вотъ и южный предѣлъ путешествія по Нилу: очарованный, тихій островокъ Филэ, за чертою самыхъ сѣверныхъ нильскихъ пороговъ. Невдалекѣ отъ него — натискъ стремнины, разбивающейся о черные камни вулканическаго происхожденія, — дикари-туземцы, ныряющіе въ этотъ водяной адъ съ проворствомъ и радостнымъ чувствомъ амфибіи. А повыше, за островкомъ — снова зеркальная гладь рѣки, въ которую смотрятся памятники, созерцавшіе теченіе тысячелѣтій... И опять движеніе назадъ: къ новымъ образамъ, къ новымъ откровеніямъ.

Давно-ли кажется, у Мемфиса мы видѣли поверженныхъ колоссовъ великаго фараона Рамзеса II, давно-ли мы входили въ жаркія подземелья, гдѣ почивали священные Аписы, и въ точно заколдованную внутренность пирамидъ, которыя такъ стары, что даже трудно сказать, къ какой отдаленной эпохѣ онѣ въ сущности относятся, — и уже передъ нами разстилаются опаленные зноемъ воды Краснаго моря. Кое-гдѣ, вдоль пустыннаго побережья, ясно выдѣляются остовы потерпѣвшихъ крушеніе судовъ. Изрѣдка, по вечерамъ, проплываютъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего фрегата, ярко освѣщенные и, повидимому, переполненные пассажирами пароходы съ дальняго востока. Они идутъ туда, домой, въ Европу, откуда насъ все дальше и дальше относитъ какая-то чарующая и въ то же время страшная бездна. Вспомнишь Египетъ, Каиръ, — и невольно рисуются загадочныя созданія почти миѳическихъ царей Хеопса, Хефрена, Микерина — и что же! вдругъ, справа на африканскомъ берегу, нѣтъ-нѣтъ и обрисуется вершина какой-нибудь горы, имѣющей форму треугольника и точно служащей прообразомъ пирамиды. Неужели удастся со временемъ доказать, будто и тутъ, въ своемъ творческомъ напряженіи, духъ человѣческій раболѣпно сообразовался съ дивными очертаніями воздѣйствовавшей на него природы того Юга, откуда на Сѣверъ, черезъ Бабъ-эль-мандебскій проливъ, проникли въ прибрежные края первые цивилизованные предки египетскаго народа?

Мрачныя, но живописныя скалы Адена тоже остались позади насъ. Индійскій океанъ. Полное отсутствіе береговыхъ линій. Сознаніе, что долго не увидишь никакой пристани:

.... Простор все шире, шире —
[illegible]
[illegible]

Три фрегата въ эскадрѣ Наслѣдника Цесаревича («Память Азова», «Владиміръ Мономахъ», «Адмиралъ Корниловъ») величественно рѣжутъ волны, держатся на равномъ другъ отъ друга разстояніи, обмѣниваются сигналами, хотя и разобщены, но въ сущности составляютъ одно цѣлое. Это цѣлое, со входящими въ его составъ сотнями русскихъ людей, эта единица русскаго царства, словно затерянная въ безграничномъ морскомъ

КАИРЪ. МЕЧЕТЬ СУЛТАНА ГАССАНА.

просторѣ, блюдетъ довѣренныхъ ей Сыновей Монарха: развѣ уже это само по себѣ не есть умиляющее и вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозное явленіе?

Бомбей. Желанная, далекая, утомительно-длинная Индія. Мыслимо-ли каждый день просыпаться въ совершенно измѣненной обстановкѣ? Люди иначе одѣты; зданія нисколько не похожи на видѣнныя вчера; новыя историческія особенности еще характернѣе и сложнѣе предыдущихъ. Одно изъ двухъ: или надо только смотрѣть и только набираться впечатлѣній, предоставляя себѣ въ будущемъ право и возможность разобраться въ обширномъ и психически богатомъ матеріалѣ, или же надо съ жадностью вникать во все, что встрѣчается по дорогѣ, все стараться себѣ уяснить и придти въ концѣ концевъ къ печальному выводу, что это неисполнимо.

Эллора. Старыя, поросшія мохомъ священныя пещеры, убѣжища змѣи и предметъ культа сравнительно немногихъ ревнителей. Цѣлый городъ художественно задуманныхъ храмовъ и кумировъ, высѣченныхъ въ скалистой грядѣ. Смуглый, полунагой, забитый, удивленный народъ, толпами сбѣгающійся на дороги посмотрѣть на невиданнаго Высокаго Гостя, который, какъ имъ сказали, пріѣхалъ сюда съ волшебнаго, непонятнаго, но могущественнаго Сѣвера, гдѣ правитъ Бѣлый Царь. У многихъ туземцевъ, мужчинъ и женщинъ, въ общемъ есть что-то, напоминающее наше простонародье: красный излюбленный цвѣтъ одежды, по бабьему повязанные платки, окладъ лица — отчего въ иныхъ подробностяхъ чудится нѣчто, знакомое и близкое по духу? Развѣ все одна случайность, развѣ нѣтъ никакихъ основаній предположить, что мы еще мало измѣнены западной культурой, а они, застывшіе въ почти доисторической старинѣ, не только намъ братья по крови, но и братья по наложенному на насъ и на нихъ внутреннему отпечатку? Понятно, это лишь смутная гипотеза, переутомленіе напряженнаго путешествіемъ воображенія, которому безпрерывно даютъ свѣжую работу неожиданныя дорожныя мысли и непосредственныя эстетическія чувства...

Мусульманскій Востокъ. Стоило-ли сосредоточивать вниманіе на одномъ чисто индусскомъ строѣ, когда передъ глазами раскидывается гораздо болѣе простой и понятный міръ, той самой средневѣковой ирано-туранской культуры, что переносилась на гигантскій полуостровъ изъ Средней Азіи, изъ мѣстностей, которыя или уже всецѣло наши, или же обнаруживаютъ къ намъ роковое тяготѣніе? Странно подумать, но нельзя не признать, что Лахоръ и Самаркандъ, что благочестивая Бухара и религіозные центры прежняго царства Моголовъ въ сущности связаны нѣкоторою общностью исторической жизни, что наконецъ отблескъ этой послѣдней еще трепещетъ на ихъ архитектурныхъ созданіяхъ, хранящихъ, подъ сводами могильныхъ памятниковъ, прахъ султановъ, заслужившихъ безсмертіе.

Рѣка Гангесъ. Толпа индусовъ, совершающая въ ней религіозныя омовенія. Кумирни Бенареса, заполнившія длинное побережье одного изъ древнѣйшихъ городовъ. Попытки ближе вглядѣться въ таинственный строй туземныхъ вѣрованій и туземнаго быта... И опять стремительное движеніе впередъ къ другимъ, совершенно отличнымъ мірамъ: опять море, опять необходимость рѣзко разорвать съ только что начавшимъ устанавливаться кругомъ впечатлѣній.

Югъ Индіи. Смѣсь малопонятной, исконной цивилизаціи, — которой представительницей является найденная здѣсь арійцами дравидская расса, — съ вѣроисповѣднымъ творчествомъ пришлецевъ: въ результатѣ гигантскіе пантеоны, пестрѣющіе и лѣпящіеся повсюду на воротахъ и надъ крышами храмовъ, на столбахъ, внутри капищъ — буквально повсюду — такъ что всѣмъ этимъ фантастическимъ образамъ нѣтъ ни счету, ни мѣры, ни надлежащаго имени и значенія. Послѣ прощальной иллюминаціи въ городѣ Мадурѣ наступаетъ

часъ отъѣзда изъ Индіи. Цейлонъ уже къ ней не принадлежитъ. Это скорѣе уголокъ того индо-малайскаго міра, заглянуть куда значитъ познать, чѣмъ было человѣчество вскорѣ вслѣдъ за безгрѣшнымъ существованіемъ въ раю.

Тамъ — давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшаяся встрѣча Государя Наслѣдника Цесаревича съ возвращавшимися изъ далекихъ краевъ на яхтѣ «Тамара» Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Александромъ и Сергіемъ Михаиловичами. Совмѣстная экскурсія въ глубь острова. Сокровища кандійскаго храма и «зубъ Будды». Первое непосредственное соприкосновеніе съ религіей, основанной этимъ древнимъ «мудрецомъ», обожествленнымъ толпою... А кругомъ всего этого природа съ неизсякающимъ творчествомъ, горная высь, уходящая къ бирюзовому небу, — на ней живительный, умѣренный климатъ въ двухъ шагахъ отъ невыносимаго тропическаго зноя. Такъ и кажется, что здѣсь, въ этой относительной прохладѣ, и духъ человѣческій, вдохновленный близкою Индіей, постепенно сталъ отрѣшаться отъ сравнительно грубыхъ формъ ея одуряющаго язычества: въ буддизмѣ, съ его трезвыми, простыми, свѣтлѣющими идеями проявляется уже иной Востокъ, — Востокъ примиреннаго прошедшаго, болѣе разумнаго настоящаго, болѣе отраднаго и активнаго будущаго. Оборачиваешься на недавно покинутый браминскій міръ и не замѣчаешь въ немъ тѣхъ же признаковъ человѣчности: мистически воспринимаемое Божество отчасти словно чуждается людей и земли, замкнутѣе, грознѣе:

Подъ небомъ Индіи громадный храмъ-скала —
Безмолвная толпа, надъ нею изваянья —
Со всѣхъ сторонъ глядятъ кумиры безъ числа —
Знакомыя черты, забытыя названья!
Народъ поникъ во тьмѣ предъ дальнимъ алтаремъ,
И страшнымъ, и нѣмымъ, и вѣчно недоступнымъ...

Эта недоступность суровой святыни — заразъ и сила, и слабость браминовъ. Сила сказалась съ особенной яркостью, когда на языческій строй обрушилось пришлое мусульманство: индусы гибли, но вѣрили и не сдавались. Слабость проявилась при укорененіи ислама въ странѣ: жестокіе императоры («великіе Моголы») подчинили ее себѣ, поработили населеніе каждый своею рѣзкою индивидуальностью. Воспитанные въ страхѣ передъ незримыми карающими богами туземцы тѣмъ паче готовы были суевѣрно пасть ницъ при видѣ безжалостныхъ магометанскихъ вождей. Теперь, покинувъ предѣлы ихъ прежняго царства, сознательнѣе относишься къ посвященнымъ тамъ великолѣпнымъ мавзолеямъ, которые столь часто описывались и чуть-ли не воспѣвались путешественниками. Вотъ онѣ въ ихъ истинномъ, нелицепріятномъ освѣщеніи, эти

Гробницы пришлецевъ, купавшихся въ крови,
Не знавшихъ ничему прощенья и пощады! —
Какъ много надо слить заботливой любви,
Чтобъ отлетѣлъ позоръ, создавшій тѣ ограды,
Гдѣ ждутъ въ тревожной тьмѣ, средь мстите[illegible] тѣней,
Послѣдняго Суда могучіе султаны...

А всетаки онѣ великолѣпны и преисполнены величія — могилы царственныхъ поработителей Индіи!

Когда море отнесетъ отъ нея далеко на востокъ, — и тамъ еще вездѣ дрожитъ лучезарное отраженіе ея религіи, ея таинственнаго строя, ея заразъ и гордаго, и смиреннаго духа. Въ однихъ краяхъ онъ уже изгнанъ изъ внѣшней жизни: на Явѣ лишь груды обломковъ, неисчислимые кумиры и сохранившіеся во всей красотѣ языческіе храмы гласятъ о воздѣйствіи культурнаго запада. Но буддизмъ еще кое-гдѣ уцѣлѣлъ среди народа. Каменное изваяніе бога мудрости Маньчжушри, съ мечемъ въ поднятой длани, найденное въ знойныхъ малайскихъ земляхъ, несмотря на историческое разстояніе въ 2,000 лѣтъ, совершенно тождественно съ тѣмъ же олицетвореніемъ Будды, которое почитается на

ВЪ СІАМСКОМЪ ЗАЛИВѢ

снѣжныхъ крутизнахъ загадочнаго Тибета, какъ-будто извѣстныя формы культа, ставъ каноническими, наглядно хотѣли свидѣтельствовать о неизмѣнности его основъ повсевременно и повсемѣстно. Наряду съ этимъ отблескомъ индійской цивилизаціи видишь полунагихъ туземцевъ, завоевываемыхъ исламомъ и только въ своей крайне оригинальной музыкѣ удерживающихъ старый психическій міръ, именно въ такъ называемомъ «гамеланґѣ», гдѣ безплотно рѣющіе, мягкіе, серебристые звуки слышатся изъ-за каждаго затеряннаго въ чащѣ растенія и передаютъ о великой вѣковѣчной скорби многострадальнаго народа:

Войны и казни... Порой дуновеніе
Смертью клокочущихъ горъ —
Все воплотилось въ напѣвъ и видѣніе,
Все отуманило взоръ.

Воля судьбою зловѣщею [illegible]
Въ прошломъ тоскливо — т[illegible].
Страннымъ соблазномъ душа [illegible].
Сердцу-жъ любить не дано..

Овѣянный этою волшебною и жалобною музыкою, говорившею съ чужеземцами на новомъ для нихъ языкѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ взошелъ 26 февраля (10 марта) 1891 г. на яванскій вулканъ Папандайю, въ сердцѣ острова. День рожденія Государя Императора былъ отпразднованъ горстью русскихъ, въ числѣ коихъ находился Его Первенецъ, за тысячи верстъ отъ родины, далеко за экваторомъ, среди тропической природы, подавлявшей избыткомъ производительныхъ силъ.

Сіамъ. Сказочная страна, сказочное царство. Все, отъ перваго до послѣдняго дня, проведенныхъ у гостепріимнаго короля — его величества Чулалонкорна, преисполнено очарованія, необычайно оригинально и мило: развѣ только воспоминанія объ испытанной тамъ жарѣ незамѣтно охлаждаютъ вынесенное оттуда цѣльное и сладостное впечатлѣніе. Народъ и культура, поставленные на рубежѣ двухъ могущественныхъ по духу міровъ, — индійскаго и китайскаго, въ ихъ неотразимомъ воздѣйствіи на монголо-малайскіе инородческіе элементы смежныхъ съ ними обширныхъ краевъ, — безшумная и безкровная борьба за независимость съ наступающею въ глушь европейскою цивилизаціею или вѣрнѣе страстью къ захватамъ, — вереницы причудливыхъ храмовъ, отражающихъ позолоченныя верхушки и пестрыя кровли въ полноводномъ «Менамѣ», — поѣздка вверхъ по этой рѣкѣ во внутрь любопытнаго государства. Мѣстная музыка, мѣстныя пляски, мѣстный спортъ, двѣ съ половиною сотни дикихъ слоновъ, ревущихъ и мечущихся въ загонѣ: какой тутъ нуженъ масштабъ, чтобы о всемъ судить и говорить!

Волна непрерывной дорожной смѣны уноситъ дальше вдоль прежняго Аннама, гдѣ теперь развѣвается французкое знамя, въ Небесную имперію. Вотъ оно — это неизмѣримое непроницаемое тѣло, надъ изученіемъ и пониманіемъ котораго трудилось и трудится столько западныхъ умовъ! Со стороны правительства встрѣчи, по существу превосходящія все, раньше бывшее, — если отдать себѣ отчетъ въ непріязни къ чужеземщинѣ: ***желтыя императорскія*** носилки, и притомъ на глазахъ у милліонной черни, воспитанной въ вѣковыхъ преданіяхъ, будто Богдохану подданы другія націи земнаго шара, и знающей, что до прибытія Русскаго Престолонаслѣдника никому не оказывалось равныхъ почестей. Неужели не усматривать въ такомъ небываломъ явленіи свѣтлую эру нашихъ дружественныхъ отношеній къ Китаю, когда въ узкихъ улицахъ Кантона до сихъ поръ еще какъ-бы слышится твердый шагъ морскаго десанта, конвоировавшаго тамъ Его Императорское Высочество, еще не замерли ликующіе звуки сопровождавшей Его тамъ военной музыки?...

Японія. Такой воздухъ, такая красота и такое освѣщеніе, что имъ не найдти подобныхъ въ цѣломъ мірѣ. Знаки радушія. Выраженіе общихъ симпатій и надеждъ долго

[illegible]

> [illegible]
> Разступится земля, обрызганная кровью.

Невообразимыя нравственныя мученія, пережитыя въ Отсу и Кіото послѣ злодѣйскаго покушенія: глухой туманъ, заволокнувшій все предшествовавшее путешествіе, наконец ясная какъ Божій день телеграмма Государя Императора «вернуться на эскадру». Отплытіе во Владивостокъ. Приближеніе къ холодному, невзрачному и все таки почти невѣроятно дорогому побережью, которое — наше, русское, неотторжимое, хотя безконечное разстояніе отдаляетъ пока Тихій океанъ отъ сердца Россіи. Прощаніе съ фрегатомъ «Память Азова»:

> Далекій пройденъ путь по глади водъ лазурныхъ —
> Отъ дышущихъ тепломъ осеннихъ береговъ
> До самыхъ знойныхъ странъ, до майскихъ зорь пурпурныхъ
> [illegible]
>
> И памятью опять стремясь къ тому, что было,
> Мы ясно видимъ часъ, когда мечтамъ въ [illegible]
> Отъ пристани чужой насъ быстро уносило
> Въ просторъ и свѣтъ.

Какъ, однако, эти мгновенья затеряны во множествѣ другихъ пламенѣющихъ образовъ!

Останавливаться надъ Сибирью — дѣло втораго введенія во второй половинѣ сочиненія. Остается припомнить 4-ое августа 1891 г. Царскій поѣздъ плавно подходитъ къ станціи Соснѣ. Сердце усиленно бьется отъ горечи, что вотъ-вотъ, послѣ $9\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, наступитъ полное разлученіе съ Тѣмъ, Кто за это время проявилъ къ своимъ спутникамъ столько милости и участія, но кромѣ того душа полна сознанія: «Мы дома; все относительно благополучно — хвала Всевышнему!» Ходъ паровоза все тише и тише. Тихо плывутъ на платформѣ фигуры желѣзнодорожныхъ служащихъ, мундиры Свиты... Государь ласково всматривается въ окна вагоновъ. Рядомъ растроганное лице Государыни... Дверь открывается. Путешествіе окончено. Есть минуты, которыя никогда, никогда не могутъ забыться!!...

ВѢНА.

Гатчина, 23 октября (4 ноября) 1890 г.

Дождливый день. Поздняя ненастная осень гнетомъ ложится на душу; но его не замѣчаешь, задыхаясь отъ дорожной суеты, смутной горечи и непомѣрнаго счастья: наконецъ пробилъ часъ отъѣзда въ далекіе чародѣйные края, наконецъ сбывается мечта воочію соприкоснуться съ тѣми странами Востока, которыя наиболѣе ярки и самобытны.

Гатчинская станція Варшавской желѣзной дороги. Два часа пополудни. Сейчасъ надолго, быть можетъ, навсегда скроются изъ глазъ знакомыя лица, съ грустью всматривающіяся въ Престолонаслѣдника, потонутъ въ безформенной мглѣ знакомыя мѣста, куда-то въ глубь сознанія отодвинутся многіе дорогіе и незабвенные образы... Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми входятъ въ вагонъ уѣзжающаго Сына, съ цѣлью проводить Его до ближайшей остановки. Паровозъ трогается. Толпа благоговѣйно обнажаетъ головы, съ молитвой, вручая Всевышнему молодую жизнь, священную для сотни милліоновъ сердецъ.

Черезъ пятьдесятъ минутъ видишь вереницу мокрыхъ невзрачныхъ строеній. Здѣсь надо разстаться. Движеніе замедляется. Наступило мучительно-тяжкое мгновеніе, которое такъ хотѣлось отсрочить, которое невозможно продлить. Покидая съ Семьею Своего Первенца, Государь сохраняетъ наружное спокойствіе, громко прощается съ кн. Барятинскимъ, даритъ остальныхъ спутниковъ нѣсколькими памятными словами. Сердце вдругъ начинаетъ сжиматься отъ невыносимой боли. Что же должны чувствовать Вѣнценосные Родители, принося въ жертву Россіи и долгу все, что есть наицѣннѣйшаго на свѣтѣ: Великій Князь Георгій Александровичъ въ плаваніи, Старшій ввѣряется тѣмъ же измѣнчивымъ волнамъ и тысячѣ другихъ опасностей! Паровозъ опять трогается. Господи, дай силу и мужество нашему обожаемому Монарху и обожаемой Государынѣ перенести свободно на себя наложенное испытаніе, укрѣпи Ихъ въ неутѣшной разлукѣ!! . . . .

Когда, въ исходѣ третьяго часа пополудни, экстренный поѣздъ, увозившій Наслѣдника Цесаревича за границу, отошелъ отъ станціи Сиверской, въ вагонахъ остались лишь самъ Августѣйшій путешественникъ и небольшая свита. Холодный унылый день смотрѣлъ въ

окна. Сѣверная природа не принарядилась на прощанье, — да если бы она и провожала Его почти не грѣющими лучами, и тихой улыбкой осеннихъ безоблачныхъ небесъ, — то чтобы значилъ этотъ блѣдный прощальный привѣтъ на ряду съ тѣмъ разцвѣтомъ южной красоты, который ожидалъ въ недалекомъ будущемъ? О родномъ краѣ и безъ того сохранялись на душѣ лучшія свѣтлѣйшія воспоминанія. Грустный кругозоръ какъ-будто гармонировалъ съ невольно тревожнымъ настроеніемъ, которое обыкновенно испытывается при разставаніи съ Россіей. Пасмурность все болѣе и болѣе увеличивалась. Еще не выѣзжая изъ предѣловъ С.-Петербургской губерніи, въ шестомъ часу пришлось зажечь свѣчи. При скорости хода около сорока верстъ въ часъ, со времени отправленія изъ Гатчины до полуночи было только пять остановокъ, и то по шести — двѣнадцати минутъ. Его Императорское Высочество провелъ почти весь день въ бесѣдѣ со своими неотлучными спутниками, послѣ обѣда изволилъ разсматривать великолѣпное изданіе Лалу и Монсо (Laloux et Monceaux — «Restauration d'Olympie» Paris, 1889), такъ какъ первая достойная вниманія экскурсія предполагалась именно туда, на мѣсто недавнихъ раскопокъ среди древняго Пелопоннеза. Сладко спалось въ Великокняжескомъ поѣздѣ на порогѣ новыхъ впечатлѣній.

(Среда, 24 октября (5 ноября).

Въ первомъ часу пополудни, уже невдалекѣ отъ Варшавы, на станціи Лапы (Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губерніи) мѣстное двуклассное училище выстроилось на площадкѣ у вокзала для встрѣчи Государя Наслѣдника Цесаревича. Узнавъ объ этомъ, Его Императорское Высочество подошелъ къ дѣтямъ. Раздалось троекратное «ура» и пѣніе «Боже, Царя храни». Цвѣты посыпались къ ногамъ Августѣйшаго путешественника, удостоившаго преподающихъ краткимъ милостивымъ разговоромъ. Когда вагоны тронулись, священникъ сталъ ихъ осѣнять крестомъ. Это трогательное напутствіе отъ лица Церкви, — послѣднее въ родныхъ предѣлахъ, — произвело сильное благотворное впечатлѣніе. Осязательно сказалась глубокая внутренняя связь не съ одной небольшой группой прощавшихся съ Престолонаслѣдникомъ, но со всею неоглядною страною, разстилавшеюся за скромными лапинскими домами, за туманной окрестностью. День былъ такой же холодный, какъ и вчера, но понемногу свѣтлѣло.

Въ 3 часа 23 минутъ прибытіе на станцію Прага Привислянская, гдѣ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ нетерпѣніемъ ожидается мѣстными военными и гражданскими властями. Варшавскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками генералъ-адъютантъ І. В. Гурко и его помощникъ, генералъ-адъютантъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, выдѣляются на убранномъ флагами и экзотическими растеніями дебаркадерѣ, среди собравшихся генераловъ, главныхъ представителей чиновнаго міра и множества офицеровъ. Торжественные звуки гимна раздаются со стороны почетнаго караула со знаменемъ, выставленнаго отъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, котораго Его Императорское Высочество состоитъ Шефомъ. Августѣйшій путешественникъ, выйдя изъ вагона и сказавши нѣсколько словъ генералъ-адъютанту Гурко, идетъ по фронту роты и здоровается съ людьми, послѣ чего командующій войсками представляетъ Наслѣднику Цесаревичу генераловъ. Пропустивъ караулъ и музыку, Его Императорское Высочество входитъ въ Императорскіе покои, гдѣ генералъ-губернаторъ представляетъ ему высшихъ гражданскихъ чиновъ, и здѣсь въ теченіе получаса бесѣдуетъ

съ генералъ-адъютантомъ Гурко и графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, въ ожиданіи, когда подадутъ другой заграничный поѣздъ. Добровольцы сплошь заняли густою массою платформу, желая хоть издали взглянуть на удаляющагося Великаго Князя.

Наконецъ и съ Варшавой пора разстаться. Часъ остановки пролетѣлъ незамѣтно. Толпа передъ Царскими комнатами разступается. Наслѣдникъ Цесаревичъ уже прощается съ генералъ-губернаторомъ.

Его Императорское Высочество сталъ у окна, выходящаго почти вплотную къ концу вагона-столовой и долго не отходилъ, любуясь видомъ дороги въ городъ. Путь этотъ изгибался отъ Привислинскаго вокзала къ Александровскому мосту, черезъ который долженъ былъ пройти поѣздъ Наслѣдника Цесаревича, почему-то шедшій сначала очень тихимъ ходомъ. Шпалерами нескончаемые вереницы конницы приближались къ указанному мосту, исчезая въ ночи, снова растягиваясь. Прорѣзываемое огнями освѣщенное парадныя формы множества лицъ, разъѣзжавшихся послѣ торжественной встрѣчи. По мѣрѣ того насъ огнѣ удалялись менѣе ясными и болѣе отдаленными. Ближе и шире казалась рѣка съ разведенными кое-гдѣ на плотахъ кострами. Крайне быстро темнѣло. Осязательнѣе чувствовалось разставаніе съ Россіей. Возбужденное состояніе перемѣнъ усиливалось.

Послѣ предстоящаго переѣзда границы, заграница наглядно представлялась во всей красѣ блестящая оживленно-шумная Вѣна: но здѣсь, въ уютныхъ Великокняжескихъ вагонахъ, связанныхъ между собою теплыми крытыми переходами, съ ласковыми кондукторами у тормазовъ, будущее являлся неприятнымъ сномъ, настоящее же чѣмъ-то такимъ, что и не довольно-бы измѣнится. Кругомъ, извнѣ — холодно, сыро, тревожно и темно: у насъ — свѣтъ, тепло и относительный покой. Сколько разнообразныхъ образовъ мысленно проходитъ въ ночи Великаго Князя, при Его быстромъ движеніи въ чужеземную даль!

Четвергъ, 25 октября (6 ноября).

Утро уже застаетъ на австрійской территоріи. Несмотря на дурную погоду, рано въ сумеркахъ, на станціяхъ Трухина, Острава и Цаухтель замѣчаются сборища любопытныхъ. Чуть-ли не всѣ въ поѣздѣ спятъ; никто изъ него не выглядываетъ, а между тѣмъ мѣстные жители толпятся, пытаясь уловить хоть какую нибудь характерную подробность относительно слѣдованія въ Вѣну Августѣйшаго путешественника.

До завтрака, въ 10-мъ часу, въ Прерау, Его Императорское Высочество встрѣченъ нашимъ посломъ въ Австріи княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Народъ на станціяхъ все прибываетъ и прибываетъ. Въѣздъ въ столицу, судя по всѣмъ примѣтамъ, предвѣщаетъ необыкновенное многолюдіе. Погода проясняется. Первые, съ минуты отбытія изъ Гатчины, яркіе лучи разливаются по окрестности.

Мы миновали Грайницъ и Лунденбургъ. Полдень. Въ вагонѣ столовой накрытъ завтракъ. Въ огромныя окна вливается много свѣта и видятся совершенно ровная мѣстность, цвѣтущій край съ превосходной земледѣльческой культурой. Желѣзная дорога переѣзжаетъ р. Тайю, которая отдѣляетъ Моравію отъ Австріи. Вскорѣ поѣздъ проходитъ по близости къ «Моравскому полю» (Marchfeld), гдѣ въ XIII в. происходили двѣ исторически важныхъ битвы: Оттокаръ Чешскій разбилъ здѣсь Венгровъ, а потомъ самъ погибъ, побѣжденный Рудольфомъ Габсбургскимъ. Съ восточной стороны обрисовываются Малыя Карпатскія горы. Путь неоднократно подходитъ къ р. Морава: за ней начинается Венгрія. Какихъ-нибудь полчаса остается до Вѣны. Надо переодѣваться, озабочиваться и тѣмъ, что

брать съ собою изъ вещей во дворецъ на кратковременную стоянку. Вагоны все быстрѣе и быстрѣе катятся по равнинѣ. Неужели мы дѣйствительно успѣли отлетѣть отъ родной столицы свыше 1,500 верстъ?

Изъ-за лѣсистыхъ дунайскихъ побережій уже выглянула верхушка собора Св. Стефана. Наслѣдникъ Цесаревичъ уже вышелъ къ свитѣ въ австрійскомъ мундирѣ пятаго уланскаго полка, котораго Онъ состоитъ Шефомъ, и при лентѣ Св. Стефана. Поѣздъ съ грохотомъ и свистомъ стремится по длинному желѣзному мосту надъ водами Дуная. Слѣва и справа чернѣютъ другіе мосты. Постепенно замедляя ходъ, паровозъ, ровно въ 2 часа, останавливается подъ сводами гигантскаго «Сѣвернаго желѣзнодорожнаго вокзала» (Nordbahnhof).

Много свѣту струится сверху на величественную картину наступившаго пріема въ Вѣнѣ! Императоръ Францъ Іосифъ, съ эрцгерцогами, довольно близко подошелъ къ поѣзду. Его величество въ формѣ нашего Кексгольмскаго гренадерскаго полка; его императорское и королевское высочество эрцгерцогъ Карлъ Людвигъ — въ формѣ Лубенскихъ драгунъ, его императорское и королевское высочество эрцгерцогъ Вильгельмъ — въ русской конно-артиллерійской формѣ. Эрцгерцоги Францъ Фердинандъ Эсте, Оттонъ и Фердинандъ, сыновья эрцгерцога Карла Людвига, а также эрцгерцогъ Райнеръ — въ австрійскихъ мундирахъ. Кромѣ императора, еще три члена Габсбургскаго дома — въ лентахъ Св. Андрея Первозваннаго.

ВѢНА
СѢВЕРНЫЙ ВОКЗАЛЪ

Сколько глазъ жадно ловитъ минуту Высочайшаго свиданія! Давно-ли проѣздъ на Востокъ былъ рѣшенъ черезъ Константинополь, на пути ко Гробу Господню? Неожиданная перемѣна маршрута радостно привѣтствовалась въ радушной Вѣнѣ.

Въ прошломъ году Наслѣдникъ Цесаревичъ, возвращаясь изъ Аѳинъ, инкогнито посѣтилъ столицу Австріи. Теперь же онъ вступитъ въ ея запруженныя народомъ улицы съ почестями, какія оказываются лишь Коронованнымъ Особамъ. Пріемъ его одинаковъ съ незадолго передъ тѣмъ бывшимъ пріемомъ Германскаго императора.

Императоръ Францъ Іосифъ самымъ сердечнымъ образомъ обнимаетъ и цѣлуетъ Высокаго Гостя. Побѣдные звуки гимна придаютъ особую торжественность и безъ того знаменательной встрѣчѣ, о которой въ данную минуту говоритъ и думаетъ вся занимающаяся политикой Европа. Русскій Престолонаслѣдникъ столь же тепло здоровается съ

эрцгерцогомъ Карломъ Людвигомъ, обмѣнивается дружескими рукопожатіями съ прочими эрцгерцогами.

Его Величество и Его Императорское Высочество идутъ по фронту почетнаго караула со знаменемъ и хоромъ музыки, выставленнаго отъ венгерскаго пѣхотнаго полка (№ 19) эрцгерцога Франца Фердинанда Эсте. Затѣмъ слѣдуетъ представленіе Великому Князю главныхъ лицъ императорской свиты, послѣ чего Наслѣдникъ Цесаревичъ называетъ императору своихъ спутниковъ и успѣваетъ сказать нѣсколько словъ находившемуся на дебаркадерѣ здѣшнему военному агенту, полковнику Зуеву, совѣтнику и секретарямъ нашего посольства: князю Кантакузину, барону Будбергу и графу Пелену.

Императоръ Францъ Іосифъ и его Высокій Гость направляются къ выходу черезъ придворные покои вокзала, извѣстные красотою отдѣлки. Въ хлынувшемъ за Ними многолюдіѣ невозможно даже вскользь посмотрѣть на отличающія ее фрески и водоемы.

ПАМЯТНИКЪ ТЕГЕТГОФА.

Его Величество приглашаетъ Русскаго Престолонаслѣдника занять мѣсто по правую руку въ открытой парной коляскѣ, въ которой Они и выѣзжаютъ въ запруженную ликующимъ народомъ Nordbahnstrasse. Живой темпераментъ населенія сказывается въ неподдѣльной восторженности пріема. Еще раньше, когда императоръ направлялся въ русскомъ мундирѣ на встрѣчу Его Императорскаго Высочества, въ сопровожденіи дежурнаго генералъ-адъютанта графа Паара, улицы оглашались радостными кликами на пути слѣдованія монарха. Теперь же радушіе пріема проявляется съ крѣпнущимъ напряженіемъ чувства. Вездѣ знаки уваженія и восторга. Всюду образцовый порядокъ. Конная и пѣшая полиція (такъ называемая «Sicherheitswache») въ парадной формѣ разставлена среди толпы, до того хорошо дисциплинирована, что присутствіе подобной стражи едва-ли не служитъ однимъ только украшеніемъ.

За императорскимъ экипажемъ ѣдетъ нашъ посолъ князь Лобановъ-Ростовскій съ княземъ Кантакузинымъ, потомъ виднѣются графъ Пааръ съ княземъ Барятинскимъ, назначенный состоять при Особѣ Наслѣдника Цесаревича венгерскій магнатъ генералъ-лейтенантъ графъ Пальфи (Pálffy) съ княземъ Кочубеемъ, князь Оболенскій съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ графомъ Шафготшъ (Schaffgotsch) и др.

По дорогѣ ко дворцу, вдоль Praterstrasse и Ringstrasse, народныя оваціи не прекращаются. Между вокзаломъ и Praterstern'омъ, гдѣ высится характерный памятникъ «австрійскаго Нельсона», адмирала Тегетгофа (Tegetthoff), героя побѣды при Лиссѣ, — хорваты и сербы-студенты машутъ платками и оглашаютъ воздухъ своими бурными «живіо!».

Взоръ невольно медлитъ на монументальномъ созданіи художника Кундтмана. Аллегорическія фигуры борьбы и торжества встали надъ гранитнымъ подножіемъ, имѣя передъ собою полуконей-полурыбъ. По серединѣ возносится болѣе чѣмъ пяти-саженная мраморная колонна съ выступающими изъ нея носами кораблей, отдаленно напоминающая царскосельскій памятникъ, на озерѣ, въ честь моряковъ Екатерининскаго времени. Австрійскій адмиралъ, изображенный гораздо выше роста человѣческаго, стоитъ съ подзорной трубой и саблею въ рукахъ.

Дальше на улицахъ чешская молодежь громогласно восклицаетъ: «Слава!» Впечатлѣніе отъ пріема — чрезвычайно яркое и пріятное. Какъ жаль, что пребываніе въ Вѣнѣ, при исключительныхъ условіяхъ, столь мимолетно, что надо дорожить каждымъ испытываемымъ мгновеніемъ! . . . . Съ другой стороны однако рвешься поскорѣе въ Тріестъ къ эскадрѣ, чтобы наконецъ началось настоящее взлелѣянное въ грезахъ путешествіе.

Въ величавомъ Гофбургѣ Его Императорское Высочество встрѣченъ старшимъ оберъ-гофмейстеромъ принцемъ Гогенлоэ и оберъ-церемоніймейстеромъ гр. Гуніади. Они провожаютъ Великаго Князя въ отведенные Ему покои, передъ которыми собирается рядъ чиновъ двора. Германскій посолъ принцъ Рейсскій (Prinz Reuss) и другіе послы, а также гр. Волькенштейнъ, представитель Австріи въ Петербургѣ, немедленно дѣлаютъ визитъ Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Онъ отправляется съ визитомъ въ покои его величества. Императоръ Францъ-Іосифъ, выйдя затѣмъ оттуда съ Его Императорскимъ Высочествомъ, подходитъ къ великокняжескимъ спутникамъ и удостоиваетъ каждаго разговоромъ.

Наступаетъ краткій перерывъ. Въ четыре часа безъ четверти, назначенные состоять при Высокомъ Гостѣ гр. Пальфи и командиръ пятаго уланскаго полка, коего Августѣйшій путешественникъ именуется Шефомъ, полковникъ фонъ-Комерсъ уже ждутъ, чтобы сопровождать Русскаго Престолонаслѣдника по городу, такъ какъ предстоитъ навѣстить пріѣзжавшихъ во дворецъ эрцгерцоговъ.

Четыре придворныхъ экипажа готовы у крыльца для Его Императорскаго Высочества и свиты. Великій Князь продолжаетъ быть въ австрійской формѣ. Первый визитъ — его императорскому и королевскому высочеству эрцгерцогу Карлу Людвигу въ «Favoritenstrasse». Хозяинъ со своимъ оберъ-гофмейстеромъ, графомъ Пеячевичемъ, встрѣчаетъ Наслѣдника Цесаревича у лѣстницы внизу. Входъ убранъ цвѣтами. Ступая по тяжелымъ коврамъ, не слышишь шаговъ. Высокаго Посѣтителя принимаетъ въ 1-мъ этажѣ дворца вся эрцгерцогская семья въ такъ называемомъ «Holzsaal», гдѣ недавно еще былъ гостемъ императоръ Вильгельмъ. Эрцгерцогиня Марія Терезія — въ бѣломъ платьѣ. Вокругъ нея эрцгерцоги: Францъ Фердинандъ Эсте, Оттонъ и Фердинандъ, эрцгерцогини: Марія-Іозефа, супруга эрцгерцога Оттона, и Маргарита Софія. Великій Князь довольно долго остается здѣсь въ гостяхъ. Передъ Его отъѣздомъ изъ дома хозяинъ и хозяйка обходятъ русскую свиту съ любезными распросами.

Изъ Favoritenstrasse Августѣйшій путешественникъ направляется съ визитомъ во дворцы эрцгерцоговъ Райнера и Вильгельма, но не застаетъ ихъ дома, вслѣдъ затѣмъ въ русское посольство, гдѣ остается около двадцати минутъ, и къ такъ называемой «Kapuzinergruft» или «Kaisergruft» для возложенія вѣнка на могилу безвременно скончавшагося наслѣднаго принца Рудольфа. Капуцинскій монастырь возникъ на этомъ мѣстѣ въ началѣ XVII вѣка, и съ тѣхъ поръ около него погребаются члены Габсбургскаго дома. Свыше ста гробницъ насчитывается въ замѣчательно красивой усыпальницѣ. Среди монарховъ и монархинь покоится лишь одно лице, не связанное съ ними узами крови: графиня Фуксъ,

ШЕНБРУНСКІЙ ДВОРЕЦЪ

лучный другъ ея величества знаменитой Маріи-Терезіи. Обходя грустное подземелье, по которому Его Императорское Высочество провожаютъ со свѣточами отцы-монахи Блазіусъ, Гуммиусъ и Губертъ, Великій Князь вслухъ выражаетъ свое восхищеніе художественной отдѣлкой иныхъ саркофаговъ.

Въ шесть часовъ назначенъ парадный обѣдъ въ Шёнбрунѣ, за городомъ, куда императоръ Францъ-Іосифъ уже выѣхалъ въ пятомъ часу. Время пребыванія въ Вѣнѣ летитъ съ такой лихорадочною быстротой, что не успѣваешь ни на что оглянуться, ни во что вглядѣться. Тяжелый, утомительный день! Средневѣковая атмосфера придворной обстановки, словно унаслѣдованная еще отъ эпохи, когда начиналъ создаваться самый Гофбургъ, весь строго выдержанный строй придворнаго быта производятъ сильное, глубокое впечатлѣніе, — и притомъ на рубежѣ восточныхъ притягивающихъ къ себѣ міровъ, гдѣ законодательницей явится совершенно отличная отъ европейскихъ вкусовъ роскошь, гдѣ совершенно другой этикетъ. Передъ отбытіемъ Наслѣдника Цесаревича въ Шёнбрунъ, Его свитѣ препровождены пожалованные императоромъ ордена.

На улицахъ, по прежнему, громадное стеченіе народа, точно толпы, привѣтствовавшія Царскаго Первенца, пока было свѣтло, и теперь не хотятъ упустить случая еще разъ посмотрѣть на Него, — хотя что̀ можно видѣть съ ярко освѣщенныхъ тротуаровъ, когда Августѣйшій путешественникъ отправляется на обѣдъ въ закрытомъ экипажѣ!

Быстрые кони мчатъ Его черезъ Ring, Babenbergerstrasse и Schönbrunnerstrasse къ близкому загородному дворцу. Императоръ, въ русскомъ мундирѣ, встрѣчаетъ Молодаго Гостя на такъ-называемой «Голубой лѣстницѣ», идетъ съ Нимъ въ «Зеркальную комнату». Избранное общество удостоенныхъ приглашенія къ столу, въ ожиданіи выхода Высочайшихъ Особъ къ обѣду, собралось въ «Розовой комнатѣ». Кромѣ нашей дипломатической миссіи и нашего военнаго агента, кромѣ главныхъ упомянутыхъ лицъ австрійской и русской свиты, въ числѣ остальныхъ гостей можно, между прочимъ, указать на оберъ-камергера графа Траутмансдорфа, оберъ-гофмаршала графа Сэчена, министра-президента гр. Таафе, князя Виндишгреца, оберъ-егермейстера графа Трауна, военнаго министра фонъ-Бауэра, министра финансовъ барона Каллаи, адмирала фонъ-Стернекъ, генералъ-адъютанта фонъ-Болфрасъ. Изъ дамъ, кромѣ эрцгерцогинь, присутствуютъ только оберъ-гофмейстерина графиня Шёнфельдъ, гр. Штольбергъ и гр. Паллавичини.

Высокая длинная галлерея шёнбрунскаго дворца, — вся въ зелени и цвѣтахъ, со старинною живописью на потолкѣ — залита огнями, отражающимися въ многочисленныхъ зеркалахъ. По правую руку отъ императора занялъ мѣсто за обѣденнымъ столомъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. Эрцгерцогиня Марія-Терезія — по другую сторону отъ Его Императорскаго Высочества. Противъ державнаго хозяина сидятъ князь Лобановъ-Ростовскій и князь Гогенлоэ. Превосходный оркестръ то уноситъ въ міръ звуковъ Гуно и «Миньоны», то ласкаетъ упоеніемъ штрауссовскихъ вальсовъ, которые нигдѣ такъ не нравятся, нигдѣ такъ не дѣйствуютъ на воображеніе, какъ во взлелѣявшей ихъ Вѣнѣ, ибо она несомнѣнно наложила на эти музыкальныя произведенія свой особый жизнерадостный отпечатокъ.

Мы прощаемся здѣсь со столичною европейскою помпою. Завтра начнется настоящее путешествіе, которымъ все грезишь и грезишь на яву. Убаюкиваемая чарующею музыкой мечта раздвигаетъ блестящія стѣны чертога, рисуетъ заманчивыя страны, торопитъ мгновенья къ желанному будущему. Разговоры вращаются въ условной чертѣ извѣстныхъ тэмъ.

обѣденный залъ сіяетъ праздничнымъ убранствомъ; но слухъ и зрѣніе невольно далеки отъ окружающаго великолѣпія. А между тѣмъ до чего онъ хорошъ самъ по себѣ этотъ Шёнбрунъ! Не даромъ уже 320 лѣтъ назадъ Максимиліанъ II, точно прозрѣвая грядущее значеніе мѣстечка, строитъ тутъ охотничій замокъ. Потомъ его, правда, дарятъ одному министру. Но изъ частныхъ рукъ онъ снова переходитъ въ монархія, послѣ того какъ императоръ Матоѣй въ 1619 г. нашелъ при немъ прекрасный источникъ. Его живительная вода служитъ причиной наименованія мѣста «Шёнбруномъ». Двѣсти лѣтъ назадъ его опустошаютъ турки, но замокъ возстаетъ изъ развалинъ, разростается, хорошѣетъ. Императрица Марія-Терезія и Іосифъ II особенно заботятся объ его благоустройствѣ. Теперь этотъ историческій дворецъ, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ рядъ событій (Наполеона I властелиномъ западной Европы; герцога Рейхштадскаго, умирающимъ въ тѣхъ же покояхъ, гдѣ останавливался его всемогущій отецъ: блескъ продолжительнаго Вѣнскаго конгресса и т. д.) вмѣщаетъ до полутора тысячъ комнатъ, но истинѣ можетъ считаться Версалемъ Габсбургскаго дома.

ВЪ ЗДАНІИ ВѢНСКОЙ ОПЕРЫ.

Послѣ обѣда, въ «Розовой комнатѣ» — cercle. Императоръ Францъ-Іосифъ представляетъ своему Гостю нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей Австріи и самъ, еще разъ, милостиво разговариваетъ со свитою Великаго Князя.

До посѣщенія театра Августѣйшій путешественникъ заѣзжаетъ изъ Шёнбруна въ Гофбургъ и черезъ четверть часа направляется оттуда съ его величествомъ въ оперу. Державный хозяинъ и эрцгерцогъ Францъ Фердинандъ Эсте — въ уланской формѣ полка, коего Наслѣдникъ Цесаревичъ состоитъ Шефомъ. Они занимаютъ такъ-называемую «Incognitologe», внизу съ правой стороны отъ сцены, а свита размѣщается въ центрѣ верхняго этажа, въ камергерской ложѣ и въ ложѣ кн. Гогенлоэ.

Представленіе уже давно началось. Идетъ третій актъ «Африканки». Исполненіе артистовъ, конечно, безукоризненное, акустика превосходна; но за часъ до отъѣзда въ трехсотдневное путешествіе трудно всецѣло отдаваться эстетическимъ впечатлѣніямъ. Передъ окончаніемъ спектакля, въ исходѣ десятаго часа, императоръ и Его Императорское Высочество покидаютъ зданіе оперы. Экипажи несутся къ «Южному вокзалу», гдѣ ждетъ маленькій экстренный поѣздъ. Русскій пришлось оставить въ Вѣнѣ, такъ какъ путь горами къ Тріесту очень труденъ и австрійскіе инженеры не рѣшились пустить по нему тяжелые и многочисленные Великокняжескіе вагоны. Послѣ идеальнаго комфорта нашихъ прежнихъ купэ здѣсь положительно чувствуешь себя въ тѣснотѣ. Но, что же дѣлать! на то мы и за границей.

Безъ четверть одиннадцатаго. Его величеству самому надо торопиться на другой вокзалъ, въ виду своего отъѣзда въ Гёдёллё. Державный хозяинъ на прощаніе опять обнимаетъ и цѣлуетъ Молодаго Гостя. Еще моментъ, — и съ каждымъ поворотомъ колесъ мы ближе къ теплу, ближе къ манящему морю.

Разстояніе до него отъ Вѣны любопытно изъ-за работъ, предпринятыхъ здѣсь впервые въ Европѣ, для соединенія столицы съ югомъ черезъ неудобопроходимый Semmering. Земмерингскую желѣзную дорогу начали строить въ 1848 г. и окончили лишь въ 1854 г. съ затратою въ 15 милліоновъ гульденовъ. На ней, что достойно вниманія, — никогда никакихъ катастрофъ. Ѣзда тѣмъ не менѣе непріятна. При довольно быстромъ ходѣ горнаго локомотива поминутно испытываешь сильные толчки и, несмотря на усталость, не можешь спокойно заснуть, — а вокругъ дымно, темно, нельзя даже утѣшиться созерцаніемъ живописной мѣстности.

[illegible]

Хотя прибытіе въ Тріестъ назначено въ 11 часовъ, всѣ путешествующіе очень рано встали. Его Императорское Высочество помѣстился въ узенькомъ купэ, гдѣ импровизирована столовая на 6 человѣкъ, которые едва въ состояніи шевельнуться. На крутыхъ поворотахъ просто не усидѣть на мѣстѣ, — до того качаетъ и бросаетъ. Послѣ станціи Св. Петра по сторонамъ раскидывается унылое, безплодное, безобразное пространство Karst: нагія ущелья разсѣкаютъ его вдоль и поперекъ, груды каменьевъ ерошатъ бурую сѣрую поверхность, потрескавшіяся скалы нависаютъ надъ лишеннымъ всякаго величія пустыремъ. Верстахъ въ двадцати отъ Тріеста дорога спускается къ морю. Виднѣются итальянскія названія. Вѣетъ иною жизнью. Голубыя волны блещутъ вдали. Сбоку, у побережья, легко различить Мирамарэ, красивый замокъ несчастнаго императора Мексики Максимиліана. Вотъ и декорированный для встрѣчи вокзалъ, гдѣ Государя Наслѣдника Цесаревича ожидаютъ намѣстникъ края, военныя власти и русскій консулъ. Пока Великій Князь садится съ кн. Барятинскимъ въ экипажъ, собравшаяся у станціи толпа кланяется, дамы машутъ платками. Но затѣмъ, по мѣрѣ слѣдованія набережными къ пристани Св. Андрея, населеніе, несмотря на впечатлительность южанъ, провожаетъ Гостя довольно равнодушно. Это явленіе особенно странно, какъ контрастъ послѣ яркаго вчерашняго радушія, тѣмъ болѣе, что Его Императорское Высочество — въ морской формѣ, кн. Барятинскій и Оболенскій — въ свитской; наконецъ кавалергардская форма кн. Кочубея и лейбъ-гусарская Волкова, — впервые появляющіяся въ здѣшней мѣстности, — должны бы, кажется, привлекать вниманіе населенія. Какой-то полицейскій даже не находитъ нужнымъ, стоя, отдать честь. Насколько простая и симпатичная Вѣна навсегда врѣзалась въ память теплотою выраженныхъ чувствъ, настолько отъ Тріеста получается смѣшанное впечатлѣніе чего-то холоднаго, недосказаннаго. За то вокругъ столько солнца и такъ призывно разстилается море! . . . .

Вотъ и эскадра наша чернѣетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, на немъ собрались моряки, у ската къ водѣ расположился фотографъ съ аппаратомъ. Катера ждутъ приближенія Престолонаслѣдника. Въ группѣ встрѣчающихъ ясно выдѣляется Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ.

НА ПУТИ ВЪ ПАТРАСЪ.

Пятница — понедѣльникъ, 26—29 октября (7—10 ноября).

Погода тихая, теплая, ясная. Морская поверхность ласково манитъ вдаль. Фрегаты («Память Азова» и «Владиміръ Мономахъ»), съ канонерскою лодкою «Запорожецъ» составляющіе отрядъ контръ-адмирала Басаргина, замерли въ ожиданіи, когда на носовомъ флагштокѣ Великокняжескаго гребнаго катера появится флагъ Государя Наслѣдника Цесаревича.

ОТБЫТІЕ ИЗЪ ПИРЕЯ.

Лишь только онъ поставленъ, бѣлыя легкія струйки дыма взвиваются вдоль борта нашихъ судовъ. Выстрѣлы падаютъ съ оглушительнымъ раскатомъ на сонныя воды. Матросы посланы по реямъ и кричатъ «ура». Эхо разростается и грохочетъ, вторя искусственнымъ громамъ: пространство между пристанью и выходомъ въ море погружается въ облачную пелену, которая быстро разрывается и свѣтлѣетъ.

Впрочемъ, лазурныя воды и окрестность вскорѣ опять подернутся пороховою мглою: Августѣйшіе Братья, посѣтивъ фрегатъ «Память Азова», до отбытія изъ Тріеста объѣдутъ и прочія суда, торжественно встрѣчаемые и провожаемые далеко раскатывающимися «ура!» и почти несмолкаемымъ салютомъ. Это — чисто русскій праздникъ нашей небольшой эскадры въ моментъ, когда ей на долю достается высокая честь сопровождать Великихъ Князей въ ихъ продолжительномъ плаваніи, — такъ-сказать сливаясь помышленіями съ цѣлою Россіей, молящейся о благополучіи Сыновей своего Царя. Въ грохотѣ орудій и радостныхъ крикахъ командъ точно воплощаются чувства всего стомилліоннаго народа. То, что волнуетъ сердца моряковъ и свиту Наслѣдника Цесаревича, до такой степени глубоко исключительно, что какъ явленіе должно оставаться совершенно непонятнымъ сосѣднему побережью съ его интересами полуиталіанскаго коммерческаго города, связаннаго съ самой Австріей одною лишь давностью общихъ торговыхъ выгодъ. Воздухъ вздрагиваетъ отъ тяжелыхъ пушечныхъ ударовъ. Волны плавно расходятся подъ дружными весельными взмахами мощныхъ гребцовъ Великокняжескаго катера. Загорѣлыя молодецкія лица. Беззавѣтною преданностью горящіе взоры. Музыка, несущаяся съ посѣщаемыхъ судовъ. Сколько поэзіи въ каждомъ изъ такихъ своеобразныхъ впечатлѣній! И это еще въ началѣ гигантскаго путешествія... Даже жутко подумать о подобныхъ же минутахъ, ожидающихъ впереди.

Мы наконецъ на фрегатѣ «Память Азова». На гротъ-брамъ-стеньгѣ поднятъ флагъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Второй часъ пополудни. Вскорѣ отрядъ снимется съ якоря. Пока грузится багажъ, понемногу стараешься освоиться съ непривычною обстановкой, въ которой предстоитъ прожить, съ перерывами, нѣсколько мѣсяцевъ; знакомишься съ обществомъ офицеровъ, осматриваешь каюты, проникаешься сознаніемъ, что кругомъ — нашъ домъ до Владивостока, что фрегатъ отнынѣ становится центромъ нашихъ симпатій и привычекъ, что внѣ его — суровая, хотя и гостепріимная чужбина.

Пора поименовать лицъ, несущихъ службу на фрегатѣ «Память Азова». Вѣдь съ 26 октября (7 ноября) они въ морѣ — постоянные спутники и собесѣдники Престолонаслѣдника. Число ихъ весьма значительно, — особенно много мичмановъ. Иные, несмотря на недостатокъ свободнаго помѣщенія, бодро мирятся въ крайней тѣснотѣ съ подобнымъ существеннымъ неудобствомъ. Всѣмъ дорога мысль чувствовать себя въ непосредственной близости Августѣйшаго Первенца.

Правая рука нашего командира Н. Н. Ломена — старшій офицеръ капитанъ 2-го ранга О. А. Энквистъ.

Затѣмъ идутъ лейтенанты:

А. П. Андреевъ (командиръ 1-й роты).
В. А. Киселевъ (командиръ 2-й роты).
И. М. Новаковскій (артиллерійскій офицеръ).
Н. Н. Беклемишевъ (минный офицеръ).
А. В. Петровъ (ревизоръ).

Во главѣ длиннаго ряда мичмановъ стоитъ Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ.

За нимъ слѣдуютъ:

Баронъ Е. Р. Каульбарсъ.	П. П. Азбелевъ.
А. А. Можайскій.	И. В. Степенко.
П. П. Титовъ.	В. И. Лепко.
Н. И. Бахметьевъ.	Графъ Г. Г. Кейзерлингъ.
В. Д. Менделѣевъ.	Князь А. А. Голицынъ.
П. А. Синицынъ.	Н. Н. Шишкинъ.
В. К. Чернышевъ.	Д. С. Михайловъ.

Корпуса штурмановъ: Н. В. Смѣльскій (старшій штурманъ) и подпоручикъ И. И. Конюшковъ (младшій штурманъ).

Корпуса инженеръ-механиковъ: А. А. Микковъ (старшій инженеръ-механикъ).

Помощники старшаго инженеръ-механика:

Ѳ. В. Антоновъ.
М. А. Мельниковъ.
П. А. Краацъ.

Старшій судовой врачъ: Ѳ. В. Смирновъ.

Младшій судовой врачъ: П. А. Давиньонъ.

Кромѣ того еще на фрегатѣ находятся: капитанъ морскаго училища Н. П. Азбелевъ, для научныхъ занятій съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, флагъ-офицеръ адмирала Басаргина лейтенантъ Кроунъ, флагманскій штурманъ лейтенантъ Н. П. Яковлевъ, іеромонахъ Александро-Невской лавры Филаретъ и юнкеръ Унковскій.

Велико счастіе, выпавшее на долю вышеозначенныхъ лицъ, во-первыхъ въ виду небывалыхъ условій предстоящаго плаванія, во-вторыхъ же и потому, что изъ всѣхъ судовъ славнаго русскаго флота съ именемъ «Азова» связаны одни изъ достославнѣйшихъ воспоминаній.

Съ того момента, какъ мы вступили на палубу величественнаго фрегата, и онъ и его прошедшее не могли не интересовать насъ въ высшей степени. Духовная атмосфера, которой приходилось полубезсознательно проникнуться, роднила насъ мало по малу съ тѣмъ, что знали, испытывали и думали наши спутники-моряки, справедливо гордившіеся своимъ Георгіевскимъ флагомъ, купленнымъ цѣною русской крови.

Въ столовой Наслѣдника Цесаревича прежде всего бросалась въ глаза картина Наваринскаго боя, гдѣ двѣнадцатый флотскій экипажъ обезсмертилъ себя выдающимся мужествомъ.

Шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ заложенъ былъ въ Архангельскѣ корабль «Азовъ», спущенный на воду 26-го мая 1826 г. и поступившій въ слѣдующемъ году въ эскадру генералъ-адъютанта адмирала Д. Н. Сенявина, поднявшаго на немъ свой флагъ и вышедшаго съ эскадрою на Кронштадтскій рейдъ 21-го мая 1827 года.

Вскорѣ по выходѣ эскадры на рейдъ Государь Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ корабль «Азовъ» и, осматривая арсеналъ, обратилъ особенное вниманіе на искусно выложенныя изъ ружейныхъ замковъ имена незабвенныхъ для русскихъ моряковъ побѣдъ прошлаго столѣтія. Послѣ послѣдней была сдѣлана буква *и*. Государь замѣтилъ это и спросилъ капитана Лазарева, что значитъ эта буква.

Михаилъ Петровичъ отвѣчалъ, что она означаетъ продолженіе ряда названій.

— «А что-же будетъ дальше»? съ удивленіемъ спросилъ Государь.

— «Имя первой побѣды Вашего Императорскаго Величества», отвѣчалъ Лазаревъ.

Съ 9-го на 10-е іюня, въ полночь, Николай Павловичъ неожиданно пріѣхалъ на корабль «Азовъ». Сигналомъ приказано было сняться съ якоря, начиная съ передовыхъ подвѣтренныхъ судовъ, и вскорѣ вся эскадра была уже подъ парусами. На «Азовѣ», съ восходомъ солнца, вмѣстѣ съ флагомъ поднятъ штандартъ, означавшій, что Государь лично предводительствуетъ флотомъ.

Послѣ маневровъ Императоръ, разставаясь съ эскадрой, произнесъ незабвенныя для нея слова:

«Надѣюсь, что въ случаѣ какихъ-либо военныхъ дѣйствій, поступлено будетъ съ непріятелемъ по-русски».

Е. И. В. ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Л. П. Гейдена, поднявшаго свой флагъ на кораблѣ «Азовъ», отправилась въ Средиземное море.

1-го октября русская и англійская эскадры встрѣтились у острова Занте, и въ тотъ-же день пришла на соединеніе изъ Архипелага французская эскадра.

Дѣйствія Ибрагима-паши, командовавшаго турецко-египетскимъ флотомъ и опустошавшаго греческія побережья, доказали, что всѣ убѣжденія и даже угрозы безполезны, и потому на совѣтѣ союзныхъ адмираловъ, 7-го октября, рѣшено было войти со всѣми кораблями въ Наваринскую бухту, стать тамъ на якорь возлѣ непріятельскихъ судовъ и тѣмъ самымъ принудить противника, чтобы онъ сосредоточилъ свои силы на этомъ пунктѣ и отвлекся отъ береговъ Мореи.

8-го октября 1827 г. турецко-египетскій флотъ началъ общую канонаду.

Въ это время русскій передовой контръ-адміральскій фрегатъ «Азовъ» входилъ на рейдъ и по немъ былъ открытъ перекрестный огонь съ пяти кораблей, съ фрегатовъ, а также съ батарей, устроенныхъ при входѣ въ бухту. Этому же перекрестному огню подверглись и прочіе корабли, по мѣрѣ вхожденія ихъ туда.

Не смотря на сильный огонь съ батарей и съ тройной линіи судовъ, составлявшихъ правый флангъ турецкаго флота, «Азовъ» продолжалъ свой путь и безъ выстрѣла спокойно сталъ на якорь у назначеннаго ему мѣста. Прочія суда русской эскадры, также осыпаемыя ядрами, плавно становились на якорь по диспозиціи.

При всемъ нежеланіи начинать битву, союзный флотъ открылъ огонь, истребившій въ четыре часа времени флотъ, впятеро сильнѣйшій союзныхъ эскадръ.

Артиллерія корабля «Азова» дѣйствовала выше всякой похвалы: онъ потопилъ два большихъ фрегата и корветъ, сбилъ 80-ти пушечный корабль на мель, гдѣ тотъ и былъ взорванъ, наконецъ, что всего важнѣе, истребилъ фрегатъ подъ флагомъ главнокомандовавшаго турецкимъ флотомъ.

Изъ русскихъ судовъ болѣе другихъ потерпѣлъ отъ непріятельскаго огня, числомъ убитыхъ и раненыхъ, а равно и поврежденіемъ рангоута и такелажа корабль «Азовъ»: на немъ всѣ мачты были такъ пробиты, что при фальшивомъ вооруженіи съ трудомъ можно было нести на нихъ паруса. Въ корпусѣ корабля насчитывались 153 пробоины, между коими — 7 подводныхъ.

Послѣ Наваринскаго сраженія эскадра контръ-адмирала графа Гейдена перешла къ острову Мальтѣ, куда изъ Россіи вскорѣ присланъ былъ курьеромъ одинъ изъ лейтенантовъ, участниковъ боя, флигель-адъютантъ маркизъ де-Траверсе, привезшій съ собою Георгіевскій флагъ при Высочайшемъ рескриптѣ, который дословно гласитъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Флота Нашего Двѣнадцатому Линейному Экипажу.

Обращая вниманіе на славные подвиги Двѣнадцатаго флотскаго экипажа на кораблѣ «Азовѣ», въ восьмый день Октября текущаго года, при истребленіи соединенными эскадрами Россійскою, Англійскою и Французскою Турецко-Египетскаго флота у Наварина, Всемилостивѣйше жалуемъ экипажу сему Кормовой второй Дивизіи флагъ съ знаменіемъ Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія, въ память достохвальныхъ дѣяній Начальниковъ, мужества и неустрашимости Офицеровъ и храбрости нижнихъ чиновъ.

Флагъ сей, препровождая при семъ, съ принадлежащимъ къ нему вымпеломъ, повелѣваемъ по прочтеніи сей Грамоты предъ всѣми участвовавшими на кораблѣ «Азовѣ» въ битвѣ Наваринской, поднять сіи знаки отличія по установленію, и впредь поднимать на линейныхъ корабляхъ Двѣнадцатаго флотскаго экипажа, къ коему пребываемъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

«*НИКОЛАЙ*».

Въ С. Петербургѣ
Декабря 17-го дня, 18[illegible]

Офицеры эскадры, въ полной парадной формѣ, собрались на шканцахъ. Когда флагъ окропили святою водой, лейтенанты корабля «Азовъ» перенесли это неоцѣнимое сокровище на ютъ, и затѣмъ по командѣ самого адмирала, флагъ медленно пошелъ къ ноку гафеля, сопровождаемый громкимъ «ура» людей, посланныхъ по реямъ, и салютомъ всѣхъ орудій «Азова». Тѣ же почести единовременно отданы были Георгіевскому флагу нашими остальными и англійскими судами.

Копія съ Высочайшаго рескрипта, вырѣзанная на особой таблицѣ, постоянно находится на почетномъ мѣстѣ, на шканцахъ фрегата. Она повѣшена на правой сторонѣ

НА ПАЛУБѢ ФРЕГАТА «ПАМЯТЬ АЗОВА».

рулевой рубки, а на лѣвой помѣщена такая же таблица со спискомъ офицеровъ, заслужившихъ это рѣдкое отличіе.

Здѣсь поименованы:

Начальникъ эскадры: контръ-адмиралъ графъ Л. П. Гейденъ.

Командиръ корабля: капитанъ 1-го ранга М. П. Лазаревъ.

Старшій офицеръ: капитанъ-лейтенантъ П. Барановъ.

Лейтенанты: маркизъ А. де-Траверсе.

А. Шеманъ.	И. Бутеневъ.
князь С. Ухтомскій.	С. Тырновъ.
П. Нахимовъ.	А. Моллеръ.

Мичманы: Е. Путятинъ.
А. Путята.
В. Максимовъ.
В. Корнилов[illegible].
К. Истоминъ.
Н. Асташевъ.
П. Лермонтовъ.

Гардемарины: Д. Шишмаревъ; В. Истоминъ.
Корпуса морской артиллеріи: капитанъ-лейтенантъ Е. Андреевъ; унтеръ-лейтенантъ Н. Тибординъ.
Штурманъ 8-го класса Г. Никифоровъ.
Штурманскіе помощники 14 класса: П. Здоровенко; П. Скрябинъ.
Лекаря: А. Дроздовъ, Д. Кучинскій, И. Нейманъ.
Шкиперъ 13-го класса В. Трифоновъ.
Комисаръ 13-го класса И. Гавриловъ.
Оберъ-аудиторъ 9-го класса В. Алексѣевъ.
Іеромонахъ Герасимъ.

Наверху рубки, надъ этими таблицами, простеръ свои широкія крылья Императорскій двуглавый орелъ, словно слетѣвшій полюбоваться скрижалями побѣды и словно готовый снова воспарить въ родную высь, чтобы стать очевидцемъ столь же безтрепетныхъ дѣяній. По карнизу рубки помѣщены названія мѣстъ и сраженій, въ коихъ участвовали корабли, носившіе имя «Азовъ».

Само это имя связано съ нашими завѣтнѣйшими историческими воспоминаніями и неизбѣжно упорными порывами къ южному морю, къ рѣшенію восточнаго вопроса. Первый пятидесятичетырехпушечный пловецъ-богатырь «Азовъ», спущенный въ октябрѣ 1736 г. и названный такъ въ память города, завоеваніе котораго составляло давнюю мечту казачества и русскаго правительства, 16 лѣтъ состоялъ въ спискахъ флота. Второй одноименный корабль не разъ бился съ турками въ Черномъ морѣ при Екатеринѣ, причемъ они, «не стерпя жестокаго отъ нашихъ огня и почувствовавъ знатныя поврежденія, обращались въ бѣгство». Третій носитель имени послѣ Наварина вскорѣ пришелъ въ негодность, и его преемники, въ награду за доблесть, стали величаться «Память Азова». Два такихъ корабля, подъ Георгіевскимъ флагомъ, сооружались, въ 1831 г. и въ 1848 г. въ Архангельскѣ. Наконецъ, въ 23 день іюня 1886 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, строившійся съ марта на Балтійскомъ заводѣ полуброненосный фрегатъ наименовать тѣмъ же громкимъ именемъ, съ зачисленіемъ въ списокъ судовъ Балтійскаго флота. Закладка этого шестаго «Азова» состоялась въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ 12 іюля 1887 г. и спускъ на воду тоже, въ Высочайшемъ присутствіи, 20 мая 1888 года. По установкѣ машины и котловъ, для перехода въ Кронштадтъ, начата первая кампанія 30 октября 1889 года. Въ нынѣшнемъ году фрегатъ, назначенный для плаванія въ Тихій океанъ, сталъ усиленно вооружаться и во всѣхъ работахъ по вооруженію принималъ самое дѣятельное участіе Августѣйшій мичманъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ, ушедшій затѣмъ въ море уже въ августѣ (23 числа), ровно за два мѣсяца до отъѣзда Наслѣдника Цесаревича изъ Гатчины.

«Память Азова» направился на Плимутъ, Гибралтаръ, Мальту, Пирей и Тріестъ, благополучно выдержавъ въ Бискайскомъ заливѣ очень сильный штормъ, замѣчательный по громадной и неправильной волнѣ, высота которой доходила до тридцати футовъ. Въ рапортѣ командира (капитана 1-го ранга Ломена) сказано, что фрегатъ оказался при

этомъ обладающимъ хорошими морскими качествами. При наклоненіи онъ не останавливался ни на одну секунду и его быстро перебрасывало на другую сторону: разъ барказъ [illegible] коснулся воды.

Новоприбывшіе размѣщаются по каютамъ. Къ числу сопровождающихъ Наслѣдника Цесаревича надолго присоединяется нашъ посланникъ въ Греціи М. К. Ону. Ему, какъ проведшему много лѣтъ на ближнемъ Востокѣ, повелѣно слѣдовать за Его Императорскимъ Высочествомъ по Египту и по Индіи, т. е. совершить болѣе чѣмъ трехмѣсячное путешествіе.

Эскадра снимается съ якоря. Морской воздухъ бодрящею струей вливается въ грудь. Какъ-то шире вокругъ, какъ-то дышется свободнѣе и сильнѣе.

Тріестъ [illegible] отъ насъ и совершенно чуждъ царящему на рейдѣ временному оживленію. Скорѣе-бы выйдти на волю въ свѣтлую Адріатику, скорѣе-бы сжиться на полномъ ходу со сложною и неизвѣданною жизнью многолюднаго военнаго судна!

«ПАМЯТЬ АЗОВА»

Передъ «Памятью Азова» съ тихимъ вздохомъ раздвигаются и чуть пѣнятся спокойныя, позолоченныя солнцемъ воды.

Среди зелени аллей, ведущихъ надъ побережьемъ къ пристани Св. Андрея, еще можно различить группы любопытныхъ. Чайки плавно-тяжелымъ полетомъ качаются надъ потревоженной влагой. Имъ точно любо такое лѣниво-медлительное рѣянье, ихъ точно нѣжитъ дразнить своимъ приближеніемъ волну, которая ждетъ, чтобы онѣ ей отдались. Оба конвоира незамѣтно-быстро выстраиваются за фрегатомъ, уносящимъ Великихъ

Князей, и идутъ за нимъ «строемъ клина»: «Владиміръ Мономахъ» съ правой, «Запорожецъ» съ лѣвой.

Тріестъ подергивается мглой отдаленія. Все неяснѣе становятся очертанія возвышенностей Карста. Горы Истріи въ свою очередь яснѣютъ. Къ ночи суда перестраиваются въ кильватерную колонну.

Море почти недвижно, и теплая южная погода — весьма кстати послѣ роднаго ненастья. Яркія краски вспыхиваютъ на окрестностяхъ, которыя вскорѣ однако блекнутъ и представляются мрачно-пустынными изъ-за нависнувшихся надъ ними облаковъ. Подъ этой печальной ризою луна тоже заволакивается смутною, слабо щемящею грустью. Иногда береговъ какъ будто и совсѣмъ не видно. Туманъ гуще. Не жарко, но въ атмосферѣ чувствуется гроза. Она дѣйствительно разряжается на третій или четвертый день послѣ нашего выхода изъ порта.

За каютой командира вдоль борта на кормѣ — длинный и узкій, крытый балконъ, съ котораго любуешься красотами природы. Послѣ упомянутой грозы необыкновенно величественное впечатлѣніе производитъ фрегатъ «Владиміръ Мономахъ», когда радуга широко развертывается надъ нимъ, и онъ, такъ сказать, составляетъ одно цѣлое съ нею и съ притихнувшимъ моремъ.

Слѣва всплываютъ побережья Албаніи. Эскадра вступаетъ въ проливъ между турецкою территоріей и островомъ Корфу. При всемъ нежеланіи искусственно воскрешать въ памяти средневѣковую старину, — особенно пока мы въ плаваніи и еще далеки отъ предстоящихъ экскурсій въ область исторіи, археологіи и т. п., нельзя быть въ этой мѣстности и не приводить себѣ въ сознаніе чудныхъ строфъ Тютчева о венеціанскомъ владычествѣ среди пересѣкаемыхъ нами водъ. Именно отсюда

. . . . [illegible] въ мірѣ
[illegible]
Тѣнь отъ Львинаго крыла.

Дожъ, ежегодно символически обручавшійся съ Адріатикой, дома, при праздничномъ ликованіи согражданъ, бросалъ въ нее кольцо. Обручальныя кольца, по народному повѣрію, чародѣйнымъ образомъ способствовали блеску, силѣ, богатству мудрой и предпріимчивой Венеціи. Перстень ея политическаго представителя словно «вязалъ и чаровалъ» сосѣднія правительства и многія обильныя дарами страны.

Легкая мгла стелется по темно-голубымъ волнамъ, охватываетъ гигантскіе хребты прибрежнаго Эпира. Проливъ властно расширяется, уподобляется озеру. Справа — уже греческое царство, слегка тусклое отъ недостатка освѣщенія, но удивительно живописное по строгой законченности и задумчивой прелести своихъ линій. На нихъ какъ-будто наброшено дымчатое серебристо-лазоревое покрывало. Сѣверъ — и не сѣверъ! Между тѣмъ, къ ласковымъ очертаніямъ такъ-бы и хотѣлось пріурочить ту или иную подробность скандинавской саги. Но сбоку подымаются дикія и нагія известковыя горы Эпира. Глядя на нихъ, всякая иллюзія сказки невозможна.

Блаженное мѣстопребываніе древнихъ Ѳеаковъ повернуто къ материку цвѣтущими холмами и волнистыми возвышенностями. Весь этотъ край съ оливковыми и апельсиновыми рощами, съ виноградниками и разросшимися на волѣ цвѣтниками словно улыбается угрюмому противоположному берегу, гдѣ только изрѣдка по уступамъ скалъ сбѣгаютъ потоки и зеленѣютъ сочныя пастбища. Оттуда бѣдные албанцы доставляютъ на Корфу молочные припасы, мясо и дичь.

Изъ-за островочка Видо показалась темная крѣпость города. Надъ суровой твердыней, опоясанной садами, курится дымъ салюта. «Память Азова» отвѣчаетъ страшнымъ грохотомъ своихъ орудій. Наша эскадра торопится въ Патрасъ и потому идетъ мимо. Около полудня однако густая пасмурность настолько упорна, что благоразумнѣе вернуться и отдать якорь.

КН. КОЧУБЕЙ.
КН. БАРЯТИНСКІЙ. КН. УХТОМСКІЙ
Е. И. В. НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ
КН. ОБОЛЕНСКІЙ. ВОЛКОВЪ

ВѢНОКЪ, ПОДНЕСЕННЫЙ ВЪ КОРФУ

Мы на рейдѣ Корфу. Находящіяся тутъ же суда (англійское, австрійское и греческое) разцвѣчиваются флагамі. Вдоль пристани, набережной и скалистыхъ громадъ тѣснятся зрители, ожидая съѣзда Высокихъ Гостей. Тѣмъ не менѣе Великіе Князья остаются на фрегатѣ. Командиры «Владиміра Мономаха» и «Запорожца» (капитанъ 1-го ранга Ѳ. В. Дубасовъ и капитанъ 2-го ранга Невражинъ) являются съ рапортами. Къ трапу подплываютъ городскія власти, депутація отъ населенія съ роскошнѣйшимъ вѣнкомъ, первымъ привѣтомъ Греціи. Хотя здѣсь еще въ сущности — не Греція, а нѣчто смѣшанное

вслѣдствіе вѣковаго воздѣйствія Италіи и вообще всякой пестроты Левантійскаго торговаго міра, но островъ Корфу, — бывшій однимъ изъ мужественныхъ борцевъ Запада противъ полумѣсяца, отбивавшій турокъ при помощи наемниковъ славянской крови, кратковременно обрѣтавшійся даже подъ русскимъ флагомъ, въ началѣ XIX столѣтія, — для насъ представляетъ нѣчто родственное по духу.

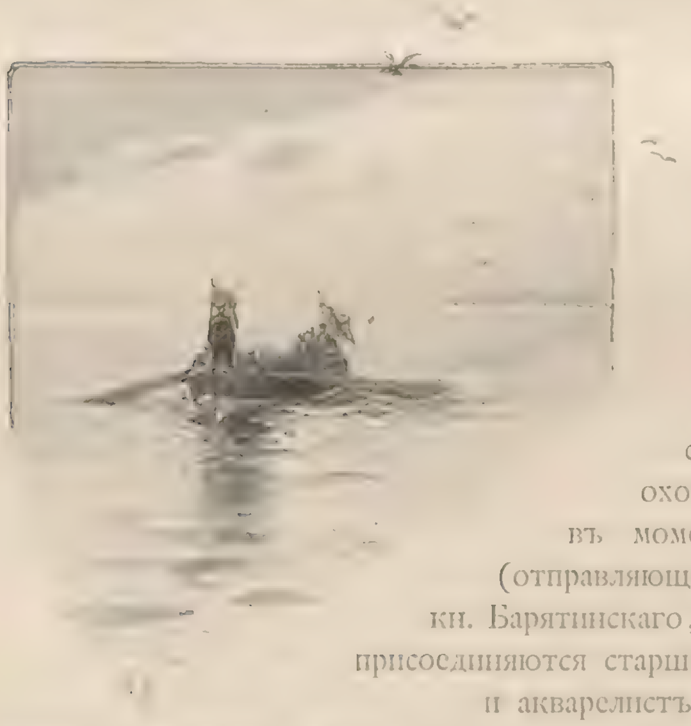
Подъ утро (29 октября—10 ноября) эскадра продолжала путь невдалекѣ отъ пресловутой Гомеровской Итаки и мимо мрачно-гористой Кефалоніи. Къ вечеру, при пламенномъ закатѣ, наши суда отдыхали въ гавани Патраса.

ОЛИМПІЯ.

Вторникъ, 30 октября (11 ноября).

Сегодня — недѣля со времени отъѣзда изъ Гатчины: первая недѣля въ безконечной вереницѣ еще болѣе обильныхъ впечатлѣніями недѣль нашего путешествія!

Еще рано-рано утромъ, — пока темно, на фрегатѣ подымаются шумъ и бѣготня. Пробужденіе 580 нижнихъ чиновъ, — очевидно, такое явленіе, съ которымъ слуху приходится считаться. Безконечно-долго скользятъ по внутреннимъ трапамъ легкіе шаги спѣшащихъ на верхнюю палубу босоногихъ матросовъ. Все тамъ моется, чистится, прихорашивается. Къ шести часамъ назначенъ съѣздъ Наслѣдника Цесаревича на берегъ; но отъ свѣжаго морскаго воздуха крѣпко спится; въ сумерки какъ-то труднѣе и неохотнѣе собираешься въ дорогу: однимъ словомъ, въ моментъ, когда Августѣйшій путешественникъ (отправляющійся въ экскурсію только въ сопровожденіи кн. Барятинскаго, М. К. Ону и ближайшей свиты, къ которой присоединяются старшій врачъ съ «Владиміра Мономаха», Смирновъ и акварелистъ Гриценко) выходитъ, въ статскомъ платьѣ, проститься съ офицерами и командой, — уже совершенно свѣтло. Однако день не предвѣщаетъ хорошей погоды. Пасмурно. Густые туманы низко сползли на прибрежныя горы, ложатся на тускло-безжизненное море.



КАТЕРЪ Е. И. В. НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

Катеръ отдаляется отъ «Памяти Азова». На рулѣ — самъ адмиралъ Басаргинъ. Люди по реямъ провожаютъ Великаго Князя троекратнымъ «ура». Гребцы, по отданному приказанію, отвѣчаютъ тѣмъ же на прощальный привѣтъ. Съ судовъ гремитъ пальба.

На пристани Патраса толпятся горожане, съ представителями города во главѣ, чтобы засвидѣтельствовать Его Императорскому Высочеству свои чувства радости отъ лестнаго для нихъ посѣщенія и высказать, какъ единовѣрная намъ Греція памятуетъ благодѣянія Россіи и впредь надѣется на могущественное заступничество.

У побережья дожидаются экипажи и конный отрядъ для сопровожденія Гостя къ желѣзной дорогѣ, на западной оконечности города, гдѣ стоитъ довольно обширный храмъ Св. Андрея Первозваннаго, воздвигнутый, по церковному преданію, надъ мощами распятаго здѣсь Апостола, считающагося съ тѣхъ поръ покровителемъ Патраса. Раньше, чѣмъ сѣсть въ вагонъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ благоговѣйно входитъ въ святилище поклониться нетлѣннымъ останкамъ одного изъ первомучениковъ. Народъ тѣснится вслѣдъ, наполняетъ притворъ, пробирается къ алтарю, разступается передъ русскими посѣтителями.

Это мѣсто вѣчнаго праведнаго успокоенія издревле чтимо населеніемъ края. Еще до христіанской эры эллины молились, тутъ по близости, благодѣтельной богинѣ земли и плодородія. Окрестности дѣйствительно слыли за цвѣтущую плодоносную полосу Пелопоннеза. При ея религіозномъ центрѣ находился чудесный источникъ, заглянувъ въ который язычники думали угадывать будущее: напримѣръ, больные наклонялись надъ зеркальной поверхностью и, смотря по роду недуга, лице отражалось въ ней или подернутымъ тѣнями смерти, или же здоровымъ, свѣтлымъ, улыбающимся.

Прорицательный даръ водохранилища преданъ забвенію. Отъ кумирни остались лишь куски мрамора. Дуновеніе новой жизни, новой цивилизаціи все измѣнило и преобразило. Въ IX столѣтіи горожане, правда, борются подъ Андреевскимъ стягомъ противъ наступающихъ съ сѣвера славянъ, братьевъ того племени, чьи предѣлы пламенѣвшій рвеніемъ Апостолъ посѣщалъ, возглашая истины Высшаго Ученія. Но приходитъ несокрушимый исламъ. Патрасцы смиряются передъ турками. Заря освобожденія для Греціи въ сущности занимается всетаки со славянскаго единовѣрнаго Востока, благодаря великодушнымъ помысламъ и велѣніямъ Императора Николая Павловича. И теперь Его одноименный Правнукъ набожно стоитъ подъ сводами храма, осѣненнаго незримымъ присутствіемъ просвѣтителя Кіевской Руси... Какъ слѣпы въ своей враждѣ вѣка и народы, какъ неисповѣдимы Пути Господни, приводящіе все и всѣхъ къ молитвенному братскому единенію!

Краткая экскурсія въ Олимпію недавно требовала большей затраты времени (около 2—3 сутокъ), такъ какъ по направленію къ юго-западу отъ Патраса не было желѣзной дороги, первый участокъ которой открытъ въ декабрѣ 1888 г., и она сама едва окончена до городка Пиргоса, куда мы въ данную минуту ѣдемъ по широкой приморской низменности. Слѣва холмы съ насажденіями коринки, рѣзко очерченная горная цѣпь, неглубокое русло сбѣгающихъ съ нихъ безчисленныхъ потоковъ. Справа гладь залива, силуэты нашихъ судовъ, туманная остроконечная вершина далекаго острова Занте. Повсюду кругомъ главное богатство области, предметъ ежегоднаго колоссальнаго вывоза на десятки милліоновъ пудовъ за границу, особенно въ Англію — короткія лозы ягоды, дающей мелкій вкуснѣйшій изюмъ и произрастающей почти исключительно между Іоническимъ моремъ и Коринѳомъ; рядомъ длинные амбары, гдѣ она сушится и приготовляется въ продажу, затѣмъ поля, засѣянныя ячменемъ и рѣденькія дубовыя рощицы.

Песчаный берегъ, съ немногими соснами, постепенно отдаляется отъ насъ. Именно тамъ, во времена крестовыхъ походовъ, пришлые французскіе рыцари утверждались среди полубеззащитныхъ туземцевъ, окапывались въ замкахъ, строили католическія церкви. Это, на языкѣ старыхъ лѣтописей, называлось споромъ за обладаніе Іерусалимомъ. Тевтонскій орденъ и пышные «Храмовники» выбирали сосѣднюю мѣстность для укрѣпленныхъ палатъ

Славянская тогда Морея подразделилась западными завоевателями на двѣсти «[illegible]», управлявшихся 14 баронами. Тщетно посылалъ сюда войско византійскій дворъ. Мнимые крестоносцы оказывались сильнѣе.

Рельсовый путь спускается въ Пиргосскую равнину. Остановка. Встрѣча властями. Экипажъ для слѣдованія въ Олимпію и группа конной стражи, которую отпускаютъ домой. [illegible] къ городской гостиницѣ, гдѣ приготовленъ завтракъ. Пиргосъ, средоточіе [illegible] окрестныхъ поселянъ, не великъ, состоитъ чуть-ли не изъ одной [illegible] улицы съ нестройно лѣпящимися деревянными домами и незатѣйливыми, выходящими на нее мастерскими.

Дорога изъ Пиргоса къ Олимпіи не представляетъ ничего особеннаго, напоминаетъ любую часть Средней Европы, мѣстами идетъ вдоль воздѣланныхъ низменностей или-же среди гряды холмовъ, которые тянутся какъ-бы параллельно и усѣяны деревушками. Жилища поселянъ (къ слову сказать, избѣгающихъ строить дома въ изобилующихъ лихорадками ложбинахъ) выглядываютъ изъ-за фруктовыхъ садиковъ, отъ которыхъ вездѣ, гдѣ только возможно, расходятся по сторонамъ обработанные участки земли. Здѣсь и тамъ высятся пышныя ели и темныя мастиковыя деревья, не образующія лѣса, но растущія отдѣльно по склонамъ предгорья. Его приходится неоднократно пересѣкать на пути къ знаменитой долинѣ, куда направляется Наслѣдникъ Цесаревичъ, и тогда еще [illegible], угадывается серебряное море, а подъ ногами разстилается благоденствующій край.

Мы уже миновали Варвасену и Кріэкуки. Два часа пополудни. Должно быть, близко къ Олимпіи, но ни ея, ни сосѣдней къ ней рѣки (классическаго Алфея, нынѣ Руфіа) пока не видно. Только сбоку, въ тѣни вѣтвистыхъ платановъ, у пошатнувшейся мельницы весело шумитъ, межъ бѣлыхъ песчаныхъ бережковъ, сѣрый потокъ: это — Кладеосъ, исторически извѣстный притокъ Алфея, изгибающійся въ немногихъ шагахъ отъ Зевсова храма, который мы ѣдемъ смотрѣть. За нимъ вьется зубчатая горная линія.

Дорога ведетъ узкою долиною. Кое-гдѣ проступаютъ краснобурыя скалы. Лошади уморились и понуро бредутъ подъ жаркими лучами. При медленномъ движеніи впередъ имѣешь полную возможность внимательнѣе всматриваться въ туземный людъ и окружающія постройки.

Пелопоннезскіе дома почти всѣ на одинъ ладъ. Внизу — нежилое помѣщеніе, служащее не то кладовой, не то стойломъ для козъ и овецъ, хотя постоянство лѣтней погоды дозволяетъ имъ всегда оставаться на воздухѣ. Повыше находится само жилье, не соединенное съ первымъ этажемъ внутреннею лѣстницею. Ступени спускаются оттуда прямо съ балкона. Внѣшній видъ такихъ глухихъ зданій, съ зелеными ставнями, и оригиналенъ, и монотоненъ. Впрочемъ, и населеніе, несмотря на праздничную принаряженность въ день прослѣдованія Русскаго Престолонаслѣдника, не отличается особенною пестротою одежды, обыкновенно свойственною южанамъ. У большинства преобладаетъ европейско-мѣщанскій покрой платья. Просвѣчиваетъ стремленіе гнаться за чужими модами. Въ замѣтно этимъ обезличенной толпѣ за то еще ярче выдѣляется красивое убранство старыхъ паликаровъ. Кокетливыя фески, широкія складки свѣтлой фустанеллы, узорчатыя куртки и расшитыя гамаши, поясъ съ богатыми рукоятями кинжала, ножа и пистолета, смѣлая и свободная поступь молодцовъ, сознающихъ изящество своего костюма, все говоритъ за него, въ пользу прежняго скорѣе патріархальнаго быта. Однако подобныя «новогреческія» одѣянія, вѣроятно, дороже и потому выходятъ изъ употребленія. У иныхъ дѣвушекъ очень мила чалмообразная цвѣтная повязка съ золотомъ. Неужели и ее ждетъ пренебреженіе?

Наконецъ вотъ и она — цѣль экскурсіи, поле развалинъ Олимпіи. Чтобы приблизиться къ нимъ надо выйдти изъ экипажей и сойдти подъ гору, по простой и немного крутой тропѣ. Черезъ Кладеосъ (по нынѣшнему Стравокефали) недавно перекинутъ мостикъ. Передъ глазами развертывается значительное неровное пространство, съ грудами камней, переплетенными дикимъ кустарникомъ, желтою лентою рѣки поодаль и живописнымъ хребтомъ, величественно встающимъ еще дальше за нею. Чувство разочарованія просыпается сначала, потомучто ожиданія рисовали здѣсь картину грандіозныхъ размѣровъ, а на дѣлѣ послѣдніе чуть-ли не игрушечны, въ сравненіи съ представленіемъ о мѣстѣ сборища цѣлаго народа. Но къ древней Греціи въ матеріальномъ отношеніи ко всему нужно примѣнять маленькій масштабъ. Велики тамъ были только духъ и окрылявшія его идеи гармоніи, красоты и силы.

Міръ Олимпіи былъ совершенно особеннымъ міромъ. Сюда во имя чего-то высшаго собирались эллины со всѣхъ концовъ далекой земли, на половину ими колонизованной, на половину завоеванной. Здѣсь стихала пагубная вражда междуусобій. Стекавшіеся на торжество національныхъ игръ понимали, что теперь рѣчь идетъ не о грубой формѣ побѣды, что соперничаютъ собственно не сами борцы, а какъ бы избранныя существа, олицетворяющія собой наисовершеннѣйшія проявленія мужества, крѣпости, ловкости, душевнаго равновѣсія и т. п. Зрителямъ мнилось, что даже кони, участвующіе въ состязаніяхъ, и тѣ легче вѣтра несутся по равнинѣ, чуя жажду славы въ сердцѣ правящаго ими съ колесницы, который добивается, правда, лишь незатѣйливаго вѣнка изъ оливковыхъ вѣтвей, но вѣнка безсмертія, — чтобы имя побѣдителя гремѣло и повторялось повсюду, гдѣ звучитъ эллинская рѣчь, гдѣ добытое въ Олимпіи отличіе дороже цѣнится, чѣмъ все на свѣтѣ. Вѣдь искусство восторжествовавшаго станетъ извѣстно ряду поколѣній! Поэты превознесутъ счастливца-соотечественника: изъ-подъ копытъ доносящихся къ побѣдѣ коней брызнутъ искры хвалебнаго пѣснопѣнія...

Нельзя забывать, что объединенной Германіи исключительно принадлежитъ громадная культурная заслуга всесторонняго изслѣдованія этой мѣстности, съ затратой весьма значительной суммы (около 800,000 марокъ), чисто ради научныхъ цѣлей и эстетическихъ потребностей современнаго человѣчества. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пришлось мало по малу разрыть и описать подернутыи иломъ и пескомъ районъ древнихъ святилищъ съ обступавшими ихъ прочими достопримѣчательностями. Нѣмецкіе археологи блистательно выполнили эту сложную и въ своемъ родѣ единственную задачу, примѣнивъ къ разрабатываемому матеріалу экспериментальный методъ, производя раскопки не случайно, а со строгой обдуманностью, бережно группируя находки и вполнѣ отдавая себѣ отчетъ, какихъ результатовъ вправѣ ждать классическая филологія. Передъ учеными тружениками, поселявшимися тутъ, — еще при бездорожьи и среди порядочныхъ лишеній, — вскорѣ воскресла мѣстная старина. Тщательнѣйшимъ образомъ извлекались въ огромномъ количествѣ различныя древности, уяснявшія, какъ въ качествѣ политически-религіознаго центра развивалась Олимпія. Надо быть именно тутъ, въ ея довольно тѣсныхъ предѣлахъ, чтобы воочію представить себѣ, куда стремились, чѣмъ жили и гордились эллины.

Едва-ли не самое географическое положеніе окрестной страны — Элиды наиболѣе способствовало постепенному прославленію «святыни». Близость моря, нѣкоторая огражденность горами отъ частыхъ иноплеменныхъ вторженій и отъ суровыхъ сѣверныхъ

вѣтровъ, хорошій климатъ, обиліе воды и плодовъ земныхъ, цѣпь приморежныхъ холмовъ, сдерживающихъ жгучее дыханіе Сирокко, — рядъ условій искони ставилъ долину Алфея на высоту дѣйствительно благопріятнаго положенія. При кажущейся обособленности отъ сосѣдей, этотъ край тѣмъ не менѣе постоянно впитывалъ въ себя посторонніе элементы, и даже Востокъ издревле воздѣйствовалъ на него весьма осязательно и глубоко. Здѣсь осѣдали финикіяне, прививался культъ азіатской Афродиты. Богиня, наравнѣ съ мрачнымъ греческимъ Кроносомъ, нѣкогда почиталась покровительницею высящейся надъ здѣшней мѣстностью маленькой горы, къ подножію коей мы теперь подходимъ.

Племя за племенемъ проникало постепенно на цвѣтущія нивы и пажити Элиды, принося каждое съ собою свое божество, своихъ героевъ, свои особенности характера и быта

МУЗЕЙ ВЪ ОЛИМПІИ

Ея смѣшанное населеніе съумѣло заручиться дружбою вліятельныхъ правителей. Вотъ мы, напримѣръ, подошли и стоимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находилась дорическая храмина Геры. Тамъ хранился вырѣзанный на металлѣ договоръ туземнаго князя Ифита со знаменитымъ спартанскимъ законодателемъ Ликургомъ. А вѣдь это случилось $27^1/_2$ вѣковъ тому назадъ! Область мало по малу была признана священною и нейтральною, на нее не рѣшались нападать. Проходя черезъ ея предѣлы, воины снимали съ себя оружіе. Вся Эллада считала необходимымъ относиться съ глубочайшимъ уваженіемъ къ тѣмъ рѣдкимъ днямъ, когда народъ сюда стекался на праздниство. Ничто не должно было мѣшать набожному настроенію и эстетическому восторгу толпы. Простодушные богомольцы не сомнѣвались, что лоза открыта именно въ Олимпіи, что тутъ именно родился богъ вина и веселья. Многое, относившееся къ совершенно другимъ отдаленнымъ мѣстностямъ, …

сказаніяхъ непремѣнно пріурочивалось къ чему-нибудь олимпійскому. Рѣзвый старикъ Алфей, протекавшій близь славныхъ ристалищъ, по убѣжденію вѣрующихъ, стремился въ Іоническое море, преслѣдуя красивую нимфу Аретузу; она же, ища спасенія, бросилась въ это море, переплыла въ Сицилію и тамъ пробилась источникомъ у Сиракузъ. Рѣчное божество однако продолжало погоню и, догнавъ бѣглянку, окрасило ея чистыя струи кровью жертвенныхъ животныхъ, отъ которой еще алѣли волны Алфея, катившія пепелъ и листья оливы.

Французы не безъ гордости указываютъ на то, что на изслѣдованіе Олимпіи одинъ изъ первыхъ обратилъ просвѣщенное вниманіе ученый патеръ Монфоконъ (въ началѣ XVIII столѣтія). Англичане въ свою очередь отмѣчаютъ, что полъ вѣка спустя, оксфордскій богословъ Чэндлеръ писалъ уже объ этой мѣстности, какъ очевидецъ. Систематическія свѣдѣнія о ней стали накопляться значительно позднѣе. Мало подготовленные путешественники, конечно, не представляли сперва обстоятельныхъ отчетовъ. Только въ исходѣ 20-хъ годовъ, когда Европа серьезно заступилась за опустошаемую турками Морею, въ Олимпіи нѣкоторое время прогостила цѣлая экспедиція образованныхъ французовъ, въ числѣ которыхъ находились и архитекторы, и живописцы. Однако новогреки подозрительно относились къ дѣятельности иностранцевъ, при малѣйшей возможности увозившихъ домой (напр. въ Лувръ) сокровища классическаго искусства, и потому случайныя попытки глубже заняться археологіей въ предѣлахъ Элиды не приводили, почти до нашего времени, ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ. Извѣстный филологъ Курціусъ десятки лѣтъ мечталъ о возможности предпринять тамъ работы и, не будь онъ воспитателемъ прусскаго наслѣднаго принца Фридриха, быть можетъ, Олимпія до сихъ поръ оставалась бы сравнительно плохо изслѣдованной. Курціусъ съумѣлъ заинтересовать своимъ проектомъ раскопокъ не только берлинскій дворъ, но и всю Германію. Тамъ поняли, что если другія націи снабжали большими средствами ту или иную экспедицію, преслѣдовавшую археологическія цѣли въ Африкѣ или Азіи, то непростительно было бы и со стороны нѣмецкихъ патріотовъ не приложить посильнаго старанія къ осуществленію столь идеально-полезнаго дѣла, — особенно разъ идетъ рѣчь о возстановленіи классической старины, памятниковъ доблестнаго народа, который даже въ годину персидскаго нашествія, когда воины Леонида рѣшились умереть подъ Ѳермопилами, — безпечно собрался по преданію на завѣтныя игры. Полководецъ Мардоній провѣдалъ отъ перебѣжчика, почему такъ мало грековъ отражаетъ вражеское войско и удивился: «изъ-за какой же награды ведется состязаніе?» — «Побѣдителя вѣнчаетъ масличная вѣтвь». — «Горе намъ!» — будто бы воскликнулъ какой-то иранецъ: «куда мы пришли? Эти люди мужественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, если цѣнятъ подобное украшеніе дороже злата и сребра.»

Много вѣковъ поклонники эллинскаго искусства могли грустить о томъ, что развѣнчана и погибла Олимпія. Извѣстно было, что мѣсто, столь священное для древнихъ художниковъ и поэтовъ, обратилось въ пустырь и подъ палящими лучами солнца Мореи рѣка Алфей катитъ волны равниною, не сохранившею никакихъ остатковъ прошедшаго. Рядъ новѣйшихъ замѣчательныхъ открытій разсѣялъ это заблужденіе: подъ благодѣтельнымъ иломъ мѣнявшихъ свое направленіе водъ, уцѣлѣло немало развалинъ и обломковъ, которые наконецъ освѣщаются западнымъ знаніемъ и возстаютъ какъ безсмертныя созданія человѣческаго генія. Олимпія освобождается отъ поглощавшаго ее забвенія и, по всей вѣроятности, оживаетъ въ нашемъ расширенномъ сознаніи еще лучезарнѣе, еще великолѣпнѣе, чѣмъ она представлялась иному простодушному греку, издалека притекавшему сюда, на празднество, въ давно угасшую эпоху. Тѣнистая возвышенность надъ святилищами

(Кроніонъ), названная такъ пелазгами въ честь Кроноса — сына Урана и Геи, по прежнему покрыта миртами и травами. Дикія грушевыя деревья спускаются къ ея подножію. Подъ нею разстилается площадь, нѣкогда занятая разными храмами, сокровищницами и ристалищами. Цѣпь круглыхъ холмовъ съ обнаженными вершинами, уходитъ въ даль, на югъ, опоясанная оливковыми деревьями и соснами, при чемъ здѣсь и тамъ бѣлѣютъ домики поселянъ. Широкая ровная рѣка струится съ востока на западъ. Аркадскія горы темнѣютъ на горизонтѣ у дикихъ ущелій, изъ которыхъ она вытекаетъ; но, пропустивъ ее въ улыбающуюся Элиду, онѣ разступаются и открываютъ ей просторный путь къ близкому морю. Алфей нѣкоторое время, повидимому, колеблется въ своемъ движеніи туда, извивается въ тѣни лавровъ, ростущихъ вдоль песчанаго побережья. Но стремительный горный потокъ Кладеосъ, вливаясь въ рѣку съ сѣвера, какъ-бы ускоряетъ ея бѣгъ, и оба скрываются за холмомъ.

Въ теченіе двѣнадцати вѣковъ греческое искусство и греческая религія, будучи органически между собою связанными, пеклись о разукрашеніи Олимпіи. Весь такъ-называемый классическій міръ, даже изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ, высылалъ на игры атлетовъ, возничихъ, художниковъ, мыслителей и поэтовъ — вообще всякаго рода выдающихся надъ средою людей. Каждое поколѣніе, каждый городъ старались оставить здѣсь память и слѣдъ по себѣ. Богомольцы до такой степени должны были теряться при видѣ всѣхъ скопляющихся рѣдкостей и достопримѣчательностей, что мы — преемники греко-римской цивилизаціи — теперь, на развалинахъ прошедшаго, непосредственно съ нимъ знакомые, въ иныхъ отношеніяхъ больше его себѣ уясняемъ, чѣмъ сами древніе.

Наслѣдникъ Цесаревичъ внимательно обозрѣваетъ площадь раскопокъ. Она поражаетъ мертвенною обнаженностью. Отъ обломковъ и каменныхъ помостовъ вѣетъ грустью. Мы всетаки приближались въ надеждѣ увидѣть что-нибудь уцѣлѣвшее и стройное. А передъ глазами — разрытое кладбище съ разрушенными до основанія святилищами! Землетрясенія въ VI в. послѣ Р. Хр., обвалы Кроніона, невѣжество окрестныхъ жителей, строившихъ себѣ крѣпость и жилье изъ неимѣющихъ себѣ подобія камней — эти явленія ясны какъ день, когда вступаешь въ предѣлы нынѣшней Олимпіи; но воображеніе еще спитъ: ему не рисуется съ поразительной живостью давно минувшее величіе, ему ничего не говорятъ сухой перечень древнегреческихъ названій и филологическіе комментаріи.

Главнѣйшимъ источникомъ топографическихъ данныхъ объ Олимпіи служитъ сочиненіе малоазійскаго грека Павзанія (II в. послѣ Р. Хр.), такъ подробно ее описавшаго, что уже съ эпохи Возрожденія общій планъ мѣстности представлялся съ нѣкоторою точностью. Вотъ налѣво отъ насъ — круглый фундаментъ Филиппейона, основаннаго отцемъ Александра Македонскаго послѣ херонейской побѣды надъ аоинянами. Три мраморныхъ ступени ведутъ къ серединѣ памятника, гдѣ нѣкогда среди дивной колоннады стояли изображенія сѣверной царской семьи (изъ золота и слоновой кости). Рядомъ — святилище Геры, едва-ли и старѣйшее въ Элладѣ. Шестнадцать жрицъ постоянно ткали здѣсь покрывало богини, которой кромѣ того прислуживало много дѣвушекъ. Несмотря на извѣстнаго рода культъ женскаго начала (занимавшій почетное положеніе въ Олимпіи), женщины не смѣли присутствовать на играхъ, этомъ исключительномъ празднествѣ мужскаго элемента: если-же кто-нибудь нарушалъ строгое запрещеніе, виновницу казнили, сбрасывая ее со скалы. Вправо отъ Герейона подходишь къ религіозному центру, гдѣ памятовался прибывшій съ востока герой Пелопсъ. Тутъ все предрасполагало поклоняться душамъ усопшихъ. Бѣлые тополи окружали мѣсто. Срубая ихъ, набожный народъ поддерживалъ огонь на алтаряхъ. Теперь ничего не остается отъ прежней растительности...

Въ воздухѣ духота. Небо заволокнулось густыми тучами. Надо поторопиться осмотромъ руинъ. Музей по близости и, въ случаѣ дождя, тамъ съ наслажденіемъ можно провести еще много времени.

Мы идемъ, изрѣдка оступаясь о камни, въ чертѣ исчезнувшаго жертвенника Зевса, у котораго, во мглѣ дымившихся передъ нимъ приношеній, жрецы предсказывали будущее. Олимпія была полна свойствъ мистическаго характера. По преданію, когда на нее однажды напали нечестивые враги и два враждебныхъ строя уже сходились для битвы, — вдругъ впереди туземцевъ Элиды появилась женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Младенецъ вдругъ обратился въ змѣя и, приведя нападавшихъ въ неописуемый ужасъ, скрылся въ черномъ подземельи, куда затѣмъ вошло въ обычаи посылать уродливую старуху съ завязанными глазами, съ сосудомъ воды и медовыми пирогами для таинственнаго существа, прозваннаго «спасителемъ града» (Созиполемъ).

Главный его хозяинъ — самъ «громовержецъ» — тоже подчасъ поражалъ Элладу сверхъестественными явленіями: разъ напугалъ землетрясеніемъ пришедшихъ сюда съ дурными намѣреніями лакедемонянъ, разъ опалилъ молніей свою собственную статую, разъ даже велѣлъ ей дико засмѣяться при видѣ посланцевъ съумасшедшаго Калигулы, который вздумалъ замѣнить ея голову своею...

Его Императорское Высочество приближается къ развѣнчанному чертогу «старшаго языческаго небожителя». Въ воздухѣ все осязательнѣе чувствуется дыханіе грозы. Мало по малу мысли отчетливѣе переносятся ко днямъ кипучей дѣятельности, когда древніе архитекторы, скульпторы и живописцы наперерывъ стремились возвеличить національную святыню. Совершеннѣйшее и не могущее быть превзойденнымъ искусство отмѣчало печатью геніальности созданія этой достопамятной эпохи. Олимпійскіе памятники, — какъ убѣждаешься воочію — возникали и расширялись безъ опредѣленнаго, холодно задуманнаго плана: счастливый случай и врожденный вкусъ способствовали по временамъ зарожденію той или другой характерной подробности. По мѣрѣ того какъ здѣсь сосредоточивались многія богатыя приношенія — отзвуками и отблесками народнаго одушевленія — параллельно являлись художники съ живою потребностью творчества. Удивительные храмы строились за храмами. Каждое новое изваяніе законченностью и прелестью формъ словно пыталось превзойдти предъидущія... Центромъ всего былъ однако домъ «громовержца», а кругомъ, въ красивомъ безпорядкѣ, группировались другіе алтари, казнохранилища, школы, ристалища. Совокупность народныхъ «святынъ» называлась Алтисъ (ἄλτις — этолійскій варіантъ слова ἄλσος) — «роща». Въ священной дубравѣ могъ и долженъ былъ веселиться духъ боговъ и героевъ.

Равномѣрно, по истеченіи четырехъ лѣтъ, на пятый годъ въ Олимпію отовсюду изъ греческаго міра, а потомъ изъ образованнѣйшихъ частей римской имперіи, особыми глашатаями сзывались толпы богомольцевъ и приходили почтительныя посольства. Множество иноземцевъ и вообще гостей скучивалось на довольно маломъ пространствѣ. Религіозныя процессіи двигались, распѣвая гимны. Ревнители съ благоговѣніемъ приносили различныя жертвы, согласно какимъ-нибудь искренно даннымъ обѣтамъ. Издалека прибывшіе путники молились Зевсу. Великіе ораторы непосредственно обращались къ народу.

Послѣднія политическія извѣстія служили тэмою общихъ мірскихъ разговоровъ. Привѣтствуемые зрителями, увѣнчанные цвѣтами, взволнованные борьбой и ожиданіемъ побѣдители шли благодарить боговъ. Казалось, что вся жизненная энергія, присущая греческой народности, въ такіе моменты проявлялась съ наибольшею силою и яркостію. Затѣмъ, на четыре года, Олимпія опять пустѣла. Только немногіе чужестранцы, да жрецы

НА РАЗВАЛИНАХЪ ЗЕВСОВА ХРАМА ВЪ ГРОЗУ.

[illegible]ло скользили отъ алтаря къ алтарю, окружая священныя статуи благовоніями и хотѣ[illegible] этимъ нарушая глубокое безмолвіе избранной божествами мѣстности.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Кроніона, ближе къ Алфею, слегка возвышаясь надъ [illegible]ѣдними развалинами, лежатъ жалкіе остатки храмины Зевса. Подножія немногихъ стол[illegible] точно вросли въ почву. Осколки вершинъ радіусами низвержены по сторонамъ, — очевидно, силою страшнаго подземнаго удара. Августѣйшій путешественникъ подымается туда съ востока, гдѣ былъ входъ, — со слѣдами закрѣпъ отъ бронзовыхъ дверей, скрывавшихъ передъ толпою внутренній видъ кумирни. Она дѣлилась колоннадами на три части: въ средней и просторнѣйшей помѣщался главный кумиръ, надъ сотвореніемъ котораго трудился геніальный Фидій, жившій въ Олимпіи изгнанникомъ, послѣ того какъ аѳиняне устранили его — создателя богини Аѳины изъ золота и кости. Тотъ же благородный матеріалъ послужилъ ему и для возвеличенія небеснаго отца Паллады. Изображеніе предстало на высокомъ тронѣ, изукрашенномъ чернымъ деревомъ и цвѣтными каменьями. На величавой главѣ — вѣнокъ. Въ десницѣ — небольшая статуя побѣды. Лѣвая длань держала царственный посохъ съ орломъ. Золотомъ горѣли плащъ и сандаліи возсѣдающаго міроправителя. Подъ ногами у него покоились [illegible].

Вся фигура являла наивысшую степень спокойствія и примиренія. Олицетвореніе справедливости и милосердія — она мнилася одушевленною и совершенно свободною отъ матеріальныхъ узъ. Говорятъ, что ея творецъ, окончивъ работу, палъ ницъ въ принявшемъ ее святилищѣ и взывалъ о ниспосланіи какого-нибудь знака, что она безукоризненна.

> Зевсъ — громовержецъ! взгляни: предъ тобою твой рабъ и создат[illegible].
> Фидій въ глубокомъ [illegible]
> [illegible]
> Ликъ озар[illegible]
>   [illegible]
> Та[illegible] —
> Что ему смертный художникъ средь праха земнаго!
> Онъ же молящія руки съ мольбою сугубой простер[illegible]...
> Тихо въ пустынной кумирнѣ — и Фидій поднялся смущенн[illegible]:
> Трепетъ пронесся по храму, и пламя повсюду бѣж[illegible].
> Грома раскаты . . . алтарь прояснился, о чудо!
> Да, это Зевсъ отвѣчаетъ и небо грозой говоритъ.

У алтаря остались слѣды ударившей молніи. Художникъ могъ торжествовать. Его потомки изъ поколѣнія въ поколѣніе стали пользоваться въ Олимпіи общимъ почетомъ.

Они пеклись о чистотѣ дивнаго кумира. Его обмывали елеемъ, стекавшимъ въ черный мраморный бассейнъ. Если подумать, какъ много шестисаженная статуя должна была выигрывать отъ украшавшей ее бронзы и миѳологической живописи, отъ пурпурнаго шерстяного облаченія съ ассирійскими узорами, подареннаго Антіохомъ Эпифаномъ Сирійскимъ, и относительно малыхъ размѣровъ святилища (имѣвшаго лишь 10 саж. высоты, при 30 саж. длины и 12—13 ширины), — то умиленіе эллиновъ передъ геніальнымъ созданіемъ болѣе чѣмъ понятно. Тѣмъ больнѣе вспомнить, что его, при византійской нетерпимости, увезли въ качествѣ диковины въ Царьградъ и что тамъ оно сгорѣло!

Медлившая непогода наконецъ разряжается. Небосклонъ прорѣзывается огненными змѣями. Дождь падаетъ крупными, частыми каплями. Наслѣдникъ Цесаревичъ покидает[illegible] жилище Зевса и направляется въ гору.

Музей открытъ и ждетъ Высокаго посѣтителя. Еще весьма недавно все, добытое раскопками, лежало сложеннымъ или точнѣе сваленнымъ въ какой-то рушнѣ съ досчатою

НАХОДКИ

ворцей. Аѳинскій банкиръ Цингросъ предложилъ средства, чтобы прилично помѣстить національныя сокровища. Ко времени окончанія работъ германской комиссіи, ихъ накоплялось весьма значительное количество: 14,000 бронзовыхъ вещей, 6,000 монетъ, 400 надписей, 130 статуй и барельефовъ. Вотъ уже десять лѣтъ матеріалъ приводится въ порядокъ.

У входа въ хранилище портикъ и двѣ колонны устроены на подобіе бывшихъ у святилища «громовержца». Изъ передней уже видно въ глубинѣ центральнаго зала обезображенное изваяніе «побѣды» (Νίκη) художника Пэонія (около 420 г. до Р. Хр.). Мраморъ нѣкогда трепеталъ жизненностью: богиня какъ-бы низпаряла на землю. Куски ея отломанныхъ крыльевъ и развѣвавшейся одежды такъ и нельзя было прикрѣпить къ принявшему теперь «Νίκη» пьедесталу. Воплощенная человѣческою мечтою «небожительница» будто прикована къ праху, навсегда лишена свободы подняться въ родной эфиръ. Повторять, до какой степени она прекрасна, пошло: развѣ можно видѣть наивысшее творчество греческаго рѣзца и не чувствовать себя пріобщеннымъ къ тому, что гр. Алексѣй Толстой тонко назвалъ «отчизной пламени и слова»? Прометей недаромъ похитилъ огонь съ небесъ. Эллины вдохнули это начало въ покорившееся ихъ голосу вещество!

Здѣсь въ Олимпіи, обходя археологическія достопримѣчательности, шагъ за шагомъ знакомишься съ постепеннымъ, мучительно-долгимъ развитіемъ тамошняго искусства. Доисторическіе крайне наивные образы людей и животныхъ, приносившихся къ алтарямъ, въ качествѣ жертвъ, или же вѣшавшихся на деревья священной рощи, все бо́льшая и бо́льшая обдуманность и анатомическое знаніе въ олицетвореніи Зевса, — который сначала является только силою и грозою, а затѣмъ опредѣляется, какъ идеалъ царственной мудрости, справедливости и красоты, съ чертами бога и правителя, вѣщаго существа и народнаго вождя, — строгая женственность линій у величавой головы Геры, облики бойцовъ и т. д., и т. д. — все поучительно въ высшей степени, все говоритъ о внутреннемъ строѣ народа, приходившаго въ Элиду помолиться и воспрянуть духомъ.

ВЪ ОЛИМПІИ

Что же его бодрило и закаляло для совершенія славныхъ дѣлъ на поприщѣ міроваго соперничества государствъ? Для древнихъ грековъ это было понятіе «агонъ» (состязаніе). Подъ словомъ подразумѣвалось нѣчто гораздо бо́льшее, чѣмъ обыкновенная борьба атлетовъ и возничихъ, а точнѣе окончательное проявленіе взаимодѣйствія двухъ противоположныхъ силъ. Въ состязаніяхъ сказывалось напряженіе не одного только человѣка,

ЗЕВСЪ ФИДІЯ И ОБЛОМКИ ИЗВАЯНІЙ ВЪ ОЛИМПІЙСКОМЪ МУЗЕѢ.

[illegible] области, [illegible]. [illegible] Олимпію лѣтомъ, съ [illegible]. Остается загадкой, какъ могли происходить пресловутыя сборища именно [illegible] невыносимаго зноя. Это, вѣроятно, вызывалось традиціей, какимъ-нибу[illegible] [illegible]ихъ условій; но чѣмъ, — неизвѣстно. Неясно даже, кто собственно положилъ начало исторически важнымъ играмъ: онѣ будто-бы велись со времени прославленнаго обжорствомъ дорическаго Геракла, посадившаго тутъ масличное дерево для увѣнчанія побѣдителей его вѣтвями. Въ вѣрованіи эллиновъ сами небожители нѣкогда состязались здѣсь въ кулачномъ бою и въ бѣгѣ. Критяне привезли сюда Зевса-ребенка и устроили для забавы борьбу, въ которой Аполлонъ осилилъ Гермеса и Арея. Съ V на IV в. до Р. Хр. Олимпія достигаетъ наивысшаго разцвѣта. Отъ предѣловъ сѣверной Африки и Марселя до Чернаго моря и дальнихъ азіатскихъ странъ богомольцы съѣзжаются толпами. Отъ притока ихъ населеніе долины Алфея становится гуще и богаче. Является необходимость въ сооруженіи сокровищницъ для храненія отовсюду приносимыхъ драгоцѣнныхъ даровъ. Изъ этихъ зданій самою пышною становится мегарская.

Вокругъ храма Зевса разростается и ширится чудный паркъ, среди зелени котораго [illegible]нѣются безчисленныя статуи, колонны, треножники, курильницы и т. п. Только греки по происхожденію допускались на «благородное» ристалище. Македонскимъ царямъ сперва возбранялся доступъ, ибо ихъ считали почти варварами. Національная гордость дошла до апогея и затѣмъ жестоко была унижена. При владычествѣ Рима позоръ дошелъ до того, что одного цезаря, побѣжденнаго въ борьбѣ, тѣмъ не менѣе увѣнчали. Послѣдній побѣдитель въ Олимпіи оказался родомъ изъ иноплеменниковъ Арменіи.

Въ годы яркаго блеска толпа не только смотрѣла на физическія состязанія, но внима[illegible] также рѣчамъ и ученію выдающихся мужей. Геродотъ, во время игръ, повѣдалъ народу часть своей безсмертной исторіи. Представители отдаленнѣйшихъ эллинскихъ поселеній привыкали видѣть другъ въ другѣ отпрысковъ одного и того же корня и, сознавая это, рукоплескали искуснѣйшимъ государственнымъ дѣятелямъ и безстрашнымъ вождямъ. Когда, послѣ саламинскаго сраженія, Ѳемистоклъ прибылъ на олимпійское празднество, тысячи зрителей поднялись со своихъ сѣдалищъ и привѣтствовали великаго аѳинянина. Милетскій мудрецъ Ѳалесъ, въ престарѣломъ возрастѣ, пріѣхалъ сюда полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ и переутомленный долгимъ путешествіемъ мирно опочилъ среди радостно ликовавшаго народа. Пиѳагоръ, Сократъ, Платонъ, Діогенъ посѣщали Олимпію.

Уже въ VI-мъ столѣтіи восторженные греки нашли возможнымъ воздвигнуть статую одному неподражаемому музыканту, который въ теченіе четверти вѣка игралъ на свирѣли, восхищая богомольцевъ, стекавшихся въ Элиду. Маленькое изображеніе его поставили близъ центральнаго святилища. Сначала статуи удостоенныхъ столь великой чести людей вырѣзались изъ дерева, потомъ онѣ стали дѣлаться изъ бронзы. По необъятному числу найденныхъ въ Олимпіи пьедесталовъ, можно себѣ составить лишь слабое представленіе о количествѣ возвышавшихся надъ ними великолѣпныхъ произведеній искусства.

Обходя музей и медля очарованными взорами то на одномъ изъ нихъ, то на другомъ, въ главномъ залѣ невольно очень долго останавливаешься на грустныхъ обломкахъ украшеній Зевсова храма, которыя краснорѣчиво говорятъ объ его величественной внѣшности. Какъ не застыть въ живительномъ созерцаніи передъ фигурами, образовывавшими нѣкогда одну знаменитую группу вдоль крыши надъ кумирней «громовержца»? Изображалось предстоящее состязаніе коней пришлаго въ Элидѣ героя Пелопса съ конями мѣстнаго пизанскаго царька Эномая. Богъ-властелинъ спокойно стоитъ, превышая ихъ размѣрами, посрединѣ. Въ сторонѣ, сбоку, возлегаютъ зрители, олицетворенія рѣчныхъ геніевъ

(Алфея и Кладеоса). Скульпторъ Пэоній изъ Ѳракіи является, повидимому, создателемъ художественно задуманнаго момента предъ готовящеюся борьбой. Фигуры сильно пострадали, будучи низвергнуты при землетрясеніи съ высоты сооруженія, но, благодаря тщательнымъ и обдуманнымъ работамъ археологовъ, група, насколько возможно, собрана и расположена въ старомъ порядкѣ.

Что же такое особенное въ полумионическомъ эпизодѣ могло заставить великаго ваятеля испытать надъ нимъ свой чарующій рѣзецъ? Древнеклассическое преданіе незамысловато и не даетъ много пищи воображенію.

У Эномая — единственная дочь Гипподамея. Она — изумительной красоты и самъ отецъ ревнуетъ ее къ многочисленнымъ женихамъ, — тѣмъ болѣе, что есть предсказаніе, будто ему суждено погибнуть отъ руки зятя. Для огражденія дѣвушки и себя отъ сватовства Эномай ставитъ женихамъ, какъ главное условіе, побѣдить его необычайно быстрыхъ коней вихрокрылымъ бѣгомъ столь же сильныхъ скакуновъ, или же заплатить цѣною собственной жизни несчастіе пораженія. Женихи не идутъ больше на страшный рискъ. Пизанскій царекъ настолько всегда увѣренъ въ превосходствѣ своей запряжки надъ лошадьми соперниковъ, что при началѣ состязанія даже не отъѣзжаетъ на просторъ единовременно съ ненавистными искателями руки Гипподамеи, а даетъ имъ помчаться впередъ, — самъ же еще приноситъ жертву Зевсу и затѣмъ лишь грозно несется по равнинѣ, догоняетъ мечтающаго овладѣть невѣстой и безпощадно прободаетъ его копьемъ. На смѣну тринадцати погибшихъ такимъ путемъ отважно приходитъ Пелопсъ и побѣждаетъ Эномая. Не правда-ли, трудно себѣ представить, какъ можно, при довольно несложномъ содержаніи сказанія, вдохнуть жизнь и трепетъ поэзіи въ простой камень? Но онъ передъ нами, среди цѣлаго святилища эстетики, называемаго Олимпійскимъ музеемъ. Каменная на половину обезображенная група дышетъ и полна напряженія. Никто изъ участвующихъ въ состязаніи не смотритъ на царственную фигуру Зевса: онъ, вѣроятно, невидимъ для глазъ, отвернулся отъ жестокосердаго отца, обратился въ сторону юнаго героя. Эномай представляется суровымъ витяземъ, со шлемомъ на головѣ. Непобѣдимый до нынѣшняго дня отецъ Гипподамеи словно охваченъ предчувствіемъ невѣроятнаго пораженія. Съ нимъ рядомъ — жена, застывшая съ видомъ тихой грусти. Художникъ поставилъ дочь подлѣ Пелопса. Она недвижна, безстрастна, удивительно хороша въ своей каменной, мягкими складками ниспадающей одеждѣ. Совершенно подобный этому образъ находится, тутъ же по близости, въ числѣ прочихъ олимпійскихъ находокъ. Между ними есть барельефъ съ женщиною, стоящею за Геркулесомъ, который поддерживаетъ небо, пока

ГЕРАКЛЪ И АТЛАНТЪ.

Атлантъ отправился принести богатыю яблоки изъ сада Гесперидъ. Ея лице и лицу Гипподамии стоитъ.

Въ стѣнахъ музея столькимъ можно безъ конца любоваться, что посвятить ему стоитъ хоть нѣсколько дней. Но намъ пора вернуться въ Пиргосъ и Патрасъ. Гроза прошла. Солнце золотитъ свои комнаты, гдѣ имѣется драгоцѣннѣйшій памятникъ Олимпіи — статуя Гермеса, изваянная Праксителемъ. Небожитель держитъ младенца Вакха и, повидимому, забавляетъ его чѣмъ-то; но рука, на которую смотритъ ребенокъ, отбита. Шея и блистаютъ неподражаемымъ совершенствомъ чело и торсъ безсмертнаго юноши. Въ немъ такъ много человѣчности и простоты, что ваянью никогда не удалось достигнуть бóльшей гармоніи между идеей и формой. Мраморъ благоухаетъ красотою.

ПОДЪ АКРОПОЛЕМЪ.

Среда, 31-го октября (12-го ноября).

Еще всецѣло подъ впечатлѣніями вчерашняго возвращенія изъ Олимпіи — при вторичной грозѣ, съ темнотою ненастья, нависшею на извилистомъ пути обратно къ желѣзной дорогѣ, — открываешь глаза въ патрасской гостинницѣ, приготовленной для ночлега Наслѣднику Цесаревичу. Передъ окнами толпы любопытныхъ. Ясный день. Совершенно европейская внѣшность города и населенія.

ВЪ АӨИНАХЪ.

Уже съ вечера Его Императорскому Высочеству имѣли счастіе представиться назначенные состоять при Его Особѣ во время пребыванія въ Греціи: флигель-адъютантъ короля Эллиновъ полковникъ Вассо и ротмистръ кавалеріи Метакса. Теперь они оба чуть свѣтъ готовы сопровождать Высокаго Гостя въ радушно настроенныя Аѳины.

Колокольный звонъ доносится изъ православныхъ церквей. Августѣйшій путешественникъ садится въ экстренный поѣздъ съ королевскими вагонами. Чудное утро такъ и просится въ душу. Быстро исчезаютъ изъ виду бѣлые домики Патраса. Воды Коринѳскаго залива неподвижной поверхностью раскидываются слѣва отъ насъ, сверкаютъ и нѣжатся на солнцѣ, дѣлятся на двѣ рѣзко отличныя полосы голубаго и стальнаго цвѣта. Справа отъ желѣзной дороги однообразно тянутся насажденія коринки, встаютъ холмы, ширится цѣлый хребетъ. Насколько его очертанія сумрачны и тяжелы, настолько противоположныя этолійскія горы, за моремъ, воздушны и очаровательны. Онѣ подымаются какъ-бы прямо изъ волнъ

свѣтлосинею стѣной, только по временамъ прорѣзываемою темными впадинами долинъ, и [illegible]о уплываютъ величественными вершинами въ лучезарное небо. Какъ дивно хороша эта Грецiя, какими красками одарила ее божественная природа!

Возвышенности съ нашей стороны все ближе и ближе придвигаются къ за[illegible]. Поѣздъ идетъ мѣстами среди прибрежныхъ скалъ, по крутымъ насыпямъ и довольно ча[illegible] небольшимъ мостамъ. Изрѣдка встрѣчаются виноградники и масличныя деревья. Нависающiя громады становятся грознѣе. Понятно, почему здѣсь, при землетрясенiяхъ, жителямъ вдвойнѣ трудно избѣжать опасностей. Мы подходимъ къ городку Эгiону (или, точнѣе сказать, Востицѣ), два года назадъ разрушенному сильными колебанiями [illegible]. Онъ почти отстроился, живописно раскидывается по зеленѣющимъ склонамъ предгорья, улыбается солнечному блеску и струящемуся съ сѣвера живительному вѣтерку.

Окрестности постепенно мѣняютъ характеръ. Задумчивые кипарисы густыми рядами унизываютъ путь, образуютъ просто подобiе лѣса, — чего кажется, нигдѣ нѣтъ въ другихъ частяхъ Грецiи, — и какъ нельзя лучше гармонируютъ съ угрюмостью открывающихся сбоку глубокихъ ущелiй, откуда катятся и перегоняютъ другъ друга ручьи.

Коринѳъ. Громкое названiе, данное незначительному коммерческому пункту, выросшему поодаль отъ развалинъ своего славнаго предка. Желѣзная дорога, дойдя до перешейка, соединяющаго Морею съ материкомъ, поворачиваетъ направо, къ востоку. Вглядываясь въ отступающую отъ насъ озероподобную ширь залива, прощаешься съ его мягкими [illegible] линiями, красивыми бухтами и вѣнчающею даль серебристою главою Парнаса. Мысъ св. Николая обрывомъ спускается въ лазурную гладь исчезающихъ изъ виду водъ. Поѣздъ, замедляя ходъ, приближается къ району работъ по прорытiю [illegible] моремъ и выходомъ въ Средиземное, чѣмъ весьма осязательно должно сократиться разстоянiе отъ Константинополя и Аѳинъ до италiанскихъ портовъ и Трiеста, не говоря уже о расширенiи торговли внутри самой Грецiи.

Сооруженiе будетъ длиною въ три съ половиною мили, шириною въ нѣсколько десятковъ футовъ. Надъ нимъ уже переброшенъ высокiй желѣзнодорожный мостъ, на которомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ кратковременно покидаетъ вагонъ для бѣглаго [illegible] результатовъ потраченной на это предпрiятiе энергiи. Отсюда дѣйствительно открывается [illegible] оригинальное зрѣлище. Высота рельсоваго пути, откуда мы смотримъ, — через [illegible] перила вдоль пропасти, — достигаетъ, по меньшей мѣрѣ, тридцати пяти саженей. [illegible] смѣло могутъ со временемъ проходить суда съ гигантскими мачтами. Сѣрыми и невзрачными массами лежатъ внизу насыпи, стѣны и землечерпательныя машины будущаго [illegible]. [illegible] По направленiю къ сѣверной оконечности канала слабо различается маякъ у недавно во[illegible]наго городка Посейдонiи. Да, богъ моря нѣкогда царилъ тутъ во всемъ своемъ величiи передъ воображенiемъ благоговѣйно настроенныхъ древнихъ. Наравнѣ съ фин[illegible] божествомъ Мелькартомъ онъ чтился населенiемъ именно здѣсь на рубежѣ двухъ одинаково ему подвластныхъ, но по непонятной причинѣ чуждыхъ, хотя и родныхъ ст[illegible] началъ. Для прославленiя мореправителя на перешейкѣ издревле возвышались особыя святилища и устраивались такъ-называемыя «истмiйскiя игры». Невозможности прямаго общенiя въ ту далекую пору еще легко было помочь. Иные корабли просто-напросто перетаскивались по суху. Съ этой цѣлью нарочно поддерживалась покатая, ско[illegible] поверхность, на которую ихъ втягивали и съ которой ихъ потомъ сплавляли. Первобытно и [illegible]!

Уже при римскихъ императорахъ являлась мысль соединить оба моря. Однако за ея серьезное выполненіе взялись лишь въ нашъ вѣкъ. Работы начаты около 1881 года, по иниціативѣ французскаго общества, съ гарибальдійскимъ генераломъ Тюромъ во главѣ.

Время за полдень. Поѣздъ, увозящій Его Императорское Высочество, круто поворачиваетъ, подъ гору, къ маленькой гавани Каламаки, гдѣ предстоитъ снова вернуться на «Память Азова». Эскадра стройно выдѣляется на зеркалѣ Сароническаго залива. Крошечная станція разукрашена. Сюда заблаговременно прибыли, чтобы встрѣтить Августѣйшаго путешественника, члены русской миссіи въ Греціи, генеральный консулъ Г. Р. Генрихсенъ и нашъ военный агентъ баронъ Е. А. Раушъ фонъ Траубенбергъ.

Фрегатъ, подъ флагомъ Наслѣдника Цесаревича, плавно рѣжетъ спокойную влагу. Часа черезъ два послѣ завтрака впереди ясно обозначается скалистый Саламинъ съ его многочисленными заливчиками. Издали островъ кажется соединеннымъ съ материкомъ.

РУССКАЯ ЭСКАДРА У ГРЕЧЕСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Въ прозрачномъ воздухѣ съ удивительною отчетливостью ростутъ и опредѣляются горы, обступившія Аттику. Будь мы на два тысячелѣтія ближе къ ея прошедшему, на Акрополѣ сверкнули бы жаркимъ золотомъ шлемъ, копье и щитъ Аѳины Паллады. Но богиня отлетѣла отъ разрушеннаго кремля. Купола православныхъ храмовъ блестятъ надъ новымъ городомъ. Цѣлый лѣсъ мачтъ и трубъ, въ пестротѣ безчисленныхъ флаговъ развертывается у оживленнаго Пирея. Входъ въ него чрезвычайно тѣсенъ, — особенно когда туда направляется великанъ-броненосецъ. Триремы Ѳемистокла, безъ сомнѣнія, впархивали въ него стремительнѣе птицъ. Управляемые варягами — богатырями «драконы» Гарольда Гаардрады (жениха Ярославны), конечно, пробивались сюда, какъ это не мыслимо современнымъ военнымъ кораблямъ.

Пятый часъ пополудни. Оглушительный грохотъ орудій съ батарей и судовъ длится до безконечности. «Память Азова» медленно скользитъ черезъ преддверье переполненной гавани. Музыка гремитъ національные гимны. Положительно счету нѣтъ пушечнымъ выстрѣламъ. Когда пороховой дымъ сталъ разсѣяваться, отъ южной дамбы отдѣлился паровой катеръ, подъ королевскимъ штандартомъ, и подошелъ къ трапу Великокняжескаго

фрегата, гдѣ Гостей встрѣтили, въ парадной формѣ (при лентахъ греческаго ордена Спасителя) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его Августѣйшій Братъ. На свиданіе съ Ними прибыли Ихъ Величества Король (въ русской адмиральской формѣ, съ шифромъ 2-го флотскаго экипажа на эполетахъ и при лентѣ Св. Андрея Первозваннаго) и Королева Эллиновъ, Великій Князь Павелъ Александровичъ (въ мундирѣ 4-го Гусарскаго Его Величества полка) и Великая Княгиня Александра Георгіевна, а также принцы Георгій (въ мундирѣ лейтенанта 2-го флотскаго экипажа), Николай и принцесса Марія. Около пяти часовъ, тотъ же катеръ отдалился отъ «Памяти Азова», неся одновременно на своемъ флагштокѣ королевскій штандартъ и флагъ Наслѣдника Цесаревича. Высокіе Посѣтители и Августѣйшіе путешественники направились къ пристани у вокзала желѣзной дороги. Пирейскій городской голова привѣтствовалъ Ихъ [illegible]. Военная молодежь Эвельпидской школы отдала Имъ должныя почести. [illegible] въ Аѳины поѣздъ. Звуки «Боже, Царя храни» торжественно рѣяли надъ восторженными возгласами населенія.

Въ столицѣ — одинаково радушная, восторженная встрѣча. На станціи собрались къ блестящему пріему — министры, представители иностранныхъ правительствъ, городскія власти и т. д. Августѣйшія Особы проѣхали по улицѣ Гермеса во дворецъ. Тамъ, въ лонѣ родственной семьи, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ намѣревались сравнительно спокойно провести нѣсколько дней передъ отплытіемъ на дальній Востокъ.

Время въ Греціи тянется незамѣтно. Погода скорѣе хмурая, холодная. Ихъ Императорскія Высочества не ѣздятъ осматривать города и его достопримѣчательностей, такъ какъ уже ранѣе ознакомились съ ними. Цѣль пребыванія въ Аѳинахъ — исключительно желаніе побыть среди близкихъ лицъ и взять съ собою въ плаваніе, согласно волѣ Государя Императора, — королевича Георгія, рѣшившаго такимъ образомъ поглубже освоиться съ русскимъ языкомъ.

Дни идутъ ничѣмъ особеннымъ не отмѣченные. Какъ-то лучше отдаешься ожиданіямъ непосредственнаго будущаго, ибо путешествіе, несомнѣнно, дѣйствительно переживается на яву. Какъ правъ былъ какой-то французскій писатель, сказавшій: «l'espoir des émotions est déjà un plaisir!» Очевидно, когда съ противоположными [illegible] краями сталкиваешься лицомъ къ лицу, сперва должно наступить разочарованіе, — и только потомъ, по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, опять просыпаются интересъ и любовь къ неизвѣстному на чужбинѣ.

Простотой и [illegible] отъ [illegible] мѣстопребыванія «Базиликона». Массивный бѣломраморный дворецъ съ колоннадами, построенный въ тридцатыхъ годахъ, при правительствѣ Оттона Баварскаго, высится надъ главною площадью, окаймленною лучшими гостиницами и кофейнями. Къ послѣдней спускается бульваръ, по которому постоянно движется много народа. Въ четырехугольникѣ, между растущими здѣсь олеандрами, мягко стелется мурава.

За [illegible] поднимается благородно очерченная гора Ликавитъ съ часовнею св. Георгія. Придворный обширный садъ, доступный и постороннимъ посѣтителямъ, изобилуетъ тѣнистыми деревьями и цвѣтниками.

Внутри дворца покои соединяются длинными и очень высокими коридорами. Размѣры комнатъ вездѣ огромные. Тишина въ Базиликонѣ почти ненарушимая. Въ немъ видимо рѣдко [illegible] шумное оживленіе, проникаемое молодой и волнуемой политикой

городъ. Государственныя заботы зрѣютъ и даютъ добрый плодъ въ самихъ величавыхъ стѣнахъ королевскаго жилища.

Августѣйшія Особы посѣтили театръ. Ея величество съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ ѣздили въ Пирей, на «Память Азова». Въ воскресенье, 4-го ноября, въ русской церкви отслужена была въ Высочайшемъ присутствіи обѣдня. Этотъ храмъ отличается древностью своего основанія и непохожаго на другія аѳинскія постройки византійскаго стиля. Фундаментъ положенъ еще въ IX вѣкѣ, при императрицѣ Иринѣ. Наше правительство дало щедрыя средства на обновленіе и внутреннее убранство тысячелѣтняго сооруженія.

ВЪ АѲИНАХЪ.

На второй день пріѣзда Великихъ Князей во дворцѣ состоялся большой обѣдъ, а затѣмъ, въ субботу, залы Базиликона пламенѣли огнями по случаю бала въ честь Гостей, на которомъ насчитывалось нѣсколько сотъ человѣкъ приглашенныхъ и который длился до 4-хъ часовъ утра. На слѣдующій вечеръ былъ опять балъ во французской миссіи у графа Монтолона. Его величество и Наслѣдникъ Цесаревичъ, посѣтивъ его вмѣстѣ со всею королевскою семьею, имѣли на фракахъ звѣзды при лентахъ Почетнаго Легіона. Наконецъ, 5-го, торжества увѣнчались баломъ въ домѣ нашего посланника М. К. Ону. Два офицера съ «Владиміра Мономаха» (мичманы Дядинъ и Повалишинъ) изящно декорировали для этого событія балконъ, обративъ его въ очаровательный шатеръ, откуда упоительно неслась музыка оркестра съ «Памяти Азова». Все избранное аѳинское общество собралось на радостный для русскихъ праздникъ единовременнаго присутствія въ Греціи стольких

Гостей съ Сѣвера. Общее веселье и бодрое настроеніе не нарушались никакимъ диссонансомъ. Минуты близкой разлуки почему-то не страшили, почему-то мнились далекими.

Во вторникъ, 6-го ноября, Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Павелъ Александровичъ и Великая Княгиня Александра Георгіевна покинули столицу, направляясь домой, въ Россію, напутствуемые лучшими горячими пожеланіями множества прибывшихъ провожать Ихъ на станцію коринѳской линіи.

Среда, 7 (19) ноября.

Наступилъ и для насъ часъ отъѣзда. Съ утра уже снаряжаешься въ путь, испытываешь нѣкоторое невольное напряженіе, ждешь опять моря и нераздѣльныхъ съ нимъ

КЛАДБИЩЕ РУССКИХЪ МАТРОСОВЪ У ПИРЕЯ

безпредметно-сладостныхъ мечтаній. Съ утра дуетъ сильный вѣтеръ, заставляющій усомниться, какъ наша эскадра выйдетъ при такой погодѣ изъ узкой гавани. Но эта мимолетная мысль не останавливаетъ дорожныхъ приготовленій. Сундуки выносятся. Экипажи поданы. Надо проститься съ гостепріимнымъ Базиликономъ и симпатичными Аѳинами.

Мы отправляемся въ Пирей на лошадяхъ. На одномъ поворотѣ дороги красота покидаемой мѣстности, несмотря на пасмурное небо, поражаетъ особенной характерностью. Акрополь выступаетъ красноватой скалистою твердынею среди тусклой зелени и желто-коричневой поверхности округа. Гиметъ и Парнасъ раскинуты справа и слѣва. На сизомъ фонѣ амфитеатра, представляемаго краемъ, широкая вершина Пентеликона обрисовывается словно фасадъ незаконченнаго храма. Цѣлыя оливковыя рощи виднѣются между очертаніями горъ. Разрушенный, но вѣчно живой кремль гордо царитъ надъ разростающимся

городомъ: алтарь искусства, непоколебленный ужасами кровавыхъ нашествій и вандализма!! . . .

Передъ вступленіемъ на фрегатъ ея величество королева Ольга Константиновна поѣхала съ Великими Князьями на новое русское кладбище для моряковъ, устроенное [illegible]. Сюда же заблаговременно прибыли адмиралъ Басаргинъ, архимандритъ нашей миссіи Михаилъ, командиры нашихъ судовъ, отцы-іеромонахи съ «Памяти Азова» и «Владиміра Мономаха» и т. д.

Почти пустое, просто огороженное мѣсто, отведенное усопшимъ, открыто вѣтру, который при совершеніи панихиды крѣпчаетъ и злится. Звуки моленія на половину невнятны. Волны оиміама бѣгутъ по сторонамъ. Сердитые порывы становятся несносны. Но служба продолжается при благоговѣйномъ настроеніи тѣхъ, кто собрался для поминовенія безвѣстныхъ матросиковъ-соотечественниковъ: спите мирнымъ сномъ въ чужой землѣ! За ваши души набожно осѣняютъ себя крестомъ Сыновья Батюшки-Царя! За ваше безгрѣшное успокоеніе умиленно молится ваша неусыпная печальница и радѣтельница — Августѣйшая дочь вашего стараго генералъ-адмирала! . . .

Мы въ морѣ. Отъ медленно идущаго фрегата уже отвалилъ паровой катеръ, увозящій королевскую семью. Быстро темнѣетъ. До отдачи приказанія, чтобы прибавили ходу, адмиралъ ждетъ, когда за нами осторожно выйдутъ изъ гавани оба конвоира. Ночь плыветъ надъ нами въ звѣздотканномъ покрывалѣ. Острый запахъ соленой воды при легкой качкѣ чуть-чуть кружитъ голову и живительно опьяняетъ. Вотъ вдали на просторѣ обозначается нашъ неизмѣнный спутникъ-фрегатъ, различаются сигнальные огни на «Запорожцѣ». «Память Азова» властно устремляется впередъ. Во мракѣ, прощальнымъ привѣтомъ, трижды раздаются громкіе крики съ трехъ греческихъ миноносцевъ, которыми завѣдывалъ принцъ Георгій и которые провожаютъ любимаго начальника въ далекій, долгій путь.

ПРІЕМЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

[illegible], 30-го (31-го) октября.

егодня третій день въ открытомъ морѣ. Слегка почти не ощущались качки. Но къ ночи на 8-е мимо стало безпокойнѣе и сырѣе. Загремѣла посуда на поставцахъ. Мебель зашаталась. Вещи попадали на полъ. По каютамъ пронесся неясный шумъ пробужденія и легкой суеты. Въ иллюминаторы ударяютъ сильными брызгами волны. Съ непривычки не находишь себѣ, если на стѣнѣ зажигаешь электрическую лампочку, нынѣ приходилось неоднократно дѣлать какое время въ немедленный говоръ ночныхъ волнъ и отзвуки внѣшняго волненія на внутренней жизни плавучаго дворца. При выходѣ на палубу отовсюду обдаетъ рѣзкимъ воздухомъ, тоскливымъ сырымъ свистомъ, темнотою и неоглядностью простора, который мѣрно колышется вокругъ, передавая фрегату каждый моментъ свою плавную качку и свое мощное сердцебіеніе. Спускаешься внизъ, снова надо было мириться съ неуютностью растревоженнаго помѣщенія, съ непривычнымъ и безпокойнымъ покачиваніемъ, съ невозможностью сразу опять забыться и крѣпко спать. Тянутся долгими часами. Нервы напряжены. Никакое связное занятіе, никакое дѣло не спорится. Станешь читать (а о письмѣ и думать нечего!), книга валится со стола, кресло летитъ въ сторону, при неосмотрѣ или самъ упадешь, или на кого-нибудь натолкнешься. Но такъ какъ постепенно человѣкъ свыкается съ чѣмъ-угодно, — то и въ данномъ случаѣ маловажныя послѣдствія волненій становятся источникомъ смѣха и забавы. — Тѣмъ болѣе, что съ минуты появленія новаго лейтенанта (принца Георгія) въ кают-компаніи, тамъ вдругъ стало однимъ семейнымъ элементомъ больше. Заразительная веселость его непринужденнаго общества передалась молодежи. Уроки русскаго языка, преподаваемые ему младшимъ штурманомъ Ив. Ив. Кочинковскимъ, комическій даръ мичмана кн. Андрея Голицына, простота отношеній Великаго Князя Георгія Александровича къ сослуживцамъ, постоянное милостивое вниманіе Наслѣдника Цесаревича, — все бодритъ и развиваетъ духъ совершающихъ далеко не легкое плаваніе. Отвѣтственность, а по временамъ и тяжелыя условія вахтенной службы сами собою скрашиваются при сознаніи, что тамъ, на мостикѣ, у руля или рубки, въ темнотѣ и на вѣтру, безъ отличія отъ другихъ, отстаиваетъ свои часы второй Сынъ Государя.

Сегодня къ вечеру адмиралъ и командиръ учащеннѣе обыкновеннаго поднимаются на палубу, съ напряженной бдительностью всматриваются въ даль, ожидаютъ появленія маячныхъ огней на африканскомъ побережьи. Не увидавъ ихъ, туда не безопасно подходить. Время близится къ полуночи. Наклоненія фрегата съ боку на бокъ не уменьшаются. Послѣдніе дни совершается первоначальное испытаніе нашей способности переносить качку. Больныхъ нѣтъ: значитъ, надо надѣяться, морская болѣзнь никого не тронетъ и впереди.

Однообразный шумъ водъ то раздражаетъ, то убаюкиваетъ. Изъ мрака, съ сѣвера, за ускользающею отъ серебряной пѣны кормой что-то какъ-будто слышится, кто-то словно силится доплыть до насъ среди непокорныхъ волнъ. Это прощается съ удаляющимися

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦЪ ГЕОРГІЙ ГРЕЧЕСКІЙ.

родной материкъ... Это отголосокъ знакомой жизни и всего покинутаго дома таинственно воплощается въ необъяснимыхъ звукахъ ночной бездны...

Суббота, 10 (22) ноября.

Утро. Седьмой часъ. Увѣряютъ, что Египетъ виденъ, — говорятъ, что городъ Портъ-Саидъ — прямо передъ нами. Но сколько ни протираешь глаза, сколько ни всматриваешься въ блѣдно-зеленую зыбь, свидѣтельствующую своимъ цвѣтомъ о близости Нила — угадать, гдѣ обѣщанная гавань, долго не можешь и не рѣшаешься: а минареты, а пальмовыя рощи, а прелести южной природы? вѣдь не на песчаныхъ же полоскахъ у горизонта, кончающагося такою же нелюдимою ширью, какъ и вокругъ шествующей на полныхъ парахъ эскадры?

На плоской сѣрой поверхности опредѣляется рангоутъ судовъ, выростаетъ огромный бетоновый маякъ, показываются дома и флаги, но берега тѣмъ не менѣе не различаешь. Ужъ не миражъ-ли? Нѣтъ, на встрѣчу вѣетъ запахомъ ила и дыханіемъ полуденной страны.

Мы — недалеко отъ оконечности Суэзскаго канала. Два гигантскихъ мола, въ полторы и въ 2½ версты длиною, тянутся на востокъ и особенно на западъ для огражденія ея отъ заносовъ, которые, не будучи допущены до разрушительной дѣятельности, мирно осѣдаютъ тутъ же, помогая инженерному искусству. Море съ подавленнымъ ропотомъ разбивается о несокрушимыя громады. Онѣ образуютъ у входа промежутокъ въ нѣсколько сотъ саженей. Качка стихаетъ. Фрегатъ величаво идетъ къ любопытнѣйшему пункту земнаго шара, созданному исключительно геніемъ новѣйшей техники и предпріимчивости. Вчера — болотистая мѣстность на границѣ озера Мензалэ и Средиземныхъ морей, безъ устойчивой почвы подъ постройки и безъ прѣсной воды: почти на другой день — цѣлые ряды зданій съ довольно густымъ населеніемъ, существующимъ при извѣстнаго рода комфортѣ, при благопріятномъ климатѣ и при изобыткѣ нильской влаги, проведенной на Портъ-Саидъ въ надежныхъ трубахъ (на весьма значительномъ разстояніи) и кромѣ того содержащейся въ особомъ «Château d'Eau», съ запасомъ на три дня, въ случаѣ задержки свѣжаго притока. Мѣста осѣдлости стали возникать по пустынѣ вдоль канала точно такимъ же путемъ, какъ тамарисковые кустарники, вдругъ появляющіеся на безплодномъ пространствѣ степей.

Даже трудно представить себѣ просто нечеловѣческія средства для борьбы съ чисто матеріальными затрудненіями, которыя тутъ пришлось преодолѣвать строителямъ канала. Выборъ именно этого центра обусловливался тѣмъ, что сюда сравнительно близко подступала морская глубина и являлась возможность вырыть удобнѣйшую гавань. Проложенный западнѣе каналъ былъ бы короче, но за то побережье не давало бы на далекомъ протяженіи никакого доступа низко сидящимъ кораблямъ.

Первые труженики, собравшіеся въ Портъ-Саидъ (получившій наименованіе въ честь Саидъ-паши, египетскаго правителя, поддерживавшаго проэктъ Лессепса), долго мучились отъ недостатка воды для питья, привозившейся на арабскихъ лодкахъ изъ Дамьетты. Работы велись съ удивительнымъ упорствомъ и терпѣніемъ. Въ видѣ характеристики достаточно замѣтить, что различныя колоссальныя машины (не говоря уже объ углѣ, желѣзѣ и т. п.) по частямъ доставлялись изъ Франціи и лишь на мѣстѣ приспособлялись къ дѣлу. Фирма Дюссо (Dussaud) изготовляла плотныя, очень тяжелыя глыбы песку съ примѣсью извести и соленой влаги. Онѣ низвергались въ море, ради образованія моловъ, и число ихъ въ концѣ концовъ достигло тридцати милліоновъ пудовъ. Пучина незримо раздѣлилась грозными стѣнами. Оплотъ все росъ и росъ, обѣщаетъ еще рости. Изобрѣтатели остроумно, но неточно прозвали эти несчетные подводные камни «pierres perdues». На нихъ основалось благополучіе предпріятія.

Восемь часовъ утра. Впереди ясно различается съуживающійся бассейнъ, на который мы держимъ путь. Съ египетскаго станціонера грохочетъ салютъ и раздаются привѣтственные крики. Скучившіяся въ гавани суда присоединяются къ торжеству встрѣчи. Побережье буквально запружено народомъ. Надо пристально вглядываться въ толпу, чтобы разобраться въ пестротѣ впечатлѣній. По составу зрителей это — смѣшеніе языковъ и племенъ. Кого только нѣтъ! Здѣсь тунисцы и алжирцы, сирійцы и персіане, индусы и

китайцы. Затѣмъ идутъ левантійцы и европейцы всевозможнѣйшихъ профессій. Наконецъ, преобладая надъ остальными національностями, полудикіе арабы и убогіе феллахи дополняютъ скученность зрителей. Двадцатитысячное населеніе какъ-будто налицо. Желтый цвѣтъ одежды споритъ съ краснымъ и зеленымъ, вытѣсняется голубымъ съ его тончайшими оттѣнками. Вдоль набережной выдѣляются нѣкоторыя каменныя и кирпичныя зданія, которыя почти всѣ невелики, обязательно имѣютъ по верандѣ, почему-то кажутся временными постройками. Большинство домовъ — деревянное. Правильныя улицы видимо уходятъ прямо въ степь, если таковою считать искусственно сооруженное песчаное пространство вокругъ страннаго города. Мостовыя отсутствуютъ: между тѣмъ отели, магазины, кофейни на западный ладъ, пароходныя агентства (среди нихъ и русское), банкирскія конторы, консульства и т. д. свидѣтельствуютъ о значительности торговыхъ оборотовъ и широтѣ затронутыхъ ими интересовъ. Хаотическое изобиліе флаговъ, развѣвающихся ради Высокихъ гостей, смягчено откуда-то добытою тощею зеленью. Оваціи звучатъ безъ конца. За первоначальнымъ трескомъ пушечныхъ выстрѣловъ трудно разслышать доносящееся пѣнье и врывающуюся въ него музыку. Лодки съ любопытно всматривающимся, машущимъ шляпами и ликующимъ людомъ безпрестанно снуютъ у бортовъ «Памяти Азова». Бѣлыя платьеца дѣвочекъ греческой школы ласково свѣтятся въ солнечномъ блескѣ. «Зито» грековъ, виваты многочисленныхъ мѣстныхъ французовъ, необычайное усердіе дамскаго струннаго оркестра на одной изъ пристаней, — все сливается въ нестройный взрывъ по своему выражаемаго энтузіазма.

ПРІЕМЪ ВЪ ПОРТЪ-САИДѢ.

Наша эскадра на короткое время останавливается въ Портъ-Саидѣ. Генералъ-губернаторъ Суэзскаго перешейка, Ибрагимъ-паша, и адмиралъ египетской службы, Привиледжіо-паша, являются отъ имени его высочества Хедива представиться Наслѣднику Цесаревичу. Командиръ англійскаго военнаго судна «Scout», принцъ Людовикъ Баттен-

Сертскій, отправляющійся въ Красное море для преслѣдованія работорговцевъ, посѣщаетъ его Императорское Высочество. Полуторачасовая стоянка истекаетъ незамѣтно. На берегу — всеобщее несмолкающее возбужденіе. Нашъ гимнъ повторяется неисчислимое число разъ. Слушая его подъ этимъ жгучимъ африканскимъ небомъ, въ этой чудесно создавшейся гавани, невольно припоминаешь, что приблизительно день въ день (ровно двадцать одинъ годъ тому назадъ) столь же стихійно-радостное смятеніе охватывало и потрясало новорожденный тогда Портъ-Саидъ.

ПРІЕМЪ ВЪ ПОРТЪ-САИДѢ.

Каналъ только-что былъ оконченъ вчернѣ. Правившій Египтомъ Измаилъ пригласилъ именитыхъ гостей къ открытію необыкновенно важнаго, исторически и экономически великаго воднаго пути. Торжество дѣйствительно почтили присутствіемъ: императрица Евгенія, австрійскій императоръ, кронпринцъ Фридрихъ Прусскій, принцъ Генрихъ Нидерландскій, нѣсколько арабскихъ шейховъ и шерифовъ съ береговъ Краснаго моря, наконецъ вообще множество мусульманъ изъ отдаленнѣйшихъ земель. Въ портъ-саидской гавани собрались въ ноябрѣ 1869 г. представители морской силы разныхъ государствъ. Случайная тридцатитысячная толпа (въ томъ числѣ тоже индусы и китайцы) услышала неистовый громъ „ура", послѣ того какъ доступъ къ сооруженію [illegible] христіанскимъ богослуженіемъ и молитвою муллъ. Рядъ [illegible] празднествъ, щедро организованныхъ тогдашнимъ правительствомъ, послѣдовалъ за этимъ памятнымъ событіемъ.

Памятный эпизодъ открытія канала для судовъ всякой націи закончился русскимъ гимномъ (въ виду участія въ торжествѣ клипера «Яхонта» съ нашимъ посломъ изъ Константинополя). По словамъ очевидца (нѣмецкаго писателя Avé-Lallemant) Портъ-Саидъ оглашался, — при небываломъ зрѣлищѣ, — самою разнообразною музыкою. Но, въ заключеніе всего, раздались звуки «Боже, Царя храни» («der imposantesten Nationalhymne, die es gibt»). И теперь они неумолкаютъ въ слабо струящемся воздухѣ...

Одиннадцатый часъ. «Память Азова» медленно удаляется. черезъ измаильскій бассейнъ, отъ гостепріимно встрѣтившаго города, причемъ еще долго виднѣются зеленыя ставни и красноватыя крыши его простенькихъ домовъ. Мы идемъ впередъ; но куда именно — на первыхъ порахъ не совсѣмъ постижимо, потому что водный путь проложенъ прямо вдоль песчаной пустыни, окаймленной не то затопленными болотами, не то гладью того же моря, которое по прежнему колышется и пѣнится вдали. Удивительное зрѣлище! настоящее вступленіе въ лоно чужаго материка! Туда, повидимому безконечно, удлиняется узкая, прямая полоса, доступная кораблямъ. Надо ввѣриться этой оправленной желтою глиною, единственной въ мірѣ дорогѣ. Очутившись на ней, броненосецъ чувствуетъ себя на половину скованнымъ великаномъ. Изъ синяго простора онъ точно шагнулъ въ ручеекъ. Самостоятельность движеній ставится въ зависимость отъ буксирующаго фрегатъ лоцманскаго пароходика. Позади дымитъ, на нѣкоторомъ разстояніи, такое же небольшое судно. Генералъ-губернаторъ перешейка, согласно приказанію хедива, сопровождаетъ по своему округу Августѣйшихъ путешественниковъ. Администрація канала въ свою очередь приняла необходимыя мѣры, чтобы сравнительно быстро и осторожно провести «Память Азова» къ нашей слѣдующей стоянкѣ — Измаиліи.

Видя замыселъ Лессепса осуществленнымъ, не можешь себѣ даже представить, какъ Востокъ и Западъ обходились безъ этого сооруженія. Однѣ гигантскія цифры потраченныхъ на него капиталовъ и неизмѣримаго труда лишь смутно говорятъ о способахъ выполненія задачи, стоившей двѣсти милліоновъ рублей, въ теченіе десятилѣтняго напряженія. Полезное до крайней степени водовмѣстилище само по себѣ отнюдь не грандіозно. Ему, пожалуй, недостаетъ внѣшней красоты.

О соединеніи двухъ кораблеобильныхъ морей изстари не только мечтали, но и ревностно заботились въ древности. Однако главнымъ звеномъ считался Нилъ. Изъ него уже къ Черному морю направлялось искусственно поддерживаемое судоходство. Фараоны пеклись о подобныхъ сношеніяхъ съ заманчивыми странами. Персы-завоеватели такъ же думали и дѣйствовали во имя блага народовъ. Просвѣщенные Птолемеи не допускали мысли объ ослабленіи этихъ драгоцѣнныхъ связей. Сначала и мусульмане покровительствовали имъ. Постепенно, впрочемъ, удобнѣйшіе пути сообщенія пресѣклись. Тщетно Венеція подымала рѣчь о пользованіи ими. Тщетно Лейбницъ обращалъ на нихъ взоръ «короля-солнца» — Людовика XIV. Нужно было могучее вліяніе Наполеоновскаго похода на Каиръ, чтобы оживить къ нимъ интересъ, котораго они безспорно являлись достойными. Изысканія французскихъ ученыхъ съ тѣхъ поръ освѣщали вопросъ съ различныхъ сторонъ. Возникали сомнѣнія относительно исполнимости новаго канала. Борьба мнѣній и вѣскихъ доказательствъ породила смѣлыя предначертанія Лессепса. Не откликнись его родина на фантастически звучавшія воззванія, не помоги ему египетское правительство, наконецъ не ополчись на него Англія краснорѣчіемъ Пальмерстона и своимъ тяжелымъ давленіемъ на все предпріятіе, — что естественно вызывало реакцію и усугубляло рвеніе строителей, — протяженіе, гдѣ теперь совершается общеніе многолюднѣйшихъ частей земнаго шара, навѣрно все еще представляло бы солончакъ и топь.

СУЭЗСКІЙ КАНАЛЪ.

Нынѣ же «Память Азова» свободно входится прямо на югъ между постепенно растущихъ береговъ. По временамъ попадается невзрачная станція съ намеками на растительность. Телеграфная линія тянется по тоскливому безводью. Солнце начинаетъ немилосердно жечь. Какъ могли работать въ этой мѣстности тысячи туземцевъ, стоя почти по поясъ въ мутной горькой водѣ! Какъ выносили жизнь на желтомъ перешейкѣ вольно-наемные нѣмцы, итальянцы, черногорцы и другіе, — въ невыносимѣйшую жару, при эпидемической заболѣваемости, съ опасеніями лишиться хлѣба изъ-за недостатка средствъ у строителей!

Странное чувство испытывается при движеніи по Суэзскому каналу. Гигантское судно скользитъ надъ узкой водной поверхностью, среди самой оригинальной окрестности, какую себѣ можешь представить: съ одной стороны — ослѣпительно яркіе пески, огненное безмолвіе пустыни, изрѣдка вереница верблюдовъ и горсть арабовъ, а позади всего темная высокая стѣна взметаемаго вихрями праха, — съ другой стороны: безконечное пространство печально мерцающаго озера — моря Мензалэ, на островкахъ и отмеляхъ котораго [illegible] несмѣтными рядами розовѣютъ и бѣлѣютъ [illegible] болотныя пернатыя, излюбившія этотъ уголокъ Египта. Надъ необозримою ширью, усѣянною исполинскими птицами-рыболовами, нѣкогда раскидывались тучныя пастбища, куда стремились полукочевыя семитическія племена. Торговые города славились тамъ развитіемъ промышленности и роскошью. Рукава Нила уклонялись сюда на востокъ. Но человѣческая небрежность утратила прадавнюю культуру. Пеликаны и фламинго избрали [illegible] своимъ жилищемъ. [illegible] и только воображеніе археологовъ силится оживить память о быломъ.

Псамметихъ I въ серединѣ VII столѣтія до Р. Хр. поселилъ у Даѳне, — гдѣ теперь стелются воды озера Мензалэ, — греческихъ наемниковъ, іонянъ и карійцевъ, для обороны сѣверо-восточной границы Египта. Тогда страна нуждалась въ укрѣпленіяхъ съ этой стороны: близость Азіи была нешуточною угрозою.

Заполонившій насъ каналъ мало-по-малу углубляется въ сушу. Справа и слѣва виднѣется одна угрюмая степь, высятся песчаные холмы. У одной станціи «эль-Кантара» до сихъ поръ поддерживается стародавній путь каравановъ, направляющихся на западъ изъ Сиріи. Само названіе обозначаетъ «мостъ». За нимъ, южнѣе, ихъ опять ждало озеро, преграждавшее дорогу. «Память Азова» минуетъ и этотъ пунктъ. Пустынность окрестности замѣтно возрастаетъ. Побережье становится выше. Что за тишина кругомъ, что за отсутствіе малѣйшихъ признаковъ жизни!

Нашъ фрегатъ идетъ по каналу почти вдвое скорѣе другихъ судовъ: [illegible] — стѣны водоема разрушались бы съ гораздо бо́льшею силою. И то землечерпательныя огромныя машины работаютъ безпрерывно надъ его очищеніемъ и расширеніемъ. Говорятъ, года черезъ четыре, тутъ въ состояніи будутъ безъ затрудненій встрѣчаться на ходу два могучихъ судна, причемъ глубину пути доведутъ чуть-ли не до 15—16 саженей.

Отъ заходящаго солнца пески представляются багровыми. Сочетанія причудливыхъ красокъ горятъ и таютъ въ безоблачномъ небѣ. Металлическій цвѣтъ воды совершенно окутывается темнотою. Мы движемся между близко сходящимися высокими стѣнами песка. Только слабое журчанье за кормой говоритъ о томъ, что не все еще уснуло въ природѣ. Ощущеніе чего-то неизвѣданнаго и таинственнаго пробуждается въ душѣ. И хочешь, и не въ состояніи отдать себѣ яснаго отчета, какъ черезъ такія горы праха, нанесеннаго вихрями столѣтій, геній вѣка проложилъ смѣлую морскую стезю.

Мы вступаемъ въ озеро Тимсу, гдѣ назначена стоянка. Снопами электрическаго свѣта, бросаемаго съ фрегата въ ужасающую далекую глушь по сторонамъ, она призрачно плыветъ передъ взорами, — въ безжизненной наготѣ, озаренная какою-то сверхъестественною голубоватою зарею.

Нельзя не сказать, что день на порогѣ Египта былъ обиленъ своеобразными впечатлѣніями. Прощаясь съ Суэзскимъ каналомъ, приходится еще отмѣтить слѣдующую странную подробность. По нему ежемѣсячно проходятъ сотни судовъ: изъ нихъ наименьшее число (два или три) — подъ русскимъ и подъ испанскимъ флагомъ. Направляясь на Измаилію, мы обогнали военное судно — именно подъ этимъ послѣднимъ, — и разошлись съ нимъ подъ громъ салютовъ.

Воскресенье, 11 (22) ноября.

Черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ въ Каирѣ. Опять приходится разстаться съ фрегатомъ, но уже на двѣ недѣли.

Востокъ блѣднѣетъ. Среди хаоса песчаной пустыни, съ нависнувшею надъ нею облачною пеленою, гдѣ-то тамъ въ Азіи подымается красный, пламенѣющій шаръ. Солнце. Лазурная гладь озера вокругъ. У западнаго побережья видны холмики, поросшіе хвойными деревьями. На незначительномъ разстояніи отъ насъ — въ оправѣ изъ финиковыхъ пальмъ Измаилія, любимый городъ Лессепса, центръ администраціи Суэзскаго канала, мѣсто блестящихъ празднествъ при окончаніи сооруженія въ 1869 г.

Въ восемь съ половиною утра, къ «Памяти Азова» подъѣзжаютъ, въ полной парадной формѣ, на почтовомъ паровомъ баркасѣ: братъ хедива — принцъ Гуссейнъ-паша Камиль, египетскій министръ иностранныхъ дѣлъ Зульфикаръ-паша и оберъ-церемоніймейстеръ Абдеррахманъ-паша Рушди для привѣтствія Августѣйшихъ путешественниковъ отъ имени своего повелителя. Раздаются звуки египетской національной музыки. Почетные гости идутъ съ палубы внизъ, въ помѣщеніе Наслѣдника Цесаревича.

Вскорѣ затѣмъ, — едва смолкли провожавшіе ихъ выстрѣлы, — и Великіе Князья, и Греческій Королевичъ готовы отбыть вслѣдъ на ожидающее Русскихъ побережье. Тамъ преобладаетъ французскій и ново-эллинскій элементъ, такъ что встрѣча безъ сомнѣнія должна носить тотъ же сердечный характеръ, который уже радовалъ въ Портъ-Саидѣ.

Подъ вновь заклубившимся дымомъ прощающихся орудій мы отплываемъ въ дорогу на манящій къ себѣ Каиръ. Давно-ли на мѣстѣ этого озера Тимсы простиралась одна грозная пустыня, съ колючими растеніями на склонѣ песчаныхъ холмовъ, и низкимъ кустарникомъ при болотисто-солончаковой почвѣ? Даже крикъ птицы не прерывалъ безмолвія. Развѣ гіэна пробиралась въ логовище... А теперь катеръ ближе и ближе подходитъ къ городку съ церковью, мечетью, виллами, настоящими улицами и благоустроенными садами, гдѣ въ нашу позднюю осеннюю пору еще цвѣтетъ олеандръ и въ темнозеленой листвѣ дозрѣваетъ золотистый апельсинъ.

Когда сюда, по распоряженію строителей канала, въ присутствіи хедива впустили воды двухъ морей и онѣ встрѣтились — съ грознымъ шумомъ, покрытыя пѣною, алчущія разрушенія — развѣ зрѣлище такой побѣды надъ природою не должно было тѣшить гордую человѣческую мечту? Но перешеекъ былъ ознаменованъ и не такими, а бо́льшими чудесами. Въ глубокой древности его пространство (и съ сѣвера, и со стороны синайскаго

полосатрина) явно доступъ моря, отчасти наполнявшаго поверхность озера Тимсахъ. Гдѣ-нибудь тутъ — какъ можно гадательно высказывать — совершился переходъ евреевъ изъ царства фараоновъ въ Азію, ибо значительно южнѣе онъ едва-ли былъ осуществимъ въ виду того, что Красноморскія воды тогда глубже врѣзались въ материкъ. Подвигаясь съ расположенныхъ у нильской долины поселковъ, народъ Моисея искалъ кратчайшаго пути на востокъ, именно въ этой мѣстности. Вѣтромъ отогнало слегка покрывавшую ее воду. При настиженіи же египетскими преслѣдователями, оно внезапно перемѣнилось и затопило враговъ Израиля.

Вотъ и пристань Измаилія, гдѣ Ихъ Высочества встрѣчены слова Ибрагимъ-пашою, администраціею канала (съ главнымъ распорядителемъ Рушди эль-Рувиамъ во главѣ) и одѣтыми въ бѣлое (съ національными цвѣтами) ученицами мѣстной греческой школы, которыя подносятъ Августѣйшимъ путешественникамъ по букету. Имъ немедленно подали экипажъ, высланный сюда по распоряженію хедива изъ Каира. Великихъ Князей сопровождаютъ: кн. Барятинскій, адмиралъ Басаргинъ, тайный совѣтникъ Оду, кн. Оболенскій, кн. Кочубей, Волковъ, докторъ Смирновъ съ «Владиміра Мономаха», художникъ Гриценко и др.

Привѣтствующее населеніе бѣжитъ за колясками къ вокзалу. Дорога слегка поднимается въ гору, и лошади бѣгутъ очень медленно. Тѣнистая пыльная акація окаймляетъ примыкающую насъ аллею.

Для Гостей приготовленъ праздничный поѣздъ. Любопытная толпа, несмотря на всѣ задержки, прорывается къ нему. Впереди всѣхъ — дамы (преимущественно француженки и гречанки). Около девяти часовъ, подъ шумъ сочувственныхъ возгласовъ, паровозъ уноситъ насъ отъ озера Тимсахъ. За движеніемъ наблюдаютъ инженеры: гг. Промитъ, Нибуръ и Скандеръ-бей. Кромѣ принца Гуссейна, свиты Наслѣдника Цесаревича и двухъ египетскихъ сановниковъ, въ вагонахъ находятся: нашъ дипломатическій агентъ и генеральный консулъ въ Каирѣ д. ст. сов. А. И. Кояндеръ, представлявшійся Ихъ Императорскимъ Высочествамъ уже на Суэцкомъ каналѣ, греческій генеральный консулъ Аргиропуло и состоящій при Императорскомъ дипломатическомъ агентствѣ, въ качествѣ секретаря, кн. Дабижа.

За Измаиліей начинается опять пустыня. Только телеграфные столбы пересѣкаютъ окрестность, да изрѣдка вдали мелькнетъ караванъ. Отраженіе отъ солнечныхъ лучей нестерпимо ярко. Крупинки песчаной пыли проникаютъ повсюду, при быстромъ ходѣ впередъ ложатся толстымъ слоемъ на мебели и платье, цѣлымъ облакомъ крутятся за нами. Это не мѣшаетъ Августѣйшимъ путешественникамъ предпочесть пребыванію въ удобномъ салонѣ сидѣніе на крытой платформѣ, смягчающей палящее ощущеніе. Угрюмо мелькаетъ по сторонамъ безжизненное песчаное пространство, возвращающееся въ область, гдѣ нѣкогда, при помощи искусно направленнаго орошенія, процвѣтали земледѣліе и подъ суровымъ скипетромъ фараоновъ народъ Моисея изнывалъ въ работѣ и угнетеніи. Новѣйшія изысканія археологовъ, по иниціативѣ египетскаго «Exploration Fund», опредѣляютъ даже съ извѣстнаго рода точностью, гдѣ именно происходили событія, отмѣченныя Библіею.

За Тэль-эль-Кэбиромъ среди пустыни начинается небольшая полоса хорошо возделанной земли (Вади Тумилатъ). Насколько видны пальмы, феллахскія деревни, орошенная почва, водочерпалки. Культурный районъ мало-по-малу расширяется. Это — знаменитая область Гошенъ, процвѣтавшая въ древности, недавно еще заглохшая и безплодная, нынѣ же возрождающаяся, благодаря проведенію къ ней прѣсной воды. Рѣзко и мрачно желтѣетъ вдоль жизнерадостнаго края немилостивая степь. Она словно бредитъ маревомъ: миражи постоянно встаютъ и тонутъ въ дали.

Станція Загазикъ. Оффиціальная встрѣча. Пушечные выстрѣлы у полотна желѣзной дороги. Живописныя группы туземцевъ, губернаторъ (мудиръ) провинціи Шаркіэ и за нимъ толпа привѣтствующихъ лицъ. Если уже здѣсь пріемъ блестящъ и задушевенъ, — то чего же, спрашивается, ждать въ Каирѣ?!

Пересѣкаемый нами пунктъ нѣкогда былъ мѣстоположеніемъ одного изъ важнѣйшихъ религіозныхъ центровъ древняго Египта (Бубастисъ), гдѣ находился замѣчательный по размѣрамъ и красотѣ храмъ, произведшій сильное впечатлѣніе на Геродота. Сюда стекались сотни тысячъ богомольцевъ, для поклоненія, въ необузданномъ весельи, богинѣ Сехетъ (Афродитѣ или Астартѣ). Ее изображали то грозной (съ львиною головой), то игривой (съ кошачьимъ обликомъ). Въ этомъ сверхъестественномъ существѣ олицетворялись палящій полуденный жаръ, жгучее томленіе страсти и т. п.

Теперь отъ стариннаго города остаются лишь безформенныя груды камней и черепковъ. Весь интересъ населенія сосредоточенъ на сбытѣ хлопка и хлѣба. Поѣздъ, увозящій Гостей его высочества хедива, движется дальше по плодоносной и отчасти даже лѣсистой полосѣ. Плантаціи разростаются по сторонамъ нашего пути къ столицѣ, котораго уже пройдено изъ Измаиліи около половины (75 в.). Время летитъ незамѣтно. Въ сорока верстахъ отъ Каира, на станціи Бенха, одинаково торжественныя оваціи оказаны Ихъ Высочествамъ губернаторомъ провинціи Калiубіэ и народомъ.

Апельсиновыя деревья окружаютъ упомянутый городокъ. На горизонтѣ постепенно яснѣютъ аравійская и ливійская гряда. Говорятъ, вскорѣ должны появиться пирамиды и столичная крѣпость. Но въ минуты приближенія къ параднѣйшей встрѣчѣ, когда надо облекаться въ мундиры и зорко слѣдить за моментомъ свиданія Высочайшихъ Особъ, положительно нѣтъ ни возможности, ни охоты предварять созерцаніе того, на что мы и безъ того успѣемъ обратить спокойное вниманіе.

Тридцать пять минутъ перваго. Предмѣстье Каира мелькаетъ садами, виллами, сикоморовой аллеей. Мы — у цѣли. Выдѣляясь среди своихъ раззолоченныхъ сановниковъ, правитель Египта устремляетъ взоры на вагонъ — платформу, гдѣ стоятъ Августѣйшіе путешественники.

Дебаркадеръ красиво убранъ гирляндами зелени, русскими, греческими и туземными цвѣтами, — съ Императорскимъ орломъ и шифромъ хедива надъ ними. Потолокъ идущаго къ экипажамъ прохода обтянутъ матеріей. Многочисленное общество наполняетъ станцію: подлѣ его высочества Тевфика-паши — принцы Ахметъ-паша, Османъ-паша, Ибрагимъ-паша, затѣмъ министры, главнокомандующій египетскими войсками Гринфель-паша, представители иностранной дипломатіи (съ занимающимъ въ Египтѣ чрезвычайно важный постъ сэромъ Эвелиномъ Бэрингомъ во главѣ), каирскій вице-консулъ Ивановъ, генералъ Дормеръ (командующій мѣстными англійскими войсками), нѣкоторые русскіе (г-жа Кояндеръ, князь и княгиня Гагарины, князь Мурузи, Абаза, г. и г-жа Баласъ, m-lle Дмитріева, извѣстный египтологъ Голенищевъ, Мартыновъ) и т. д. У иныхъ изъ туземныхъ сановниковъ — наши ленты (Анненская, Станиславская).

Хедивъ, привѣтствуя Государя Наслѣдника Цесаревича, протягиваетъ Ему руку, чтобы помочь при выходѣ изъ вагона. Его Императорское Высочество знакомитъ его высочество Тевфика-пашу съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ и принцемъ Георгіемъ Греческимъ. Правитель страны въ свою очередь знакомитъ Августѣйшихъ путешественниковъ со своими родственниками — принцами. Наслѣдникъ Цесаревичъ представляетъ хедиву свою свиту. Г. Кояндеръ называетъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ представителей иностранной дипломатіи и русскихъ.

ВЪѢЗДЪ ВЪ КАИРЪ.

У крыльца вокзала (во дворѣ) выстроенъ 7-й баталіонъ туземной пѣхоты. Нашъ гимнъ напутственно гремитъ при выходѣ Великихъ Князей къ экипажамъ. Тутъ уже немыслимо во все всматриваться и обо всемъ передавать въ строго хронологическомъ порядкѣ. Въ поднявшемся стихійномъ движеніи теряешься и не можешь собраться съ мыслями для спокойнаго наблюденія. Не проще-ли описать удивительный въѣздъ, переносясь воображеніемъ къ различнымъ моментамъ развертывающейся панорамы?

ХЕДИВЪ ТЕВФИКЪ-ПАША

Сегодня памятный день для Каира, — такой памятный, что еще черезъ много лѣтъ старожилы будутъ вспоминать, какъ встрѣченъ былъ главнымъ городомъ и страной Наслѣдникъ Русскаго Престола.

Небо слегка облачно. Легко дышется. Толпы народа съ какимъ-то жужжаніемъ тѣснятся со всѣхъ сторонъ, по направленію отъ желѣзнодорожнаго вокзала къ площади Эзбекіэ. Смутный шумъ все ростетъ и ростетъ, по мѣрѣ приближенія полудня, когда долженъ придти придворный поѣздъ. Оживленіе передается электрическимъ токомъ изъ

улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Нетерпѣливое настроеніе послѣ двѣнадцати часовъ замѣтно на каждомъ шагу. Чу! въ гулкомъ воздухѣ, съ оглушительною силой, слышится рядъ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости и съ широкаго канала Измаиліэ. Это — привѣтъ желаннымъ гостямъ! Скоро, значитъ, шествіе тронется по разукрашенному Каиру, завяжется безсознательно-глубокое общеніе этого народа съ Августѣйшими посѣтителями, заиграетъ музыка, загремятъ радостные крики...

...И вотъ все это дѣйствительно просыпается. Волны недоумѣвающаго говора и сочувственнаго ропота бѣгутъ по скученнымъ толпамъ. Сейчасъ должны проѣхать Высокіе путешественники со свитой. Впереди уже видны конвоирующіе всадники.

Вдоль пути слѣдованія расположены войска. Слышатся звуки «Боже, Царя храни!» и греческаго гимна. Народное море положительно бушуетъ. Давка принимаетъ ужасающіе размѣры. Дворцовые экипажи, несмотря на всю распорядительность полиціи, едва-едва въ состояніи двигаться впередъ, такъ что сопровождающимъ ихъ скороходамъ ни разу не приходится бѣжать.

Въ первомъ, запряженномъ четверкою бѣлыхъ лошадей à la Daumont, на почетномъ мѣстѣ, въ парадной формѣ лейбъ-гвардіи Его Величества Гусарскаго полка, при лентѣ ордена Османіэ съ алмазами — Наслѣдникъ Цесаревичъ. Рядомъ — хедивъ Тевфикъ-паша, въ лентѣ ордена св. Благовѣрнаго Вел. Князя Александра Невскаго, — съ задумчивымъ, но улыбающимся лицомъ. Туземный правитель страны видимо доволенъ привѣтливостью обступающаго народа.

Слѣдомъ ѣдутъ Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ и Его Королевское Высочество Принцъ Георгій Греческій (въ русскомъ и греческомъ морскихъ мундирахъ). Затѣмъ — именитѣйшіе египтяне и свита. Конные отряды открываютъ и замыкаютъ шествіе.

Неподалеку отъ конца излюбленной для прогулокъ аллеи Шубры, черезъ «Кантаратъ-эль-Лэмунъ» (мостъ черезъ измаилійскій каналъ), высится двойная арка съ надписью: «Добро пожаловать.» Отдѣльныя ея части соединены гирляндами цвѣтовъ. Она воздвигнута русскими. Въ сооруженіи ея принимали энергичное участіе наши средне-азіатскіе мусульмане, бухарцы и хивинцы, живущіе здѣсь иногда подолгу (или въ качествѣ учащихся при знаменитомъ разсадникѣ арабскаго знанія — мечети эль-Азхаръ, или же на пути въ Мекку, ожидая, когда снарядится туда обычный караванъ). Этотъ элементъ, о которомъ у насъ чрезвычайно мало извѣстно, въ данную историческую минуту проявилъ свои никѣмъ не вызванныя вѣрноподданническія чувства и въ глазахъ мѣстныхъ муллъ и дервишей неоспоримо доказалъ, какъ ему дорого обаяніе роднаго имени, какъ имъ понимается чествованіе Сыновей Бѣлаго Царя.

Надъ нашею аркой, — у самаго вступленія въ Каиръ, — возносится красиво сдѣланный двуглавый орелъ. Она же убрана зеленью и разноцвѣтными венеціанскими фонарями. По бокамъ разбиты два шатра. Въ одномъ помѣщается русская колонія. Представителями ея подносятся букеты Хозяину страны и Августѣйшимъ путешественникамъ. Музыка у другой палатки играетъ «Боже, Царя храни».

Съ моста экипажи направляются по улицѣ «Бабъ-эль-Хадидъ»..

Шествіе съ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу къ центру города...

Вотъ и пресловутая площадь Эзбекіэ, среди изобилующаго магазинами квартала. На мѣстѣ, — гдѣ лежалъ прудъ, съ кіосками мамелюковъ на берегу, — теперь раскидывается общественный садъ, устроенный въ 1870 г. парижскимъ садовникомъ-артистомъ Барилэ. Отсюда расходятся многія улицы. Со всѣхъ сторонъ напираетъ и все ростетъ толпа. Какъ

хорошъ этотъ восточный людъ, какъ живописно одѣты даже его бѣднѣйшіе представители! Или бѣлое, или синее имъ такъ къ лицу! Туземцы побогаче щеголяютъ разноцвѣтными шалями, длинными шелковыми кафтанами... Знатные арабы драпируются въ свои просторные плащи... Закутанныя женщины, странно сверкая сильно подведенными глазами, выглядываютъ сквозь отверстія покрывала на невиданныхъ пріѣзжихъ. А между [illegible] многолюдьемъ (съ опасностью жизни подъ ногами лошадей или у колесъ) то и дѣло перебѣгаютъ полуголые мальчуганы съ бритыми головами, проталкиваются копты, одѣтые въ темное, изъ-за [illegible] стеколъ элегантныхъ каретъ смотрятъ занавѣшенныя бѣлой тканью, ревниво охраняемыя евнухами обитательницы гаремовъ. Иностранцы на осликахъ пробираются сквозь густую массу народа. Кого-кого только нѣтъ въ пестрой толпѣ, привѣтствующей Августѣйшихъ путешественниковъ: нубіецъ стоитъ рядомъ съ туркомъ, персъ съ абиссинцемъ, авантюристъ-европеецъ съ сирійцемъ. Положительно кажется, что не менѣе сотни тысячъ городскаго населенія высыпало въ торжественный моментъ на улицы для неслыханнаго, неподдающагося описанію пріема. Смятеніе дѣйствуетъ положительно опьяняющимъ образомъ, особенно при сознаніи: «я — русскій». Разубранные [illegible]. Дождь розовыхъ лепестковъ сыплется на путь. Неумолкающая музыка по временамъ почти заглушается возгласами народа. Веселый безпорядокъ быстро усиливается.

Вездѣ видны фотографы съ аппаратами. Тысячи флаговъ всевозможной величины тихо развѣваются вдоль заволакиваемыхъ ими улицъ, — гдѣ ѣдутъ Ихъ Высочества, — и по временамъ образуютъ надъ головами зыбкій сводъ съ удивительными переливами свѣта. Въ саду Эзбекіэ, флаги прикрѣплены къ деревьямъ, на высотѣ трехъ саженей надъ землей, и составляютъ вдоль ограды цѣлую массу ласкающихъ взоръ красокъ, оттѣненныхъ густою листвою.

Недалеко отъ извѣстной каирской гостинницы «Shepheard» возвышается свѣтло-зеленая арка (въ 50 слишкомъ футовъ) съ восемью колоннами, — напоминающая по внѣшности парижскую «Arc de l'Etoile». Съ одной стороны привѣтствіе на ней начертано по-русски. Съ другой — простая французская надпись: «Французы Цесаревичу». Возгласы «*да здравствуетъ Россія!*» оглашаютъ все кругомъ. Среди ликованія дружелюбно настроенной колоніи играетъ оперный оркестръ, предложенный театральною дирекціей, чтобы достойно встрѣтить Гостей.

Аналогичная сцена повторяется дальше на Оперной площади, у греческаго консульства, гдѣ — греческая арка съ надписями «Греки Каира». При ней — эстрада для музыки. Тутъ-же, близь «New Hotel», выстроены караулы: отъ 1-го батальона «Devonshire Regiment» и отъ 2-го батальона «Royal Irish Rifles», эллинскія школы и депутаты отъ этой народности, насчитывающей въ Египтѣ около шестидесяти тысячъ душъ. Воспитанниками и воспитанницами различныхъ училищъ подносятся букеты его высочеству хедиву и Августѣйшимъ путешественникамъ. Дѣти поютъ нашъ гимнъ. Экипажи снова трогаются, просто теряются въ напирающихъ толпахъ. Только по бѣлымъ конямъ сопровождающихъ тѣлохранителей отдаешь себѣ отчетъ, куда направляется начало шествія.

За греческой аркой, еще на нѣкоторомъ разстояніи вдоль дороги, поставлены разукрашенные шифрами шесты. Правитель страны и его Гости поворачиваютъ въ улицу, ведущую къ Императорскому дипломатическому агентству (въ лучшей части города — Измаилiэ).

Радостно мятущееся населеніе слѣдуетъ и туда за Ихъ Высочествами. Когда Великіе Князья и принцъ Георгій, прибывъ въ домъ г. Кояндера, становятся незримыми для толпы,

щагося у садовой рѣшетки народа и милостиво принимаютъ тамъ завтракъ, массы зрителей по прежнему наводняютъ дорогу. Стóитъ Августѣйшимъ Особамъ приблизиться къ окнамъ, — и неистовое ликованіе оглашаетъ все окрестъ.

Такъ проходитъ часъ, другой. На улицахъ то же оживленіе.

Давно уже, отвезя Гостей въ русское консульство, проѣхалъ обратно во дворецъ хедивъ Тевфикъ-паша. Ему восточный людъ не дѣлаетъ шумныхъ овацій, а по обычаю кланяется молча, прикасаясь къ фескѣ и кладя руку на грудь. Не прерывается лишь безконечное «Зито» (да здравствуетъ!) возбужденнаго греческаго многолюдія, празднующаго для себя праздникъ изъ праздниковъ.

Потомъ опять взрывъ привѣтственныхъ криковъ. Ихъ Императорскія и его королевское Высочества втроемъ направляются, среди конвоирующихъ всадниковъ, къ Абдинскому дворцу, гдѣ Ихъ приметъ правитель Египта. При этомъ туземцы не спускаютъ глазъ съ казака (Собственнаго Его Величества конвоя), помѣстившагося на сидѣніи за экипажемъ Августѣйшихъ путешественниковъ. Мощная фигура, въ одеждѣ кавказца, видимо производитъ впечатлѣніе на мусульманъ-горожанъ, въ сравнительно недальнемъ прошломъ имѣвшихъ постоянное общеніе съ черкесскою народностью. Половина мѣстныхъ преданій и воспоминаній историческаго характера связана именно съ этимъ прошедшимъ, и тѣмъ рельефнѣе выдѣляется въ яркихъ рамкахъ торжествующаго Каира по восточному принаряженный тѣлохранитель Сыновей Бѣлаго Царя.

Три часа пополудни. Обширная Абдинская площадь занята войсками. Простой по внѣшности, лишенный всякаго орнамента дворецъ бѣлѣетъ своими двумя длинными и низкими фасадами. Плоская крыша не особенно краситъ его. Отсутствіе растительности вокругъ придаетъ мѣсту суровый отпечатокъ.

Военныя почести отдаются 1-ымъ баталіономъ туземной пѣхоты. Русскій и греческій гимнъ встрѣчаютъ Высокихъ посѣтителей. Съ крѣпости доносится салютъ. Поровнявшись съ парадным крыльцемъ, конная почетная стража строится вдоль пути слѣдованія нашихъ экипажей.

Наслѣдникъ Цесаревичъ посадилъ рядомъ съ собою принца Георгія Греческаго. Ландо Ихъ Высочествъ запряжено четырьмя великолѣпными лошадьми. Слѣдомъ ѣдутъ вмѣстѣ: кн. Барятинскій, г. Ону, г. Коянderъ и оберъ-церемоніймейстеръ, старикъ Абдеррахманъ-паша. Остальная русская свита и греческій генеральный консулъ Аргиропуло замыкаютъ кортежъ.

Старшіе чины египетскаго двора ожидаютъ Гостей у входа въ Абдинъ. Хозяинъ спускается сюда изъ верхняго этажа, чтобы ввести Августѣйшихъ путешественниковъ въ пріемныя комнаты. Здороваясь съ Ними, хедивъ представляетъ Имъ нѣкоторыхъ пашей. Внизу, передъ бѣломраморной лѣстницей, убранной цвѣтами, и затѣмъ, пройдя ее, на порогѣ парадныхъ покоевъ молодцевато стоятъ, живописною вереницею, состоящіе при особѣ Тевфика-паши вооруженные турки, албанцы, черкесы, — своего рода внутренняя дворцовая охрана: у нихъ высокія фески, коричневые мундиры, золотые шнуры на груди.

Ихъ Высочества идутъ въ угловую громадную гостиную, гдѣ садятся около окна (противъ главныхъ дверей). По правую руку правителя — Наслѣдникъ Цесаревичъ, по лѣвую — Великій Князь Георгій Александровичъ и принцъ Георгій Греческій.

Свѣтлый необъятный коверъ застилаетъ всю комнату. Убранство ея и смежныхъ залъ совершенно европейское. Мебель, занавѣси, канделябры и т. д. — видимо изъ Парижа. Малиновый безконечный диванъ вдоль стѣны, на которомъ размѣстилась свита, тоже не восточнаго образца, крытъ ліонскою матеріей. Смѣсь своего и принятаго извнѣ

странно, хотя и пріятно для ока сочетается во внутренней роскоши служащаго исключительно въ часы аудіенцій и въ торжественные дни, строго оффиціальнаго Абдина. Въ немъ не [illegible], а только принимаютъ.

Церемоніймейстеры (въ синемъ съ золотомъ), въ звѣздахъ и орденахъ, неизмѣнно сохраняютъ головной уборъ. Снять его значило-бы, по мѣстному воззрѣнію, выказать грубое непочтеніе ко всему окружающему и отступить отъ исконныхъ правилъ вѣжливости, выработанныхъ признающими «пророка».

Цѣлый рядъ придворныхъ служащихъ подаетъ намъ предлинные чубуки изъ сандальнаго или вишневаго дерева, съ блестящими подстановками для самихъ трубокъ. Чтобы онѣ не погасли, одѣтые въ черное «чубукчи» преклоняютъ колѣна передъ курящими. Янтарные мундштуки съ алмазными инкрустаціями весьма оригинальны.

[illegible]

Говорятъ, — пока этому не стали противиться англичане, — иноземныхъ почетныхъ гостей отдаривали, при торжественныхъ пріемахъ у правителей Египта, богато убранными конями и дамаскинскимъ оружіемъ, что согласовалось съ давнимъ обычаемъ въ мусульманскихъ краяхъ и до послѣдняго времени было принято въ Бухарѣ. Востокъ не по нашему понимаетъ, чѣмъ выражаются радушіе и великолѣпіе владыкъ какой-нибудь страны. По мѣрѣ усвоенія сѣверною Африкой европейскихъ взглядовъ и предубѣжденій, обаяніе тамошняго средневѣковаго міра тускнѣетъ и теряетъ краски самобытной жизни. Тѣмъ сладостнѣе вдыхать, что еще остается отъ этой увядающей старины.

Бесѣда его высочества хедива съ Августѣйшими путешественниками продолжается короткое время. Гостямъ подается неизбѣжный по этикету кофе. Затѣмъ, въ 3 ч. 20 м. отъѣздъ, — такой же плавно-величественный, такой же парадно-восторженный. Пушечные выстрѣлы и клики населенія дружно сливаются въ неразрывное цѣлое.

Экипажи направляются на лѣвый берегъ Нила, въ предмѣстье Гизэ, гдѣ одинъ изъ дворцовъ (принца Гуссейна-паши) предоставленъ любезнымъ владѣльцемъ на двѣ недѣли въ распоряженіе Августѣйшихъ путешественниковъ.

Около четырехъ часовъ хедивъ, въ сопровожденіи дежурнаго при немъ генерала, Юсуфъ-паши Шухди, отдаетъ тамъ визитъ Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Вслѣдъ затѣмъ Его Императорское Высочество посѣщаютъ: гостящій въ то время въ Каирѣ наслѣдный принцъ Шведскій, верховный оттоманскій коммисаръ Гази-Ахметъ-

ЗАЛА ВО ДВОРЦѢ ГУССЕЙНА-ПАШИ.

Мухтаръ-паша (храбрый противникъ нашихъ войскъ въ послѣднюю войну) и хозяинъ дома, принцъ Гуссейнъ-паша.

Мужскіе представители русской колоніи въ Египтѣ in corpore представляются Престолонаслѣднику. Старшій между ними, дѣйствительный статскій совѣтникъ Абаза, поднося Ему хлѣбъ-соль, произноситъ при этомъ слѣдующее привѣтствіе:

«Хлѣбъ и соль искони сопровождали на Руси выраженіе чувствъ безпредѣльной преданности русскаго народа къ Престолу и Отечеству. Свято сохраняя завѣты родины и на берегахъ далекаго Нила, русская семья въ Египтѣ имѣетъ безпредѣльное счастье лично повергнуть эти чувства къ стопамъ Первенца своего возлюбленнаго Самодержца».

ОСВѢЩЕНІЕ МОСТА ЧЕРЕЗЪ НИЛЪ.

Въ лучшей художественной мастерской Каира (у [illegible]) заказано было для поднесенія серебряное блюдо съ солонкою. На немъ по краямъ, — орнаментъ изъ лотосовыхъ листьевъ. По самой серединѣ заключены въ кругъ два сфинкса въ своего рода скрижалью, на которой начертано іероглифическими письменами имя Наслѣдника Цесаревича. Въ другомъ, большемъ концентрическомъ кругѣ очень изящно и тонко воспроизведены замѣчательные остатки туземныхъ древностей (пирамиды и сфинксъ у Гизе, храмъ въ Эдфу и островъ Филэ). Между изображеніями, іероглифическія надписи гласятъ о поднесеніи русской колоніи (въ странѣ фараоновъ) благодарности Его Императорскому Высочеству. Подарокъ — въ марокиновомъ футлярѣ.

Послѣ обѣда (запросто, дома, въ присутствіи одной только свиты) Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его Августѣйшіе спутники, около девяти часовъ, опять садятся въ экипажи для прогулки по городу. Конная стража сопровождаетъ Ихъ вновь.

Мы ѣдемъ темными аллеями къ мосту, перекинутому черезъ Нилъ, хорошими полутемными пустынными улицами европейскаго квартала къ центру Каира, гдѣ сегодня готовилась царская встрѣча. Черезъ какихъ-нибудь полчаса Ихъ Высочества достигаютъ Оперной площади, гдѣ — греческія арки. Вдругъ отовсюду надвигается толпа зрителей. Воздвигнутыя въ честь гостей декораціи ярко озарены и горятъ въ теплой вечерней мглѣ. Огненными линіями очерчивается путь, избранный желанными Гостями. Тѣ же линіи, что и утромъ, — но въ болѣе фантастической обстановкѣ. Дома еще страннѣе кажутся здѣсь. Линіи ихъ могутъ идти вкривь, словно движутся между [illegible], при трепетномъ бенгальскомъ освѣщеніи. Окружающія [illegible] лица, весь этотъ востокъ, неожиданно [illegible] [illegible] крыльями [illegible], это кипучее и безудержное [illegible] самымъ страннымъ образомъ дѣйствуютъ на душу.

То картина кажется совершенно знакомою, понятною, величавою. Волны [illegible] бѣгутъ передъ очарованными взорами. [illegible] Августѣйшихъ путешественниковъ [illegible] въ [illegible] потокѣ пламенныхъ отраженій. Фасады [illegible] обволакиваются подъ [illegible].

То внезапно огни застилаются дымомъ, меркнутъ, никнутъ. Поэты [illegible] [illegible], подвигающихся дальше въ какомъ-то безформенномъ сумракѣ. Люди точно призраки, съ неясными возгласами, тѣснятся вокругъ насъ. И затѣмъ опять блескъ радушнаго пріема... Коммерческіе кварталы сдѣлали все, что могъ [illegible], чтобы красиво обставить первую прогулку Ихъ Высочествъ. Гостинницы, кофейни, магазины, даже частные дома убраны свѣтлыми точками. Музыка усугубляетъ восторгъ. Да, Каиръ оправдалъ свою вѣковую извѣстность, какъ городъ сказочнаго волшебства, какъ [illegible] уголокъ для чужеземцевъ!..

Мы ѣдемъ назадъ въ Гизе, тѣмъ же пустынными, тѣнистыми бульварами, что ведутъ къ рѣкѣ. Охватываетъ тишина. Тишина вмѣсто отъ праздничнаго [illegible] послѣ оглушительнаго шума не ранѣе [illegible]. Изъ окутанныхъ темнотою садовъ доносится только чуть слышный плескъ фонтановъ. Вотъ и гигантскій черный мостъ (Касръ-эль-Нилъ). Два лежащихъ льва украшаютъ его выступающее въ тѣни начало. Безмолвіе и ночь словно стали еще глубже. Пережитыя впечатлѣнія едва лишь стали [illegible] въ памяти и сознаніи.

Желѣзная громада надъ Ниломъ, по которой лежитъ нашъ путь въ [illegible], неожиданно воспламенится множествомъ бенгальскихъ огней. Они цвѣтятся (снизу и сверху) по обѣимъ сторонамъ, съ высокихъ перилъ, такъ стоятъ, въ [illegible] [illegible], разставленные въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга туземцы. Очевидно, вслѣдъ [illegible] этимъ [illegible] 22-е ноября [illegible] [illegible] [illegible]

комъ, княземъ Мурузи, постоянно живущимъ въ Каирѣ и до тонкости знающимъ, сколько въ немъ таится невѣдомой прелести и неподражаемой красоты.

Покинувъ преображенный свѣточами мостъ, экипажи катятся снова по темнымъ, глухимъ аллеямъ. Южное небо съ разгорѣвшимися ярко-желтыми звѣздами опрокинулось надъ спящею землей. Благодатная прохлада сладостно чувствуется вслѣдъ за испытанною жарою и почти непрерывнымъ утомленіемъ. Сейчасъ и дворецъ. У ограды уже выстроены длинный караулъ и конная стража, громко раздаются въ недвижномъ воздухѣ сигнальные звуки трубъ и бранного оружія.

КАИРЪ
И
ОКРЕСТНОСТИ.

Понедѣльникъ, 11 (23) декабря.

День нынѣ освободился. Уже съ утра надо пользоваться часами кратковременнаго пребыванія въ столицѣ Египта. Сегодня предстоитъ ознакомиться и съ арабскими кварталами, и съ мусульманской архитектурой, и еще со многимъ — многимъ другимъ. Въ ожиданіи пока подадутъ коляски къ крыльцу, есть возможность бѣгло осмотрѣть восхитительный маленькій паркъ, разбитый передъ гостепріимнымъ жилищемъ принца Гуссейна-паши. Сочетаніе зелени, цвѣтовъ и влаги такъ искусно, что слава, пріобрѣтенная здѣсь раньше замѣчательными садоводами и остававшаяся за ними чуть-ли не съ эпохи крестоносцевъ, и нынѣ принадлежитъ имъ въ полной мѣрѣ. Подъ вѣчно улыбающимся небомъ, при сравнительно здоровомъ климатѣ, свободный отъ докучныхъ заботъ человѣкъ неминуемо долженъ былъ испытывать среди подобной природы доступность безмятежнаго счастья и тщету напраснаго внутренняго разлада. Не оттого-ли медлительно-примиренный строй мѣстной жизни издавна столь сильно вліялъ на умы приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе европейцевъ?

Пора ѣхать. До крѣпости, куда имѣютъ направиться Августѣйшіе путешественники, нѣсколько верстъ.

Быстро мелькаетъ, не возбуждая любопытства, Измаиліэ. Съ цѣлью дать представленіе и о менѣе благоустроенныхъ околоткахъ, Гостей хедива везутъ и по такому кварталу, гдѣ туземная жизнь положительно бьетъ ключемъ.

Итакъ, мы на яву въ сказочномъ городѣ арабской культуры, выросшемъ на развалинахъ глубочайшей старины!

До чего, однако, пестры эти каирскія улицы! Сегодня — вездѣ сравнительный порядокъ, а между тѣмъ, — гдѣ только пошире, — экипажи, всадники, толпа поминутно спутываются въ узелъ: то и дѣло видишь вереницу нагруженныхъ верблюдовъ, муловъ (подъ бархатною попоной и съ мѣдными побрякушками на уздѣ), конныхъ полицейскихъ, англійскихъ солдатъ, туристовъ въ шлемахъ отъ солнца, феллаховъ, бедуиновъ и негровъ. Кто продаетъ воду, кто цвѣты, сласти или фрукты, кто проситъ подаянія. На серебристо-сѣромъ осликѣ, съ краснымъ сѣдломъ, нѣтъ-нѣтъ и проѣдетъ туземная женщина, — вся въ темно-синемъ, неуклюже закутанная отъ нескромнаго взора. У высоко подобранныхъ стремянъ мелькаютъ туфельки. Изъ-подъ густаго покрывала вспыхиваютъ черныя очи.

У бородатыхъ мусульманъ необыкновеннымъ достоинствомъ проникнуты каждое плавное движеніе, каждая поза: имъ это какъ-то само собою дается, зависитъ, конечно, въ сильной мѣрѣ отъ нависнувшей надъ глазами чалмы и отъ кафтана, красящихъ и драпирующихъ восточнаго человѣка.

Необыкновенно характерны узаконенные восточнымъ обычаемъ, бѣгущіе и около нашихъ колясокъ скороходы (саисы). О существованіи таковыхъ въ принильскомъ царствѣ знаетъ уже древность.

Босоногіе, съ палками въ рукахъ, въ расшитыхъ золотомъ курткахъ и яркихъ кушакахъ, изогнувъ корпусъ, откинувъ назадъ плечи, они легко несутся передъ ретивыми лошадьми и покрикиваютъ на прохожихъ. Рукава колышатся за спиной, точно крылья у бабочекъ. Кисточки у головныхъ уборовъ (тарбушей) прыгаютъ на бѣгу. Грація движеній — въ полной гармоніи съ изумительною проворностью этихъ не знающихъ усталости людей, обыкновенно кончающихъ чахоткой.

Существуетъ разсказъ, будто у прадѣда хедива Тевфика-паши — у Мохаммеда-Али (основателя нынѣшней династіи) — былъ неутомимый саисъ, никогда не отстававшій отъ повелителя. Однажды послѣдній, заслышавъ о какомъ-то возстаніи, устремился на мѣсто происшествія верхомъ на быстромъ дромедарѣ. Разстояніе равнялось десяткамъ верстъ. Скороходъ все бѣжалъ, придерживаясь за сбрую животнаго; когда же достигли цѣли, онъ упалъ бездыханный.

Черезъ сумрачныя, глубокія ворота въѣзжаешь въ крѣпость (эль-Калà). Подъемъ въ гору хорошо вымощенъ и просторенъ. Вскорѣ становятся замѣтны и казармы европейскихъ солдатъ, и пушки иноземцевъ, направленныя на городъ: вотъ и небольшая площадь среди довольно скученныхъ зданій, поодаль налѣво — развалины старой мечети, съ художественными изразцами персидскаго типа, и выстроенный, для встрѣчи Великихъ Князей, англійскій караулъ съ музыкой, играющей нашъ гимнъ.

Кажется, такъ еще недавно на этомъ отрогѣ Мокаттамскаго кряжа стоялъ дворецъ султана Саладина, прославленнаго крестоносцами! Теперь же тутъ виднѣются красные мундиры иностранныхъ часовыхъ и стройно тянутся къ небесамъ, — точно руки, простертыя къ молитвѣ, — два минарета достроенной въ 1857 г. мечети («гама») Мохаммеда-Али, — сама же она (изъ желтоватаго алебастра) ослѣпительно ярко отсвѣчиваетъ въ [illegible] [illegible]ннаго солнца.

У входа надо надѣвать туфли на сапоги. Внутри ея насъ охватываетъ сравнительный сумракъ — въ сооруженіи, напоминающемъ Св. Софію въ Константинополѣ. На полу —

[illegible], [illegible], какъ говорятъ, въ Меккѣ. [illegible] [illegible]фигуры. По стѣнамъ отражается тотъ же алебастръ, — по сводамъ [illegible] проникаетъ сюда черезъ цвѣтныя стекла у начала сводовъ, и черезъ ряды [illegible] оконъ. Высокіе столбы поддерживаютъ смѣло очерченный куполъ. Многочисленныя м[illegible] [illegible] спускаются подъ нимъ и четырьмя боковыми (меньшихъ размѣровъ), однообразно растягиваясь по сторонамъ громадныхъ люстръ. Въ одномъ изъ [illegible] [illegible] гробница Мохаммеда-Али, скончавшагося въ 1849 году. Она вся — въ длинныхъ пальмовыхъ листьяхъ, и за красивою позолоченною рѣшеткой, откуда серебрится саркофагъ, окружена знаменами. Дальше — выходъ на площадку, обнесенную сводчатыми галлереями, съ башенными часами въ китайскомъ павильончикѣ, подаренными королемъ Людовикомъ-Филиппомъ. Имъ, право, мѣсто гдѣ-нибудь на столичной желѣзнодорожной станціи, но никакъ не здѣсь, гдѣ о назначеніи преддверья дома молитвы достаточно ясно говоритъ хотя бы обычный крытый бассейнъ для религіозныхъ омовеній.

Подъ ногами чувствуешь до такой степени гладко отполированный бѣлый мраморъ, что скользко идти.

КАИРСКАЯ КРѢПОСТЬ.

За мечетью — длинный, узкій выступъ, вдоль котораго зіяетъ обрывъ. Съ него на западъ открывается живописнѣйшій видъ на Каиръ: море домовъ съ плоскими крышами, сады, неисчислимыя воздушныя башенки, дворцы, бѣлые купола, руины, свѣтлосѣрыя постройки, пересѣкаемыя красными полосками, — и за всѣмъ этимъ синяя сверкающая лента рѣки, широко извивающейся (между зелеными полями и рощами пальмъ). Порою она даже представляется цѣпью мирно блещущихъ, недвижимыхъ озеръ. За нею — пирамиды Гизэ, желтѣющая Ливійская пустыня, къ сѣверу необозримая дельта Нила, къ югу — между двухъ сдвигающихся степей, — земледѣльческій районъ, отвоеванный у безплодья.

Око расширяется отъ блеска. Чудится, какъ будто вдали огненный горизонтъ заколебался и движется.

Довольно близко отъ насъ, — на круглой Румелійской площади, подъ крѣпостью, — находится тотъ именно пунктъ, гдѣ осенью стягивается караванъ богомольцевъ въ Мекку (такъ-называемыхъ хаджій), замѣчательный особенно тѣмъ, что еще со временъ первоначальнаго мамелюкскаго владычества принято снаряжать отсюда къ арабской святынѣ носилки на верблюдѣ (махмалъ) и черный покровъ для Каабы (кисва), расшитый изреченіями изъ Корана.

Среди песковъ, недалеко отъ города, передъ нами выдѣляются безмолвныя, уединенныя гробницы средневѣковыхъ владыкъ. Положительно кажется, что читаешь арабскую сказку Шехеразады, но только она развертывается не ночью, а въ горячемъ, почти серебряномъ дневномъ сіяніи. Впрочемъ, тутъ въ Каирѣ все со вчерашняго дня положительно мнится восхитительнымъ сномъ, чарующею небылицей.

Кто изъ путешественниковъ, будучи на этомъ мѣстѣ, за гробницей Мохаммеда-Али, не слыхалъ былъ объ истребленіи нѣсколькихъ сотъ мамелюковъ въ 1811 году? Гдѣ нынѣ — мечеть, тогда еще высился старый дворецъ Саладина, куда ихъ заманили. Когда почти всѣхъ перестрѣляли, одинъ смѣльчакъ (Аминъ-бей) на испытанномъ скакунѣ, завязавъ ему глаза чалмой, заставилъ его прыгнуть отсюда внизъ. Конь убился. Всадникъ полуживой доползъ до ближайшаго дома и будто-бы спасся. Одна версія преданія утверждаетъ, что онъ послѣ того долго жилъ (или въ Константинополѣ, или въ Верхнемъ Египтѣ) и даже получалъ пенсію; другая-же гласитъ, что его нашли и умертвили вскорѣ послѣ катастрофы.

Вѣрить-ли разсказу, или точнѣе воскресшему глубоко древнему преданію, что конскія копыта выбили здѣсь въ камнѣ предсмертный слѣдъ передъ страшнымъ паденьемъ съ крѣпостной стѣны?

Отъѣзжая отъ усыпальницы предка хедивовъ, невольно любуешься остатками изящныхъ фаянсовыхъ кирпичей съ зеленоватымъ отливомъ, которые еще свѣтятся на минаретахъ утратившей прежнее значеніе мечети султана Насра и называются «кашани» (какъ и у насъ въ Средней Азіи, на памятникахъ Бухары, Самарканда). Искусство ихъ изготовленія занесено сюда бѣглецами изъ Ирана, въ грозную эпоху монгольскихъ нашествій.

Августѣйшіе путешественники милостиво принимаютъ приглашеніе командира расположенныхъ здѣсь англійскихъ «Royal Irish Rifles» посѣтить ихъ офицерское собраніе, устроенное въ одномъ прежнемъ дворцѣ, изъ оконъ и съ терассы котораго открывается тоже очень красивый видъ на окрестности. Полкъ еще недавно находился въ Индіи, а теперь переведенъ въ страну, гдѣ въ началѣ вѣка сражался противъ французовъ, — въ память чего носитъ на лядункахъ серебряное изображеніе сфинкса.

Затѣмъ, Ихъ Высочества обходятъ другой упраздненный чертогъ, въ которомъ англичане помѣстили свой центральный военный госпиталь. Онъ — на 500 кроватей. При посѣщеніи его только четверть занята больными. На стѣнахъ просторныхъ палатъ взоръ невольно медлитъ на пестрѣющей вдоль нихъ крайне примитивной и пестрой живописи.

При хедивѣ Измаилѣ въ Калѣ жилъ кто-нибудь изъ принцевъ. Въ данное время европейскій элементъ является въ крѣпости главнымъ представителемъ власти и порядка.

Мы идемъ по внутреннему полузаглохшему двору, гдѣ встарь толпились суровые воины халифата, охранявшіе доступъ къ жилищу владыки. Тамъ, — за видимыми бойницами и замкнутыми вратами, за подземными извилистыми ходами и тайниками, среди

несказуемой роскоши, заморскихъ птицъ и звѣрей, мраморныхъ бассейновъ съ диковинными рыбами, — гдѣ-то находился и самъ земной полубогъ, пребывавшій почти въ полномъ отчужденіи отъ народа. На золотомъ престолѣ, занавѣшенномъ дорогими тканями съ жемчугомъ, халифъ иногда принималъ поклоненіе избранныхъ безоружныхъ лицъ. Завѣса отдергивалась: «правовѣрные» падали ницъ передъ подавляющимъ видѣніемъ.

Страны, преимущественно поставлявшія сюда честолюбивыхъ и даровитыхъ рабовъ, [illegible] — напр. Средняя Азія и нашъ Кавказъ, [illegible]али тогда Египту извѣстный притокъ свѣжихъ силъ, который способствовалъ политической независимости Каира и оригинальности его культуры. Обаяніе этого центра ислама должно было поражать, и въ дѣйствительности поражало въ средніе вѣка и Западъ, и Востокъ. Даже будучи тѣснима крестоносцами, столица Фатимидовъ на Нилѣ могла еще сравнительно дешево откупиться отъ рыцарей. Теперь все неизсякаемое богатство принильской почвы недостаточно для огражденія туземцевъ отъ европейскаго протектората.

Нельзя быть въ крѣпости и не поинтересоваться колодцемъ Юсуфа или Іосифа, который такъ названъ по имени великаго султана, создавшаго нынѣшнюю Калу. Это [illegible] сооруженіе до 1865 г. черпало воду на поверхности чуть-ли не ниже уровня самой рѣки. Работали [illegible].

По свидѣтельству древнихъ, существованіе этого колодца, спускающагося спиралью въ бездну, подало мысль Архимеду изобрѣсти винтъ.

Идешь туда, увязая въ мелкомъ пескѣ, по наклонной и извивающейся поверхности. [illegible]

[illegible] мусульманскіе владыки Каира повелѣвали надъ громаднымъ царствомъ, пили изъ этого именно водохранилища (теперь отличающагося почему-то солоноватымъ вкусомъ), съ надеждой глядѣли впередъ, а не на развалины прошедшаго.

Давно уже взоръ останавливался на высочайшемъ (около сорока саженей) изъ минаретовъ Каира, увѣнчивающемъ разрушающуюся мечеть султана Гассана, красу [illegible]и и средневѣковой старины. Глядя на это сумрачно-величественное зданіе, говоришь себѣ: исламъ XIV столѣтія имѣлъ своего Микель-Анджело, проникнутаго идеями Корана, [illegible], когда имя египетскихъ правителей внушало содроганіе. Архитекторъ могъ быть [illegible] и европеецъ, потому что опытный взглядъ одного новѣйшаго художника [illegible] какую-то второстепенную подробность, свидѣтельствующую о вліяніи готическаго стиля. [illegible] не въ этомъ: знаменателенъ [illegible].

Постройка занимаетъ около трехъ четвертей десятины и способна вмѣщать несмѣтное количество «правовѣрныхъ», которые вообще неразъ тутъ искали и прибѣжища, и утѣшенія.

Мы ѣдемъ вдоль массивныхъ стѣнъ, вдоль длиннаго и высокаго фасада отживающей мечети, гдѣ прежде сами «правовѣрные» благоговѣйно пробирались пѣшкомъ. Какъ она проста! Притомъ скорѣе похожа на крѣпость временъ феодализма, чѣмъ на домъ Божій!

Впрочемъ, тутъ пролито столько крови, что оно и понятно: стóитъ вспомнить хотя-бы осень 1799 года, когда возставшіе туземцы защищались за его стѣнами противъ французовъ. До сихъ поръ еще на восточной сторонѣ сохраняется слѣдъ отъ непріятельскихъ ядръ.

Предъ огромною дверью — ступени. Дальше — темный ходъ во внутрь сооруженія. Онъ изгибается, ведетъ мимо какихъ-то углубленій по сторонамъ (гдѣ раньше сидѣли люди, погружавшіеся въ созерцаніе), кончается дворомъ, куда на цвѣтной мраморъ пола сверху падаетъ ослѣпительный свѣтъ и на который смотрятъ гигантскія стѣны съ могучими арками, вдѣланными въ нихъ, и саженными надписями священнаго характера. Подъ ними красуются арабески, — узоры, принятые въ архитектуру съ древнихъ азіятскихъ тканей, ковровъ. Игра линій имѣетъ здѣсь своеобразнѣйшую прелесть. Онѣ словно сотканы изъ звѣздъ, пальмъ, цвѣтовъ и загадочныхъ начертаній.

Два водоема предназначены для турокъ и для египтянъ. У послѣдняго — голубой куполъ, съ полумѣсяцемъ и золотою каймой изъ арабскихъ буквъ. Дальше — главное мѣсто молитвы, нѣкогда считавшееся излюбленнымъ туземною мусульманскою властью, гдѣ она собирала народъ съ цѣлью объявленія ему своей воли. Самъ султанъ, создатель мечети, [illegible] въ качествѣ богослова, предъ удивленно-внимательною толпой.

Матеріалъ къ постройкѣ отчасти доставленъ сюда отъ служившихъ каменоломнями пирамидъ.

Намъ открываютъ дверь, ведущую къ обширному и величественному мавзолею. Онъ крайне простъ, и грандіозные размѣры пріобрѣтаютъ красоту, исключительно благодаря художественно сгруппированнымъ сталактитамъ. Нѣкоторые камни тутъ почитаются за цѣлотворные. Ихъ трогаютъ съ благоговѣніемъ. На нихъ молятся. На помостѣ показываютъ темное пятно, точно отъ запекшейся крови. По преданію, Гассанъ надумалъ строить мечеть вскорѣ послѣ ужасной чумы, опустошившей 550 лѣтъ назадъ полъ міра. По свидѣтельству мусульманскаго писателя Макризи, одинъ Каиръ тогда потерялъ девятьсотъ тысячъ горожанъ. Въ Египтѣ не было достаточныхъ матеріальныхъ средствъ на осуществленіе замысла. Повелитель отправился путешествовать инкогнито, временно передавъ бразды правленія мнимо-преданному визирю. Неожиданно вернувшись изъ за-границы, на правахъ иноземнаго непомѣрно богатаго купца, властитель убѣдился, что его забыли и что саномъ его пользуется измѣнникъ-вельможа. Незнакомецъ предоставилъ свои сокровища на сооруженіе мечети, но по окончаніи работъ потребовалъ, чтобы ее назвали именемъ отсутствовавшаго султана. Произошло замѣшательство. Гассанъ тогда явился въ полномъ блескѣ, и на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ, собственноручно закололъ вѣроломнаго визиря. Хотя на могилу предъ нами чернь и смотритъ, какъ на могилу царя, — строителя мечети, —это ошибочно. Буйная, военная знать умертвила его при какой-то смутѣ. Тѣла не нашли. Онъ напрасно приготовлялъ себѣ вѣчное земное жилище. Судьба рѣшила иначе, — точно въ наказаніе за то, будто зодчему отрубили руки по завершеніи постройки, дабы онъ никогда не могъ начертать другаго столь же искуснаго плана. Вскорѣ затѣмъ на школу, основанную султаномъ для 300 учениковъ, упалъ минаретъ того же зданія и всѣхъ задавилъ.

Противъ выхода изъ мечети Гассана видишь лѣса передъ какимъ-то незаконченнымъ сооруженіемъ. Дѣло въ томъ, что современный Каиръ задумалъ воздвигнуть нѣчто подобное на нее, но выполнить задачи, вѣроятно, не въ состояніи, за неимѣніемъ выдающихся архитекторовъ, которые бы согласились взять ее на себя. На эту предположенную постройку много денегъ жертвовалось матерью прежняго хедива.

Мы ѣдемъ узкими-узкими улицами. Кое-гдѣ темнѣютъ массивныя, прочныя ворота, уцѣлѣли кое-гдѣ и изящныя арабески. — Внутри нихъ, навѣрно, есть широкіе дворы, куда лѣтъ сто тому назадъ торжественно въѣзжали мамелюки на бѣшеныхъ коняхъ. Теперь все это отведено подъ склады, загромождено бочками и тюками, въ качествѣ желанныхъ гостей показывается лишь усталыми и навьюченными верблюдами.

Солнечный свѣтъ не доходитъ палящимъ лучемъ на полукрытые проѣзды. Дома сдвинуты довольно близко, давая живительной прохлады. Она естественно рождается отъ малѣйшаго движенія воздуха, потому что этому способствуетъ мудрая конструкція большихъ оконъ, закрытыхъ отъ внѣшняго міра, но снабженныхъ массой отверстій и при этомъ выдвигающихся рѣшетокъ, нависшихъ стороной надъ улицей.

Такія же противуположныя окна тянутся ввысь до верху, погружая всѣ самые предметы внизу въ отрадную тѣнь. Туземные кварталы положительно выигрываютъ отъ подобнаго устройства, и хотя, конечно, своевременно было отвести подъ европейскую часть города Измаилію, занимаемую министерствами и виллами, множество само собою осужденныхъ на разрушеніе старомодныхъ зданій, однако внѣшность новыхъ построекъ, въ связи съ безусловною непрактичностью подражанія европейскимъ улицамъ и домамъ, оттого сильно потеряла, — особенно, разумѣется, въ художественномъ отношеніи. Нельзя безнаказанно пересаживать чужое на свѣжую почву, не спросясь ея характера и требованій.

Когда по сторонамъ мелькаютъ обрывки совершенно нетронутаго средневѣковаго Каира, сочетаніе свѣта и тѣни такъ удачно, что некрасивое, грязное, запущенное въ уголкахъ Востока, невольно поэтизируется, позолоченное прокравшимся лучемъ яркаго солнца. Такъ было, такъ не можетъ не быть. Вѣдь и столбики ничтожной мельчайшей пыли преображаются въ красивыя златотрепещущія полосы, когда ихъ коснется солнце, когда съ ними заводитъ игру!

Поэтъ Аріосто, смутно зная мусульманскій міръ, говоритъ о Каирѣ, какъ о городѣ съ 18,000 улицъ, гдѣ въ каждомъ этажѣ помѣщается по 15,000 воиновъ съ семействами, т. е. иными словами пылкая мечта итальянца допускала, что здѣсь сосредоточивается населеніе чуть-ли не цѣлаго земнаго шара. Теперь намъ крайне близка и доступна картина настоящаго положенія вещей, и втайнѣ жаль, отчего мало подсказываетъ воображеніе.

Флорентійскій паломникъ Фрескобальди (XIV в.), лично посѣтившій арабскую столицу на Нилѣ, видѣлъ на ея улицахъ много слоновъ, несмѣтное количество жителей (больше чѣмъ въ тогдашней Тосканѣ), роскошь и довольство, наряду съ наростаніемъ пролетаріата.

Расточительность женщинъ вызывала даже противъ себя карающій законъ. Только этимъ можно было обуздывать горожанъ и горожанокъ, сознававшихъ, что они — въ центрѣ міровой торговли, охватывавшей три части свѣта. Весь Востокъ находилъ тутъ сбытъ, нагромождалъ тутъ свои естественныя сокровища. Гдѣ же отблескъ этихъ яркихъ столѣтій?

Всетаки древній, — языческій Египетъ пережилъ сравнительно юную культуру ислама и вершинами безсмертныхъ пирамидъ по прежнему говоритъ о вѣчности иныхъ сторонъ человѣческаго творчества.

Нѣтъ-нѣтъ и вспомнишь, что въ Каирѣ, до турокъ, хоть и номинально, но имѣлъ значеніе халифатъ. Толпы привѣтствовали на улицахъ свѣтскаго, военнаго замѣстителя этой власти. Онъ выѣзжалъ обязательно на бѣлой лошади, подъ черною попоной, въ черной золототканной чалмѣ, съ черными знаменами вокругъ. И всему пришелъ конецъ съ

того самаго Запада, который такъ былъ ненавистенъ мусульманамъ! Осталась память о лучшихъ дняхъ въ причудливо мерцающихъ сказкахъ «Тысячи и одной ночи», на разрушающихся мечетяхъ, среди сухихъ арабскихъ рукописей, и больше нигдѣ...

Сегодня, кажется, базарный день.

Мы ѣдемъ мимо минаретовъ и куполовъ (причудливой формы и съ любопытнымъ орнаментомъ). Безконечные ряды лавокъ со степенно возсѣдающими владѣльцами унизываютъ дорогу по обѣимъ сторонамъ. Каждый фасадъ чѣмъ-нибудь интересенъ по сочетающимся на немъ краскамъ, по сплетающимся на камнѣ арабескамъ, по воздушности свода, ведущаго надъ дверью — окномъ во внутренность пестрѣющаго товаромъ жилья — магазина. Неизбѣжныя группы любопытныхъ скопляются вдоль тѣсно сдвинутыхъ домовъ. При безостановочномъ слѣдованіи впередъ по извилистымъ улицамъ арабскаго Каира, бѣгло переносишься отъ ремесла къ ремеслу, отъ иноземнаго издѣлія и продукта къ таковымъ же туземнымъ, отъ характерной фигуры одного какого-нибудь осанистаго мусульманина-купца къ другому столь же типичному олицетворенію восточной выдержанности и невозмутимости. Красивѣйшія мечети мелькаютъ то справа, то слѣва. Все очарованіе туземной архитектуры сквозитъ повсюду, — но намъ дано любоваться настоящимъ Каиромъ лишь въ теченіе сравнительно немногихъ жадно переживаемыхъ мгновеній. Экипажи катятся къ цѣли: Августѣйшіе путешественники намѣрены удостоить посѣщеніемъ, въ одномъ изъ старыхъ кварталовъ, Синайское подворье и находящуюся рядомъ съ нимъ греческую школу Абета. Она такъ названа въ честь богача-патріота, завѣщавшаго въ 60-хъ годахъ на ея основаніе значительный капиталъ, съ условіемъ, чтобы дѣло образованія мѣстнаго эллинскаго юношества непремѣнно велось подъ покровительствомъ нашего правительства. Переулки и дворъ передъ училищемъ устланы коврами, переполнены восторженно встрѣчающими греками. Ихъ Высочества обходятъ зданіе. Во второмъ этажѣ, на галлереѣ, огибающей внутренній дворикъ, дѣти стройно поютъ «Боже, Царя храни!» Его преосвященство синайскій архіепископъ Порфирій громко и внятно, съ чистымъ русскимъ выговоромъ, читаетъ Наслѣднику Цесаревичу слѣдующую рѣчь:

ТИПЪ ВОДОНОСА.

«Ваше Императорское Высочество!

«Учебное учрежденіе «Абетъ» удостоено великой милости состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Императора Всероссійскаго. Какъ предсѣдатель попечительнаго совѣта, какъ архіепископъ Святой обители Синайской, считающей не мало примѣровъ

Царскаго благоволенія, я почитаю несравненнымъ счастьемъ повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества почтительнѣйшую признательность за высокую честь, оказанную намъ Высочайшимъ посѣщеніемъ Вашимъ. Память о сегодняшнемъ днѣ останется неизгладимою въ сердцахъ учениковъ Абетской школы.

«Возвышаю смиренный голосъ мой къ Всемогущему Богу съ теплою молитвою, да блюдетъ Онъ подъ могучею десницею Своею Отца Вашего Императорскаго Высочества, Августѣйшаго Монарха, Императора Всероссійскаго Александра Третьяго, да хранитъ Онъ Ваше Императорское Высочество, гордость и надежду всего русскаго народа, отъ всякихъ невзгодъ и бѣдствій и да направляетъ Онъ стопы Ваши по пути мира и благоденствія, на славу русскаго народа и Святой Православной Церкви».

Благообразный сѣдобородый представитель древней обители на Синаѣ, радостно взволнованныя лица вокругъ Высокихъ Гостей, рѣзкій переходъ въ эту радушно настроенную среду отъ яркаго своеобразія базарно-уличнаго движенія, — все странно гармонируетъ съ потребностью глубже и глубже проникаться жизненнымъ трепетомъ захватывающаго насъ Востока и считаться съ неожиданностями путевыхъ впечатлѣній.

Великокняжескій экипажъ уже опять видиѣется впереди поспѣвающей за нимъ свиты, среди лабиринта туземныхъ домовъ, живописныхъ лавокъ — нишъ и отсвѣчивающихъ глазурью, разнообразно извивающихся въ вышину, окаймленныхъ каменнымъ кружевомъ минаретовъ. Отъ всего этого страннаго міра вѣетъ какой-то необъяснимою привлекательностью. Такъ и чудится, что онъ уже когда-то снился и теперь лишь расцвѣлъ на яву. Проѣзжая характерными улицами, сразу начинаешь понимать простодушный кругъ воззрѣній мѣстнаго люда. Отчего бы имъ и не вѣрить въ чудеса, будто-бы присущія иному религіозному памятнику? Какъ имъ не быть фаталистами въ силу самой природы вещей? Подъ этимъ золотымъ африканскимъ небомъ, при дремотномъ состояніи духа, гдѣ человѣку не различить границы сказокъ и были, развѣ есть возможность относиться къ жизни съ холодною разсудительностью сѣверянъ? Для жителя Каира вполнѣ естественно предположить, что отъ одежды какого-нибудь добродѣтельнаго султана въ теченіе столѣтій струится цѣлебный даръ, что въ разсадникъ міровой учености, мечеть эль-Азхаръ, по ночамъ приходятъ усопшіе праведники — «правовѣрные» для совершенія установленныхъ омовеній, что въ другомъ домѣ молитвы происходятъ столь же таинственныя сборища просвѣтленныхъ тѣней, съ цѣлью обсудить, гдѣ на землѣ творятся беззаконія, и мистически оповѣстить о томъ хедива. Нетронутый въ своемъ психическомъ строѣ народъ! Непоколебленная въ своей здоровой основѣ культура Востока!

Августѣйшіе путешественники заѣзжаютъ ознакомиться и съ такъ называемымъ «арабскимъ» музеемъ на эль-Гурійской улицѣ.

Тщетно разукрашалась причудами архитектуры пышная мусульманская столица Египта. Теперь ея искусство въ упадкѣ. Недавно оно почти совсѣмъ не признавалось. Мечети обѣднѣли, лишились унаслѣдованнаго имущества. Только благодаря вкусу и вліянію нѣкоторыхъ европейскихъ цѣнителей пробудилось стремленіе сохранять или реставрировать остатки достопамятной старины. Даже частныя лица стали коллекціонировать. Наконецъ правительство (при хедивѣ Тевфикъ-пашѣ) обратило на нее вниманіе, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ на вѣка фараонова могущества.

Созрѣла мысль о необходимости создать музей арабскихъ древностей. Прежній англійскій консулъ Роджерсъ-бей, архитекторъ хедива Измаила нѣмецъ Францъ-паша и знатокъ средневѣковой старины — просвѣщенный армянинъ Артынъ-паша — способствовали осуществленію подобной идеи. Именно послѣдній сегодня утромъ откомандированъ для сопровожденія Ихъ Высочествъ по туземному Каиру.

ПРЕДМЕТЫ АРАБСКАГО МУЗЕЯ.

Для хранилища арабскихъ древностей временно избрали мечеть Фатимидскаго халифа эль-Хакима, основанную еще въ 1003 г., вскорѣ послѣ возникновенія Каира. Упомянутый

изволилъ быть какой-то исступленный: то онъ шествовалъ по городу, поражая народъ необычайною роскошью, то бродилъ вездѣ чуть-ли не въ рубищѣ. Въ его правленіе совершались неслыханныя жестокости, и въ то же время собрана превосходная библіотека для общественнаго пользованія, разросшаяся вскорѣ до милліона шестисотъ тысячъ томовъ, но уничтоженная Саладиномъ, какъ источникъ ересей.

При входѣ въ музей средневѣковыхъ достопримѣчательностей, видишь предъ собой корридоръ съ комнатами по бокамъ. Вдоль стѣнъ его расположены образчики узорчатой деревянной рѣзьбы, заслонки гаремныхъ оконъ, двери мечетей. Съ потолка спускаются любопытныя по формѣ металлическія лампы. Въ одномъ отдѣлѣ находятся рѣдкія куфическія надписи, въ другомъ — старинные свѣтильники, два красивыхъ мѣдныхъ стола съ серебряными инкрустаціями, перенесенныхъ сюда изъ молитвеннаго дома Калауна (султана-благотворителя, жившаго въ XIII столѣтіи).

Кромѣ того неподражаемы эмальированныя лампы, затѣмъ цвѣтное стекло сирійскаго издѣлія, ради береженья взятое изъ мечети Гассана. Имя его ясно на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Еще болѣе или менѣе замѣчательны нѣкоторыя мраморныя плиты, футляры для орановъ, разукрашенные слоновою костью, и т. п.

Скромные размѣры хранилища едва-ли будутъ въ состояніи вмѣстить рядъ новыхъ желательныхъ пріобрѣтеній, а эти вещи иначе въ непродолжительномъ времени можетъ ожидать весьма плачевная судьба.

Утренній осмотръ Каира заканчивается посѣщеніемъ извѣстнаго магазина Парвиса, гдѣ чрезвычайно искусно имитируются вещи античнаго художественнаго характера.

Послѣ завтрака (дома, во дворцѣ Гуссейна-паши) Августѣйшіе путешественники ѣдутъ въ прежній Булакскій музей древне-египетской старины, названный такъ, пока коллекціи хранились въ предмѣстьѣ того же названія. Съ прошлаго года онѣ находятся въ палатахъ хедива (у подгороднаго мѣстечка Гизэ), отведенныхъ для нихъ щедрымъ правительствомъ. Туда — близко отъ временной резиденціи Великихъ Князей. На лѣстницѣ входа въ залы, — гдѣ насъ сразу обдастъ холодомъ развѣнчаннаго величія и погибшей культуры, — Ихъ Высочества встрѣчены консерваторомъ отдѣла, Эмилемъ Бругшъ-беемъ, братомъ египтолога Генриха Бругша.

Мало встрѣчается мѣстъ на земномъ шарѣ, гдѣ на столь незначительномъ протяженіи было бы собрано столько изображеній, останковъ и памятниковъ глубочайшей старины, гдѣ бы на посѣтителей со всѣхъ сторонъ взирали не вѣка, а цѣлыя тысячелѣтія. Всякій, кто способенъ всматриваться и мыслить въ такой исключительной обстановкѣ, въ Гизэсскомъ музеѣ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь проникается смѣшанными чувствами самоуничиженія и гордости: отдѣльный человѣкъ, конечно, безмѣрно малъ и ничтоженъ передъ нетлѣннымъ величіемъ того, что еще сохранилось отъ древности. Но наряду съ этимъ развѣ не живительно сознаніе, что вся эта древность, въ ея таинственно-глубокихъ образахъ, создана такими же какъ и мы людьми, съ тѣмъ же божественнымъ огнемъ въ груди, съ такою же, хотя и смутною жаждою идеала!

Раньше чѣмъ проникнуть въ музей и воочію увидѣть спящихъ фараоновъ среди предметовъ и обломковъ взростившей ихъ культуры, раньше чѣмъ потеряться въ лабиринтѣ эпохъ, царствованій, именъ и событій, — нельзя не предпослать подобному изложенію краткаго описанія, что это за музей, о которомъ идетъ рѣчь, кто его задумалъ и

устроилъ, каково его истинное значеніе. Подобные вопросы становятся вдвойнѣ понятными, такъ какъ при въѣздѣ въ ограду дворца, по направленію къ его крыльцу, сбоку, иностранцамъ обыкновенно указывается могила Марьэта. Стоитъ произнести фамилію послѣдняго, и каждый, читавшій объ Египтѣ, невольно проникается удивленіемъ къ неутомимой дѣятельности и заслугамъ этого археолога, который, путемъ упорнѣйшаго труда, сначала на скудныя средства издали изучалъ страну пирамидъ и затѣмъ, уже прибывши сюда, всецѣло отдался мучительно-сладостнымъ поискамъ за неоткрытыми до него вещественными доказательствами того, чѣмъ въ сущности былъ древнѣйшій жизненный строй и культъ народа, облекшагося формами государственной жизни и ставшаго историческимъ, когда почти весь Востокъ, не говоря уже о юномъ Западѣ, для изслѣдователей представляется погруженнымъ во мракъ и находился едва-ли не при зачаточныхъ условіяхъ умственнаго пробужденія.

ЗДАНІЕ БУЛАКСКАГО МУЗЕЯ.

Благодаря хорошему климату, сухости воздуха, укромности нѣкоторыхъ горныхъ уголковъ, а особенно въ виду изчезновенія многихъ памятниковъ старины, подъ зыбучимъ моремъ ливійскихъ песковъ, египетское прошлое немало могло и можетъ сказать о дняхъ своего разцвѣта и блеска. Наполненный Марьэтомъ музей краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ. Но является вопросъ: какою цѣною хранилище получило главныя сокровища, накопляло позднѣйшія находки?

Мысль о необходимости такого мѣстнаго центра, гдѣ бы археологически цѣнные предметы сосредоточивались, не расхищаясь туристами, высказана еще въ 50-хъ годахъ знаменитымъ Лепсіусомъ, но приведена въ исполненіе — лишь долго спустя — выдающимся французскимъ египтологомъ. Онъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ производилъ раскопки вездѣ, гдѣ надѣялся найдти какое-нибудь поясненіе горячо имъ любимой старинѣ, — преодолѣвая при этомъ всякія лишенія, пренебрегая здоровьемъ, безопасностью, денежными затрудненіями. Въ концѣ концовъ, богатые научные результаты оправдали неуклонное стремленіе вдохновеннаго изслѣдователя. Хедивъ Измаилъ далъ возможность, на первыхъ порахъ,

сгруппировать находки и приютить ихъ; затѣмъ власти отвели для основавшагося музея болѣе или менѣе подходящее зданіе. Гигантскія усилія Марьэта принесли замѣтный плодъ, но, параллельно, силы ученаго ревнителя уходили: онъ умиралъ. Врачи запрещали ему работать, совѣтовали покинуть Египетъ. Фанатикъ своего отвлеченно-безкорыстнаго дѣла, онъ всетаки оставался въ стѣнахъ взлелѣяннаго имъ учрежденія, разставлялъ коллекціи, не боялся ни сквозняковъ, ни духоты, ни переутомленія. Мозгъ историка-мыслителя пылалъ еще безсмертіемъ творчества, когда тѣло уже онѣмѣло отъ недуга. Такъ скончался основатель Булакскаго (нынѣ Гизэсскаго) музея — Марьэтъ, погребенный какъ-бы на стражѣ всего того, что имъ вызвано къ бытію.

Зная это, понятно, съ какимъ настроеніемъ переступаешь порогъ «святилища археологіи», — точно изъ каждаго камня, отъ всякой фигуры отдѣляется, касается и смущаетъ насъ дуновеніе чего-то высшаго, заглянувшаго за предѣлы земли.

Передъ посѣтителями чередуются остатки туманной, однако же непосредственно близкой старины. Наука тутъ еще собственно — на рубежѣ исторіи. Можно-ли съ увѣренностью судить и говорить о ней, пока все загадочно, пока нѣтъ даже той путаницы, которая обыкновенно соблазняетъ бытописателей? На разстояніи немногихъ десятковъ верстъ отъ Каира найдены, напримѣръ, два раскрашенныхъ изваянія князя Рахотепа и жены его, — родственницы фараоновъ — Нефертъ, жившихъ будто бы до построенія пресловутой Хеопсовой пирамиды, т. е. въ столь недосягаемо далекую пору, что странно смотрѣть на черты подобныхъ фигуръ, — съ глазами изъ кварца, — по обычаю времени весьма сходныхъ со своимъ оригиналомъ. Одинъ уже типъ ихъ — неоцѣнимое пріобрѣтеніе для этнографіи и свидѣтельствуетъ о довольно значительномъ уровнѣ тогдашняго искусства. Изображенія создавались съ цѣлью дать возможность неразлучнымъ съ остывшими тѣлами душамъ имѣть въ могилахъ вѣрное обиталище изъ дерева или камня. Чѣмъ больше имѣлось статуй, тѣмъ обезпеченнѣе должно было быть загробное существованіе усопшаго. Повѣрье, при всей своей странности, въ данномъ случаѣ не обмануло египтянъ. Не будь его, — развѣ среди тьмы забвенія уцѣлѣли бы здѣсь для насъ и продолжали пристально глядѣть на окружающій міръ: какой-то сановный туземецъ со своей супругой (онъ — темнокоричневый, полуодѣтый, мускулистый, съ повелительнымъ взоромъ и властно сдвинутой рукой; она изжелта-бѣлая, полная, невозмутимая, въ небрежно облекающемъ ее покрывалѣ, съ повязкою и искусственнымъ головнымъ уборомъ)? И этимъ-то спутнику и спутницѣ мумій, сдѣланнымъ изъ простаго известняка, насчитывается теперь около пяти — шести тысячелѣтій! Феллахи, найдя Рахотепа и Нефертъ, въ ужасѣ приняли ихъ за исчадья ада и чуть не уничтожили.

Хотя гробницы опустошались грабителями, хотя безчисленные трупы именитыхъ лицъ извлечены изъ усыпальницъ и погибли; но отражавшія покойниковъ статуи кое-гдѣ неприкосновенно сохранились. Онѣ замуровывались по близости къ усопшимъ, мирно грезили въ глухомъ мракѣ склеповъ, ждали вещественныхъ приношеній и поминанія.

Что за чудо этотъ, дивно очерченный (изъ неподдающагося рѣзцу зеленоватаго діорита) царь Хефренъ, основатель второй по высотѣ пирамиды! Съ опущенными на колѣни руками, онъ спокойно возсѣдаетъ на креслѣ, со львиными головами на ручкахъ. Чертамъ лица придана художникомъ нѣкоторая выразительность; сильная грудь какъ-бы собирается вздохнуть. Эту статую, вмѣстѣ съ другими, однородными ей, археологи нашли въ обезображенномъ видѣ на днѣ колодца, — откуда онѣ, быть можетъ, ждали освобожденія, подъема къ свѣту, къ солнцу, въ ту высь, для обладанія которой ихъ живой прообразъ, фараонъ Хефренъ, стремился вознести созидаемую имъ твердыню!

Въ строгомъ взглядѣ сосѣдней фигуры жреца съ парикомъ на головѣ (застывшаго на своемъ пьедесталѣ, со свиткомъ папируса въ сжатой длани) сказывается оцѣпенѣніе. Но за то опять дышетъ жизнью небольшихъ размѣровъ деревянный «толстякъ» съ палкою, на ногахъ, придѣланныхъ уже для музея. Добродушный обликъ проникнутъ подвижностью; иллюзія увеличивается конструкціей глазъ, въ составъ которыхъ вошли: бѣлый кварцъ, бронза, кристаликъ, серебряный гвоздикъ. Нашедшіе эту статую рабочіе съ удивленіемъ отыскали въ ней огромное сходство со своимъ «мѣстнымъ старшиною» и воскликнули: «нашъ шейхъ эль бэлэдъ»! Подъ такимъ прозвищемъ изображеніе стало извѣстно всему просвѣщенному міру и наглядно доказываетъ, какъ мало съ древнѣйшихъ временъ измѣнился египетскій народъ, обладавшій, такъ сказать, способностью впитывать и ассимилировать пришлые элементы.

ВЪ ГИЗЭССКОМЪ МУЗЕѢ.

Посѣтителя поперемѣнно притягиваютъ внѣшностью то наивная фигурка египтянина, мѣсящаго хлѣбъ, то крайне реальное, художественное изображеніе египтянки, стирающей бѣлье, то статуя колѣнопреклоненнаго, подобострастно ожидающаго приказаній раба — писца. Забота художника о сходствѣ этихъ статуй съ дѣйствительностью лишаетъ ихъ, положимъ, идеалистическаго оттѣнка, который такъ краситъ все, сохранившееся отъ классической старины; но это въ сущности и не нужно, такъ какъ гармонируетъ вполнѣ съ характеромъ народа, вспоеннаго нильскими водами: ему мало улыбалась возможность для человѣческаго генія пользоваться крыльями, — напротивъ, центромъ культа, даже въ загробномъ мірѣ, являлась земля и

вообще все земное, не преображенное [illegible]. Не оттого-ли самъ почва тѣмъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, сберегла потомству тайны вѣковъ и нетлѣнные слѣды давно исчезнувшей культуры?

Мало-по-малу она воскресаетъ во многихъ интереснѣйшихъ подробностяхъ. Даже драгоцѣнности (т. е. то, изъ-за чего грабителями нарушался покой незыблемѣйшихъ гробницъ) — и онѣ изрѣдка въ цѣлости открываются археологіи. Лучшее по этой части, въ количествѣ 213 вещей, найдено при муміи царицы Аахотепъ, супруги или матери Ахмеса, изгнавшаго гиксосовъ изъ страны. Въ музеѣ выставлены принадлежавшіе ей: зеркало, великолѣпный кинжалъ, браслеты и «узехъ» — ожерелье, прикрѣплявшееся на грудь [illegible]нимъ; его составляютъ превосходно сдѣланныя золотыя фигурки разныхъ животныхъ, очертанія цвѣтковъ, кресты. На одномъ запястьѣ можно видѣть коршуна, расправляющаго крылья. Имѣется также голова льва, какъ эмблема безстрашія. На богатой сѣкирѣ главнокомандующаго, съ рукояткою изъ кедроваго дерева, выдѣляются лотосы, а на оборотѣ — фараонъ, замахнувшійся на опрокидываемаго иноземца, и богъ войны Монту, парящій надъ ними со своимъ орлинымъ клювомъ. Простая тележка, на бронзовыхъ колесикахъ, поддерживаетъ массивную модель пироги изъ драгоцѣннѣйшаго металла. Въ ней находятся, не считая серебряныхъ гребцовъ, пятнадцать изображеній. Предметы искусно сгруппированы въ витринахъ, заманчиво приковываютъ взоръ изъ-подъ стекла, откуда также выглядываютъ древнія

ОБРАЗЪ БОГИНИ ХАТОРЪ

фарфоровыя издѣлія, утварь, ткани, оружіе, платье, даже парики. На освобождающейся отъ забвенья обстановкѣ лежитъ печать грусти, присущая положительно всему, что обступаетъ въ музеѣ каждаго сознательнаго посѣтителя.

Если долго бродить по Гизехскому музею, то связь съ его сокровищами и съ его обитателями незамѣтно крѣпнетъ. Начинаешь понимать, почему выдающіеся люди нашей эпохи посвящали себя уясненію стародавнѣйшихъ временъ Египта, — восторгаешься, видя плоды ихъ изслѣдованія, — глубже и глубже вникаешь въ неугасающую для насъ, хотя и отлетѣвшую жизнь. Прежніе почти доисторическіе туземцы до безумія дорожили ею, [illegible]ически пытались себя обезсмертить, превзошли другіе народы въ умѣньи создавать поистинѣ незыблемые памятники. Разрушеніе дохнуло на многіе славные міры прошедшаго, такъ что отъ нихъ доносится порою только отзвукъ. Нильская культура точно не хочетъ или не можетъ умереть: могильныя плиты продолжаютъ повѣствовать о томъ, кто былъ и что было. Иные обломки статуй краснорѣчивѣе многихъ уцѣлѣвшихъ изображеній.

Надъ челомъ одной изъ нихъ — какая-то глыба, представляющая собою [illegible]. [illegible] Голова изъ темнаго гранита, принадлежавшая фараону [illegible], — [illegible] — поражаетъ [illegible] выразительностью.

Въ музеѣ много боговъ, — такъ много, что европеецъ подавленъ этимъ символизмомъ. Образы, почитавшіеся древними египтянами, столь странны и смутны, до того подчасъ нечеловѣчны по своей внѣшности, что, при всемъ желаніи ближе познать эту религію, ни разумъ, ни фантазія не позволяютъ дойдти до сравнительно тѣснаго общенія съ подобными вѣрованіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о неразрывности матеріи и духа крайне просто и понятно выражена на первобытныхъ памятникахъ. Напримѣръ, на небольшомъ подобіи бѣлаго саркофага имѣется начертаніе на крышкѣ, которымъ высказано пожеланіе, чтобы высшія силы даровали покойнику загробныя блага. Внутри сдѣлана какъ-бы мумія маленькихъ размѣровъ изъ гранита, и около нея притаилась душа (въ видѣ птицы съ человѣческимъ обликомъ и руками). Первая холодною недвижностью дѣйствительно являетъ изъ себя трупъ, тогда какъ вторая полна вниманія и надежды, протягиваетъ ручки къ небьющемуся сердцу усопшаго, словно въ чаяніи, что вотъ-вотъ въ бездыханной груди проснется біеніе. Согласно вѣрованію египтянъ, отдѣленная отъ тѣла и жаждущая съ нимъ опять соединиться душа иногда снова въ него возвращается, возрождаясь тѣмъ самымъ къ болѣе счастливому существованію. Маленькое гранитное изображеніе души среди стѣнъ Гизэсскаго музея дѣйствительно какъ-будто ждетъ пробужденія жизни въ родной ей каменной муміи, не сводитъ съ нея глазъ, забываетъ, что прошли и еще безконечно протянутся вѣка, гранитъ же остается безгласенъ и нѣмъ. Искусство сосредоточивало тутъ свой геній, для уясненія идеи о значеніи сердца, а его-то именно и нѣтъ!

ПРОФИЛЬ ИЗСОХШАГО ФАРАОНА.

По витринамъ распредѣлены разные предметы культа, — мѣстные и занесенные изъ-за границы, съ востока. Послѣдніе любопытны до извѣстной степени, но плохо гармонируютъ съ произведеніями чисто египетскаго характера. Поражающимъ умозрѣніямъ Азіи вообще трудно было прививаться на африканской почвѣ. Мало-по-малу они, конечно, стали усвоиваться на Нилѣ, но только при извѣстномъ подъемѣ туземной религіи, и притомъ въ новыхъ облагороженныхъ формахъ. Поэтому раньше проникавшіе сюда семитическіе боги (съ копьями, мечами, шлемами и щитами) казались, вѣроятно, предкамъ феллаховъ столь же чуждыми, какъ и намъ. Спрашивается, что думать хотя бы о божествѣ Бэсѣ, въ роли пляшущаго уродливаго покровителя музыки, или о немъ же, изображенномъ на лотосѣ, съ ребенкомъ, котораго онъ, повидимому, хочетъ пожрать? Наука приходитъ, повидимому, къ выводу, что этотъ религіозный образъ унаслѣдованъ въ своей основѣ изъ глубочайшей древности, отъ потѣсненныхъ на югъ негровъ.

Пора, однако, оторваться отъ мертваго по духу и заглянуть въ совершенно особую область мертваго по плоти, т. е. подойдти къ многочисленнымъ тѣламъ болѣе или менѣе именитыхъ египтянъ, которые нашли едва-ли не окончательное успокоеніе въ гостепріимныхъ стѣнахъ одного дворца въ предмѣстьи Гизэ, у самаго Каира. Большинство подобныхъ же лицъ безславно погибло раньше того, при воровскихъ расхищеніяхъ всего, что прельщало въ каждой выдающейся усыпальницѣ. Время развѣяло прахъ туземныхъ владыкъ и вельможъ. Остались лишь избранные судьбою, извлечены на свѣтъ, отданы на зрѣлище суетной толпѣ, составляютъ отдѣльные нумера каталога, одинаково говорящаго о всякой мелочи древняго быта о тѣхъ, въ кого вѣрилъ и кому поклонялся по своему великій

народъ. Чей удѣлъ лучше, — уцѣлѣвшихъ, въ силу непонятнаго рока, или смѣшавшихся съ матерью-землею, — на это, должно быть, есть только одинъ отвѣтъ.

При видѣ мумій какъ-то грустно подумать, чѣмъ онѣ были и что изъ себя представляютъ. Когда раскутали малорослаго (подобно Наполеону) Тотмеса III, доведшаго Египетъ до апогея могущества, еще задолго до Моисея, — трупъ вскорѣ разсыпался. Въ 1886 г. Масперо изслѣдовалъ тѣло Рамзеса II Великаго. Предстала широкоплечая фигура столѣтняго старца, съ руками, сложенными на груди, дико величественнымъ выраженіемъ землистаго лица, маленькимъ энергичнымъ ртомъ, выдающимся подбородкомъ, длиннымъ горбатымъ носомъ, низкимъ лбомъ, густыми волосами, слегка пожелтѣвшими отъ бальзамировки, и отверзтіями въ ушахъ для серегъ. Открытый тогда же Сети I, отецъ предъидущаго, оказался очень на него похожимъ, всѣхъ поразилъ своимъ профилемъ и отпечаткомъ привѣтливости на тонкихъ мирно застывшихъ чертахъ.

Не каждый фараонъ могъ одинаково спокойно смежить очи для вѣчнаго сна. Иная мумія нагляднѣе героическаго эпоса сама собою свидѣтельствуетъ о минувшемъ. Одинъ изъ найденныхъ въ Ѳивахъ — Тіуакенъ, видимо, былъ отбитъ египтянами уже мертвый, въ бою съ гиксосами. У него большая рана на правомъ вискѣ. Муки смерти отразились на лицѣ. Зубы оскалены. Языкъ прикушенъ. По зіяющей полости рта, разрубленной лѣвой щекѣ и раздробленной нижней челюсти, наконецъ, по огромной трещинѣ въ черепѣ, убѣждаешься, какъ потерпѣлъ этотъ царь отъ иноземцевъ-враговъ до сихъ поръ неопредѣленнаго племени, Богъ вѣсть, откуда притекшаго съ востока, и наводящаго на мысль, не было-ли это первымъ историческимъ нашествіемъ монголовъ. Сраженный ими фараонъ почилъ въ саркофагѣ съ его собственнымъ изображеніемъ извнѣ. Позолота сверху отчасти стерта: эмалевыя очи померкли.

Желтый огромный гробъ Тіуакенова внука Ахмеса тоже украшенъ портретомъ. Прическа, лицо, ожерелье, имена царя на груди — голубоватого цвѣта. Саркофагъ Ахмесовой царицы Нефертари тоже отмѣченъ ея художественно исполненнымъ обликомъ въ канонической одеждѣ бога Озириса. Сама же она почиваетъ въ видѣ красновато-оранжевой муміи, съ мистическими знаками вокругъ чела. Подобная внѣшность способна непріятно поражать, но еще не возбуждаетъ отталкивающихъ чувствъ, которыя положительно проявляются, когда, напримѣръ, изъ гроба выглядываетъ деревянная маска съ разрисованнымъ картономъ, и притомъ, среди цвѣточныхъ гирляндъ, оцѣпившихъ трупъ отъ ногъ до головы. Тутъ какъ-то совмѣстились: искусственно задержанное тлѣніе, бездушный холодъ поддѣльно-лживыхъ чертъ незнакомаго лица, наконецъ, изсохшіе стебли уложенныхъ съ покойникомъ нѣжныхъ растеній — и надъ всѣмъ этимъ всеобъединяющая смерть, полное отрицаніе столь мучительно-желанной жизни! — И странно, и таинственно... Говорятъ, на этой именно муміи нашли въ цвѣтахъ осу, вѣроятно, нечаянно заползшую въ нихъ при похоронахъ: ей точно суждено было стать тоже подтвержденіемъ только-что сказаннаго.

Одна изъ царицъ, скончавшаяся въ родахъ, находится въ музеѣ, имѣя при себѣ своего младенца. Одинъ фараонъ, совершенно ветхій отъ старости, ограбленный арабскими кладоискателями, словно забылъ умереть, остановился на извѣстной степени разрушенія, да такъ и застылъ: трудно себѣ представить болѣе отталкивающее, коварное выраженіе! Но и судьба, кажется, немилосердна къ этому трупу, приговоривъ его къ вѣчному жестокому сну среди дворцовой залы, гдѣ посѣтители умиляются передъ надмогильными плитами, изваяніями и останками великихъ царей, а мимо ужаснаго старца проходятъ чуть-ли не съ содроганіемъ.

Здѣсь, кстати, умѣстно вспомнить, чѣмъ собственно было для египтянъ загробное существованіе, чего они тамъ добивались достигнуть, чему ихъ учила страшная и несомнѣнно глубокая религія. Если только ясно себѣ это представить, — сугубымъ трагизмомъ проникается обступившій насъ «залъ мертвецовъ»; голосъ укоризны какъ-бы слышится изъ каждаго угла; отраженіе чьей-то неземной печали тускло горитъ на остаткахъ позолоты у саркофаговъ. Все молитъ о забвеньи, не находитъ его, томится и ждетъ, когда надъ древнимъ усталымъ Египтомъ нависнетъ ночь безъ зари, когда жаждущіе слиться въ иномъ мірѣ со свѣтлыми силами вселенной, поймутъ наконецъ, что значитъ блаженство успокоенія.

Въ чемъ же заключалась эта прежняя вѣра? Человѣкъ умираетъ, его тѣло похолодѣло. Надо прибѣгнуть къ балзамировкѣ, вынуть внутренности, натереть кожу и кости асфальтомъ, снабдить усопшаго талисманами, запеленать его полотнищами. Гробъ приспособлялся для дальнѣйшаго священнодѣйствія тѣмъ, что разрисовывался фигурами призываемыхъ на помощь божествъ и расписывался соотвѣтствующими молитвословіями. Опытные люди, напутствуя отошедшаго въ вѣчность, согласно обычаямъ, произносили извѣстныя заклинанія надъ нимъ, чтобы вернуть ему способность рѣчи, зрѣнія, ощущенія своего «я» при чувственныхъ воспріятіяхъ. Но это же «я», одаренное высшимъ разумѣніемъ, отправляется въ царство тѣней, для неумолимо-праведнаго суда, для оправданія себя передъ богами, для вступленія затѣмъ въ сонмъ преображенныхъ благихъ началъ. Послѣднее состояніе духа обусловливалось предварительными блужданіями, требовало борьбы съ силами мрака. Поэтому на обязанности живыхъ лежало, насколько возможно, помогать мертвымъ въ ихъ стремленіи къ конечной цѣли. Общеніе же съ ними поддерживалось черезъ матеріальную среду неоскверненной гробницы, гдѣ лежала крѣпко завернутая мумія.

Духъ ея съ одной стороны наслаждается въ египетскомъ раю, который представлялся подобнымъ землѣ, съ тою разницею, что тамъ нѣтъ несчастій: усопшіе ѣдятъ и пьютъ, охотятся, приносятъ жертвы богамъ, катаются по небесному Нилу и его многочисленнымъ рукавамъ, занимаются дающимъ удивительные урожаи земледѣліемъ. Знатные люди не хотѣли сами работать на томъ свѣтѣ, и по своему простодушію придумали слѣдующую хитрость: или ставили въ богатыя могилы статуи слугъ, долженствовавшихъ ожить въ загробномъ мірѣ, или погребали въ склепахъ муміеобразныя фигурки (ушебти), въ надеждѣ окружить такимъ образомъ замурованнаго хозяина гробницы группою прислужниковъ.

Съ другой стороны, духъ хотѣлъ быть вездѣсущъ и любилъ посѣщать свое покинутое тѣло, соединяться съ нимъ, переноситься въ дорогія сердцу мѣста.

Изъ Гизэсскаго музея уѣзжаешь поневолѣ задумчивымъ и потрясеннымъ. На встрѣчу смутно доносится шумъ Каира, всюду замѣтно оживленіе, время измѣряется суетою дня; но долго не можешь забыть и изгнать изъ воображенія картину заглохшаго дворца съ его безпомощными обитателями, когда-то стоявшими во главѣ Египта.

Въ теченіе дня Ихъ Высочества заѣзжаютъ въ главный дворецъ для внесенія Своихъ Именъ въ книгу супруги хедива. Наслѣдникъ Цесаревичъ оставляетъ также визитную карточку принцу Гуссейну-пашѣ.

Подавляющее количествомъ впечатлѣній утро, затѣмъ продолжительный осмотръ египетскихъ древностей еще не даютъ права на полный отдыхъ, который до нѣкоторой степени будетъ вкушаемъ лишь при поѣздкѣ Ниломъ на югъ.

Въ исходѣ восьмого часа Августѣйшіе путешественники со свитой отправляются на парадный обѣдъ въ Абдинъ, куда приглашено девяносто человѣкъ (въ томъ числѣ всѣ вышеупомянутые русскіе). Кромѣ немногихъ соотечественниковъ, здѣсь соберутся еще жены важнѣйшихъ иностранцевъ. Предстоящій банкетъ долженъ отличаться рѣдкимъ блескомъ и сопровождаться пышнымъ вечернимъ празднествомъ.

Залы, видѣнные наканунѣ, въ огнѣ выглядятъ и величественнѣе. Шествіе къ столу въ 7½ ч. открывается Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, ведущимъ леди Бэрингъ. Хозяинъ слѣдуетъ рядомъ. За ними идутъ: его королевское высочество наслѣдный принцъ Шведскій съ г-жею Коникаръ, принцъ Георгій Греческій съ графинею Ландбергъ, супругою генеральнаго консула Швеціи и Норвегіи, Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ съ графинею д'Обиньи (d'Aubigny), женою французскаго представителя, и т. д.

Передъ столовой имѣется большой залъ. Потомъ гости входятъ въ пространство, залитое яркимъ свѣтомъ, среди котораго, перемежаясь съ позолотою и красками окружающаго убранства, у приборовъ пестрѣютъ цвѣты, серебрятся канделябры. На встрѣчу, переливаясь, несутся звуки русскаго, шведскаго, греческаго и египетскаго гимновъ. Спеціальный оркестръ хедива играетъ подъ окнами, въ саду гарема.

За обѣдомъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ сидитъ по правую руку хозяина, по лѣвую — наслѣдный принцъ Шведскій. Напротивъ — принцъ Гуссейнъ-паша. Подлѣ него — Великій Князь Георгій Александровичъ и принцъ Георгій Греческій.

Музыка играетъ pot-pourri изъ «Жизни за Царя», шведскій маршъ «Kungl. Svea Gardets», вальсъ Лорина «Alexandre Romanoff», греческій маршъ, pot-pourri изъ Мейерберовской «Сѣверной звѣзды» и фантазію «Les paysans» (danse russe).

Въ заключеніе, послѣ 8½ ч. Августѣйшіе Особы выслушиваютъ стоя звуки 4-хъ вторично исполненныхъ гимновъ. Общество наполняетъ парадные пріемные покои, выходящіе на Абдинскую площадь. Разносятъ кофе. Наслѣднику Цесаревичу представляются г. Кояндеромъ нѣкоторые изъ иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ.

Окна открыты. Живительная прохлада вливается въ жаркія комнаты дворца. Всматриваясь въ группы гостей, — на этомъ рубежѣ мусульманскаго Востока, свѣжіе и въ то же время самобытнѣе другихъ единовѣрныхъ государствъ воспринимающаго западныя вліянія, — какъ-то не сразу отдаешь себѣ отчетъ, гдѣ собственно находишься: ни одной туземной представительницы прекраснаго пола, рѣзко замѣтное отсутствіе хозяйки-повелительницы, — и параллельно съ тѣмъ по европейски воспитанные паши, непринужденно говорящіе съ дамами, — стѣны чертога преемника фараоновъ, неизмѣнные безусловно ничѣмъ африканскимъ, — темныя наглухо застегнутыя «стамбулины» (платье, вродѣ сюртука) мѣстныхъ сановниковъ съ неизбѣжными фесками, — что-то общее въ строгой простотѣ одежды и въ привѣтливости обращенія у всѣхъ египтянъ, начиная отъ самого хедива и его брата. Контрасты слишкомъ бросаются въ глаза.

Десятый часъ. Ихъ Высочества переходятъ изъ угловой залы, гдѣ происходилъ вчера первый пріемъ, на балконъ. Сейчасъ должно прослѣдовать мимо нихъ грандіозное факельное шествіе, устраиваемое преимущественно греческою колоніею, подъ главнымъ руководствомъ г. Амвросія Синадино, вообще взявшаго на себя важнѣйшія хлопоты для достойнаго пріема Августѣйшихъ путешественниковъ.

Площадь почти темна и беззвучна. Справа чуть-чуть блещетъ однообразный [illegible] фонарь, — слѣва неясно проступаютъ толпы народа: вырѣзываются фигуры людей съ фонарями, съ факелами. Вереницы огоньковъ и свѣтовой [illegible] ростутъ и ростутъ.

кажутся безконечными. Достаточно сказать въ поясненіе, что въ приближающейся процессіи принимаетъ участіе отъ шести до восьми тысячъ человѣкъ, изъ коихъ приблизительно три освѣщаютъ путь. Когда она, окончательно сформированная на Оперной площади, двинулась къ Абдину, — первые ряды ея уже были въ виду его, пока послѣдніе еще терялись въ прилегающей улицѣ.

Стройно близится торжественное шествіе вдоль дворца. Впереди — всадники въ полицейской формѣ. За ними многочисленные музыканты (включившіе, между прочимъ, два военныхъ оркестра). По бокамъ участвующихъ въ факельной процессіи, — въ которую также вошли Эллинскія школы, — идутъ солдаты туземной пѣхоты съ фонарями.

АЛЛЕЯ КЪ ПИРАМИДАМЪ ГИЗЭ

Пламя медленно струится надъ моремъ головъ въ безвѣтренномъ воздухѣ. Несмотря на присутствіе несмѣтныхъ зрителей вкругъ блестящей извивающейся линіи, не слышно ни народнаго говора, ни отдѣльныхъ голосовъ.

Ихъ Высочества стоятъ у перилъ погруженнаго въ тѣнь балкона. Дойдя до него, шествіе вдругъ охватывается шумнымъ смятеніемъ. Гимны гремятъ въ честь хедива и Гостей. Несмолкающія ликованія потрясаютъ площадь. Греческое «зито» въ своихъ взрывахъ восторга не поддается описанію.

Начинается фейерверкъ, довести который до высшей степени изящества и изобрѣтательности въ состояніи лишь Востокъ. Море огня бушуетъ, переливается всевозможными цвѣтами, еле зыблется въ свѣтлой мглѣ или же ярче прежняго вспыхиваетъ, разгорается

[illegible]. Среди застилающей зрѣлище темноты одиноко пламенѣютъ иные столбы [illegible] пламени и безпомощно вертятся погасающія огненныя колеса.

Изъ богатаго разнообразіемъ фейерверка наиболѣе [illegible] искусно и какъ нельзя болѣе кстати сдѣланные пароходъ и локомотивъ, долго [illegible]іе и двигавшіеся передъ взорами Августѣйшихъ путешественниковъ.

[illegible] — [illegible]. [illegible] стало скользить по ней обратно къ центру города. Второй день въ Каирѣ глубиной вызванныхъ въ сознаніи образовъ и волшебствомъ обстановки нисколько не уступаетъ предъидущему: а давно-ли казалось, что ему не можетъ быть равнаго, что пережитое вчера неизгладимѣе всякаго другаго настоящаго?

[illegible]

Утромъ въ Гизэ пріѣхали представиться главные члены мѣстной православной общины, съ 93-хъ лѣтнимъ іерархомъ, Блаженнѣйшимъ Софроніемъ во главѣ, уже 18 лѣтъ управляющимъ Александрійскою Церковью.

Блаженный патріархъ обратился къ Наслѣднику Цесаревичу со слѣдующими словами:

«Ваше Императорское Высочество!

«Старѣйшая Церковь Апостольскаго и патріаршаго Александрійскаго престола [illegible]менія, своего предстоятеля, радостно привѣтствуетъ благополучное прибытіе Вашего Императорскаго Высочества, Наслѣдника благочестивѣйшей Всероссійской Державы, въ сопровожденіи свѣтлѣйшей дружины, и вѣнчаетъ честную и высокую главу Вашу Своими [illegible]ринскими молитвами и благословеніями, подобающими и благочестивому избранному [illegible] Чаду, и будущему Отцу и Властителю безчисленнаго православнаго народа, съ которымъ [illegible] Небеснаго ученія Богочеловѣка Христа.

«Ваше Высочество! Да будетъ препрославлено Святое Имя Небеснаго Царя за то, что въ Вышнемъ Своемъ Промыслѣ Онъ неразрывными узами Святой Своей вѣры, какъ златою цѣпью, содержитъ въ единеніи тѣ народы, кои поставлены отъ Него стражами православія и защитниками чистой и непорочной Невѣсты Избавителя Святой Церкви. Да ниспошлетъ Всеблагій Богъ, какъ небесную росу, Божественную Свою благодать и благословеніе на все Императорское Семейство, соблюдая Его здравымъ, свободнымъ отъ всякаго зла и бѣдствія, да укрѣпитъ, охранитъ, весь русскій народъ, во славу Пресвятаго Своего Имени, [illegible] нашей Церкви.

«[illegible] пространнаго Русскаго Царства — Великаго [illegible], отъ глубины растроганнаго отеческаго сердца нашего преподаемъ Вашему Императорскому Высочеству съ дружиною патріаршія наши молитвы и благословенія. Благодать Великаго Бога да будетъ съ Вами во всѣ дни Вашей жизни, направляя всѣ стопы Ваши.»

Вслѣдъ затѣмъ Августѣйшему путешественнику представлялся Коптскій патріархъ Кириллъ, духовный представитель четырехсотъ-тысячной монофизитской общины въ Египтѣ, іерархическій глава Абиссинской церкви, вождь цѣлой замкнутой въ себѣ народности, упорно отстаивающей въ теченіе четырнадцати столѣтій свои религіозныя убѣжденія и свои рассовыя особенности. Само ея наименованіе — вѣроятно, искаженіе общепринятаго

греческаго названія, даннаго принильскому государству, или происходитъ отъ стараго верхне-египетскаго города «Коптосъ».

Незадолго до полудня Ихъ Высочества сѣли со свитою въ большой шарабанъ и отправились къ ближайшимъ отъ Гизэ пирамидамъ. Лихо понесся сопровождающій конвой. Тѣнистыя аллеи замелькали по сторонамъ. Жара чувствовалась въ воздухѣ, но не тяготила.

Не прошло еще и вѣка, что пересѣкаемая нами мѣстность, — хотя изобиловала палатами мамелюковъ, являла собою укрѣпленный разбойничій центръ и притягивала купцовъ въ ихъ богатый лагерь, — однако, въ общемъ представляла палимое солнцемъ, на половину обнаженное продолженіе сосѣдней пустыни.

Отсюда предписывались законы Каиру. Здѣсь въ началѣ XVI в. выжидалъ турецкаго нашествія Туманъ-бей. Отважный Мурадъ-бей здѣсь готовился дать отпоръ вторженію Бонапарта.

Теперь, благодаря хедиву Измаилу, при дѣятельномъ садоводѣ Барилэ, въ короткое время все окрестъ покрылось растительностью: любо ѣхать подъ зыбкимъ сводомъ деревьевъ, разросшихся именно въ той странѣ, гдѣ тѣнь отъ нихъ — такая рѣдкая услада. Отецъ Тевфика-паши, въ его заботахъ о процвѣтаніи довольно запущенныхъ предмѣстій столичнаго города, сразу ихъ возродилъ и преобразилъ. Простаго разумнаго распоряженія было достаточно, чтобы изъ утомительнѣйшей экскурсіи въ эту сторону Ливійскихъ песковъ сдѣлать пріятнѣйшую прогулку. Лошади бодро бѣгутъ впередъ. Настроеніе безоблачно. Не только ждешь, но жаждешь новыхъ неизвѣданныхъ впечатлѣній.

Еще недавно, по направленію къ пирамидамъ Гизэ, широко разливалось наводненіе, и среди временнаго потопа, точно островки, сѣрѣли пригорки съ деревнями. Теперь оно отошло, оставляя сравнительно незначительные слѣды. Посѣвы видны вдоль дороги. Пѣвучіе жаворонки подымаются съ нихъ въ лучезарную высь. Пирамиды кажутся такъ близки, что мы уже почти доѣхали до нихъ; а между тѣмъ, разстояніе еще довольно значительно: это просто обманываетъ зрѣніе ихъ невѣроятная величина, отсутствіе предъ ними чего-нибудь, что разнообразило бы мѣстность, наконецъ, прозрачность воздуха.

Отъ деревни Гизэ къ великимъ памятникамъ старины, вознесшимся на предгорьи, у порога пустыни, ведетъ совершенно прямое шоссе, слегка приподнятое надъ наводняемою окрестностью и засаженное акаціями. Листва надъ головой такъ густа, что не вездѣ даже просвѣчиваетъ лазурное небо. На его свѣтломъ фонѣ впереди не менѣе свѣтлы треугольники пирамидъ, — и, странно сказать, въ отдаленіи онѣ представлялись еще громаднѣе.

Что онѣ такое были въ древности? для чего созданы? Прежде въ видѣ объясненія говорили: для того, чтобы хранить въ нихъ зерно, или спасать сокровища знанія отъ наводненій, или служить маяками для заблудившихся въ пустынѣ, или ради удовлетворенія тщеславія фараоновъ, или, наконецъ, съ цѣлью производить астрономическія наблюденія. Теперь говорятъ: онѣ воздвигнуты исключительно, какъ могилы. Но зачѣмъ эта неизмѣримая вышина, отчего не предпочиталось видѣть тѣла просто въ нѣдрахъ земли?

Издали пирамиды довольно ясно напоминаютъ горы. Историки думаютъ, что египетскій народъ, въ лицѣ основателей его культуры, явился съ востока. Съ другой стороны мы знаемъ, какъ въ Азіи съ незапамятныхъ временъ чтутся возвышенности: имъ придается таинственное религіозное значеніе, въ нихъ или на нихъ погребаются именитые усопшіе. Можетъ быть, это — и чересчуръ смѣлая гипотеза, но почему не сказать себѣ, что

ГЛАВНЫЯ ПИРАМИДЫ И СФИНКСЪ

[illegible] на [illegible] сторонѣ, а на этомъ берегу Нила, у [illegible] (близъ Каира) [illegible] горъ, — [illegible] силу [illegible] традиціи [illegible] ихъ и [illegible] лишенный характеръ (особенно при погребеніи царей). Само названіе «пирамида» происходитъ будто-бы отъ слова «пи-рама» (гора).

Аллея кончается. Шарабанъ Ихъ Высочествъ быстрѣе мчится по гладкой дорогѣ. По бокамъ [illegible] бедуины (въ [illegible] одеждѣ, съ разно-образнымъ вооруженіемъ). Сухощавые, мускулистые, бронзовые отъ загара — ни одинъ изъ нихъ по внѣшнему виду не похожъ на другаго, — точно ихъ выставили отличныя другъ отъ друга племена. По мѣрѣ слѣдованія экипажа мимо этихъ «сыновъ пустыни», они [illegible] съ гикомъ обгоняютъ Августѣйшихъ путешественниковъ, горячатъ [illegible] коней, машутъ ружьями и значками на копьяхъ, каждою горделивою складкой плаща напоминаютъ, [illegible] были быть съ незапамятныхъ временъ непокорные [illegible]. Краски воплотились въ движенье, движенье — въ красоту.

[illegible], — близъ дороги, смѣлымъ [illegible] къ нимъ, — предпримчивый европейскій духъ уже соорудилъ гостиницу для скучающихъ и пресыщенныхъ туристовъ, которыми ежегодно наводняется [illegible] долина. Говорятъ, идетъ рѣчь о проложеніи сюда желѣзнодорожной вѣтви. Лошади съ трудомъ тащатъ экипажъ въ гору. Море песка надвигается со всѣхъ сторонъ, безсильно замираетъ только у подножія трехъ главныхъ пирамидъ. Остальные надгробные памятники одинаковаго типа, свидѣтельствовавшіе о погребеніи здѣсь лицъ, близкихъ древнимъ фараонамъ, давно стали ничтожны, малозамѣтны. Чѣмъ-же характерны [illegible] гольные колоссы, уцѣлѣвшіе среди окружающаго [illegible]?

[illegible], [illegible] Хеопса. [illegible], ополчившихся въ своемъ безуміи на небеса, онѣ кажутся совершенно нечеловѣческимъ, трудно постижимымъ созданіемъ. Уходя въ страшную высь, сплотившіеся во вторую Вавилонскую башню камни искушаютъ природу, дразнятъ позднѣйшую технику, стоятъ надъ пигмеями-людьми вродѣ стражей вѣчности.

«Все боится времени, но и оно страшится пирамидъ» гласитъ глубокомысленное арабское изреченіе. Только находясь въ непосредственной близости отъ нихъ, понимаешь его истинное значеніе.

Насъ увѣряютъ, что надъ построеніемъ этихъ математически точно задуманныхъ и [illegible]тельно воздвигнутыхъ массъ древнее населеніе работало десятки лѣтъ, выставляя сотни тысячъ безвѣстныхъ тружениковъ. Вожаки толпы — мудрые, какъ языческіе боги или какъ традиціонный змій — умѣли направлять къ опредѣленной цѣли необычайную силу терпѣнія и кротости туземнаго народа. Фараонъ прославлялся и дѣлался равенъ небо[illegible]. Подданные грѣлись въ лучахъ «воплощеннаго солнца», правившаго Египтомъ. Гдѣ человѣчество жило и мыслило при такомъ порядкѣ вещей, еще не было разлада внутри государства, — напротивъ, царило нѣкотораго рода о[illegible].

Деревянный «шейхъ-эль-бэлэдъ», котораго мы вчера видѣли въ музеѣ Гизэ, служа образцемъ тогдашнихъ распорядителей при постройкахъ, въ качествѣ точнаго подобія усопшему, являетъ изъ себя незлобиваго и едва-ли слишкомъ строгаго человѣка.

Пять минутъ перваго. Передъ нами высится небольшой павильонъ, приготовленный пышнымъ хедивомъ Измаиломъ для встрѣчи императрицы Евгеніи при открытіи Суэзскаго канала. Надо замѣтить, что мусульманскій владыка принималъ ее тогда съ неслыханнымъ блескомъ и роскошью, — точно Саломонъ Савскую царицу.

Кругомъ все голо, уныло, слито въ однозвучно-желтый цвѣтъ. Шарабанъ Августѣйшихъ путешественниковъ останавливается. Самъ хедивъ встрѣчаетъ Гостей у древнихъ памятниковъ своей страны. Рядомъ съ нимъ — наслѣдный принцъ и наслѣдная принцесса Шведскіе.

Арабы, свыкшіеся съ пирамидами, предлагаютъ свои услуги желающимъ совершить восхожденіе на пирамиду Хеопса. Ступеней въ сущности нѣтъ. Надо взбираться по уступамъ, изъ коихъ многіе почти на половину въ ростъ человѣческій. Чѣмъ дальше подымаешься отъ земли, тѣмъ страннѣе испытываемое ощущеніе. Это не то, что подыматься на башню или вообще по безконечной лѣстницѣ. Тамъ чувствуешь себя стѣсненнымъ извнѣ и мало въ чемъ отдаешь себѣ ясный отчетъ. Тутъ же находишься постоянно подъ открытымъ знойнымъ небомъ. Три туземца поддерживаютъ, подталкиваютъ и притягиваютъ, не давая времени опомниться. Мало-по-малу дыханіе прерывается. Предметы внизу принимаютъ микроскопическій видъ. Надъ головой тянется рядъ теряющихся въ лазури громадъ, — одна другой могучѣе, одна другой горделивѣе... Всѣхъ ихъ влечетъ къ вершинѣ, имѣющей объединить отдѣльныя точки, слить ихъ въ гармоническое цѣлое, уподобить сооруженіе міровому сочетанію силъ, которымъ царь — наивысшее таинственное начало. Кровь стучитъ въ виски. Съ запекшимися губами, съ полуослѣпленнымъ взоромъ, судорожно дыша, ввѣряешься помощи проводниковъ-арабовъ и машинально двигаешься впередъ. Они же прыгаютъ, словно дикія кошки, цѣпляются за неровную поверхность съ проворностью обезьянъ, не проявляютъ ни малѣйшихъ признаковъ утомленія и съ какимъ-то любопытствомъ или, быть-можетъ, даже проніей всматриваются въ иностранцевъ, совершающихъ всхожденіе. Они вѣдь за это не получаютъ денегъ, напротивъ, сами тратятся, да еще, вдобавокъ, устаютъ!.. Странные чужеземцы!.. Въ 70-хъ годахъ два знаменитыхъ скрипача, венгерецъ Рэмени, лучшій изъ исполнителей чардаша, и престарѣлый скандинавецъ Ole Bull (послѣдній — по совѣту и желанію Шведскаго короля) поднялись съ инструментами на пирамиду Хеопса, исключительно ради того, чтобы на ней поиграть. Окрестные жители, конечно, только диву давались, глядя на способы и побудительныя причины взлѣзанія наверхъ.

Если присядешь отдохнуть, какой-нибудь неотвязный мальчикъ-туземецъ соблазняетъ глотнуть изъ грязнаго глинянаго кувшина, путешествующаго вмѣстѣ съ нимъ взадъ и впередъ по пирамидамъ. Затѣмъ слышатся сначала робкія предложенія (какъ бы вскользь), а потомъ ужъ и убѣдительныя просьбы купить мнимо-древнія бездѣлушки. Но видишь близкую верхушку, чувствуешь себя у желанной цѣли и простодушно относишься къ простодушному лукавству этихъ кормящихся стариною людей. Они, между прочимъ, выражаютъ охоту взбѣжать на сосѣднюю огромную пирамиду Хефрена и столь же быстро сойдти, рискуя каждую минуту сломать себѣ шею.

Такими же способностями искони отличались жители этой мѣстности. О томъ говорятъ уже классическіе писатели.

Кто не находитъ удовольствія въ подобномъ зрѣлищѣ, — отклоняетъ приставанье неутомимаго проводника и съ удвоенною энергіею торопится къ площадкѣ, образовавшейся на слегка разрушенной вершинѣ. Издали она казалась только притупленнымъ остріемъ. Теперь убѣждаешься въ размѣрахъ этой надломленности. Площадка занимаетъ около 25

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА НА ВЕРШИНѢ ПИРАМИДЫ ХЕОПСА

или 20—30 футовъ. Иные выморочные комки даютъ тѣни въ разгарѣ дня. Воздухъ вокругъ точно хрустальный. Раньше всѣхъ взошелъ, затѣмъ 12-го ноября, на пирамиду Хеопса Наслѣдникъ Цесаревичъ.

По направленію къ городу далеко можно различить среди зелени водяныя насажденія. Муравьиными тропинками кое-гдѣ мелькаютъ дороги. Въ голубоватомъ туманѣ теряются очертанія домовъ, мечетей, храмовъ, дворцовъ. Мокаттамъ и крѣпость кажутся игрушечно-красивыми.

А взглянешь въ сторону Ливійской пустыни (съ полуверстной высоты Хеопсова сооруженія), вокругъ разстилается песокъ, да торчатъ изъ него скалистыя возвышенія: нѣтъ тамъ границъ унылому бездолью, — все безжизненно, безмолвно, не отмѣчено даже надгробными памятниками. За то подъ нашими ногами громоздится необозримый матеріалъ для мавзолеевъ. Его столько, что изъ него можно бы сложить другой городокъ, соборовъ средней величины! Досужіе смертные вычислили, будто изъ этихъ глыбъ можно построить стѣну (выше роста человѣческаго) длиною вокругъ Франціи или черезъ ширину африканскаго материка, или отъ Англіи до Америки.

Ихъ Высочества (на пирамиду поднялись Великіе Князья, Шведскій и Греческій принцы) дали разрѣшеніе проводникамъ начертать на поверхности верхней площадки Свои Имена. Нѣкоторыя изъ лицъ, поднимавшихся съ Ними, тоже пишутъ о совершенномъ восхожденіи, — но, признаться, плохо вѣрится, чтобы эти послѣднія начертанія уцѣлѣли наряду съ первыми.

Поверхность наверху испещрена какими угодно надписями «туристовъ-эфемеридовъ». Арабы привычно выскабливаютъ тамъ же немалое время тѣмъ вырѣзанныя буквы и справляются, что никто не знаетъ о своихъ новыхъ благодѣтеляхъ. И жалко, и забавно!

Конечно и тутъ, вѣрнѣе, съ глубокимъ почтеніемъ сохранятся иныя имена, принадлежащія Высокимъ посѣтителямъ, но попытки всѣхъ простыхъ путешественниковъ, взбирающихся наверхъ, въ свою очередь прославить память о себѣ на площадкѣ пирамиды такъ же безполезны, какъ попытка одного средневѣкового султана разрушить ее, разобрать по частямъ, сравнять съ землей. Немало глыбъ тогда дѣйствительно отпало. Громада однако осталась, подавляя окружающее прочностью и несокрушимостью. Остроумно сказалъ одинъ поэтъ: «Leur masse indestructible a fatigué le temps». Что собственно могло бы уничтожить эту пирамиду? Развѣ только космическій переворотъ, чудовищное усиліе человѣческаго сердца, вызвавшее мщеніе Божества на цвѣтущій Египетъ!..

Отсюда съ вѣщаго сооруженія понимаешь, почему, еще до ислама, арабскіе халифы приходили къ таинственному подножію царской гробницы на богомолье и для жертвоприношеній. Тутъ какъ-бы сказывается безконечный пульсъ времени: вѣдь сооруженію Хеопса, по меньшей мѣрѣ, минуло шесть тысячъ лѣтъ!..

До сихъ поръ трудно себѣ представить, сколькихъ усилій стоило свезти изъ-за рѣки на порогъ Ливійской пустыни весь требовавшійся для постройки пирамидъ матеріалъ и содержать здѣсь неимовѣрное число рабочихъ. Впослѣдствіи этими гробницами въ свою очередь стали пользоваться въ качествѣ каменоломенъ, но причинили имъ сравнительно мало вреда. Что же тогда думать о напряженіи, когда ихъ воздвигали и когда подвозились неисчислимыя глыбы? Въ сооруженіяхъ двухъ памятниковъ слѣдовавшихъ за Хеопсомъ царей легли даже въ основу темный гранитъ, сплавлявшійся черезъ Верхній Египетъ по Нилу отъ нынѣшняго Ассуана (на рубежѣ древней Эѳіопіи).

Тѣла усопшихъ правителей, скрытыя внутри созданныхъ ими вѣчныхъ жилищъ, исчезли безслѣдно. Уже персы вторгались въ нихъ. Мусульмане тщетно искали тутъ кладовъ. Халифъ Мамунъ, преемникъ знаменитаго Гарунъ-аръ-Рашида, довелъ народъ до ропота своими тратами на изслѣдованіе загадочныхъ тайнохранилищъ, съ корыстными цѣлями.

Гробницы трехъ полумиѳическихъ фараоновъ пусты. Посѣщеніе проложенныхъ въ камнѣ ходовъ и покоевъ утомительно, удушливо, — а главное, не особенно интересно.

Въ пирамидѣ «благочестиваго» Менкауры или Микерина, сына Хеопса, найденъ красивый базальтовый саркофагъ. Его послали въ Англію, но перевозившее судно, погибая въ Бискайской бухтѣ, сбросило грузъ. Море скрыло посмертную броню фараона.

Послѣ восхожденія на «могильную гору» Хеопса Ихъ Высочества прослѣдовали въ упомянутый уже раньше павильонъ, гдѣ состоялся завтракъ на 35 человѣкъ. Кромѣ свиты Наслѣдника Цесаревича присутствовали нѣкоторые русскіе, лица, сопровождающія Шведскую наслѣдную чету (баронъ Бликсенъ-Финеке, графъ и графиня де ла Гарди) и нѣсколько египетскихъ сановниковъ.

Сойдя затѣмъ на прилегающую къ этому шалэ терассу, Августѣйшіе путешественники короткое время любовались такъ-называемою (на языкѣ туземнаго населенія) «фантазіею». Арабскій шейхъ Мензи устроилъ подобіе военной игры у пустыножителей — бедуиновъ. Сросшіеся съ конемъ дикіе наѣздники гарцовали внизу подъ суровымъ песчанымъ плато, — на которомъ вознеслись пирамиды, — стрѣляли, носились ураганомъ, развертывали въ маломъ масштабѣ картину исконныхъ среди Магометова народа наѣздовъ и стремительныхъ отступленій.

Несмотря на жаръ, предстояло еще обойдти ближайшую окрестность съ уцѣлѣвшими здѣсь замѣчательными памятниками старины. Къ нимъ сначала пошли пѣшкомъ по тропѣ, проложенной сыпучими песками. Это передвиженіе становилось, чѣмъ дальше, тѣмъ утомительнѣе, — особенно, когда въ ногахъ ощущалась возростающая усталость отъ посѣщенія главной пирамиды.

На небольшомъ разстояніи отъ нея, лицемъ къ городу, высится скалистое изваяніе, которое, — если ближе подойдешь и вглядишься въ его странныя очертанія, — получеловѣкъ, съ туловищемъ льва. Верхняя часть фигуры, еще въ средніе вѣка представлявшаяся образцомъ симметріи, духовной красоты и выразительности, изуродована пушечными выстрѣлами мусульманскихъ фанатиковъ. Нижняя уходитъ въ песокъ, который засыпаетъ одинокаго многострадальнаго исполина, со слабыми остатками царственнаго головнаго убора и краски на лѣвомъ вискѣ, съ мучительно искривленнымъ ртомъ, поврежденными ноздрями, гримасой безобразнаго негра.

Туземцы назвали его «Бель-хитъ» («имѣющимъ сердце въ очахъ», «бдительнымъ») или же «Абу'ль-Холъ» («отцемъ страха»). Онъ будто-бы лежитъ при пустынѣ, съ цѣлью оберегать отъ нея плодородную землю, чародѣйною силой отгонять злыя начала. Древній Египтянинъ видѣлъ въ немъ олицетвореніе солнца «Ра» въ фазисѣ восхожденія, пробуждающемъ жизнь среди оцѣпенѣлой ночи. Рядомъ — гробницы, а онъ — символъ безсмертія. Рядомъ — душная и страшная Ливійская степь, а онъ смотритъ на Востокъ, гдѣ подъ его пристальнымъ творческимъ взоромъ радостно струится рѣка, зеленѣютъ пажити и деревья, восхваляютъ небо за его дары безчисленныя человѣческія существа...

Песокъ издавна понемногу заноситъ сфинкса, — точно прилегшаго отдохнуть, засыпаетъ его туловище, крадется къ самому лику. Такъ было, такъ будетъ. Смѣлое изваяніе появилось гораздо раньше пирамидъ. Между его гигантскими лапами, съ

ИХЪ КОРОЛЕВСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНЫЙ ПРИНЦЪ ШВЕДСКІЙ СЪ АДЪЮТАНТОМЪ БАРОНОМЪ БЛИКСЕНЪ
И ПРИНЦЪ ГРЕЧЕСКІЙ СПУСКАЮТСЯ СЪ ПИРАМИДЫ.

[illegible] періода, курился жертвенный алтарь. Вихри наметали на него прахъ, и служеніе прерывалось. Набожные правители тогда заботились, какъ-бы отрыть и высвободить изъ-подъ земли державную святыню принильскаго края.

Славнѣйшій изъ фараоновъ, Тотмесъ III, наидалѣе другихъ египетскихъ властителей проникшій въ Азію (въ серединѣ втораго тысячелѣтія до нашей эры), однажды, утомленный охотою на львовъ, когда-то водившихся около древней столицы — Мемфиса, заснулъ у каменнаго человѣка-льва, вблизи котораго мы теперь стоимъ: и видится монарху во снѣ, будто исполинская голова оживаетъ, обращается къ нему, какъ къ сыну, и предписываетъ удалить песокъ, стремящійся ее задушить. Царь просыпается, повелѣваетъ произвести необходимыя работы, ставитъ у могучаго таинственнаго тѣла доску съ надписью, [illegible] это случилось.

Въ XIX [illegible] Масперо, Грэбо. Чѣмъ больше всматриваешься въ него, измѣряя его десятисаженную высоту, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе кажется породившая его эпоха. Неужели же люди, существовавшіе чуть-ли не до Библейскаго потопа, во многомъ художественнѣе и глубже нашего умѣли выражать и воплощать свой идеалъ?

Текстъ книжекъ-путеводителей, упоминая о сфинксѣ, отводитъ ему второе мѣсто послѣ пирамидъ, какъ-будто тутъ возможно дѣленіе на категоріи по интересу, какъ-будто этотъ памятникъ, который еще гораздо древнѣе ихъ, не выше всего окружающаго: во первыхъ, по своему историческому или точнѣе доисторическому значенію, во вторыхъ, по характерности этого изуродованнаго облика, видѣвшаго теченіе обильнѣйшихъ событіями тысячелѣтій и забывшаго про такія мелкія подробности, когда передъ каменными очами встаетъ сама вѣчность.

Недалеко отъ него открытъ древній храмъ отдаленной неизвѣстной эпохи. Онъ сложенъ изъ большихъ глыбъ [illegible] гранита и [illegible]. Несокрушимая крѣпость сооруженія вполнѣ гармонируетъ съ его величественною простотой. Ни живописью, ни ваяньемъ, ни начертаніями не тронуто это молитвенное зданіе, существующее, по мнѣнію археологовъ, со столь же незапамятныхъ временъ, какъ и находящійся по близости каменный человѣкъ-левъ.

Первобытное святилище соединялось съ пирамидой Хефрена. Статуи царя (между прочимъ, и видѣнная нами вчера въ музеѣ) найдены именно здѣсь. По лѣстницѣ спускаешься къ памятнику почти доисторической архитектуры, низко лежащему среди песчаныхъ пригорковъ. Тяжелые столбы видны у начала ведущихъ въ подземелье [illegible]. Продолженіе ихъ не изслѣдовано, назначеніе не опредѣлено. Стѣнныя углубленія, замѣченныя въ одномъ мѣстѣ, дали поводъ предположить, что въ ниши ставились муміи, что храмъ долженъ былъ служить для поминовенія усопшихъ и т. д. Гладкая поверхность камней такъ свѣтла и неприкосновенна, какъ будто зодчіе недавно воздвигли эту [illegible]. Проводники-арабы угощаютъ Августѣйшихъ путешественниковъ кофеемъ.

Опять выходишь на желтую тропу, изгибающуюся обратно къ пирамидамъ. Путь туда избирается однако не прямо, мимо сфинкса, а съ маленькимъ уклоненіемъ въ сторону, съ цѣлью нагляднѣе представить себѣ ужасающее безлюдье и безплодье смежной царскимъ гробницамъ пустыни.

Ихъ Высочествамъ подводятъ осѣдланныхъ верблюдовъ. Хотя разстояніе до павильона не особенно велико, но испробовать ихъ, у самой Ливійской степи, и любопытно, и пріятно, когда [illegible].

Передъ возвращеніемъ туда еще осматривается нѣчто, вродѣ зіяющаго склепа, растревоженнаго до основанія и кладоискателями, и археологами. Оно погружается въ землю широкимъ углубленіемъ, съ крутыми стѣнами и небезопасными для заглядывающихъ [illegible] обсыпающимися краями. На днѣ его покоится діоритовый саркофагъ, съ котораго кто-то, опрокинутый навзничь, какъ будто смотритъ съ тихою улыбкою наверхъ, на любопытныхъ зрителей. Что за отраженіе незапамятной культуры, если даже камни одухотворены!

Простившись въ четвертомъ часу съ радушнымъ хозяиномъ, Великіе Князья и принцъ Георгій Греческій отъѣзжаютъ отъ Хеопсовой пирамиды къ лежащему по сосѣдству отелю «Mena House», для визита Шведской наслѣдной четѣ. До четырехъ, Ихъ Высочества провели тамъ время въ бесѣдѣ и пили чай.

Третій вечеръ на берегу Нила, — но сегодня дѣйствительно у самой глади рѣки. У нашего дипломатическаго агента и генеральнаго консула г. Кояндера устроенъ праздникъ въ честь Ихъ Императорскихъ Высочествъ, на который приглашено болѣе двухсотъ человѣкъ представителей и представительницъ Каирскаго и Александрійскаго общества.

Къ пристани, у дворца Гизэ — гдѣ древне-египетскій музей, — причалены двѣ придворныхъ яхты «Нуръ-энъ-Нилъ» и «Зія-энъ-Нилъ», называемыхъ туземцами «дахабіэ»: обѣ обращены въ чудный шатеръ, убранный экзотическими растеніями, изъ знаменитыхъ садовъ дворца Гезирэ, и съ прекраснымъ видомъ на иллюминованныя въ нѣкоторомъ отдаленьи суда. Палубы тѣсно сдвинуты для образованія обширной и оригинальной залы, которую пестро озаряютъ около 2000 фонарей, спускающихся съ ярко задрапированнаго искусственнаго потолка.

Уже на пути сюда Августѣйшіе путешественники имѣли полную возможность, катясь по гизэскимъ аллеямъ, любоваться изгибами густолиственной дороги вдоль Нила. За отсутствіемъ въ предмѣстьи газоваго освѣщенія она окаймлена была подставками съ воспламененнымъ керосиномъ. Длинныя тѣни ложились и бѣжали по сторонамъ экипажей. На берегу, гдѣ праздникъ ждалъ прибытія Великихъ Князей, множество русскихъ, египетскихъ, и греческихъ флаговъ отмѣчало входъ на сходни къ дахабіямъ, — весь въ зелени, цвѣтахъ и орнаментѣ изъ персидскихъ ковровъ. Переступивъ это преддверье, пришлось сразу очутиться въ чарующей обстановкѣ, совершенно самобытной по вкусу отдѣлки, по [illegible] огней.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, встрѣченный у пристани хозяиномъ и хозяйкою раута, подъ руку съ г-жею Кояндеръ идетъ на разубранныя яхты, почтенныя также присутствіемъ его высочества хедива и наслѣднаго принца Шведскаго. Придворная музыка почти не умолкаетъ на одномъ изъ сосѣднихъ судовъ.

За Дунклеровской аріей «Crown Prince of Sweden» раздаются звуки «Бокаччіо». За «греческимъ патріотическимъ маршемъ» Анона слышатся кадриль «Турецкія мелодіи» Гемеля, — вальсъ «Jeunesse dorée» Вальдтейфеля и т. д. Рядъ красиво иллюминованныхъ дахабій (въ томъ числѣ принадлежащая нашему египтологу Голенищеву) проплываетъ мимо чертога, импровизированнаго нашимъ генеральнымъ консульствомъ. Затѣйливый фейерверкъ вспыхиваетъ и свиститъ надъ спокойнымъ Ниломъ. Подъ конецъ почти вплотную приближается пароходикъ. На немъ группа греческихъ артистовъ-любителей съ гитарами и мандолинами. Звуки гимновъ привѣтствуютъ Августѣйшихъ путешественниковъ

1. Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ. 2. Е. И. В. Великій Князь Георгій Ал[illegible].
. Принцъ Георгій Греческій. 4. Наслѣдный принцъ Шведскій. 5. Кронпринцесса Шведская. 6. Хеовъ Тес[illegible]. [illegible]
Кн. Барятинскій. 9. Кн. Оболенскій. 10. Кн. Кочубей. 11. Е. Н. Волковъ. 12. Кн. Ухтомскій. 13. Адмиралъ Басаргинъ. 14. М. К. Он[illegible]
1[illegible]. г. Коянderъ. 16. г. Ивановъ. 17. Н. Н. Гриценко. 18. Докторъ Смирновъ. 19. Кн. Дабижа. 20. Греч. консулъ А[illegible]
21. Графиня Делагарди. 22. Баронъ Бликсен[illegible]

Передъ завтракомъ у пирамидъ

и правители страны. Нилъ вторитъ величественно замолкающимъ аккордамъ. Теряясь взорами въ расплывающейся за свѣтлыми пятнами темнотѣ, ощущаешь какое-то невнятное и сладостное волненіе.

Вглядываясь въ царственную рѣку съ палубы празднично разубраннаго судна, подъ звуки нѣжно раздающейся музыки, такъ и чувствуешь, что вокругъ это — именно сказочная страна фараоновъ и волшебное царство ихъ преемниковъ. Не въ такія же ли ночи послѣдніе Птолемеи, сочетавшіе въ себѣ Западъ и Востокъ, выѣзжали съ царедворцами на просторъ замирающихъ струй? Золотая корма свѣтилась въ, аквамариновомъ полумракѣ. Пурпурные паруса овѣвалъ вѣтеръ благовоніями...

Въ теченіе вечера нашъ дипломатическій агентъ представилъ Наслѣднику Цесаревичу г. Корона, въ качествѣ депутата отъ живущихъ въ Египтѣ французовъ, выразившаго при этомъ чувства радости, одушевлявшія его соотечественниковъ при участіи въ пріемѣ Его Императорскаго Высочества. Сама встрѣча должна была свидѣтельствовать о сердечномъ отношеніи къ Особѣ могущественнаго Монарха и къ великому русскому народу. Великій Князь тепло благодарилъ, говоря, что глубоко цѣнитъ проявленныя французами симпатіи и проситъ г. Корона передать объ этомъ французской колоніи.

Каиръ, 14 (26) ноября.

День рожденія Государыни Императрицы. Украшенный душистыми цвѣтами и зеленью, нарядный Каиръ, гдѣ отмѣчаютъ рѣдкостной сердечно Матери — Царицы, — при европейски-демократическихъ поздравленіяхъ и торжествѣ пожеланій цѣлаго гигантскаго народа, — въ тишинѣ невозмутимо пребываетъ съ умиленіемъ въ ожиданіи Славянскихъ.

Августѣйшіе путешественники со свитой, въ полной парадной формѣ, присутствуютъ на обѣднѣ въ церкви св. Николая (отчасти построенной на средства императора Николая Павловича) въ тѣсномъ торговомъ кварталѣ эль-Хамзави, куда, въ свою очередь, съ утра собрался весь русскій Каиръ. Служитъ свой блаженнѣйшій Софроній въ лентахъ ордена Св. Александра Невскаго и Спасителя (въ сослуженіи съ нѣсколькими епископами). Отъ имени хедива, въ числѣ собравшихся, находится министръ иностранныхъ дѣлъ Зульфикаръ-паша.

Несмѣтная толпа грековъ наполняетъ храмъ, тѣснится съ улицы, даже среди литургіи выражаетъ свои чувства восторга по случаю прибытія желанныхъ Гостей. Стоитъ патріарху провозгласить моленіе о здравіи Россійскаго Императорскаго Дома и Греческой Королевской семьи, тотчасъ кто-нибудь изъ эллиновъ, обращаясь къ присутствующимъ, громогласно восклицаетъ: «Зито Цесаревичъ!» «Зито Георгіосъ!» Тысячи голосовъ откликаются въ ликующемъ волненіи. Дамы, дѣти, школы, взволнованные народные хоры, — все присоединяется къ бушующему движенію и вторитъ: «да здравствуетъ!» Для насъ, непривычныхъ къ такому шумному выраженію радости передъ самымъ алтаремъ, — тѣмъ не менѣе понятно, что единовѣрцы, издавна томившіеся въ предѣлахъ Турецкой имперіи подъ нравственнымъ гнетомъ ислама, — при живости своего характера, сосредоточившая политическіе помыслы и стремленія вокругъ религіи отцовъ, какъ единаго залога эллинизма, — отчасти должны были въ стѣнахъ святилища воспитывать и закалять гражданскій духъ. То, что древнимъ представляла агора (въ ея повышенно-страстныхъ выявленіяхъ), потомъ въ силу необходимости сталъ христіанскій храмъ. И вдругъ, — когда сотни рукъ привѣтственно тянутся вверхъ, машутъ шляпами и платками, — звуки грома отъ многократно-порывистаго скандированія потрясаютъ воздухъ: этому нечего удивляться, ибо — въ періодѣ

вещей — греческій Востокъ празднуетъ торжество своихъ жизненныхъ началъ, свѣтлое торжество Православія...

Посѣтивъ, послѣ обѣдни и молебна о благоденствіи Государыни Императрицы, блаженнѣйшаго патріарха Софронія въ его покояхъ, гдѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ выразилъ патріарху свои чувства признательности радушію и преданности эллинскаго населенія, Ихъ Высочества, по разукрашенной флагами улицѣ Муски, возвращаются въ отведенный Имъ дворецъ. Днемъ предстоитъ совершить краткую поѣздку по окрестностямъ столицы. Вечеромъ назначенъ отъѣздъ въ Верхній Египетъ. Погода хмурится

Осень. Плачущее небо. Теплыя слезы, падающія сквозь полуденную мглу, съ почти вѣчно безоблачной синевы. Въ Каирѣ среди ноября, какъ говорятъ, рѣдко идетъ дождь. Однако, теперь, — при экскурсіи Августѣйшихъ путешественниковъ, въ мѣстечко эль-Матаріэ, — онъ довольно сильно накрапываетъ въ третьемъ часу, по дорогѣ изъ Гизэ къ станціи «Кантаратъ-эль-Лимунъ», откуда экстренный поѣздъ въ нѣсколько минутъ доставитъ Августѣйшихъ путешественниковъ къ цѣли. При быстротѣ хода, едва различаешь черезъ окна вагона мелькнувшія казармы, обсерваторію, фруктовые сады и виноградники, дворцы, плантаціи хлопка и сахарнаго тростника, оливы, фиговыя деревья и кактусы, окаймляющіе полотно желѣзной дороги. Путь снова лежитъ къ предѣламъ древняго плодороднаго Гошена.

У намѣченнаго пункта ждутъ придворныя закрытыя ландо. Великіе Князья, принцъ Георгій Греческій и свита направляются въ расположенный, невдалекѣ отъ здѣшней маленькой станціи, своего рода паркъ, гдѣ Ихъ Высочества выходятъ изъ экипажа и подъ дождемъ приближаются къ невысокой рѣшетчатой оградѣ, за которою высится угрюмая сикомора, знаменитое дерево Богородицы. Подъ нимъ, согласно стародавнѣйшему преданію, Непорочная Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, въ дни бѣгства въ Египетъ, присѣла отдохнуть. Слуги Ирода-гонителя показались вдали. Ища спасенія, Она скрылась въ широкое дупло, которое тотчасъ чудотворно подернулось густою паутиной. Враги прошли мимо.

Въ смежномъ источникѣ Матерь Божія обмыла пеленки Христа и выкупала Своего Божественнаго Сына. Гдѣ падали капли брызговъ въ этотъ мигъ, — тамъ выросли бальзамическіе кустарники, питаемые влагою изъ этого водоема, сладковатою на вкусъ послѣ низшедшей на него Благодати, тогда какъ раньше она была горька.

Они пріобрѣли міровую извѣстность, долго считались исключительною принадлежностью мѣстечка эль-Матаріэ, точили пахучій и драгоцѣнный елей, употреблявшійся напр. въ Абиссиніи при таинствѣ крещенія. Въ началѣ XVII в. добываніе бальзама прекратилось: послѣднія деревца почему-то исчезли.

Копты и арабы издревле съ религіозной точки зрѣнія чтутъ Матарійскую «святыню». Первобытный стволъ могъ истлѣть и рухнуть; но отъ вѣтвей всегда зарождались новые побѣги. Послѣдній таковой, передъ которымъ теперь остановились Августѣйшіе путешественники, началъ рости лѣтъ двѣсти назадъ и уже представляется дряхлымъ «старцемъ».

Желая угодить императрицѣ Евгеніи, Измаилъ-паша подарилъ ей (что довольно странно!) эту церковно-историческую достопримѣчательность края. Жена Наполеона III ее приняла и, конечно, о ней забыла. Но съ тѣхъ поръ власти усиленно пеклись о погнувшемся и покривившемся стволѣ, окружили его подпорками, наняли людей для ухода за

ДЕРЕВО ВЪ МАТАРІЭ.

ними и хоть отчасти оно охраняется отъ нападенія туристовъ, которые [illegible] брали на память то сучокъ, то осколокъ, листья.

Священное для туземцевъ мѣсто съ незапамятныхъ временъ было таковымъ. Источникъ считался глубокою языческою стариною не иначе, какъ «окомъ солнца». Дневное свѣтило — богъ «Ра» — умывался будто-бы въ немъ. Эфіопскій царь Піанхи, завоевавъ сѣверный Египетъ, предъ [illegible], согласно древнему царскому обычаю, омылъ себѣ лице [illegible] этого колодца. Культъ [illegible] такимъ образомъ представлялся знакомымъ [illegible]. На камняхъ начертывались, по ученію жрецовъ, имена излюбленныхъ божествами фараоновъ, — на другія мѣста [illegible] возрожденная птица «фениксъ».

Августѣйшіе путешественники, молча, осматриваютъ необыкновенную по своей судьбѣ и значенію, высохшую, почти безжизненную сикомору. Мелкій дождь съ тихимъ шумомъ падаетъ на землю. Небольшая толпа любопытныхъ собралась у ограды, съ полицейскимъ во главѣ, у котораго на груди красуется русскій орденъ (вѣроятно, полученный въ годъ посѣщенія Каира Великими Князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами). Печальное небо, поблѣднѣвшее дерево, символъ угасающаго преданія, пережившаго рядъ вѣковъ, — все настраиваетъ въ элегически-молитвенномъ духѣ и окрыляетъ мечту. Что за дивную картину могъ-бы задумать и написать художникъ, который бы преобразилъ тусклую осеннюю обстановку и вершину согбеннаго подъ бременемъ лѣтъ ствола, потокомъ свѣта, падающаго на безжизненныя вѣтви, и воздушною стезею, нисходящею подъ эту сѣнь Святое Семейство!!...

Ихъ Высочества ѣдутъ обратно на Матарійскую станцію. Погода немного яснѣетъ. Цѣлая группа погонщиковъ съ осѣдланными осликами предлагаетъ воспользоваться ими, для поѣздки на страусовую ферму. Послѣдняя лишь въ верстѣ разстоянія. И вотъ мы совершаемъ первый опытъ веселой скачки, песчаною дорогою, на милыхъ длинноухихъ животныхъ, не безъ ко[illegible]рства прозванныхъ «les savants» солдатами арміи Бонапарта, какъ извѣстно, сопровождавшимися настоящею экспедиціей очень почтенныхъ и выдающихся ученыхъ.

Довольно неудобныя сѣдла съ кожанной массивной лукой впереди, еще болѣе неудобныя стремена, капризная, тряская рысца и внезапныя остановки осликовъ заразъ и смѣшатъ, и сердятъ. Мы то трусимъ пріятною иноходью по тропѣ съ негустыми зарослями алоэ, то галопируемъ все ближе и ближе къ цѣли, подъ крикъ догоняющихъ мальчишекъ, приставленныхъ къ животнымъ. Происходятъ безобидныя и забавныя паденія. Торопливая кавалькада растягивается безпорядочною вереницею. Ворота фермы, разубранныя зеленью и флагами въ честь Высокихъ Гостей, настежъ отворены. Владѣльцы ея Дервье (Dervieu) и Кэносъ (Kenos), встрѣчаютъ Августѣйшихъ путешественниковъ передъ кр[illegible]немъ расположеннаго, въ центрѣ всего заведенія, двухъ-этажнаго дома.

Съ интересомъ вслушиваясь въ объясненія и всматриваясь въ страусовое царство, куда мы прибыли, — Ихъ Высочества обходятъ раскинутый вокругъ главнаго зданія дворъ съ крѣпкимъ тыномъ, отдѣляющимъ другъ отъ друга заборы, гдѣ важно прогуливаются, непріязненно косясь на гостей, длинноногія, огромныя, диковиннаго вида птицы. Если въ нихъ пристальнѣе вглядѣться, то положительно находишь (хотя это и звучитъ неправдоподобно) нѣкоторое сходство... съ верблюдомъ, такимъ-же характернымъ жителемъ пустыни, какъ и онѣ. У обѣихъ тварей, у четвероногой и двуногой — одинаковый

профиль, длинныя головы и шеи, одинаково устремленныя въ пространство, надъ непропорціальнымъ туловищемъ, которое у страуса по силѣ и строенію совершенно приспособлено для верховой на немъ ѣзды.

Здѣсь, въ эль-Матаріэ, гдѣ ежегодно выростаетъ большое количество этихъ звѣрообразныхъ пернатыхъ, есть возможность наблюдать ихъ въ полупервобытномъ состояніи, среди песковъ и въ искусственныхъ рамкахъ степнаго приволья, — что во всякомъ случаѣ, производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ когда въ Европѣ видишь лишь двухъ-трехъ, въ замѣренно-тоскливомъ расположеніи духа, за раззолоченною рѣшеткою зоологическихъ садовъ.

Каждый самецъ, каждая самка сохраняютъ врожденную, неподражаемую плавность и мощность движеній. Какъ ни медлительна поступь любого животнаго, въ ней чувствуется неукротимость его вихрокрылаго бѣга на свободѣ. Вѣдь даже на самомъ быстромъ конѣ едва можно угнаться за страусомъ. Его нельзя умертвить иначе, какъ ударами длинною палкою по головѣ, а то кровь совершенно пачкаетъ драгоцѣнныя перья. Насколько борьба съ нимъ должна быть опасна, — достаточно показываетъ злая и вызывающая внѣшность затворниковъ и затворницъ, которыхъ Августѣйшіе путешественники озираютъ теперь въ ихъ вѣчномъ плѣну. Отличаясь коварнымъ нравомъ, эти птицы не привыкаютъ и къ тѣмъ людямъ, — которые за ними ходятъ чуть-ли не съ самаго ихъ появленія на свѣтъ, — бросаются на своихъ сторожей, щиплютъ ихъ и стараются потоптать, уронивъ на землю. Надо, впрочемъ, замѣтить, что арабы, въ присутствіи посѣтителей, дразнятъ страусовъ, мѣшаютъ имъ сидѣть на яйцахъ (что днемъ лежитъ на обязанности самца), стучатъ о заборъ, хлопаютъ въ ладоши. Немудрено, если иногда на калитку, ведущую въ сдѣланное для птицъ загражденіе, всею массою наскакиваетъ громадная сѣрая матка и настойчиво вытягиваетъ шею, чтобы клювомъ достать обидчика.

Страусы, живущіе во дворѣ, преимущественно помѣщаются попарно. Въ мартѣ мѣсяцѣ у нихъ безболѣзненно выдергиваются перья. Выпадающія сами собою считаются совершенно негодными. Цѣнность-же первыхъ то очень высока, соотвѣтственно модѣ, то понижается, колеблясь между 1,300 и 16,000 рублей за пудъ.

Еще недавно этотъ товаръ доставлялся изъ внутренней Африки, гдѣ птицы свободнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, купаются въ горячемъ пескѣ, придавая тѣмъ особую упругость и блестящій отливъ своей богатой одеждѣ. Послѣ махдійскихъ возстаній торговыя связи съ югомъ ослабѣли, что косвенно повліяло на развитіе культуры страусовъ въ Египтѣ. Того-же хотѣли достигнуть въ Алжирѣ, но это не удалось изъ-за дождей, которые лишаютъ «дѣтей пустыни» необходимаго имъ сухаго, песчанаго грунта.

Съ каждаго получается ежегодно перьевъ отъ 2½ до 6 фунтовъ. Черныя и бѣлыя (съ хвоста и крыльевъ) наиболѣе цѣнятся. Фунтъ ихъ стоитъ около 700 франковъ. Но раньше того, какъ птица дастъ такіе доходы, ее надо ростить болѣе двухъ лѣтъ. Перья, герметически укупоренныя въ жестяныя трубочки, преимущественно идутъ въ Парижъ, гдѣ на нихъ главный спросъ.

Матарійская ферма принадлежитъ французской компаніи управляющей ею изъ Каира. Начало предпріятію положено было въ 70-хъ годахъ однимъ испанцемъ, — причемъ сперва опыты дѣлались всего съ 14-ю птицами, доставленными суданскимъ караваномъ. При новизнѣ дѣла пришлось натолкнуться на множество непредвидѣнныхъ затрудненій. Надо было шагъ за шагомъ, до тонкости, изучить подробности, касающіяся привычекъ и жизни страусовъ. Только тогда явилась возможность разсчитывать на успѣхъ. Нѣсколько лѣтъ ферма плохо работала, едва влачила существованіе. Попытки искусственно вылуплять и ростить птенцовъ не приводили къ желанному результату.

Наконецъ образовалось акціонерное общество, расширившее ферму и заведшее до шестисотъ птицъ, которыхъ теперь еще больше (чуть-ли не 750). Въ данную минуту дѣло твердо поставлено; цѣнность имущества компаніи простирается уже до полумилліона франковъ.

Въ сущности затраты на устройство помѣщеній для птицъ не могутъ быть велики, потому что здѣсь дешевы рабочія руки, и кромѣ того нанимаемые арабы — всѣ исполнительны и трезваго поведенія. Страусы не требуютъ за собою необыкновеннаго ухода: чѣмъ проще обстановка, тѣмъ для нихъ лучше. Если только нѣтъ дождя, — а его почти никогда не бываетъ, — птицы преспокойно разгуливаютъ (какъ даже и сегодня, при дождѣ) въ просторныхъ дворикахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга довольно высокою оградою и расположенныхъ полукругомъ при центральномъ зданіи, гдѣ производится сама выводка цыплятъ. Послѣдніе содержатся вмѣстѣ, сообразно съ ихъ возрастомъ.

Прожорливость страусовъ и тутъ, въ эль-Матаріэ, сказывается во всей силѣ. Говорятъ, будто и не счесть, сколько бобовъ, луковицъ, зелени (а по временамъ и испорченныхъ сухарей) имъ приходится отпускать въ теченіе года. Останавливаешься передъ затворомъ, за которымъ лежатъ въ пескѣ, или съ сердитымъ видомъ расхаживаютъ эти «дѣти пустыни», для удовлетворенія прихотей роскоши случайно рожденныя и воспитанныя въ неволѣ, и охотно вѣришь, вглядываясь въ оригинально-безобразныхъ тварей, что онѣ при случаѣ не побрезгаютъ съѣсть кожаную подошву, глотаютъ песокъ и камушки, — до того крѣпокъ ихъ желудокъ, до того неутолимъ ихъ аппетитъ. Ежедневно на кормъ любой взрослой птицы расходуется свыше 10—15 фунт. всякой всячины.

При нашемъ посѣщеніи Матарійской фермы наступило время, когда самки страусовъ кладутъ яйца, — каждая въ зиму отъ пятнадцати до сорока и болѣе штукъ, изъ коихъ не болѣе половины пригодны для искусственнаго разведенія, остальныя-же продаются на ѣду, или на то, чтобы ихъ выпустить, ярко раскрасить и затѣмъ дорого продать, въ качествѣ комнатныхъ и церковныхъ украшеній. Желтоватая гладкая скорлупа очень толста и крѣпка; выдѣланная напоминаетъ слоновую кость. Здоровое яйцо вѣситъ до четырехъ или пяти фунтовъ и продается на фермѣ за пять франковъ.

Довольно любопытенъ процессъ, какъ выводятся маленькіе страусы, которые никогда не высиживаются въ неволѣ. Тщательно разсмотрѣнныя и подобранныя яйца (къ слову сказать, ловко выкрадываемыя изъ затворовъ) укутываются въ вату, располагаются въ металлическихъ ящикахъ очень простой конструкціи и подвергаются постоянному воздѣйствію горячей воды (въ 39—40° по Реомюру). Такіе ящики ставятся въ совершенно замкнутое для свѣта пространство. Завѣдующіе выводкой, по временамъ, днемъ, приставляютъ всякое яйцо, видоизмѣняемое жаромъ, къ маленькому овальному отверстію въ стѣнѣ отведеннаго помѣщенія и, по мѣрѣ того, какъ яйцо ярко освѣщается извнѣ, наблюдающіе, сами оставаясь въ темнотѣ, внимательно опредѣляютъ происходящіи въ немъ процессъ. Случается, что нечаянно попавшія сюда взболтанныя яйца вдругъ лопаются съ оглушительнымъ трескомъ. При нагрѣваемыхъ аппаратахъ всегда есть градусникъ, дабы температура отнюдь не мѣнялась и зародыши не остудились. Воздѣйствіе на нихъ обыкновенно продолжается сорокъ пять дней (какъ и для птицъ, рождаемыхъ на свободѣ), — хотя иногда достаточно бываетъ и меньшаго количества времени. Чѣмъ ближе къ вылупленію страусика, тѣмъ бдительнѣе надо надзирать за его появленіемъ на свѣтъ: убѣдившись наконецъ, что животное созрѣло, слѣдуетъ осторожно разбить яйцо молоточкомъ сверху и бережно высвободить птенца рукой. Онъ тотчасъ же начинаетъ двигаться, издаетъ пискливые звуки и, попавши въ число подобныхъ ему новорожденныхъ, — которыхъ такимъ путемъ

группируется сразу штукъ до пятидесяти, — немедленно приступаетъ къ ѣдѣ. Десятидневные малыши содержатся вмѣстѣ; тѣ, что уже постарше, имѣя мѣсяцъ или два, отдѣляются отъ этихъ крошекъ. Трехмѣсячные присоединяются къ полугодовымъ и однолѣткамъ.

Недавно вылупившіеся страусики обыкновенно скучиваются, какъ-бы чувствуя отсутствіе заботливой матки, и пребываютъ еще въ состояніи нѣкоторой апатіи, исчезающей лишь при видѣ непосредственно близкаго корма; но болѣе взрослые проявляютъ много суетливости и, — несмотря ни на какое обиліе выдаваемой имъ пищи, — всетаки ссорятся изъ-за нея. До 18-ти мѣсячнаго возраста оба пола — сѣраго цвѣта. Затѣмъ самцы становятся черными съ бѣлымъ, самки же сохраняютъ прежній видъ.

Обходя ферму, Наслѣдникъ Цесаревичъ бралъ въ руки новорожденныхъ цыплятъ, удивительно забавныхъ, жесткихъ на ощупь и отдаленно напоминающихъ ежа. Безобидный клювъ, неподвижно-наивныя глазки, красивая округленкость формъ, — все сразу располагаетъ къ этимъ крошечнымъ существамъ. Чѣмъ старше остальные попадающіеся намъ страусики, — тѣмъ они уродливѣе и несимпатичнѣе.

Страусы.

Директоръ заведенія Дервьё почтительнѣйше просилъ Августѣйшихъ путешественниковъ оставить Свои Имена въ книгѣ посѣтителей фермы.

Съ террасы верхняго этажа открывается угрюмый и величественный кругозоръ. Смежная съ культурнымъ раіономъ пустыня тускло-желтой поверхностью разстилается на необозримомъ протяженіи. Вся мѣстность окрестности полна историческихъ воспоминаній, отмѣчена событіями глубочайшей древности и кровавыми столкновеніями сравнительно новѣйшаго періода. Тутъ, близъ эль-Матаріэ, въ мартѣ 1800 г. генералъ Клэберъ съ 10,000 французовъ разбилъ въ шесть разъ сильнѣйшее турецкое войско. Но это происходило чуть-ли не вчера, а за тысячи лѣтъ, на пространствѣ, гдѣ теперь безмолствуетъ степь, стоялъ обширный «городъ солнца» (Геліополисъ греческихъ писателей), называвшійся египтянами «Ану», извѣстный Библіи подъ именемъ «Онъ». Основаніе его теряется во мракѣ временъ, религіозное значеніе и вліяніе нѣкогда были необъятны, взаимоотношенія съ Азіей и міровоззрѣніемъ ея народовъ крайне вѣроятны и знаменательны. Востокъ и Западъ искони жили болѣе или менѣе общими духовными интересами. Тайны жречества, хотя и хранились немногими избранниками, но всетаки передавались изъ устъ въ уста въ отдаленнѣйшія части земного шара. Сокровеннѣйшія истины ученія древнѣйшихъ мудрецовъ неизмѣнно памятовались въ недоступной тиши языческихъ капищъ. Суевѣрная толпа молилась на вооруженныхъ бронею знанія вождей. Эллинскіе законодатели и мыслители, семитическіе родоначальники съ патріархальною властью, сѣверные «варвары» и южанедикари, — всѣ приходили сюда для вразумленія и на поклоненіе. Центральное святилище насчитывало безчисленныхъ постоянныхъ обитателей. Цари приносили близъ него въ жертву восходящему дневному свѣтилу «бѣлый» скотъ, молоко,

бальзамъ, ладонъ и благовонные деревья. Затѣмъ жрецы, славные пѣли въ храмѣ, жрецы заклинаніями отгоняли отъ нихъ враждебную напасть, окуривали фараона ароматами, вручали державнымъ пришельцамъ цвѣты, держа которые повелитель могъ предстать предъ ликомъ чудеснаго божества. Только повелитель могъ отомкнуть двери въ тайнохранилище, занимаемое какимъ-то дивнымъ воплощеніемъ, войти къ нему, побыть съ нимъ наединѣ и, выходя, покидая непостигаемый простымъ смертнымъ покой, приложить ко входу свою царскую печать. Священнослужители, пѣвшіе гимнъ, привѣтствовали монарха послѣ чудеснаго свиданія.

Тамъ, гдѣ теперь пустыри, въ старину чтился Тумъ («вечернее солнце»). Онъ насылалъ на опаленную зноемъ страну живительный вѣтеръ съ моря. И сегодняшній день дышетъ прохладой, — но ее уже никто не вызываетъ молитвословіями, никто въ ней не видитъ чего-то сверхъестественнаго и желаннаго. Фениксъ, пѣвшій у города Ану гимнъ солнцу, умолкъ и, сгорѣвъ отъ своего внутренняго пламени, не возродится вновь изъ животворнаго пепла. Многочисленные обелиски (каменные, одухотворенные богами остроконечные столбы, на сіявшей металломъ вершинѣ которыхъ, — на «пирамидіонѣ», — отдыхало дневное свѣтило) исчезли: остается одинъ лишь такой памятникъ славныхъ тысячелѣтій, воздвигнутый воинственнымъ фараономъ Узертесеномъ I-мъ 4500 лѣтъ тому назадъ.

Этотъ сѣрый одинокій обелискъ среди опустѣлой равнины, поглотившей древній великій Геліополисъ, высится надъ нею точно надъ моремъ вершина горы отъ земли, поглощенной волнами. Изсякнувшая цивилизація, исчезающій отблескъ и отзвукъ ея творчества!! . . .

ВЕРХНІЙ ЕГИПЕТЪ.

14 (26) ноября.

Отъѣздъ изъ Каира послѣдовалъ, согласно путевой программѣ, 14 (26) ноября въ десятомъ часу вечера. Вернувшись въ пятомъ часу съ Матарійской фермы, Ихъ Высочества, послѣ обѣда у себя, въ Гизэ, медленно направились, — при фантастическомъ освѣщеніи безчисленныхъ факеловъ, несомыхъ феллахами, — на станцію Булакъ-Дакруръ (въ предмѣстьѣ столицы, на лѣвомъ берегу рѣки). Извивавшіяся туда аллеи представлялись въ совершенно невиданныхъ таинственно-плѣнительныхъ очертаніяхъ. Кто имѣлъ случай любоваться картиною моста, иллюминованнаго княземъ Мурузи, цѣлыми улицами, пламенѣвшими въ честь Гостей, исполинскимъ факельнымъ шествіемъ, феерическимъ фейерверкомъ и празднествомъ у русскаго генеральнаго консула, — тотъ, конечно, смѣло могъ предполагать, что уже болѣе нельзя ничего изобрѣсти въ этой области. И вдругъ! Ѣдешь, межъ сумрака и смолистыхъ движущихся огней, подъ сводами густо разросшихся деревьевъ, точно въ сказочномъ дремучемъ лѣсу, по которому свѣтятъ путь и бѣгутъ, привѣтливо маня въ открывающуюся темноту, какія-то незнакомыя существа, покорныя голосу властелина, околдовавшаго эту чащу. Гдѣ-то далеко позади осталась только-что покинутая, европейски обставленная жизнь. Глухая стѣна встала между нами и ею. Неизвѣданной прелестью вѣетъ изъ окружающей мглы, откуда бьетъ въ глаза безпокойное пламя свѣточей. Странные люди въ характерно-живописной одеждѣ, лѣсная глушь, опоясанная цѣпями огоньковъ, предстоящая дорога къ очагамъ древней культуры, все сговорилось придать временному прощанію съ Каиромъ отпечатокъ причудливой красоты и тайны. Великій чародѣй Египетъ обворожилъ, заполонилъ ими воображеніе Августѣйшихъ путешественниковъ и сопровождающихъ Наслѣдника Цесаревича лицъ.

У станціи Булакъ-Дакруръ выстроены были войска Гизэсскаго округа. Оберъ-церемоніймейстеръ Абдеррахманъ-паша отъ имени своего повелителя пожелалъ Ихъ Высочествамъ благополучнаго пути. Экстренный поѣздъ тронулся. По обѣимъ сторонамъ

желѣзнодорожнаго полотна замелькали сторожевые костры, тысячами поставленные, по приказанію хедива, для бдительнаго надзора за безопасностью и порядкомъ на линіи. Движеніемъ руководятъ тѣ же главные инженеры, что присутствовали при слѣдованіи изъ Измаиліи на Каиръ.

Рядъ удобныхъ спальныхъ вагоновъ, послѣ испытаннаго утомленія, естественно всѣхъ располагаетъ къ скорѣйшему отдыху.

Занося въ дневникъ послѣднія замѣтки, невольно напрашивающіяся сравненія и мысли, надо при разставаніи съ Каиромъ еще разъ подчеркнуть, что обаятельная личность самого Тевфика-паши и его радушіе по отношенію къ Августѣйшимъ путешественникамъ въ сущности составляли и составляютъ драгоцѣннѣйшее изъ воспоминаній. Правитель страны, почитая себя счастливымъ, что принялъ Великаго Князя, въ первый же день Его прибытія, телеграфировалъ о своихъ чувствахъ Государю Императору и получилъ отъ Его Величества сердечный отвѣтъ. Сегодня утромъ, когда Александрійскій патріархъ возглашалъ многолѣтіе Государынѣ Императрицѣ, хедивъ въ свою очередь послалъ Ея Величеству поздравительную депешу.

Какое странное чувство знать, что находишься на дорогѣ въ Верхній Египетъ! Поѣздъ изъ Каира до города Ассіута долженъ пробѣжать около 360 верстъ и затѣмъ желѣзнодорожная линія кончается. Поговариваютъ о намѣреніи продолжить ее на югъ, но для туристовъ это будетъ сущій проигрышъ, лишая ихъ необходимости слѣдовать рѣчнымъ путемъ.

Въ головѣ чередуются и подчасъ спутываются обрывки недавнихъ яркихъ впечатлѣній. Подъ мѣрный шумъ колесъ, въ вагонѣ невольно клонитъ къ дремотѣ; однако и въ сладостномъ полуснѣ безпрестанно всплываютъ въ заволакивающемся сознаніи образы прошедшаго и образы настоящаго, сливаются въ нѣчто неопредѣлимое и тѣмъ не менѣе родное, ласково увлекаютъ впередъ, постепенно погружаютъ въ непреодолимое забытье...

Приходишь въ себя: говорятъ, мы уже у главнаго города одной изъ верхнеегипетскихъ областей съ шестьюстотысячнымъ населеніемъ и 234 деревнями. Это и есть Ассіутъ, откуда предстоитъ подниматься по Нилу до «первыхъ пороговъ». Тутъ впервые столкнешься лицемъ къ лицу съ провинціальною жизнью страны (замѣтно различающеюся отъ столичной), хоть относительно почувствуешь себя на свободѣ, воочію убѣдишься, что Египетъ, знакомый только по книгамъ, при всей соблазнительности представляемыхъ ими описаній, — почти ничто, въ сравненіи съ тою дѣйствительностью, которая насъ обступитъ, до того она должна быть безподобно хороша и оригинальна.

При пробужденіи въ Ассіутѣ (въ седьмомъ часу утра, 15 (27) ноября) первое, что доносится до слуха одѣвающихся по вагонамъ, это — салютъ изъ пушекъ у пристани. Выстроенный у нея почетный караулъ, встрѣчающій губернаторъ (Ахмедъ-паша Шукри), массы зрителей, зеленью убранные спускъ и сходни къ придворнымъ пароходамъ, — вотъ что прежде всего бросается въ глаза, если выглянешь изъ окна.

Августѣйшіе путешественники покидаютъ поѣздъ и прямо переходятъ на предназначенную для Нихъ лучшую яхту хедива «Feiz Rabbani», подъ командою его адъютанта, капитана Али-бея Абады. Большинство сопровождающихъ лицъ, прислуга, багажъ помѣщаются на конвоирующемъ суднѣ «Héhia». Идутъ дѣятельныя приготовленія къ тому, чтобы сняться съ якоря.

Кромѣ свиты, въ десятидневную экскурсію по Нилу отправляются: г. Кояндеръ, каирскій вице-консулъ Ивановъ (хорошо владѣющій туземною рѣчью), египтологи Голенищевъ и Бругшъ-бей (командированный мѣстными властями), церемоніймейстеръ Юсуфъ-бей Дія и приглашенные Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, прибывшіе на «Владимірѣ Мономахѣ» изъ Аѳинъ, нашъ военный агентъ полковникъ баронъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ и второй секретарь тамошняго посольства М. М. Катковъ.

Восьмой часъ. Мы поворачиваемъ и отдаляемся отъ берега на середину рѣки. Колеса начинаютъ усиленнѣе работать. Еще разъ успѣваешь внимательнымъ взоромъ окинуть окрестность, — исходную точку путешествія въ Верхній Египетъ, запечатлѣть ее въ памяти, — и только... Затѣмъ впечатлѣнія все быстрѣе и ярче смѣняютъ другъ друга, по мѣрѣ движенія на югъ.

Нилъ широкимъ изгибомъ протекаетъ мимо Ассіута. Восточныя горы, отроги Гебель Абу Феды, отступаютъ отъ нея вглубь, Ливійскія же, напротивъ, какъ-бы приближаются.

Вдоль пристани, — благодаря конторѣ Кука и комп., во множествѣ снаряжающей иностранцевъ-путешественниковъ, — нѣтъ недостатка въ частныхъ пароходахъ и дахабіяхъ. Тутъ — гавань (эль-Хамра) довольно значительнаго торговаго центра.

Городъ — въ нѣкоторомъ разстояніи, но отъ него тянутся къ Нилу домики богатыхъ коптскихъ купцевъ, съ хорошенькими садиками вокругъ, словно въ подражаніе европейскимъ вилламъ, которыми украшается кварталъ Измаиліэ въ Каирѣ.

Длинная большая насыпь, обсаженная широковѣтвистыми, неуклюжими сикоморами, ведетъ отъ рѣки въ Ассіутъ. Онъ славится нѣкоторыми глиняными издѣліями: продавцы уже собрались у придворныхъ яхтъ, предлагая купить изящныя трубки.

На противоположномъ берегу находятся эксплоатируемыя правительствомъ залежи алебастра. Послѣдній, вѣроятно, служилъ большимъ подспорьемъ для туземцевъ, когда здѣсь въ давнія — давнія времена (до нашествія гиксосовъ) процвѣталъ одинъ изъ культурнѣйшихъ пунктовъ государства. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся по близости гробницы.

Онъ былъ родиною величайшаго изъ философовъ неоплатонической школы — Плотина. Теперь мѣстнымъ жителямъ — не до умозрѣній. Вѣкъ — не тотъ, раса не та, — да къ тому же исламъ значительно изсушилъ духовную жизнь туземнаго населенія, болѣе или менѣе всецѣло отдавшагося наживѣ и въ данное время озабоченнаго, какъ бы поднять до прежней высоты здѣшнюю торговлю, павшую послѣ потери Судана. Желѣзная дорога, доходящая до Ассіута, не мало можетъ этому поспособствовать.

ВЕРХНІЙ ЕГИПЕТЪ.

Окрестности города представляютъ блестящимъ образомъ воздѣланное пространство Каждый клочекъ земли арендуется за необыкновенно высокую цѣну: плодоводство и огородничество процвѣтаютъ. Мѣстность защищена горами отъ горячихъ вѣтровъ пустыни Этимъ, вѣроятно, объясняется ея исконное названіе «Саіутъ» («защищенный съ тылу») объясняется, почему уже арабскіе географы превозносили ее за климатъ и богатство почвы Богъ Анубисъ, съ головою шакала (направляющій мертвыхъ по преисподней), считался въ древности покровителемъ округа. Маленькіе волки почитались здѣсь какъ священныя животныя, послѣ смерти бальзамировались, въ качествѣ драгоцѣнныхъ мумій, и погребались въ сосѣднихъ горахъ.

Яхта «Фейзрабани» плавно уходитъ въ прозрачную, чарующую даль. Передъ нами развернется прежняя Ѳиваида, всплывутъ въ своей Библейской простотѣ явленія неизмѣнно-древняго туземнаго быта, потянутся тѣ берега, на которыхъ крѣпла доисторическая основная культура Египта. Въ его верхнихъ областяхъ всегда наименѣе чувствовалось иноземное разрушительное воздѣйствіе, всегда тверже сознавалась извѣстнаго рода самобытность. Отсюда былъ данъ отпоръ завоевавшимъ сѣверъ гиксосамъ. Здѣсь населеніе довольно упорно боролось противъ французской экспедиціи на югъ (при Дэсэ, генералѣ Бонапарта).

Дни, проведенные на пароходахъ, поднимаясь по Нилу и возвращаясь въ Ассіутъ, въ общемъ должны быть болѣе или менѣе схожи между собою. Описывать ихъ часъ за часомъ, — какъ при посѣщеніи выдающихся городовъ и подробномъ осмотрѣ памятниковъ, — и утомительно, и безполезно. Впечатлѣнія, получаемыя съ палубы, въ концѣ концевъ образуютъ одну выпуклую, на каждомъ шагу повторяющуюся картину. Она сопутствуетъ, почти не мѣняя тона и линій, на протяженіи сотенъ верстъ, отчасти до Луксора, отчасти до начала Нубіи. Движеніе по рѣкѣ, безъ опасенія стать на мель, возможно только, пока свѣтло. Чуть стемнѣетъ и еще не взошла луна, приходится выжидать, — остановившись, гдѣ попало, у ближайшаго берега. Обыкновенно, конечно, капитанъ успѣваетъ заблаговременно прибыть на ночлегъ къ какому-нибудь намѣченному городу. Утромъ рано яхта Ихъ Высочествъ снова трогается въ путь.

На песчаномъ островкѣ, среди рѣки, сидятъ два нубійскихъ коршуна. По одной ихъ фигурѣ можно судить, почему фараоны считали ихъ своими геральдическими птицами.

Мѣстность хорошо обработана, засажена различными пальмами, сикоморами, акаціями. За пастбищемъ черноволосаго буйволоваго стада въ лѣску вспархиваетъ стая бѣлыхъ

пернатыхъ съ коричневыми маковками. Сокола взлетаютъ тутъ же, не трогая ихъ, занятые исключительно охотою на полевыхъ мышей. Въ расщелинахъ высокаго побережья видны гнѣзда иныхъ птицъ, питающихся рыбою. Онѣ то залетаютъ туда, то внимательно сидятъ на земляныхъ глыбахъ, высматривая добычу: стоитъ ей сверкнуть въ темной влагѣ, и хищники стремительно кидаются къ водѣ. Вдали сѣрѣютъ пугливыя утки, усѣявшія рѣчное пространство. Восточный пустынный берегъ залитъ солнечными лучами. Культурная полоса узенькой лентой тянется у самаго Нила. Тутъ же селеньице, группа деревьевъ, — и затѣмъ сразу желтый песокъ, круглые скалистые холмики и плоскія горы, твердынею подымающіяся къ горизонту.

ВОДОЧЕРПАЛКА.

На рѣкѣ, по отмелямъ, нерѣдко мелькаютъ пеликаны, цапли, журавли, грѣющіеся на солнцѣ и наслаждающіеся теплою погодою въ странѣ, гдѣ они являются только временными гостями. Порою попадаются оборванные пастухи; замѣчаешь убогое жилье, сдѣланное ими изъ маисовыхъ стеблей. Сторожевыя собаки вытягиваютъ свои лисьи головы. Длинный и сухощавый нищій старикъ, — въ лохмотьяхъ, съ бѣлой бородой, — застылъ, опираясь на палку.

Вотъ мы идемъ близко-близко къ берегу: голуби и воробьи возятся около пустыхъ хижинъ. Орелъ плавно кружитъ въ высотѣ. За отдаленнымъ рѣчнымъ изгибомъ лѣниво машетъ крыльями вѣтряная мельница. Сбоку темнѣетъ, среди зеленой каймы пашень плантація сахарнаго тростника, акклиматизированнаго въ Египтѣ хедивомъ Измаиломъ. Два мальчугана ухватились за длинный и тонкій стволъ сладкаго растенія и съ противоположныхъ сторонъ втягиваютъ въ себя прохладительный сокъ. Пальмы покачиваютъ пучками своихъ оригинальныхъ листьевъ. Горы то уходятъ отъ Нила, отступаютъ въ область пустыни, то опять напираютъ на него и почти спускаются подножіемъ къ водѣ. Печать однообразія лежитъ, пожалуй, на всей мѣстности; но она такъ старательно воздѣлана (гдѣ только для этого представляется малѣйшая возможность), краски такъ привлекательны повсюду, что просто глазъ не можешь отвести отъ окрестности и безконечно любуешься по истинѣ прекрасною страною.

Внѣшность многочисленныхъ голубятенъ напоминаетъ нѣкоторые памятники египетской старины, а именно: тѣ самые пилоны (твердыни), которые мы привыкли видѣть на рисункахъ, — испещренными іероглифическимъ письмомъ. Впечатлѣніе тѣмъ сильнѣе, что рядомъ безпрестанно чередуется желтизна пустыни съ изумрудными полосами обработанной земли, а иллюзія подсказываетъ, что все это принадлежность одного и того же чертога, гдѣ за яркостью мрамора стелется коверъ, опять идутъ каменныя плиты, и снова дорогая цвѣтная ткань. . .

«И СЕРЕБРИТСЯ НИЛЪ ЧУТЬ ДЫШУЩЕЙ ВОЛНОЙ.»

Въ природѣ разлито какое-то умиротворяющее душу спокойствіе. Широко и легко очерченный небосклонъ прозраченъ нѣжною синевою. Край вокругъ иногда, право, походитъ на заботливо содержимый садъ, въ которомъ орошеніе доведено до совершенства. Въ Египтѣ нѣтъ мѣсяца, чтобы земля не рождала цвѣтовъ и плодовъ.

Завидя яхту хедива, нѣкоторые полуголые феллахи оставили работу и скучились у побережья. Чудится это или на самомъ дѣлѣ такъ, но они положительно напоминаютъ фигуры, высѣченныя на древнѣйшихъ памятникахъ: одинаково широкія плечи и худощавый станъ, одинаковая непринужденность и горделивость движеній. У одного — коричневая шапочка, точь въ точь какъ у Одиссея на старой греческой вазѣ.

Низкое туземное жилье изъ глины, безъ оконъ и дверей извнѣ, отличается особеннымъ видомъ плоскихъ крышъ. Дождя тутъ почти никогда не бываетъ и потому никто не заботится о скатахъ. Все кругомъ, — и береговая линія, и терассы надъ домами, — тянется въ горизонтальномъ направленіи. Оттого и получается отъ ландшафта впечатлѣніе чего-то цѣльнаго, спокойнаго, невозмутимаго. Гдѣ пальмы еще не велики, онѣ образуютъ вродѣ лѣса; но тѣ, которыя покрѣпче стволомъ, уже ростутъ значительно рѣже, самостоятельно помахивая листвой надъ массивными тамариндовыми деревьями и мимозами.

Жарко. Душно. Иногда лишь съ сѣвера, — на рѣчныхъ изгибахъ, — свѣжій вѣтерокъ дышетъ въ лице. Эта струя воздуха желанна даже тварямъ: вотъ буйволы, съ остроконечными рогами, спустились въ воду, погрузились по шею, но повернулись мордами вдоль теченія.

Нѣкоторыя деревушки, изъ опасенія быть наводненными, лѣпятся по уступамъ и обрывамъ у Нила. Дома расположены тѣсно другъ надъ другомъ и по цвѣту, мѣстами, какъ-бы сливаются съ черной-пречерной землею, благодаря которой самъ Египетъ нѣкогда назывался «Хэмъ» («черная земля»).

Наряду съ этимъ первоисточникомъ плодородія, еще мертвеннѣе представляются Аравійскія горы, лишенныя малѣйшей растительности. Тамъ порою замѣтны однообразныя отверстія, входы въ могильные склепы. Однако трудно постигнуть, какъ на голыхъ крутизнахъ уживались люди, трудившіеся надъ ихъ созданіемъ.

Впрочемъ, въ такомъ краѣ, гдѣ основою всего служитъ глубочайшая монотонность, люди всегда со всѣмъ свыкались, безропотно переносили тягчайшія лишенія. При усыпленномъ состояніи воображенія сердце пребывало въ покоѣ. Отсутствіе чего-нибудь рѣзкаго въ природѣ и удручало, и смягчало человѣка.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
И серебрится Нилъ чуть дышущей волной.

Свѣжѣетъ вѣте[illegible]
Скользитъ надъ лономъ водъ, верхушку наклоня:
И небо, и рѣка въ туманъ голубоокій
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
Какой-то тихій плачъ въ темнѣющихъ струяхъ.

[illegible]
Двойная жизнь очамъ открылась [illegible]
Здѣсь — трепетъ этихъ волнъ съ немолчною борьбою,
[illegible]

Страница изъ дневника. Карандашный набросокъ чего-то обычнаго, каждодневно видимаго и всетаки вѣчно новаго. Одна изъ остановокъ, засвѣтло, въ виду невозможности идти впередъ, — когда стемнѣетъ, — изъ-за часто встрѣчающихся отмелей. Ничѣмъ не замѣчательное мѣстечко.

Вереница судовъ, нагруженныхъ пшеницей и маисомъ, растянулась у пристани, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. На берегу кучками сидятъ судовщики и поселяне, выспрашивающіе у первыхъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Двое крошечныхъ, пресмѣшныхъ ребятишекъ (причемъ у одного на бритой головѣ оставленъ лишь клокъ) вскарабкались на осла. Впереди на него наложена ноша клевера. Они уцѣпились за длинноухое сѣрое животное, а также и другъ за дружку, стараются заглянуть на дорогу, но изъ-за ноши ничего не видятъ. Вотъ идетъ къ водѣ, съ ребенкомъ на плечѣ, любопытно посматривающая по сторонамъ уже подурнѣвшая молодая туземка. Дитя залѣплено отвратительными мухами. Онѣ заползаютъ ему въ глаза, но и мать, и само дитя видимо не обращаютъ на это никакого вниманія. Кажется, по мѣстному воззрѣнію, мухи спасаютъ ребятишекъ отъ порчи.

Число египтянокъ, въ длинныхъ темносинихъ рубашкахъ, съ пустыми глиняными кувшинами, увеличивается. Всѣ онѣ босоноги, какъ-то машинально закрываются отъ чужаго взора, съ врожденной граціей подымаютъ къ головѣ обнаженную руку, перетянутую запястьями. Рядомъ остановился богатый горожанинъ въ шелковомъ полосатомъ кафтанѣ, красныхъ туфляхъ.

По теченію движется, близко отъ придворной яхты, большихъ размѣровъ оригинальный плотъ. Онъ весь сложенъ изъ глиняныхъ кувшиновъ различной величины, изготовляемыхъ въ Верхнемъ Египтѣ. Въ нихъ, отъ дворца до бѣднѣйшей хижины, сохраняется въ охлажденномъ состояніи вода. Конструкція горлышка не даетъ ей согрѣваться и портиться. Сосуды покрупнѣе лежатъ снизу, крѣпко перетянутые пальмовыми волокнами. Тѣ же, что поменьше, высоко нагромождены сверху. Управляемая полунагими рабочими хрупкая ладья быстро скользитъ по извилистой рѣкѣ. Люди, на этой послѣдней и кругомъ вдоль берега, внѣшній видъ кувшиновъ, сплавляемыхъ на потребленіе цѣлой страны, однозвучность очертаній, узоровъ и красокъ во всемъ обступившемъ мірѣ до того проникнуты чѣмъ-то стариннымъ, знакомымъ по остатку древностей, застывшимъ въ унаслѣдованныхъ формахъ, — что кажется, какъ-будто крыло времени ни къ чему не прикоснулось окрестъ, какъ-будто послѣднее и не хочетъ трогать здѣшнихъ бытовыхъ основъ, позволяя египтянамъ и египтянкамъ, ихъ торговому судоходству и издѣліямъ оставаться на степени почти доисторическаго развитія. Земледѣліе, орошеніе, орудія пахарей и т. д. свидѣтельствуютъ о консервативномъ отношеніи феллаховъ къ своей матеріальной обыденной жизни и необходимой обстановкѣ. Только въ Средней Азіи, въ

Индіи и въ Китаѣ замѣчается столь же упорное стремленіе безусловно почти во всемъ согласоваться съ тѣмъ, что завѣщано отдаленнѣйшимъ про[illegible].

Что можетъ сравниться съ часами заката на Нилѣ, будь это тамъ, гдѣ подчас[illegible] [illegible]къ великолѣпенъ бываетъ разливъ рѣки, или въ виду любаго изъ зубчатыхъ предгорій Аравійской или Ливійской пустыни. Освѣщеніе ежеминутно вызываетъ восторгъ смѣною [illegible]расивѣйшихъ цвѣтовъ, дивною игрою красокъ. Когда расплавленное солнце скроет[illegible] [illegible]ризонтомъ, голубое небо подергивается какою-то свѣтлозеленою мглой (съ морскимъ [illegible]лоритомъ). На этомъ зыбкомъ фонѣ, при поднявшемся вечернемъ вѣтеркѣ, прозрачно [illegible]дѣляются изящныя главы пальмъ, движутся треугольники слабо вздувшихся парусовъ [illegible]наго запоздавшаго судна, теряютъ позолоту стройные дальніе минареты, обновленными встаютъ передъ воображеніемъ развалины старины. Во что-то вслушиваешься, точно въ симфонію, но только она не изъ звуковъ, а изъ красокъ: окрестностямъ сначала присущъ фіолетовый оттѣнокъ, затѣмъ [illegible] [illegible]ѣетъ, звѣзды всплываютъ надъ рѣкой. Отблес[illegible] ихъ отражается въ неп[illegible]и, по мѣрѣ того, какъ ея

[illegible]

поверхность дрожитъ, въ глубинѣ трепетно горятъ огоньки, а надъ нами, съ необозримой выси, шлютъ привѣтъ алмазныя свѣтила. . . Такъ бы и забылся, созерцая и славя египетскую ноябрьскую ночь! . .

Но на рѣкѣ довольно сыро. Переходъ отъ тепла къ ощутительной прохладѣ довольно рѣзокъ и непріятенъ, хотя въ общемъ для туземцевъ эти часы отдыха и сна, послѣ знойной дневной тяготы, должны казаться цѣлебнымъ спасительнымъ напиткомъ.

Въ четвергъ, 15 (27), и пятницу, 16 (28) ноября, Августѣйшіе путешественники останавливались вечеромъ у городовъ Сохага и Кэнэ. Въ обоихъ мѣстахъ туземныя власти сдѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы разукрасить пристань и придать пріему торжественный характеръ, — тѣмъ болѣе, что вліятельные и богатые коптскій и греческій элементы со своей стороны усиленно содѣйствовали радушію и блеску побережныхъ встрѣчъ. Не только у сравнительно большихъ центровъ, но и у значительныхъ селеній, жители съ сочувствіемъ напутствовали Гостей хедива: напримѣръ, — при слѣдованіи рѣкой у мѣстечка Белльянэ, — на огромномъ плоту, прикрѣпленномъ подъ обрывомъ,

гдѣ раскинулось жилье, выстроены были солдаты, а населеніе радостно привѣтствовало ружейными выстрѣлами яхту, подъ флагомъ Наслѣдника Цесаревича.

Въ Сохагѣ, до наступленія темноты, около пристани происходила такъ-называемая «фантазія» (потѣшное зрѣлище съ музыкою). Арабы гарцовали и носились на красивыхъ коняхъ, пока барабанный бой оглашалъ набережную, переполненную народомъ. Мало по малу общее вниманіе сосредоточилось на одномъ наѣздникѣ, который съ особеннымъ искусствомъ управлялъ отлично выдрессированною лошадью. Благородное животное какъ-бы вслушивалось въ рѣзкій тактъ барабанной дроби, живописно вставало на дыбы, легкими прыжками описывало съуживающіеся круги, падало на колѣни, словно съ волненіемъ и нѣмою мольбой заклинало музыканта умолкнуть. Но барабанщикъ безжалостно продолжалъ свое дѣло, наступалъ на отпрядывавшаго коня, нагибался, съ удвоенною силою сыпля удары палочками: сплошные перекаты рѣяли въ вечернемъ воздухѣ. Лошадь съ неподражаемою граціей и художественностью исполненія двигалась согласно нетерпѣливымъ, мучительнымъ звукамъ. Быстро темнѣло. Представленіе кончилось само собою.

Въ Кэнэ Августѣйшіе путешественники изъявляютъ согласіе посмотрѣть на характерный египетскій танецъ особаго класса плясуній, извѣстнаго своимъ искусствомъ чуть-ли не съ эпохи первыхъ фараоновъ. Ихъ Высочества отправляются со свитой взглянуть на него въ помѣщеніе одного консула-туземца. Домъ послѣдняго и дорога туда иллюминованы. Въ просторной комнатѣ, гдѣ приходится размѣститься зрителямъ, люстра и канделябры льютъ яркій свѣтъ.

Она не велика эта группа танцовщицъ (гавази), — богато, но грязно одѣтыхъ, со звонкими ожерельями изъ монетъ, съ подведенными глазами и окрашенными въ желтое ногтями, съ жестяными кастаньетками, издающими рѣзкій и скорѣе непріятный звукъ.

На полу, въ сосѣдней комнатѣ, сбились въ кучку музыканты, съ круглою скрипкою («кэманэ»), балалайкою, бубномъ, дудкою, лютнею и небольшимъ барабаномъ («дарабукою»). Рядомъ сѣло нѣсколько старухъ, благоразумно занавѣсившихъ свои лица. Онѣ, по всей вѣроятности, — бывшія гавази, родственницы и наставницы молодыхъ. Одна изъ послѣднихъ — въ темнозеленой одеждѣ, другая — въ сѣрой, третья — въ красной и т. д.

Волосы у иныхъ заплетены во множество мелкихъ косичекъ, перевитыхъ золотыми блестками; на подбородкѣ синѣетъ татуировка.

Какъ-то жалобно коснулся струны смычекъ въ сосѣдней комнатѣ. Плясуньи тихо двинулись впередъ, пощелкивая и позвякивая своими крохотными кимвалами. Плечи и бедра вздрагиваютъ, ноги почти прикованы къ мѣсту. Музыка нестройна. Тактъ отсутствуетъ. Ни въ чемъ нѣтъ поэзіи, хоть сколько-нибудь своеобразнаго очарованія. Гавази покачиваются, вяло подымаютъ и опускаютъ руки, пристально поглядываютъ на зрителей. Надо много воображенія, чтобы находить, съ нѣкоторыми туристами, будто въ этихъ женщинахъ сквозятъ лики божественной Изиды и возлюбившей земное Клеопатры, будто въ тѣлодвиженіяхъ танцовщицъ есть грація и страсть.

Онѣ по временамъ, пребывая въ движеніи, переговариваются между собою, перекликаются съ музыкантами, заунывно и нескладно начинаютъ что-то напѣвать. Плавность и строгая размѣренность пляски у гавази до того совершенны, что онѣ ставятъ, напримѣръ, на голову бутылку съ зажженною свѣчей, кружатся, сложивъ руки на груди, садятся, почти навзничь опрокидываются, держа темя неподвижнымъ, — и пламя едва колеблется,

бутылка даже не наполнится. Кастаньеты съ усыпляющимъ однообразіемъ стучатъ и звенятъ.

Туземный танецъ славится съ глубокой древности. Кажется, еще финикіяне завезли его въ Испанію.

Не знаешь, какому дню отдавать предпочтеніе, — до того проникнутъ каждой своеобразно-однозвучною красотой. Утро-ли пробуждается, — свѣжій, хрустально-чистый воздухъ все вокругъ дѣлаетъ удивительно явственнымъ и близкимъ. Къ полудню на окрестности уже нѣтъ никакихъ красокъ. Она залита ослѣпительно-бѣлымъ свѣтомъ. Ищешь тѣни, чувствуешь легкую истому, и подъ шумъ разсѣкаемой пароходомъ воды, въ какомъ-то полуснѣ слѣдишь за бѣгущими мимо берегами. Какъ только завечерѣетъ, — опять у всего являются краски, точно онѣ рождаются умирающимъ солнцемъ, олещутъ его наслѣдіемъ, необходимы покидаемой имъ и засыпающей землѣ. Багряные отблески вспыхиваютъ на горахъ. Сѣрый цвѣтъ ихъ склоновъ съ краснымъ оттѣнкомъ гранитныхъ глыбъ, темножелтая пустыня, зелень культурной обработанной полосы, синева рѣки, — все это причудливо гармонируетъ, сочетаясь въ одно цѣлое, не поддающееся описанію. Понятно, что съ исчезновеніемъ дневнаго свѣтила, унылая мгла застилаетъ осиротѣлый небосклонъ, — но она — въ силѣ лишь нѣсколько минутъ: затѣмъ откуда-то розовое нѣжное сіяніе разливается повсюду, окрашиваетъ и небо и землю, какъ-бы доноситъ отъ солнца чарующій прощальный привѣтъ. Или, быть можетъ, это начинаетъ говорить съ Богомъ на своемъ краснорѣчивомъ языкѣ выжженная палящими лучами, обыкновенно безмолвная, безбрежно раскинувшаяся степь?

ѲИВЫ.

Суббота, 17 (29) ноября.

ихими мечтаніями проносятся дни на Нилѣ. Чѣмъ дальше подвигаешься на югъ, тѣмъ неожиданнѣе являются особенности верхне-египетской природы, очертанія древнихъ сооруженій, отблески и отзвуки погибшей культуры.

Эта культура ясно говоритъ о себѣ повсюду, гдѣ нѣкогда находились религіозно-политическіе центры и знаменитая столица туземнаго государства, — въ эпоху его наивысшаго разцвѣта, — при XVIII и XIX династіяхъ, когда египетскіе цари, жрецы и художники являлись представителями болѣе или менѣе образованнаго западнаго міра и въ рукахъ своихъ держали, отчасти, жизнь и смерть смежнаго азіатскаго Востока. Отъ мановенія фараонова бича зависѣло существованіе тамошнихъ владыкъ и народовъ, отъ служителей принильскаго пантеона зависѣла степень терпимости къ иноплеменнымъ религіямъ, отъ мѣстныхъ архитекторовъ, скульпторовъ и поэтовъ зависѣло увѣковѣчить или предать забвенію отголоски чужой культуры. Поскольку на Египтѣ отражался заграничный строй, постольку страна и созданія ея духа достойны глубокаго и разносторонняго вниманія. Вездѣ же, гдѣ замѣчается одинъ узко-неразумный и грубый націонализмъ, это тотчасъ умаляетъ значеніе самихъ памятниковъ.

Яхта хедива, отданная въ распоряженіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ, для слѣдованія вверхъ по Нилу, подошла къ живописному побережью Луксора, съ его уцѣлѣвшей еще массивной колоннадой, лѣпящимися вокругъ бѣлыми домиками, минаретами, какъ-то странно выдѣляющимися среди остатковъ ненавистнаго исламу язычества, и обелискомъ, который какъ-бы выглядываетъ изъ-за высокихъ разрушающихся стѣнъ сосѣдняго святилища. Послѣднее еще недавно было занято туземцами подъ жилье и первоначальную арабскую школу; но теперь, заботами и настояніями дирекціи Гизэсскаго музея, разчищено, освобождено отъ нежелательныхъ обитателей и, по мѣрѣ возможности, поставлено въ благопріятныя условія.

Луксоръ.

П[illegible]нія «Ѳивы» получили наименованіе отъ классическихъ писателей, во всемъ отыскивавшихъ свои эллинскія названія, тогда какъ въ дѣйствительности городъ слылъ у египтянъ за «Апу» («престолы кумировъ»), съ приставкой «т» впереди. Классическіе писатели изъ этого сдѣлали Θῆβαι, а мусульмане возводя постройки среди запустѣлаго чертога невѣдомыхъ боговъ, назвали ихъ «эль-Кусуръ» (за́мки); изъ этого слова впослѣдствіе получилось «Луксоръ». И [illegible] потомство пришло вить убогое, неопрятное гнѣздо. Отсюда египтологи сочли себя призванными выдворить пришельцевъ.

Здѣсь — первая продолжительная остановка Августѣйшихъ путешественниковъ въ Верхнемъ Египтѣ, съ цѣлью непосредственно-близкаго ознакомленія съ мѣстными древностями: нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ двухъ шагахъ отъ пароходной пристани. Сто́итъ покинуть ее и перейти къ гранитнымъ столбамъ, подпи[illegible] сооруженіе, — и сразу чувствуешь себя унесеннымъ въ легендарную область. Забываешь время, когда живешь. На яву осязаешь то, что издали казалось несбыточно-страннымъ и таинственнымъ. Камни сберегли, въ теченіе тысячелѣтій, безсмертное повѣствованіе о

минувшихъ дняхъ, вѣрованіяхъ, подвигахъ. Прошедшее встаетъ передъ нами, каменною стѣной отдѣляетъ насъ отъ текущаго вѣка, по своему учитъ, по своему волнуетъ изумленную мечту.

Царь Аменхотепъ III (1500 лѣтъ до Р. Х.) разукрасилъ осматриваемое Великими Князьями святилище. Давняя старина связана съ именемъ этого фараона, — такая давняя, что просто не вѣрится, была-ли она взаправду, какъ мы ее себѣ представляемъ, не тѣшится-ли нашъ умъ безплодными догадками о ней, если даже вчерашнія событія не вполнѣ ясны. А намъ еще говорятъ, что храмъ существовалъ здѣсь и ранѣе, въ еще болѣе отдаленномъ періодѣ, а позже (3400 лѣтъ до нашего времени) только подвергся обновленію. Надо, какъ говорятъ египтологи, перелетѣть мыслью за грань пятаго тысячелѣтія до насъ, чтобы остановиться на эпохѣ зарожденія основной Ѳиванской кумирни.

Она собственно расположена немного ниже побережья. Для посѣщенія ея приходится спуститься нѣсколько шаговъ, что отчасти придаетъ впечатлѣніямъ особую характерность и причудливость. Такъ и кажется, что стоишь передъ огромной открытой могилой, которую забыли или не хотятъ засыпать землей. Незримо присутствующіе мертвецы какъ-будто боятся навсегда взять съ собою довѣренное имъ духовное сокровище, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не умѣютъ его передать потомкамъ.

Вокругъ центра кумирни, своего рода «святаго святыхъ», — недоступнаго толпѣ, — постепенно, вѣками, выростали смежные величественные покои. Августѣйшихъ путешественниковъ вводятъ въ одинъ изъ нихъ, съ глубокомысленными начертаніями на стѣнахъ. Тутъ изображено, напримѣръ, появленіе на свѣтъ фараона Аменхотепа. Молодыя и красивыя богини, по имени Хаторъ, въ качествѣ добрыхъ фей притекли къ новорожденному и съ улыбкой поддерживаютъ ослабѣвшую царицу-мать Маутемуа, а надъ ея сыномъ изрекаютъ вѣщія предсказанія. На стѣнѣ изображено двое младенцевъ: втораго держатъ на рукахъ, непосредственно за первымъ. Въ этомъ есть сокровенный смыслъ. Древніе египтяне усматривали въ каждомъ человѣкѣ существованіе таинственнаго принципа «ка». Когда тѣло умирало, — «ка» оставался неприкосновеннымъ, переселившись въ какую-нибудь статую или картину, тождественную съ внѣшностью покойнаго. Послѣднія замуровывались близь него въ его вѣчномъ жилищѣ. Даже если мумія уничтожалась, — «ка» все еще могъ существовать.

Личность фараона слишкомъ выдавалась надъ прочими смертными, чтобы его «ка» не представило крайняго интереса. Здѣсь, въ Луксорѣ, мы убѣждаемся въ этомъ, глядя на рожденіе Аменхотепа. «Ка» матери наклоняется надъ нимъ и надъ царицей, навѣваетъ на нихъ благополучіе. Ребенокъ и его спутникъ «ка» нарисованы, въ разные моменты: то вскармливаемыми «божественной коровой» (также богиней Хаторъ), то вписываемыми въ книгу царей богинею знанія Сафекхъ, то поклоняющимися верховнымъ божествамъ и т. д.

Ихъ Высочества углубляются въ развалины. Въ одномъ мѣстѣ показываютъ слѣды христіанской церкви, приблизительно VI столѣтія, когда въ Ѳиваидѣ коренилась вѣра, обновившая языческій міръ. Лики угодниковъ Божьихъ, съ сіяньемъ у чела, не вполнѣ стерлись: сквозь обваливающуюся около нихъ штукатурку какъ-то призрачно выглядываютъ древне-египетскіе объекты культа, съ ихъ неестественной символической внѣшностью и мудреными названіями. У прежняго алтаря ясно темнѣютъ остатки византійской живописи — полустертые всадники, бархатъ чьей-то обуви, наконецъ обрывки греческихъ надписей.

Выходъ изъ Луксорскаго святилища пока еще недостаточно очищенъ отъ мусора и печальныхъ обломковъ. Вотъ та часть сооруженія, которую воздвигалъ фараонъ Рамзесъ

У МОГИЛЫ ПРОШЕДШАГО.

Великій. Начертаны: онъ самъ, — гигантскаго размѣра, — на колесницѣ, попирающій враговъ, или же на престолѣ, принимающій поклоненіе побѣжденныхъ и плѣнныхъ. Если [illegible] можно различить военный станъ [illegible] кругомъ [illegible] копьями, наказаніе провинившихся солдатъ, лагерный обозъ, ряды пѣхоты.

Знаменитый пѣвецъ этой славной эпохи, Пентауръ, превознесъ въ плавной и яркой рѣчи мощь своего царя. Поэма была оцѣнена по достоинству. Ее издали иллюстрированной, какъ умѣли издавать только знатоки и творцы всего грандіознаго, т. е. врѣзали въ камень на громадныхъ стѣнахъ святилищъ, и притомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ (между прочимъ, и въ Луксорѣ).

Царскія гранитныя изваянія, въ 7 саженъ высоты, наполовину засыпаны прахомъ. Подлѣ нихъ подымаетъ непокорную вершину современный имъ розоватаго цвѣта обелискъ. Мечеть придвинулась сюда же въ черту языческаго храма. Любопытныя феллахскія женщины и дѣти скучились между построекъ, среди которыхъ чередовались разнообразные купола.

Приготовлены ослики, чтобы ѣхать въ близъ лежащій Карнакъ, главнѣйшую достопримѣчательность Ѳивъ. Дорога ведетъ по мѣстности, нѣкогда сплошь занятой дворцами владыкъ Египта, домами вліятельнаго жречества, именитыхъ горожанъ и купцовъ, сбиравшихся въ крайне многолюдную столицу изъ всѣхъ прилегающихъ странъ и отдаленныхъ центровъ торговли. Караваны приходили изъ внутренней Африки, съ береговъ Средиземнаго и Краснаго морей. Городъ, окрѣпшій и развившійся въ дни борьбы за независимость отъ ига гиксосовъ, впослѣдствіе достигъ блестящаго и цвѣтущаго состоянія. Но и ему насталъ конецъ, и его подкосила смерть.

Странное чувство шевелится въ душѣ при посѣщеніи стараго пепелища наслаждавшихся здѣсь жизнью народовъ. И сегодня жаркій чудный день, какой зимою мыслимъ только въ Верхнемъ Египтѣ. Твердь улыбается. Лѣнивая струя вѣтерка едва рябитъ поверхность Нила и не въ силахъ освѣжить утомленныхъ деревень. Кругомъ видны слѣды упорной земледѣльческой культуры. Стоитъ взглянуть на полунагихъ трудящихся поселянъ, чтобы понять преемственную передачу имъ, — отъ фараоновыхъ подданныхъ, — и терпѣнія безъ границъ, и слѣпаго довольства судьбою, и сознанія неразрывно-глубокой связи прінильскаго крестьянина съ питающей его тучной почвою. А все-таки чего-то нѣтъ для возврата утерянныхъ благъ. Бездна зіяетъ между прошедшимъ и настоящимъ... Впрочемъ, — вотъ и самый хаосъ сооруженій, куда направляется нашъ путь.

Вездѣ слѣды унылаго разрушенья. Какая-то терасса сползла въ полуобвалившійся залъ. Лучъ солнца проникъ въ сопротивлявшійся уголокъ храма. Непокорная пальма выросла среди обломковъ, олицетворяя торжество природы среди области смерти.

Идешь по Карнакскому святилищу — камни заслоняютъ дорогу: грозящая обвалиться арка наклонилась надъ нею, колоколообразный орнаментъ уцѣлѣлъ еще на массивныхъ столбахъ. Такъ вотъ эта гигантская каменная лѣтопись древняго Египта, гдѣ онъ отражается весь, вѣками своего разцвѣта, могущества и славы! Прахъ и безмолвіе наложили печать на развалины. Чѣмъ же онѣ были и что онѣ собою представляютъ для себя? Дымъ куреній разсѣялся, и въ суровой наготѣ сѣрѣютъ обступающія насъ стѣны. Мы входимъ за нихъ словно очарованную грань, и какъ-то долго не можешь сообразить, куда именно зашелъ, что это за фигуры врѣзаны въ колонны, какой міръ воскресаетъ вокругъ и просится въ душу съ высоты гранитныхъ глыбъ.

Лучшія времена Өивъ, ставшихъ политическимъ центромъ страны, тѣсно связаны съ каждою постройкой въ чертѣ здѣшняго цикла храмовъ и памятниковъ. Непобѣдимые фараоны приказали врѣзать въ камень, на раздумье потомству, названіе странъ и городовъ, куда геній побѣдъ заводилъ египетскія войска. Историческая географія прямо обогащается, когда вчитываешься въ рядъ извѣстныхъ еще по Библіи именъ, узнаешь про паденіе Дамаска, Яффы, Бейрута, Тира, Вавилона и другихъ важныхъ пунктовъ, про уведеніе въ полонъ сирійскихъ племенъ, лишеніе власти многихъ царьковъ и повелителей, разграбленіе пышныхъ восточныхъ сокровищницъ, однимъ словомъ, пріобщеніе себѣ всего того, чѣмъ иноземная культура была значительно выше принильской, имѣя болѣе развитой матеріальный бытъ, съ такими утонченными проявленіями цивилизаціи, какія не снились Өиванскимъ владыкамъ. Это разжигало ихъ корысть и воинственный пылъ, влекло въ бой за ними десятки тысячъ послушнаго народа. Затѣмъ, здѣсь, въ сторонѣ отъ опасныхъ границъ и вдали отъ арены борьбы, фараонъ за фараономъ (въ теченіе семидесяти царствованій и при пятидесяти поколѣніяхъ) постепенно создавали и расширяли кругъ святилищъ, такъ что послѣднія въ концѣ концевъ заняли пространство въ нѣсколько квадратныхъ верстъ.

За то печально глядятъ со стѣнъ высѣченныя въ нихъ изображенія сотенъ плѣнныхъ со щитами на груди, на которыхъ отмѣчены названія ихъ преданныхъ разграбленію родныхъ городовъ. Одинъ Рамзесъ III подарилъ египетскому жречеству, для храмовъ, сотни угодій, сотни тысячъ головъ скота и всякой живности, милліоны мѣшковъ хлѣба и 113,433 рабовъ, въ томъ числѣ сирійскихъ князей и негритянскихъ вождей. Рабы распредѣлялись по роду занятій, составляя, вмѣстѣ съ туземцами, — крѣпостными монастырей, — стражу, купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ, землепашцевъ, скотоводовъ, охотниковъ, рыбаковъ, лодочниковъ и т. д.

Подъѣзжая къ Карнаку, удивляешься тому, насколько тутъ свирѣпствовало разрушеніе, какъ уничтожались удивительныя зданія. Но вѣдь это — область, посвященная богу Амону («сокровенному»)?! Такъ и кажется, что когда пришли истребители, онъ самъ не захотѣлъ допустить до своихъ чертоговъ кощунственную орду и сталъ метать въ нее обломки величественныхъ колоннъ, статуй, обелисковъ. Жилище титановъ должно было оставаться неприкосновеннымъ, — и что же! люди-пигмеи, въ ослѣпленіи своихъ мелкихъ страстей, проникли всетаки сюда, поколебали горделивые своды, подъ которыми уживались многосаженные столбы и легко помѣщался любой отдѣлъ, размѣрами значительно превосходящій поверхность, занимаемую соборомъ Богородицы въ Парижѣ.

Передъ нами развертывается знаменитый залъ въ 134 столба, подпиравшихъ массивнѣйшую крышу. Надъ головою нѣтъ достаточно воздуха, нѣтъ неба, чтобы высота сооруженія стушевывалась сравнительно съ неизмѣримостью послѣднихъ. Толщина колоннъ очень значительна: развѣ только человѣкъ шесть могутъ охватить каждую! Здѣсь собственно — цѣлый густой лѣсъ стройныхъ глыбъ, отдаленный намекъ на причудливость тропической растительности. Промежутки между ними весьма малы и потому, мѣстами, разливается извѣстнаго рода таинственность полумрака. Кто-то нарисованъ на нихъ, краски еще не поблекли, число фигуръ все множится и множится по мѣрѣ того, какъ всматриваешься, и доводитъ до головокруженія. Да, говоришь себѣ: архитектура едва-ли не величайшее изъ искусствъ, когда она сочетается съ ваяніемъ и живописью, заставляя камни проникаться жизненнымъ трепетомъ. Зазвучи въ такой обстановкѣ музыка, и духъ нашъ отрѣшится отъ скудной и блѣдной земли! . .

Августѣйшіе путешественники и лица свиты садятся, гдѣ кому придется, отдохнуть среди развалинъ, отмѣченныхъ вѣчностью. Кругомъ тянутся какъ-бы аллеи и только начертанія, этажами восходящія по столбамъ, мѣшаютъ этой вполнѣ естественной иллюзіи. Впереди изящными линіями выдѣляется несверженный, подобно собратьямъ, громадный обелискъ. Онъ когда-то сіялъ отъ позолоты, добытой въ славныхъ походахъ, но теперь утратилъ ее, словно тяготится одиночествомъ и дряхлостью. Легенда гласитъ, что этотъ гранитный памятникъ, вѣсящій болѣе 20,000 пудовъ, привезенъ изъ каменоломенъ при Ассуанѣ (дальше на югѣ), и доставка его, вмѣстѣ съ извлеченіемъ на свѣтъ, потребовала лишь семи мѣсяцевъ. Послѣднее обстоятельство — просто чудо. Но и сооруженіе обелисковъ было необходимостью: на верхушкѣ ихъ медлило и отдыхало дневное свѣтило. Они своею тѣнью на пескѣ измѣряли шаги «бога-солнца!» . . .

КАРНАКЪ

Фараонъ, сынъ и олицетвореніе божественнаго свѣтила, конечно, воздвигалъ въ честь небеснаго отца легкую на видъ и тонкую пирамиду, съ вершиною, заостренною для воспріятія лучей, причемъ надпись свидѣтельствовала о томъ, какъ царь — источникъ теплоты, — оживляетъ сердца народа. Въ данномъ случаѣ щедро созидалъ не царь, а царица Хатшепсу, одна изъ оригинальнѣйшихъ женщинъ древняго міра. Она приказывала изображать себя мужчиной, съ бородой, — по мужски властвовала, думала, чувствовала. Лѣтопись приниильскаго народа въ лицѣ ея знаетъ свою царевну Софію, такую же энергичную, непокорную, желавшую править безъ братьевъ. Старшій — мягкій и уступчивый еще мирился съ этимъ. Второй, величайшій изъ всѣхъ фараоновъ, смелъ со своего пути честолюбивую сестру.

Вызванный ею къ бытію четырнадцатисаженный обелискъ по прежнему стремится главою въ недосягаемое небо и озираетъ просторъ упраздненныхъ алтарей, съ окаменѣлыми молитвословіями фараоновъ. Такое опредѣленіе, въ сущности, совершенно подходитъ къ тому, что есть. Рѣдко — гдѣ не видишь изсѣченныхъ на памятникѣ владыкъ Египта приносящими жертвы богамъ, для полученія отъ нихъ многихъ благъ и успѣховъ.

Странное творчество донынѣ еще не вполнѣ разгаданной культуры! Ея прошедшее подобно остаткамъ мѣстнаго зодчества: съ одной стороны все какъ-будто — напоказъ, ясно, плоско, до мертвенности недвижно; но чуть вдумаешься, и за всякою монотонною чертой таится и слышится иное высшее значеніе. Изъ-за тысячелѣтій подаютъ о себѣ

[illegible]сть (и притомъ съ помощью іероглифовъ, которые темны для непосвященныхъ) сами себя обожествившіе люди, внѣ видимаго міра чего-то ищущіе, на что-то уповающіе, обманутые рокомъ и призраками грядущаго. Положимъ, извѣстно, что они же, на высотѣ могущества, при побѣдахъ, были только звѣри, и больше ничего. Плѣнные именитые враги приводились сюда, въ Өивы, на чужбину, исключительно для того, чтобы быть пригвожденными къ стѣнамъ святилищъ, на потѣху и страхъ всѣмъ, — и своимъ, и инородцамъ, которые стекутся смотрѣть на страдальцевъ. Эти мстительныя тѣни налагаютъ и доселѣ позорное клеймо на фараоновъ-побѣдителей, но все же, рядомъ съ тѣмъ, невольно спрашиваешь себя: отчего они сдѣлались и стали такими великими, отчего намъ точно чего-то недостаетъ передъ ними? Правда, мы меньше цѣнимъ переживаемыя мгновенья, а они цѣнили!

Напримѣръ, вотъ длинный внѣшній фасадъ одного святилища, исписанный данными о подвигахъ, никому теперь не нужныхъ и всетаки сохранившихся незабвенными. Тотъ Сети, котораго изсохшее тѣло лежитъ въ Гизэсскомъ музеѣ, здѣсь изображенъ грознымъ и неотразимымъ: онъ правитъ двуконною колесницею, переступаетъ свою укрѣпленную восточную границу, сокрушаетъ иноземцевъ, строитъ новыя крѣпости въ завоеванныхъ краяхъ, повелѣваетъ срубать ливанскіе кедры для бѣднаго лѣсомъ Египта, въ качествѣ трофеевъ влечетъ домой отрубленныя головы и длани непріятелей. . .

Въ одномъ мѣстѣ царь сошелъ со своей боевой колесницы. Отданъ приказъ готовить матеріалъ для судостроенія. Деревья густолиственны и стройны. Лица азіятовъ характерны. Дальше картина рѣзко мѣняется. Сети опять на колесницѣ: подъ нею — павшіе враги. Имена фараоновыхъ коней высѣчены надъ ними. Властитель съ Нила разгнѣванъ противъ иноземцевъ, какъ потревоженный левъ; они гибнутъ, затопляемые въ крови; повсюду — смятеніе. Большинство побѣжденныхъ пронизывается стрѣлами. Какой-то несчастный простеръ руки, моля о пощадѣ. Но изъ надписи извѣстно, что щадится лишь по человѣку на каждыя десять тысячъ, чтобы эти счастливцы разнесли единоплеменникамъ вѣсть о силѣ египетскаго повелителя.

Осаждаются твердыни. Дѣйствіе происходитъ у рѣки Тигра въ халдейской землѣ. Туземцы изображены не по обыкновенію — въ профиль, а en face; они испуганно прячутся въ чащу. Побѣдитель и противники сталкиваются на повозкахъ. Верхняя часть стѣны обвалилась и потому отпали головы его самого и его скачущей лошади, но мощныя длани тянутся впередъ, низвергаютъ сразу двухъ враговъ и затѣмъ стрѣляютъ изъ лука въ нападающихъ всадниковъ.

На полуразрушенной оградѣ можно еще различить царя, собственноручно вяжущаго плѣнныхъ или ведущаго ихъ за своею колесницей. Они шествуютъ рядами. Гдѣ-то наверху видна толпа покоренныхъ, влекомая фараономъ на веревкѣ. Тутъ же выдѣляются фигуры покровительствовавшей Өивамъ тріады боговъ: Амона, Мутъ («мать») и Хунсу (первый съ перьями на челѣ, вторая съ ястребомъ, третій — ихъ дѣтище — съ луннымъ серпомъ). Имъ, должно быть, сладостно созерцаніе измученныхъ невѣрныхъ, — тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ подносятся (въ начертаніяхъ) золотые, серебряные и малахитовые сосуды.

По близости взоры приковываются замѣчательною картиной возвращенія изъ похода. Кони горячатся передъ легкою колесницей, на которой возсѣдаетъ самъ владыка и лежатъ отрубленныя головы недруговъ. Его путь пролегаетъ у египетской границы черезъ наполненный крокодилами каналъ, существовавшій до Суэзскаго сооруженія, три тысячи триста пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Каналъ здѣсь названъ «Та-Тенатъ» («прорѣзъ»). Онъ соединялся

съ Ниломъ и давалъ доступъ отъ моря къ морю. На противоположномъ берегу этой узкой водной полосы фараона ожидаютъ жрецы съ цвѣтами, восхваляя торжество побѣдителя; женщины подняли руки къ небу, встрѣчая дорогое войско.

У входа во внутренность святилища съ двухъ сторонъ высятся огромныя одинаковыя изображенія: богъ Амонъ передаетъ Сети оружіе и ряды связанныхъ иноплеменниковъ, пока послѣдній избиваетъ группу такихъ же лицъ, ухвативши ихъ всѣхъ вмѣстѣ за волосы. Въ другомъ мѣстѣ подобнымъ же образомъ начертанъ царь Шишакъ, завладѣвшій Іерусалимомъ при сынѣ Соломона и унесшій сокровища храма.

Чѣмъ больше вглядываешься, тѣмъ грубѣе дѣйствуетъ монотонность наивныхъ описаній. А наивность порою простирается до крайняго предѣла. Напримѣръ, пастухъ пасетъ стадо во вражеской землѣ. Вдругъ является повелитель Египта. Безоружный поселянинъ пораженъ ужасомъ, рогатый же скотъ устремляется въ бѣгство. Нападающіе владыки всегда большихъ размѣровъ, а побѣждаемые сравнительно очень малы ростомъ.

Все вокругъ безконечно и бездушно гласитъ о томъ, что могло быть утѣхой и поученіемъ для полудикарей, но давнымъ давно отжило и должно быстро пресытить вниманіе посѣтителей съ инымъ міровоззрѣніемъ. Однако это прошедшее тѣмъ не менѣе обступаетъ здѣсь чужеземцевъ на каждомъ шагу, и, обходя развалины, нельзя воздержаться отъ иныхъ археологическихъ комментаріевъ. Какъ умолчать хотя-бы о старѣйшемъ международномъ договорѣ, высѣченномъ на южномъ фасадѣ Амонова святилища! Рѣчь идетъ о мирѣ и объ оборонительно-наступательномъ союзѣ, заключенномъ при царѣ Рамзесѣ II (за 3000 слишкомъ лѣтъ до насъ) съ вождемъ хиттитовъ на востокѣ. Они клянутся, — призывая въ свидѣтели не только свои божества, но и мѣстныя горы, рѣки, вѣтеръ и облака, — что сохранятъ въ цѣлости данныя другъ другу обѣщанія: прекратить вражду, помогать въ бѣдѣ, изъ-за согласной жизни выдавать даже бѣглыхъ преступниковъ! Вотъ, откуда, значитъ, надо уже слѣдить за развитіемъ вопроса объ экстрадиціи.

Каждое божество названной тріады имѣло въ Карнакѣ свой храмъ, но уживалось, впрочемъ, и съ другими занесенными сюда богами и богинями. Въ эту мѣстность проникали свирѣпо настроенные, неотразимые въ наступленіи ассирійцы, потомъ эфіопы и персы; но святилища поколеблены до основанія не ими, не полуварварами: нѣтъ, здѣсь эллинскою рукою безжалостно истреблялись (при подавленіи возстанія, когда правилъ Птоломей X, около ста лѣтъ до Р. Хр.) памятники, любовно взлелѣянные вереницею славныхъ фараоновъ. Горожане въ то время оборонялись въ кумирняхъ, точно въ крѣпостяхъ.

Одиноко поднимаются, нѣсколько поодаль, величественныя врата. За ними опять пустырь и обломки. Небольшое озеро сиротливо виднѣется въ сторонѣ: на немъ когда-то качалась золотая барка Амона.

Каменистою тропой направляешься обратно на Нилъ, къ яхтамъ. Встарь туда вела изъ Карнака цѣлая аллея 1000 сфинксовъ. Теперь безформенно виднѣются здѣсь и тамъ, на дорогѣ Августѣйшихъ путешественниковъ, изображенія богини съ головой кошки или львицы. Статуи изуродованы, наполовину повалены, придаютъ окрестному унынію еще болѣе грустный отпечатокъ.

Ихъ Высочества вернулись на яхту. Толпа начинаетъ рѣдѣть вдоль побережья. Близко къ вечеру. Колокольный звонъ съ тихимъ призывомъ несется изъ католической церкви Луксора, находящейся при маленькомъ францисканскомъ монастырѣ. Два нищіе

съ виду туземца поливаютъ то, что, съ нѣкоторымъ неправдоподобіемъ, можно называть мѣстною мостовою: узенькое пространство между руинами и рѣкой. Поливка происходитъ изъ черныхъ козлиныхъ мѣховъ, которые, будучи наполненными, похожи на живыхъ тварей.

Всматриваешься въ эту незатѣйливую дѣйствительность, служащую звеномъ между нами и царственнымъ наслѣдіемъ фараоновъ, теряешься во множествѣ навѣянныхъ имъ мыслей и мечтаній, уносишься въ глубь вѣковъ, — и снова чувствуешь себя передъ гранитными столбами Аменхотепова и Рамзесова святилища. Не оживится-ли по прежнему Нилъ сотнями судовъ, подвозившихъ къ Ѳивамъ сокровища Юга и Востока? Не появятся-ли изъ пустыни запыленно-усталые караваны, привозившіе золото и драгоцѣнные камни изъ тамошнихъ копей?

КАРНАКЪ.

Нѣтъ. Взамѣнъ этого на водной поверхности уродливо вырисовывается узкій двухъэтажный пароходъ предпріимчивой компаніи Кукъ, развозящей иностранцевъ-туристовъ, которые съ лихорадочною быстротой обозрѣваютъ Верхній Египетъ. Въ бинокль можно разглядѣть, какъ отъ Ливійской гряды ѣдутъ по направленію къ Луксору какіе-то туземцы, погоняя своихъ навьюченныхъ осликовъ. Это, какъ весьма можетъ статься — спеціалисты по тщательной поддѣлкѣ различныхъ древностей, скрывающіеся вдали отъ зоркаго преслѣдованія мѣстныхъ чиновниковъ, которымъ предписано наблюдать, нѣтъ-ли между фальсификаціей и подлинныхъ вещей, уворованныхъ изъ иной неизвѣстной египтологамъ гробницы.

Заходящее солнце, освѣщая дальніе предметы, словно опутываетъ ихъ тонкою свѣтлою паутиною, набрасываетъ на нихъ прозрачное золотистое покрывало. Вотъ и дневное свѣтило ушло, и все кругомъ приняло какой-то мертвенно-сѣрый оттѣнокъ. Только слабый отблескъ тянется полоскою на томъ мѣстѣ, гдѣ закатилось солнце. Вдругъ, точно завѣса отдергивается у западнаго небосклона, точно кратеръ открывается вдали: окрестность окрашивается въ багровый цвѣтъ. Спокойное и подобное морю зеленоватое небо понемногу наполняется цѣлою гурьбою пламенѣющихъ облачковъ, подъ балдахиномъ такого-же цвѣта — и затѣмъ столь-же внезапно картина тускнѣетъ, начинавшій разгораться песокъ холодѣетъ, легкіе туманы поднимаются и ростутъ за купами пальмъ и феллахскимъ жильемъ. Природа точно два раза борется со мракомъ, прежде чѣмъ ему уступить, прежде чѣмъ всецѣло погрузиться въ него.

Совсѣмъ темнѣетъ. Легкій голубоватый туманъ крадется за Ниломъ по равнинѣ къ чернымъ рѣзко очерченнымъ скаламъ. Мѣсяцъ тихо всплываетъ изъ-за горъ, озаряетъ

[illegible] безлюдное пространство, обозначаетъ свѣтлыми точками дрожащую полосу рѣки. Звѣзды разгораются ярче и ярче. Млечный путь сверкаетъ какъ-то ласковѣе и таинственнѣе. Ни звука, ни движенія вокругъ: одинъ торжественный, безграничный покой!

Воскресенье, 18 (30) ноября

На большемъ пространствѣ, по обоимъ берегамъ Нила, разбросаны памятники развалины и останки «стовратныхъ» Ѳивъ. Нужно много времени, чтобы внимате[illegible] осмотрѣть ихъ. Цѣлая литература объ Египтѣ недостаточно еще проливаетъ свѣта н[illegible] [illegible]щіяся до нихъ подробности. Изъ всего величественнаго, громаднаго, когда-т[illegible] священнаго и даже прекраснаго, чѣмъ окруженъ иностранецъ, вглядывающійся въ древн[illegible] [illegible]туземную культуру, «долина смерти» (на противуположной сторонѣ отъ деревни Луксора), такъ-называемыя «Бибанъ-эль-мулукъ» («царскія врата») производятъ едва-ли не сам[illegible] глубокое впечатлѣніе и лицемъ къ лицу ставятъ съ тѣми существеннѣйшими религіозно-философскими вопросами, которые нѣкогда уяснялъ себѣ и во имя которыхъ жилъ египтянинъ. Зрѣлище это мрачно, своеобразно, таинственно и вмѣстѣ съ тѣмъ прост[illegible]. Здѣсь открывается совершенно новый міръ, говорящій на непонятномъ и въ то же время ясномъ для сердца языкѣ.

Прохладное утро. Окрестности Нила купаются въ мягкомъ свѣтѣ. Мѣстечко Луксоръ, на правомъ восточномъ берегу, — съ пристававшими къ нему придворными пароходами, на которыхъ прибыли въ Ѳивы Августѣйшіе путешественники со свитой, [illegible] болѣе и болѣе отодвигается по направленію къ низкимъ Аравійскимъ горамъ. Для посѣщенія некрополя (знаменитыхъ «фараоновыхъ могилъ») надо переправиться въ лодкахъ на западную сторону.

Гребцы борются съ теченіемъ. Рѣка [illegible] островъ. Мелко и нелегко пристать. Цѣлая гурьба погонщиковъ съ осликами ожидаетъ желанныхъ Гостей на близкомъ уже отъ насъ прибрежномъ обрывѣ. Дальше амфитеатромъ вырисовываются угрюмыя Ливійскія возвышенности. Мы пристаемъ. Въ сторонѣ отъ берега виднѣются какія-то развалины; двѣ глыбы исполинскихъ изваяній выдѣляются въ прозрачномъ воздухѣ среди равнины, простирающейся къ руинамъ. Еще очень рано, но жаркій день вступаетъ въ свои права. Разстояніе до царскихъ гробницъ понуждаетъ къ торопливости. Прежніе владыки стремились подальше отъ столицы найдти и устроить себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

По бокамъ извивающейся дороги, вдоль почти сухаго рва, живописною верен[illegible] бѣгутъ феллахскія дѣвочки съ кувшинами на головахъ. Мы ѣдемъ рысцой. Даже животныя не то спотыкаются, не то вязнутъ въ пескѣ, — но гибкія и проворныя, [illegible] звѣрьки, дѣти Нила не отстаютъ отъ путешественниковъ, зорко слѣдятъ за каждымъ ихъ движеніемъ, держатъ наготовѣ свѣжую воду. Безъ этихъ привѣтливо и лукаво улыбающихся личикъ весь характеръ окружающей мѣстности представлялся бы въ другомъ, менѣе привлекательномъ свѣтѣ. Хорошее настроеніе, впрочемъ, поддерживается симпатичною внѣшностью, бодрымъ шагомъ, а порою и рвеніемъ нашихъ забавно помахивающихъ ушами осликовъ. Иные изъ нихъ отличаются рослостью, въ сравненіи со своими европейскими собратьями, навѣрно дорого стоютъ (цѣна здѣсь на нихъ доходитъ порою до ста фунтовъ стерлинговъ), заботливо подстрижены, и, въ качествѣ украшенья, имѣютъ симметричныя полоски на заднихъ ногахъ.

Горы ближе. Окрестность дѣлается глуше и пустыннѣе. Справа нестройною массою бѣлѣютъ остатки какого-то сооруженія, вродѣ храма. За поясненіями, что это такое, незачѣмъ обращаться къ тексту «путеводителей»: какъ уже сказано, Августѣйшихъ путешественниковъ сопровождаютъ по Нилу два египтолога — Эмиль Бругшъ и В. С. Голенищевъ, давно уже глубоко изучающій культуру страны фараоновъ. Оба эти ученые на каждомъ шагу даютъ рядъ любопытнѣйшихъ указаній. Постоянно возникаетъ вопросъ за вопросомъ, но за то и научные отвѣты немедленно же могутъ быть получены.

Поворачивая своихъ осликовъ къ сѣверу, влѣво, на ходу узнаешь про значеніе, присущее оставляемымъ позади развалинамъ, до сихъ поръ приковывающимъ вниманіе туристовъ. Здѣсь существовало въ древности святилище, въ память царя Сети, извѣстное теперь подъ названіемъ храма въ Курнѣ. Ученый романистъ Эберсъ пишетъ, что при немъ находилась школа, гдѣ тщательно воспитывались, по приказанію упомянутаго фараона, его престолонаслѣдникъ Рамзесъ II (Великій) и всѣ мальчики страны, родившіеся съ нимъ въ одинъ день. Въ числѣ ихъ могъ быть Моисей, хотя такое предположеніе весьма гадательно. Сюда, въ опредѣленное время, приносилось изъ столицы, съ восточнаго берега, изображеніе бога Амона. Торжественная процессія двигалась на западъ къ Нилу и затѣмъ отъ рѣки, по дорогѣ, уставленной давно изчезнувшими сфинксами; главное божество Ѳивъ посѣщало мѣсто, отведенное культу генеалогически ему близкихъ и его же славящихъ туземныхъ владыкъ, особенно способствовавшихъ возвышенію Египта. Кумиръ направлялся жрецами въ самую глубь некрополя, куда лежитъ и нашъ путь. Надо было посѣтить мѣста, гдѣ погребались именитые усопшіе, — подобно миріадамъ солнцъ, навсегда закатившимся въ глазахъ людей, — тоже отошедшіе въ подземное царство для новой жизни. Амонъ, несомый среди Ливійскихъ возвышенностей, какъ-бы чествовалъ померкшія свѣтила, съ которыми сознавалась его мистическая связь. Населеніе, слѣдуя такому же примѣру, научалось благоговѣть передъ близкими по крови мертвецами.

Черезъ угрюмое и узкое ущелье мы въѣзжаемъ въ «долину смерти». Какая разница съ общепринятымъ отношеніемъ къ мавзолеямъ! Вездѣ ими гордятся, выставляютъ ихъ на видъ, а тутъ прячутъ, и притомъ среди мрачной пустыни, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни травы. Такова окружившая насъ мѣстность Бибанъ-эль-мулукъ («врата царей»). Это, впрочемъ, и не удивительно. Нѣкогда египетскіе властители возносили свои посмертныя жилища въ формѣ пирамидъ (могильныхъ горъ). Въ позднѣйшую эпоху, — въ Ѳиваидѣ, гдѣ на западномъ берегу есть горная цѣпь, — найдено было болѣе цѣлесообразнымъ создавать ихъ не надъ землей, а какъ-бы въ ней самой. Ея нѣдра казались удобнѣе для воспріятія и храненія такой великой тайны, какъ мумія фараона.

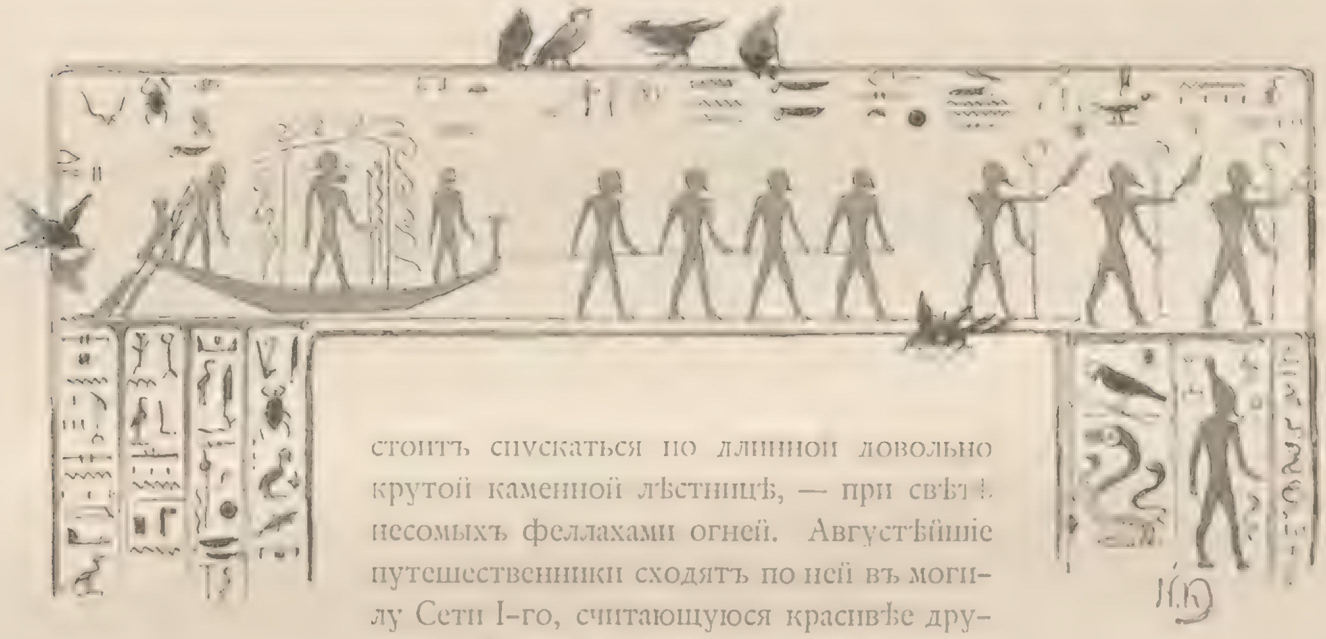
Обнаженныя желтоватыя горы сдвигаются по сторонамъ. Темныя полосы многочисленныхъ извилинъ сползаютъ здѣсь и тамъ къ безплодному подножью. Иные камни такъ черны, какъ будто ихъ спалило безжалостное солнце. Природа тутъ отказалась отъ творчества. Тихо. Даже ослики беззвучно идутъ гуськомъ. Разговоры само собой

ДОЛИНА СМЕРТИ

смолкаютъ. Нигдѣ не вилать ни одного живаго существа. Развѣ въ отлаленьи съ дикой вершины лѣниво поднимется оре . . . .

Несмотря на утро, жаръ разгорается. Дорога раздваивается направо. «Это говорятъ намъ — «тропа къ старѣйшимъ мѣстнымъ гробницамъ». «Да» — припоминаешь вдругъ, выходя изъ невольно охватившаго раздумья: «вѣдь кругомъ все — область мертвыхъ и, если есть въ мірѣ настоящее кладбище, оно именно теперь-то и обступило насъ въ своемъ неотразимомъ величіи. Гдѣ-то за покинутымъ предгорьемъ струится Нилъ. Люди суетно проводятъ часъ за часомъ. Въ погонѣ за мгновеннымъ счастьемъ жадно дышетъ и куда-то стремится вчера родившееся и завтра уже осужденное исчезнуть поколѣніе, — а передъ нами тянется хребетъ, за склонами котораго нѣтъ ничего преходящаго: послѣдній сонъ и ночь, безплотная борьба за идеалъ, потоки немеркнущаго свѣта, наконецъ озаряющаго духъ, вѣчное блаженство въ раю. . .»

Мы останавливаемся у одного «баба» (входа), передъ гробницей за № 17. Каждой изъ нихъ даны нумера заботливымъ англійскимъ изслѣдователемъ Уилькинсономъ. Предстоитъ спускаться по длинной довольно крутой каменной лѣстницѣ, — при свѣтѣ несомыхъ феллахами огней. Августѣйшіе путешественники сходятъ по ней въ могилу Сети I-го, считающуюся красивѣе другихъ. Хотя и знаешь, что ея владѣльца давно ужъ тамъ нѣтъ и онъ спитъ въ Гизэсскомъ музеѣ Каира, подъ занавѣшанною, насколько возможно, витриною; но мысль, что тутъ было и чего ужъ нѣтъ, подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на посѣтителя, перенося его мечты къ далекимъ и туманнымъ временамъ.



Древніе египтяне называли подземное царство «дуатъ» (глубиною). Только посѣтивъ ихъ некрополь, можно убѣдиться, насколько высоко стояли египтяне въ духовномъ отношеніи. Что ни шагъ, — то нежданный образъ и неизгладимое воспоминаніе. Боги, змѣи, муміи, чудовища, небожители и грѣшники, — все это встаетъ въ нетлѣнныхъ начертаніяхъ со стѣнъ и потолковъ по сторонамъ, причудливо чередуется и послѣдовательно уясняетъ психическіе процессы, совершавшіеся въ усопшихъ за гранью земнаго бытія.

Не одна фантазія создавала эти странныя сочетанія силъ добра и зла. Теряющееся во мракѣ вѣковъ міросозерцаніе, должно быть, сложило эти представленія въ связное цѣлое, безъ сомнѣнія черпая при этомъ изъ забытой нынѣ дѣйствительности. Время передало ихъ въ наслѣдіе позднѣйшимъ народамъ въ искаженной уже формѣ.

Доисторическая старина смотритъ на насъ отовсюду своимъ пристально-мутнымъ взоромъ. Въ данную минуту, теоретически подготовившись къ посѣщенію гробницы, еще

отдаешь себѣ нѣкоторый отчетъ въ ея происхожденіи и значеніи, а спрашиваешься: что чувствовалъ открывшій гробницу Сети въ 1817 г. неустрашимый изслѣдователь — путешественникъ Бельцони, впервые проникнувшій къ этимъ недоступнымъ для солнца письменамъ и встрѣтившій здѣсь холодную загадочность гіероглифовъ?

Августѣйшіе путешественники все дальше и глубже спускаются въ царственную могилу. Неровно вспыхиваютъ и случайно освѣщаютъ ее несомые впереди огни. Ступени въ скалѣ безконечно тянутся къ безднѣ. Не только жарко, но даже душно. Ощущаешь, какъ-будто что-то громадное, вполнѣ чуждое, тяжелое наклоняется надъ нами и давитъ въ своихъ бездушныхъ объятіяхъ. Дойдя до высокаго зала съ неуклюжими толстыми столбами, узнаешь, что ниже еще обрывъ, съ чувствомъ отвращенія видишь, какъ сверху срываются и съ пискомъ рѣютъ летучія мыши. Грустно. Сердце стѣснено. Нѣтъ движенія, воздуха, простора для мысли и грезы.

Разъ уже посѣтители находятся въ этомъ заколдованномъ мірѣ давнымъ давно созданныхъ религіозныхъ представленій и условныхъ формулъ, надо съ нимъ, хотя вскользь, ознакомиться и, по крайней мѣрѣ здѣсь, среди сгущающейся тьмы, отчасти уразумѣть значеніе египетскаго прошедшаго.

До чего, однако, оно фантастично и неопредѣленно! Египтологи живою рѣчью передаютъ Августѣйшимъ путешественникамъ то, что иначе въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ пришлось бы искать въ ученыхъ сочиненіяхъ. Слушаешь и, такъ сказать, осязаешь эту быль, а всетаки она, благодаря обстановкѣ, похожа на мудреную диковинную сказку.

Солнце зашло. Фараонъ скончался. Явленія тождественны. Но вѣдь отошедшихъ въ другую жизнь, вступившихъ «на западѣ» въ лоно мрака ожидаетъ тамъ рядъ встрѣчъ, борьба въ пути, достиженіе свѣтлой цѣли? Согласно священному обычаю, картины такого посмертнаго блужданія изображены въ царской гробницѣ и удивляютъ насъ до сихъ поръ отчетливостью и правильностью линій, характерностью окраски.

Всматриваясь въ то, что нарисовано на стѣнахъ, лишь смутно вникаешь въ сокровенное значеніе каждаго символа, каждаго начертанія. Конечно, это — могила могущественнаго владыки, съ ореоломъ миѳическаго существа. Тутъ все дышетъ таинственностью, должно и устрашать, и пояснять загадки бытія; тѣмъ не менѣе чрезмѣрная причудливость окружающихъ предметовъ слишкомъ мало доступна въ наши дни. Какъ, напримѣръ, понимать, — среди множества вдѣланныхъ въ камень фигуръ, — длинную змѣю, сползающую по наклонной плоскости, крестообразный знакъ подъ головой чудовища или другую фигуру съ туловищемъ змѣя, но съ четырьмя ногами человѣка и челомъ египтянина?

Пока мы спускались, эти безчисленныя странности невольно бросались въ глаза по сторонамъ. Иногда врѣзанныя въ камень пресмыкающіяся завивались въ хитрыя кольца. Какіе-то люди держали оружіе наготовѣ. Боги, съ нечеловѣческими обликами, близко сходились и о чемъ-то вели разговоръ. При свѣтѣ несомыхъ феллахами огней, тѣни, въ видѣ гіероглифическихъ письменъ, съ неодинаковою опредѣленностью выдѣлялись изъ своего излюбленнаго мрака. Безстрастные профили тянулись вдоль потревоженнаго подземелья. Муміи, изображенныя на стѣнахъ, вереницей лежали на горизонтальной полосѣ змѣинаго цвѣта, подпираемой уродливыми оконечностями скелета. То надъ нею, то надъ теменемъ иной гадины мелькала точно сросшаяся съ нимъ голова туземца. И все это не было галлюцинаціей, не обусловливалось избыткомъ нашей фантазіи въ окружавшей насъ

мнѣ: нѣтъ, такой именно міръ дѣйствительно жилъ и глядѣлъ на посѣтителей гробницы Сети, являлся созданіемъ древнихъ мыслителей, исполненіемъ невѣдомыхъ художниковъ, отраженіемъ сложной и далеко непостигнутой культуры.

Нѣкоторые образы мелькаютъ вверхъ ногами, другіе полустерты, третьи — со связанными назадъ руками или лишены рукъ. Сидѣть на чудовищѣ, держаться за его отвратительную чешую многимъ изъ этихъ существъ, повидимому, совсѣмъ легко и естественно. Одна черная голова муміи придѣлана къ полукругу, а внутри его — крестъ.

Понемногу теряешь даже способность подмѣчать любопытныя подробности. Множество впечатлѣній подавляетъ память. Но что же, въ концѣ концевъ, за смыслъ у нарисованнаго? Тамъ есть изображеніе судна, на которомъ усопшій ѣдетъ съ запада «по Нилу преисподней» къ новой зарѣ. Что только ни чудится при этомъ во тьмѣ! Религія учила, что все, тамъ видимое, вполнѣ реально: душа будто-бы и вправду встрѣчалась въ этой области съ различными демоническими силами, испытывала неожиданныя и роковыя вліянія. Старѣйшія развѣнчанныя божества являлись, между прочимъ, вредоносными.

Умершіе должны были знать, кто и что имъ представится въ загробномъ мірѣ. Оттого жрецы заботились о наглядности подобныхъ ужасовъ, призывали на помощь искусство и, если возможно такъ выразиться, иллюстрировали на могильныхъ стѣнахъ мрачное повѣствованіе о странствованіяхъ за рубежемъ земли. Появлявшіяся тутъ змѣи олицетворяли собою подползающую отовсюду темноту и ненавистное египтянамъ тлѣніе. Надо было энергично бороться съ ними, искать надежныхъ союзниковъ — и они находились въ числѣ небожителей, призывались заклинаніями, сопутствовали душѣ въ ея безтѣлесныхъ испытаніяхъ и тоже начертывались въ гробницѣ. Вотъ, напримѣръ, образъ какой-то египетской Цирцеи (въ звѣздотканномъ голубомъ платьѣ), которая платкомъ укрощаетъ отвратительнаго гада. Благолѣпіе и уродство — рядомъ!

Говорятъ, одинъ юный туземецъ замѣшкался въ гробницѣ Сети и провелъ здѣсь ночь. Подъ утро его нашли съумасшедшимъ. Что мудренаго! Есть вещи, заставляющія мутиться самые твердые умы, когда сверхчувственныя впечатлѣнія непосредственно дѣйствуютъ на душу. А трудно и вообразить, что могло привидѣться бѣдному феллаху въ подземельи. . .

Звѣзды мелькаютъ на потолкѣ, мелькаютъ надъ челомъ различныхъ геніевъ на стѣнѣ. Тутъ же изображено подобіе пламени, въ которомъ будто-бы (какъ въ чистилищѣ) мучились грѣшники.

Да, это — цѣлый міръ, посвященный идеямъ туманной борьбы и вынуждаемаго обстоятельствами покаянія, — цѣлый міръ, точно призванный замкнуть въ свой кругъ великаго царя, при жизни помышлявшаго о совершенно иномъ. Ему видѣлись Сирія и Палестина, сліяніе ихъ съ Египтомъ, основаніе въ нихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, устройство тамъ путей сообщенія, посылка туда довѣренныхъ лицъ, для управленія. Въ суетѣ этихъ стремленій владыка не забывалъ, что ему готовится мѣсто въ Ѳиванскомъ некрополѣ и поощрялъ работавшихъ, которые дѣйствительно выказали при этомъ много умѣнія и дарованія.

Теперь это послѣднее должно лишь удовлетворять любопытство чужеземцевъ, съ единокровными предками которыхъ Сети, безъ сомнѣнія, какъ и его предшественники, вступалъ въ борьбу, при столкновеніи съ арійскими племенами, развѣтвлявшимися тогда по разнымъ странамъ свѣта и нападавшими на принильское царство изъ Малой Азіи, изъ Италіи, изъ Ливіи (съ запада).

Въ душномъ полумракѣ подземелья прислушиваешься къ толкованію египтологовъ, что здѣсь отысканы, между прочимъ, письмена, говорящія объ ужасномъ истребленіи рода человѣческаго разгнѣваннымъ божествомъ.

Сынъ необъятнаго неба «Ну», — глава среди сонма міроправителей, — богъ «Ра» сталъ старѣть. Люди это замѣтили и насмѣшливо къ нему относились. Тогда другіе боги собрались на совѣтъ и убѣдили его покарать нечестивыхъ. Божественный взоръ «Ра» породилъ богиню Хаторъ. Она пошла и распространяла погибель. Наконецъ «Ра» смилостивился, остановилъ избіеніе и, пресыщенный земною властью, создавъ себѣ райскую область, помѣстился для отдыха на спинѣ гигантской коровы, представлявшей собою твердь. Это чудесное миѳическое животное, изображенное въ одномъ особомъ отдѣленіи могилы Сети, до того оказалось высоко ростомъ, что поколебалось. «Ра» приказалъ тогда богу «Шу» (воздушному пространству) подойти и поддержать дивную корову. Изображеніе, гласящее о томъ, найдено въ осматриваемой нами гробницѣ. Кромѣ «Шу», животное подпираютъ еще восемь фигуръ пособниковъ. Какою глубочайшею стариною вѣетъ отъ подобнаго міросозерцанія, отъ всего имъ начертаннаго!

Богиня Хаторъ, которая вообще является олицетвореніемъ жизнерадостнаго начала любви, своего рода египетской Афродитой, тутъ вся — слѣпое мщенье, безжалостный палачъ. Послѣ порученной ей казни, она даже упивается кровью и пивомъ, и теряетъ способность различать, гдѣ еще есть скрывающіеся люди. Развѣ это не остатокъ первобытно-дикихъ воззрѣній?

Мѣстами, стѣнопись только намѣчена, представляетъ одни эскизы краснымъ карандашемъ, — такъ и осталась навѣки недоконченною, недосказанною. Смерть фараона, вѣроятно, заставила трудившихся здѣсь мгновенно прекратить работу. По разнымъ признакамъ можно заключить, что гробницу предполагалось сдѣлать еще глубже, чтобы отвоевать усопшему въ нѣдрахъ земли побольше покоя и забвенья. Углубленіе теряется внутри горы. . . Отецъ Рамзеса Великаго, кажется, недолго пользовался своимъ могильнымъ чертогомъ. Ѳивы стали бѣднѣть и близиться къ паденію. Грабители отважились проникать къ богатствамъ завѣтнѣйшихъ народныхъ святынь. Жрецы рѣшились спасать божественныя царскія муміи отъ оскверненія, тайно выносили мертвецовъ въ недалекія пещеры, хранили ихъ тамъ, забывали подъ конецъ, гдѣ онѣ, или не успѣвали направить

своихъ преемниковъ на священный слѣдъ. Оттого теперь, словно чудомъ, послѣ цѣлаго ряда столѣтій, знаменитые останки опять являются на свѣтъ, и мы опять стоимъ передъ выходцами изъ малодоступнаго и малопонятнаго намъ міра.

Желтый алебастровый гробъ Сети, найденный тутъ въ октябрѣ 1817 г. любознательнымъ Бельцони, увезенъ въ Лондонъ. Тѣло владыки недавно отыскано среди сосѣднихъ горъ. Кромѣ начертаній въ пустомъ склепѣ нечего смотрѣть. Усталость отъ жары и впечатлѣній даетъ себя чувствовать. Колеблющимися огнями свѣтятъ феллахи Августѣйшимъ путешественникамъ при Ихъ возвращеніи наверхъ. Жадно впитываешь воздухъ, ощущаешь надъ собой не каменное, а настоящее небо... Какъ далека эпоха осмотрѣннаго сооруженія, какая бездна отдѣляетъ насъ отъ ея варварства и глубокомыслія!

Мы садимся у входа, имѣя передъ собой гурьбу погонщиковъ и понурыхъ осликовъ, желтоватые склоны возвышенностей и лучи, сливающіеся на безплодной окрестности въ нестерпимый блескъ. Прислуга съ яхты его высочества хедива вынимаетъ изъ корзинокъ фрукты, питье. Лѣстница внизъ чернѣетъ въ двухъ шагахъ отъ насъ, не возбуждая уже ничьего вниманія. Давно-ли съ потолка, въ ближайшемъ корридорѣ, миѳическіе коршуны распростирали крылья, — а еще раньше, вдоль стѣнъ, двѣнадцатиголовый крылатый змѣй смѣнялъ другихъ, менѣе чудовищныхъ, но изрыгающихъ пламя?

Отверзтіе долго было замаскировано. Туземцы догадывались однако, что оно должно существовать и что за нимъ лежитъ длинная впадина, — такъ какъ дождевая вода, низвергаясь по горному склону, вдругъ изчезала въ одномъ мѣстѣ. Пришелъ энергичный европеецъ, и дверь отворилась...

Крайне разговорчивый и воодушевленный консерваторъ Гизэсскаго музея Бругшъ-бей занимательно разсказываетъ о томъ, какъ ему первому изъ египтологовъ въ 1881 г. посчастливилось увидѣть мумію Сети I, — въ уединенной котловинѣ, среди десятковъ тѣлъ, когда-то сюда снесенныхъ жрецами въ общую усыпальницу и случайно отысканныхъ нѣсколькими арабами. Хотя и братья, они, наживаясь отъ распродажи найденныхъ рѣдкостей, поссорились. Старшій выдалъ, или точнѣе продалъ секретъ (за 500 фунт. стерл.) властямъ, которыя тотчасъ наложили руку на находку, какъ на государственное достояніе, откровеннаго же туземца возвели въ званіе надсмотрщика за здѣшними древностями.

Вотъ онъ стоитъ передъ нами, этотъ, по своему достигнувшій извѣстности, Мохаммедъ Ахмедъ Абдъ-эръ-Рассуль, — въ простой чалмѣ, въ простомъ кафтанѣ, проницательно вглядываясь въ присутствующихъ. Когда Бругшъ-бей везъ найденныхъ мертвецовъ въ Каиръ, на желѣзной дорогѣ будто-бы пришлось взять для нихъ «билеты перваго класса».

Шествіе направляется далѣе. Остановка передъ «вѣчнымъ жилищемъ» № 11 — Рамзеса III. Довольно покатый спускъ въ глубину. Снова кругомъ разступается ночь. Снова слышишь о томъ, какъ именитый усопшій плылъ черезъ нее къ зарѣ и конечному блаженству.

Безконечно причудлива внутренность этихъ царственныхъ гробницъ! Обитавшій въ чертогѣ при жизни, и послѣ смерти видимо хотѣлъ сохранить хоть отдаленно-однородную обстановку. Въ связи съ искренней вѣрой въ магическое значеніе могильныхъ начертаній, это какъ будто и удавалось. Нѣмые образы, таинственныя письмена должны были воскрешать во тьмѣ желанную дѣйствительность.

Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ шагъ-за-шагомъ могли тутъ знакомиться съ нею, наблюдать по стѣнописи матеріальныя стороны угасшей жизни.

Стѣны, напримѣръ, тянутся картины, дающія представленіе о приготовленіяхъ къ ѣдѣ: рѣжутъ быка, нарубаютъ и взвѣшиваютъ мясо, кладутъ его надъ треножникомъ на горящихъ дровахъ или подвязываютъ на веревкахъ надъ поломъ, въ огражденіе отъ крысъ или иныхъ грызуновъ. Хотя изображенія сильно испорчены, но фрески всетаки еще рисуютъ способы хлѣбопеченья, горшечное производство и много тому подобнаго.

Попадаются на стѣнахъ разныя божества и эмблемы; но по сосѣдству съ ними мы видимъ также гусей, утокъ, индюшекъ и куръ, лукошки, наполненныя яйцами, плоды, овощи, виноградныя кисти, травы. Подъ ними выдѣляется фигура рѣки Нила (краснаго и зеленаго цвѣта, съ цвѣтами на головѣ).

Вотъ еще два босоногихъ музыканта (изъ которыхъ одинъ слѣпъ), едва-ли не призванныхъ услаждать въ могилѣ слухъ фараона. Оба они играютъ на высокихъ чрезвычайно красивыхъ арфахъ, считающихся главнымъ характернымъ отличіемъ этой гробницы. Такъ, по крайней мѣрѣ, заключилъ въ прошломъ вѣкѣ шотландецъ Брюсъ, открывшій и наименовавшій ее «гробницей арфиста».

Тѣнь искусства! — и всетаки ждешь, благодаря реальности очертаній, что инструментъ, украшенный у своего подножія человѣческимъ вѣнценоснымъ ликомъ, вдругъ оживетъ, пальцы пробѣгутъ по струнамъ, струны проснутся и аккорды разбудятъ вѣковую тишину, привѣтствуя грядущаго среди нея Рамзеса.

Съ правой стороны въ подземельи находятся изображенія парусныхъ судовъ неодинаковой величины. Намѣчено даже ихъ внутреннее помѣщеніе. Вездѣ орнаментъ, яркая окраска. Дальше нагромождено древне-египетское оружіе: копья, мечи, кинжалы, ножи, луки со стрѣлами, кольчуги, шлемы, военные значки. Голубой оттѣнокъ, приданный этимъ предметамъ, долженъ свидѣтельствовать, что они были стальные. По бокамъ отъ нихъ нарисованы: черная корова, съ головнымъ уборомъ богини Хаторъ, и черный быкъ подъ пунцовою попоной.

Стѣнопись развертывается въ десяти маленькихъ комнаткахъ, прилегающихъ къ центральному ходу. Онѣ имѣютъ видъ кладовыхъ, быть можетъ, и вправду вмѣщали до разграбленія, всякую утварь, всякія драгоцѣнности. А въ тѣ отдаленныя времена роскошь процвѣтала, наравнѣ съ развитіемъ духовной культуры. Въ этомъ убѣждаетъ осматриваемая нами могила царя Рамзеса III — извѣстнаго классическому міру Рампсинита. Молва объ его сокровищахъ издавна проникала повсюду. Отголосокъ ея слышится въ сказкахъ Индіи, Тибета.

И дѣйствительно, по сторонамъ пестрѣютъ сидѣнья (со львиными головами и звѣриными лапами), постели (съ полумѣсяцемъ, въ видѣ изголовья, и крытыя леопардовой шкурой), изящныя вазы изъ фарфора или глины. Присущій инымъ розоватый цвѣтъ дѣлаетъ ихъ какъ-бы прозрачными, намекаетъ на присутствіе вина.

Дальше идутъ картины полевыхъ работъ, до и послѣ наводненій Нила. Земледѣльцы то пашутъ на волахъ и сѣютъ, то жнутъ и собираютъ въ житницы.

Такъ какъ по серединѣ описываемыхъ каморокъ найдены колодцеобразныя отверзтія, то учеными высказывается предположеніе, не покоились-ли тутъ, по близости къ властелину, его самые довѣренные подданные (каждый при своемъ спеціальномъ отдѣлѣ): завѣдывавшіе кухней, придворною флотиліею, фараоновымъ имуществомъ, оружейною палатою и т. п.

Нынѣ гранитный саркофагъ царя находится въ Луврѣ, сломанная крышка въ Кэмбриджѣ, тѣло въ Гизэ, длинный похоронный папирусъ въ Британскомъ музеѣ!

Рывшіе эту могилу натолкнулись на другую, и потому главный ходъ, направляясь вглубь, поворачиваетъ направо.

Бросивъ взглядъ на зеленую обезьяну, вооруженную лукомъ, на дарующихъ многолѣтіе геніевъ съ ящерицами въ рукахъ, — идешь назадъ и невольно останавливаешься

НАХУСУ И ТМАХУ.

передъ чѣмъ-то, уже вскользь замѣченнымъ въ гробницѣ Сети, въ данную же минуту еще болѣе рельефнымъ: въ одномъ углу на стѣнѣ ясно видны представители четырехъ человѣческихъ рассъ, съ приданными имъ египетскою стариной характерными внѣшними признаками: 1) голубоглазые и бѣлокурые Тмаху, съ перьями на головѣ и въ бычачьихъ кожахъ (т. е. иными словами арійцы, осѣвшіе въ сопредѣльной Ливіи); 2) Нахусу (негры); 3) желтолицые Аму (азіяты), съ орлиными носами, остроконечными расчесанными бородами, — въ одеждѣ туземцевъ земли Ханаанской; 4) смуглые Ромету (обитатели самой страны фараоновъ), — стройные, широкоплечіе, съ кроткимъ выраженіемъ лица, немного сгорбленнымъ носомъ, тонкою таліею, тѣломъ кирпичнаго оттѣнка.

Значитъ, на берегахъ Нила, за 3000 лѣтъ до Блюменбаха, уже помышляли о классификаціи народовъ! Особенности нѣкоторыхъ фигуръ могли бы, въ сущности, дать новый матеріалъ защитникамъ старой теоріи, будто американскіе индѣйцы въ прошедшемъ приходились сродни жителямъ Сѣверной Африки.

По направленію къ выходу замѣчается гимнъ солнцу «Ра», состоящій изъ 75 воззваній, въ формѣ іероглифовъ. Послѣдніе очень попорчены.

РОМЕТУ И АМУ.

Мы опять на воздухѣ, и путь лежитъ на западъ, черезъ довольно крутой перевалъ, отдѣляющій «долину смерти» отъ прринильской равнины. Извивающаяся вдоль горъ песчаная тропа, усѣянная, впрочемъ, преострыми камушками, — до того узка и обрывиста, что приходится слѣзть съ осликовъ и пробираться пѣшкомъ. День близится къ полудню, и потому чувствуешь себя просто расплавленнымъ въ окружающей атмосферѣ. Мерещится это или вычитано гдѣ-то, что египетскіе жрецы вѣеръ считали эмблемой счастья? Какъ они были правы!

Нельзя съ точностью сказать, сколько именитыхъ гробницъ вмѣщаютъ «Бибанъ-эль-Мулукъ». Ученымъ извѣстно таковыхъ около двадцати пяти; но многія — въ самомъ разрушенномъ состояніи. Еще Страбонъ говорилъ о сорока. Греки называли эти отверстія «сирингами» (флейтами), имѣя въ виду ходы въ подземелья.

Тихо вокругъ и пустынно. Трудно нарисовать себѣ, даже при усиліяхъ воображенія, что представляла здѣсь въ древности погребальная процессія. Покойника, конечно, согласно обычаямъ, везли подъ катафалкомъ, въ лодкѣ, поставленной на полозья. Впереди мелькали сорванные для него лотосы, какъ образцы возрожденія. Затѣмъ вели жертвенныхъ животныхъ, несли кумировъ, разную утварь, дорогія украшенія и плоды, корзинки со свѣжей

листвой, въ качествѣ намека на вѣчность жизни, и т. п. Плакальщицы оглашали окрестность неестественными воплями. Бѣлый цвѣтъ одеждъ (точно въ Китаѣ) служилъ знакомъ траура.

Безконечно далеки тѣ времена! Тщетно ищешь взоромъ — не появится-ли хотя черный шакалъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Прежняя религія видѣла въ немъ воплощеніе бога Анубиса, владыки могильной Ливійской гряды, который покровительствовалъ бальзамировкѣ, отгонялъ демоновъ отъ труповъ, и владѣлъ съ этой цѣлью лукомъ и бичемъ. Однако и шакала нигдѣ не видно. Только по одному нагорному склону скользитъ потревоженная змѣя, словно сползшая со стѣны изъ могилы Сети, — изъ среды сестеръ, вдѣланныхъ въ камень и сохраняющихъ неподвижность.

Перевалъ кончается. Тропа направляется внизъ. Обнаженныя возвышенности понемногу отступаютъ унылыми отвѣсными громадами къ покинутой нами «долинѣ смерти». Передъ глазами разстилается зеленоватая неровная поверхность, съ разбросанными по ней памятниками старины, недоразрушенными храмами, изуродованными и уставшими жить колоссами.

Мы снова верхомъ ѣдемъ къ этимъ древностямъ. Тутъ тоже всего коснулось крыло смерти, но совершенно иначе: тамъ, въ землѣ, она остановила дерзновенную человѣческую мечту, при помощи магіи стремившуюся попрать законы природы, застыть внѣ пространства и событій, сдѣлать нетлѣнными наши тѣлесныя оболочки. Въ улыбающейся намъ свѣтлой равнинѣ, — гдѣ еще больше запустѣнія и грусти, гдѣ каждый обломокъ подпираетъ груду, ожидающую такого же удѣла, — смерть, въ свою очередь, прошла и многое, многое поколебала. Но отчего отъ развалинъ вѣетъ на насъ молодымъ и цѣлебнымъ дуновеніемъ? Онѣ созданы искусствомъ, которое не можетъ умереть, поражаетъ самобытностью и во дни паденья. . .

Августѣйшіе путешественники приближаются къ одному изъ важнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ древняго Египта, къ Дэръ-эль-Бахри. Приступая къ его описанію, нельзя не остановиться на изложеніи нѣкоторыхъ весьма существенныхъ и любопытныхъ подробностей историческаго характера. Безъ нихъ непонятны и эпоха, породившая это странное зодчество, и создатели этого сооруженія, одиноко выдѣляющагося среди другихъ остатковъ старины. Тутъ ясно сквозятъ и весьма знаменательны два обстоятельства: во-первыхъ, вторженіе въ принильскую культуру чужеземнаго художественнаго элемента, который съ эстетической стороны сталъ сразу выше ея; во-вторыхъ, намекъ на какую-то глубоко-традиціонную связь египтянъ съ восточною страною Пунтъ, откуда нѣкогда быть можетъ, вышли основатели царства фараоновъ.

Царица «Хатшепсу» (чудное блестящее начало), строившая въ нынѣшнемъ Дэръ-эль-Бахри, справедливо считается одною изъ удивительнѣйшихъ женщинъ-правительницъ, какія только извѣстны въ исторіи. Согласно длинной надписи въ Карнакѣ, фараонъ Тотмесъ I еще при жизни передалъ дочери бразды правленія или, точнѣе, соправленія. Такъ онъ поступилъ, будто-бы, слѣдуя повелѣніямъ бога Амона, настоявшаго, чтобы ей передана была верховная власть. Настоящія побужденія царя возвести дочь на престолъ, конечно, навсегда останутся тайной; но существуетъ догадка, въ силу которой это событіе вызывалось политической необходимостью. Самъ Тотмесъ I не происходилъ изъ древняго правящаго рода, покойная-же мать юной Хатшепсу была отпрыскомъ старой династіи.

ПОГРЕБЕНІЕ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Передать царевнѣ прародительскій санъ въ глазахъ отца значило упрочить свое собственное положеніе. Присвоеніе ей, кромѣ того, прозвища «Ма-ка-ра» изображаетъ собою знакъ таинственнаго сочетанія въ лицѣ молодой правительницы жизненнаго принципа — «ка» бога-солнца, «Ра» и «Ма» — богини истины.

Въ чертѣ Ѳиванскаго некрополя, неподалеку отъ Рамессеума, куда мы тоже направляемся, — теперешній директоръ Гизэсскаго музея Грэбо (Grébaut) открылъ въ 1887 г. сидящую статую (въ ростъ человѣческій) царицы Маутнеферъ, бывшей матерью Тотмеса II-го. Въ виду ея сравнительно простаго происхожденія, царевичъ не могъ наслѣдовать, помимо старшей сестры, и, слѣдовательно, являлось наиболѣе цѣлесообразнымъ выдать ее замужъ за него. Отъ этого брака родились двѣ дочери: одна умерла, на другой-же (опять-таки въ силу государственныхъ соображеній) женили будущаго фараона Тотмеса III, который, будучи по отцу тоже братомъ Хатшепсу и Тотмеса II, черезъ мать свою считался, однако, черезчуръ низкаго происхожденія. Женившись на ихъ дочери, онъ сталъ престолонаслѣдникомъ. Если это соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то дошедшія до насъ смутныя преданія о какой-то враждѣ между повелѣвавшею сестрой и младшимъ братомъ, — столь-же властолюбивымъ, — или преувеличены, или лишены основанія, или во всякомъ случаѣ, рисуются въ иномъ свѣтѣ.

По смерти брата-мужа, царица полноправно правила страной около пятнадцати лѣтъ, именовалась фараономъ, облекалась въ ихъ царственную одежду, носила (какъ видно на памятникахъ) боевой шлемъ египетскихъ владыкъ и даже искусственную бороду. Царевичъ тѣмъ временемъ служилъ въ святилищѣ Амона, не вмѣшиваясь въ дѣла управленія, и только затѣмъ, передъ смертью Хатшепсу, выступилъ въ качествѣ правителя, прославившагося впослѣдствіе громкими завоеваніями. Тогда онъ, можетъ быть, именно въ силу своего діаметрально противоположнаго направленія, дѣйствительно относился непріязненно къ ея памяти и уничтожая здѣсь и тамъ ея имя, этимъ унижалъ лишь собственное достоинство.

Миролюбивая царица дала государству возможность поправиться отъ тяжелыхъ испытаній наложеннаго гиксосами ига. Она любила миръ, заботилась о возсозданіи и украшеніи храмовъ, расширила Карнакъ, задумала и намѣтила къ выполненію такую архитектурную достопримѣчательность, какъ Дэръ-эль-Бахри. Велико число обелисковъ, поставленныхъ египетскими властителями, — но нѣтъ тщательнѣе отесанныхъ и изящнѣе отдѣланныхъ, чѣмъ обелиски дочери Тотмеса I (въ чертѣ карнакскихъ чудесъ). Одинъ упалъ, но другой еще высится, — гигантскій, непобѣдимый, словно вышедшій цѣликомъ изъ сплошной массы розоваго гранита.

Давно-ли мы стояли на томъ берегу Нила передъ этимъ могучимъ памятникомъ! давно-ли намъ говорили, что на немъ начертано: «созданъ владыкою Хатшепсу въ честь Ѳиванскаго Амона?» — а теперь передъ нами новое сооруженіе, которое еще гораздо удивительнѣе: терассы святилища Дэръ-эль-Бахри!

Жрецы, стоя по утрамъ въ Карнакѣ, близь обелисковъ, благоговѣйно созерцали восхожденіе «бога-солнца» Ра, золотившаго ихъ вершины. По вечерамъ отблескъ зари еще блисталъ на обоихъ алѣющихъ остріяхъ среди померкнувшей окрестности: молитвенно настроенный народъ смотрѣлъ на нихъ и любовался. Цѣль этихъ памятниковъ понятна. Но собственно ради чего воздвиглось на противоположномъ берегу гигантское и по внѣшности совершенно иноземное святилище, чуждое архитектурной фантазіи египтянъ и скорѣе заимствованное съ дальняго Востока, напр. изъ Халдеи? Такъ, между прочимъ, любили строить сабейцы въ Аравіи, подражавшіе архитектурнымъ созданіямъ Вавилона. Какъ это

допустили жрецы? Какъ съ этимъ примирилось строго консервативное населеніе? Или въ этомъ не было новшества, а, напротивъ, просвѣчивала старина?

Вѣроятно, по мужски была настроена и твердой рукой держала бразды правленія единственная въ своемъ родѣ царица, — характерный профиль которой будто бы выдѣляется на поверхности опрокинутаго карнакскаго обелиска, — если съумѣла оставить въ наслѣдіе потомству то Дэръ-эль-Бахри, къ которому сейчасъ подъѣхали Августѣйшіе путешественники. Все кругомъ постепенно приходитъ въ крайнее разрушеніе: мало по малу не останется и слѣда величественныхъ памятниковъ, до сихъ поръ отовсюду притягивающихъ толпы дивящихся иностранцевъ. Но слава Хатшепсу настолько окончательно стала достояніемъ міровой исторіи, что этому имени никогда не забыться. Въ развитіи культуры оно есть и будетъ незамѣнимое звѣно. Я уже имѣлъ возможность говорить о неисчерпаемомъ значеніи сокровищъ музея въ Гизэ. Съ вершины Хеопсовой пирамиды нашъ взоръ останавливался съ недоумѣніемъ на фигурѣ изуродованнаго доисторическаго сфинкса. Сколько лѣтописныхъ достопримѣчательностей сберегли для насъ стѣны Луксора и Карнака! Нѣдра фараоновыхъ могилъ разсказали и открыли намъ не мало глубоко поучительнаго.

Но тутъ, въ Дэръ-эль-Бахри — совсѣмъ другой міръ: что-то простое, спокойное, ясное, до мельчайшихъ подробностей самобытное.

Грандіозная постройка (которая, въ проэктѣ реставраціи французскаго архитектора Брюна, представляется красивѣйшимъ памятникомъ принильской старины среди обнаженныхъ, надвигающихся съ запада Ливійскихъ возвышенностей) нѣкогда служила цѣлью религіозныхъ процессій съ восточнаго Ѳиванскаго берега. Священныя, богато убранныя лодки, подъ балдахинами и съ тронными сѣдалищами, отчаливали отъ пристани у тамошнихъ святилищъ, перевозили на противоположную сторону жрецовъ, кумиры, всякую утварь. Торжественная процессія направлялась къ маленькому храму, воздвигнутому Рамзесомъ II въ честь своего отца Сети I (мы ѣхали мимо сегодня утромъ, направляясь къ «долинѣ смерти»), и затѣмъ шла къ Дэръ-эль-Бахри по особой аллеѣ, уставленной двумя стами изваяній. Вдали поднимались и манили широкія ступени лѣстницъ, соединявшихъ громаднѣйшія терассы. Сверху до низу сооруженіе занимало семь тысячъ пятьсотъ квадратныхъ сажень. Повыше виднѣлись изящныя колоннады. Надъ всѣмъ остальнымъ помѣщалось изсѣченное въ скалахъ «святое святыхъ». Трудно опредѣлить, чѣмъ обусловливался планъ сооруженія. Вызывалъ-ли къ тому характеръ неровной, волнистой мѣстности, точно заливомъ вдающейся въ Ливійскую гряду? Не способствовало-ли тому художественное вліяніе Азіи? Наконецъ, не потому-ли рѣшено было воздвигнуть терассообразное цѣлое, что оно прославляло удачную экспедицію въ таинственную страну Пунтъ, гдѣ внѣшній видъ края отчасти отличался тѣмъ же характеромъ постепеннаго подъема въ гору? Имя древне-египетскаго строителя сохранилось безсмертнымъ, извѣстно по обелиску въ Карнакѣ и звучитъ: Сенъ-Маутъ. Гробница его не найдена, личная его жизнь остается неизвѣстной, да и важно-ли это знать, когда потомству духомъ его завѣщано чудо искусства: Дэръ-эль-Бахри (что по туземному означаетъ «сѣверный монастырь»). Мѣсто такъ названо арабами, въ виду существованія здѣсь (до ислама) коптскаго религіознаго центра, отъ котораго тоже понынѣ уцѣлѣли невзрачныя глинобитныя стѣны.

Оригинальнѣйшій памятникъ царствованія Хатшепсу сильно потерпѣлъ отъ времени. Разрушеніе вообще быстро идетъ. Напримѣръ, когда въ концѣ прошлаго столѣтія ученые члены французской военной экспедиціи посѣтили Верхній Египетъ, — аллея сфинксовъ, — отъ лѣваго берега къ святилищу, — еще обозначалась низверженными фигурами. Теперь нѣтъ ни одной. Груда обломковъ обезображиваетъ нѣкогда просторную, гладкую и

окаймленную колоннадами терассу. Надо имѣть очень много воображенія, чтобы хоть отдаленно представить себѣ, какою красотою дышало знаменитое сооруженіе, среди котораго далеко не послѣднее мѣсто занимали двѣ колоссальныхъ сидящихъ статуи самой царицы, причемъ, съ высоты столбовъ на третьей терассѣ, на нихъ упорно смотрѣли [illegible] изваянныя головы богини Хаторъ.

Жара начинаетъ быть невыносимой. Ихъ Высочества, отдохнувъ нѣсколько минутъ въ сосѣдней къ сооруженію скалѣ, гдѣ прежде, кажется, находилась маленькая коптская церковь, снова приступаютъ къ осмотру древностей. Сегодня — тяжелый день по количеству разнороднѣйшихъ впечатлѣній. Съ утра и до вечера образы будутъ чередоваться съ подавляющею быстротой и при сознаніи, что лишь впослѣдствіе, — и то по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ — воспринятое ясно уложится и воскреснетъ въ душѣ.

Итакъ, — рѣчь опять идетъ о Дэръ-эль-Бахри.

Отъ замѣчательныхъ колоннъ остаются одни обломки, — обломки, на которыхъ отчасти, впрочемъ, уцѣлѣли краски. Длинныя стѣны, сохранившіяся отъ верхней части храма (тамъ, гдѣ надъ нимъ уже отвѣснымъ обрывомъ довольно близко спускается желтоватая обнаженная гора, и затѣмъ пониже) разукрашены сравнительно хорошо уцѣлѣвшими начертаніями, которыя когда-то, — до прикосновенія варварской руки, — еще вдвое были многочисленнѣе.

Конечно, велика разница между грандіознымъ планомъ художественно возстановленнаго сооруженія, который выяснился въ головѣ европейскаго архитектора Брюна, и между той печальной дѣйствительностью, съ которою намъ приходится соприкоснуться.

Внутри скалы есть барельефное изваяніе, представляющее, въ одеждѣ юноши, царицу Хатшепсу, питаемую божественною коровою краснаго цвѣта, т. е. самою богинею Хаторъ. Послѣдняя, при этомъ, какъ-бы пріобщаетъ свою питомицу къ вѣчной жизни. Условно говоря, такъ и случилось. Десятки вѣковъ изчезли въ таинственной бездпѣ времени, а главные памятники женщины-фараона до сихъ поръ притягиваютъ вниманіе образованнаго міра. Ученые еще спорятъ, когда началъ возникать храмъ Деръ-эль-Бахри: въ царствованіе-ли Тотмеса I или Тотмеса II, или наконецъ позже, когда уже вполнѣ единовластно стала править его замѣчательная сестра. Не все-ли равно, если извѣстно, что именно она, а не кто другой была тогда душею эпохи, предписывала законы жречеству и народу, вглядывалась въ иноземную культуру, сносилась съ далекой чужбиной?

Здѣсь, у предгорія Ливійскихъ пустырей, древне-египетское искусство сохранило на память потомству исторію крайне любопытнаго общенія съ землею Пунтъ. Что это былъ за край? чего тамъ искали? Неполный и не вполнѣ ясный отвѣтъ начертанъ (и даже въ раскрашенномъ видѣ) на двухъ верхнихъ терассахъ характернаго святилища. Рѣчь идетъ о снаряженіи цѣлой маленькой флотиліи, черезъ Красное море, на Сомалійскій берегъ, расположенный въ восточной Африкѣ, близь Аденскаго залива.

Самъ богъ Амонъ повелѣлъ будто-бы царицѣ войдти въ сношенія съ тѣми мѣстностями, гдѣ добываются идоложертвенныя куренія.

До того египетское жречество тяготилось зависимостью въ этомъ отношеніи отъ торговли съ Аравіей. Чуть-что препятствовало привозить оттуда необходимый для храмовъ товаръ, — и боги гнѣвались, и Египетъ испытывалъ несчастія, и настоятельнѣе являлась нужда получать благовонія изъ первоисточника.

«Строится пять судовъ, — узкихъ, длинныхъ, довольно высокихъ», гласитъ одна надпись. Если пойдти вдоль стѣнъ, на которыхъ въ наивной простотѣ и ясности изображенъ походъ въ Пунтъ, это важное событіе во внѣшней жизни древняго Египта — то почти на каждомъ шагу имѣешь возможность наблюдать мельчайшія подробности, рельефно касающіяся экспедиціи. Гребцы налегаютъ на весла; капитанъ распоряжается, вооруженное посольство, снаряженное въ даль, стоя на палубѣ, дополняетъ картину уплывающаго судна.

Всего было снаряжено свыше двухсотъ человѣкъ. Надзирающій за матросами руководитъ ихъ движеніями, быть можетъ, ободряетъ ихъ къ дружной работѣ, къ хоровому пѣнію. Вода подъ кораблемъ свѣтлоголубая. Ужъ не Нилъ-ли это? По цвѣту она не похожа на морскую поверхность. Во влагѣ, внизу, изображены рыбы, тоже прѣсноводныя. По своимъ размѣрамъ, на стѣнописи, онѣ совершенно въ несоотвѣтствіи съ фигурами виднѣющагося надъ ними экипажа: каждая могла бы свободно проглотить хоть двухъ гребцовъ.

Къ несчастью, бóльшая часть раскрашенныхъ стѣнныхъ изваяній настолько попорчена, что этимъ нарушается связность повѣствованія. Извѣстно за достовѣрное, что флотилія вернулась въ Ѳивы, и притомъ вернулась съ драгоцѣннымъ грузомъ, вернулась на радость царицы и народу. Какимъ же путемъ совершалось плаваніе въ страну Пунтъ? Несомнѣнно, что точками отправленія и возвращенія былъ Нилъ. Надо, однако, опредѣлить направленіе, котораго держались суда, желавшія пройти въ Красное море: очевидно, путемъ къ тому не могло служить устье рѣки, ибо посланные Хатшепсу стремились къ цѣли не черезъ Гибралтаръ и океанъ, а болѣе близкой, болѣе удобной и безопасной дорогой.

Изысканія, сравнительно недавно произведенныя англичанами Ардагъ, Спэйтъ и Бэртономъ, съ нѣкоторою достовѣрностью доказали, что берега Чернаго моря когда-то простирались на сѣверъ гораздо далѣе, чѣмъ теперь. Суэзскій заливъ кончался тамъ, гдѣ теперь — городъ Измаилія. Туда же въ древности доходилъ одинъ рукавъ Нила, держась болѣе или менѣе той линіи, по которой въ данное время пролегаетъ «прѣсный каналъ», связывающій рѣку съ озеромъ Тимсой. О существованіи почти одинаковой водной артеріи въ древности убѣдительно говоритъ также видѣнная нами вчера стѣна карнакскаго святилища, рисующая возвращеніе изъ похода фараона Сети I. Онъ останавливается, передъ вступленіемъ въ родныя предѣлы, у подобной именно вѣтви неистощимаго Нила, которая свободно могла существовать и въ болѣе древнюю эпоху. Вѣроятно, ею-то и воспользовались въ дни Хатшепсу для пропуска экспедиціи въ восточное море.

Подробности, одна другой любопытнѣе, изображены на памятникахъ Дэръ-эль-Бахри. Вотъ, напримѣръ, — сама страна Пунтъ. Египетская флотилія прибыла къ ней благополучно и стала на якорь. Плоскій берегъ рисуется покрытымъ густою растительностью. Коническая форма туземнаго жилья, — слегка напоминающаго юрты, — вѣроятно, въ силу почвенныхъ условій выдѣляется высоко надъ землей: дома покоятся на сваяхъ: попадать въ нихъ можно, только взбираясь по лѣсенкамъ, т. е. значитъ туземцы жили тамъ тогда точно такъ-же, какъ и теперь обставлены иные жители внутренней Африки. Размѣры изображеній, — здѣсь какъ и вездѣ на древне-египетской стѣнописи, — не пропорціональны. Корова, отдыхающая подъ деревомъ, непомѣрно велика; птица, спорхнувшая съ вѣтки чуть-ли не въ полъ-коровы. На этой каменной картинѣ выступаетъ даже мѣстная флора, состоящая, повидимому, изъ финиковыхъ пальмъ и благовонныхъ сикоморъ, произрастающихъ лишь вдоль рѣкъ, — изъ чего надо заключить, что маленькая египетская эскадра вошла въ какое-нибудь устье. Вода изображена зеленоватою, чѣмъ словно указывается на близость моря. Рыбы тоже совершенно другія, нежели въ Египтѣ.

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКАЯ ФЛОТИЛІЯ.

Пояснительныя надписи крайне любопытны.

«Посланный царицы, со своею военною свитою, разставляетъ на низенькомъ столѣ подарки, привезенные изъ Ѳивъ Пунтскому повелителю: красивыя стеклянныя бусы, ожерелья, браслеты, парадный кинжалъ и топорикъ». Вглядываешься въ соотвѣтствующую картину: удивительная отчетливость и выразительность исполненія! Приготовленные въ даръ уборы окрашены въ желтый цвѣтъ: значитъ, были золотые. Начальникъ экспедиціи опирается на посохъ; воины, позади, вооружены копьями, топориками, большими щитами пѣхотинцевъ. Хотя привезенные предметы и разложены тутъ, какъ-бы въ даръ хозяевамъ края, но въ сущности это не совсѣмъ такъ: они получатъ заманчивыя египетскія приношенія только въ обмѣнъ на вожделѣнныя произведенія Пунта.

Слѣдующая картина столь же художественно выполнена. «На встрѣчу идутъ туземцы: вождь, его семья и подданные. Всѣ они держатъ руки слегка приподнятыми, въ знакъ обычнаго почтительнаго привѣтствія.» Туземная одежда ничѣмъ особенно не отличается отъ той, которая тогда была принята въ странѣ фараоновъ; только борода вождя по виду странно напоминаетъ бороды древне-египетскихъ боговъ и усопшихъ царей, какими ихъ принято было изображать. Вѣдь не считать же это простою случайностью? А такъ какъ происхожденіе принильскихъ культовъ и всего традиціоннаго пока еще очень загадочно и темно, — то невольно зарождается вопросъ: ужъ не съ юго-востока-ли занесились пришельцами, колонизировавшими Египетъ, сказочныя доисторическія основы его религіи и быта?

На одной картинѣ поражаетъ уродливостью и какою-то особенно безобразною толщиной жена туземнаго вождя, въ желтомъ платьѣ и со множествомъ украшеній. Лицо ея слегка татуировано. Незачѣмъ и причислять ее къ бушменскому племени, — какъ это дѣлаютъ нѣкоторые археологи, — когда извѣстно, что внутри Африки подобная внѣшность вообще считается признакомъ женской красоты. Вѣроятно, съ этой цѣлью, какъ нѣчто характерное, жена вождя и начертана въ Дэръ-эль-Бахри.

Тѣла жителей страны Пунтъ окрашены въ кирпичный цвѣтъ; волосы у нихъ черные, не курчавые. Намековъ на то, чтобы это были негры, положительно нѣтъ: наоборотъ, рѣчь идетъ скорѣе всего о народѣ, связанномъ съ египтянами узами крови и прошедшей совмѣстной жизни.

Что же гласятъ о дальнѣйшемъ іероглифы? «Лучшіе люди Пунта приближаются, немного сгорбившись, съ опущенными головами, — какъ подобаетъ встрѣтить посланныхъ ея величества, — и вопрошаютъ ихъ: чѣмъ объяснить ваше прибытіе въ землю, незнакомую вашему народу? Не небесными-ли путями вы прошли сюда? Ужъ не приплыли-ли вы по морю, протекающему въ области небожителей? Несомнѣнно вы шли тою же стезею, которою идетъ солнце. Мы знаемъ, нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло оставаться недоступнымъ египетскому царю: если мы и живы, — такъ потому, что онъ дозволяетъ намъ дышать.»

Наивные инородцы, конечно, польщены доставленными подарками. «Изъ благодарности рѣшено нагрузить въ обратный путь всѣ пять иноземныхъ судовъ мѣстными богатствами.» По стѣнной живописи наглядно судишь о томъ, что за дѣятельность закипѣла послѣ завязавшагося съ жителями Пунта общенія. По несчастію, верхняя часть картины почти разрушилась: мелькаютъ ноги, свѣтится водяная полоса, — вотъ и все главное, до сихъ поръ уцѣлѣвшее.

Гдѣ не такъ губительно повліяло разрушеніе, — тамъ мѣстами можно вчитываться въ ясное повѣствованіе о нагрузкѣ судовъ. «Египтянами переносятся молодыя деревья въ

корзинкахъ, куда они пересажены съ корнями и землей. Это — тяжелая ноша: каждое такое насажденіе тащатъ по четыре человѣка.» Тутъ, сколько извѣстно, первая историческая попытка акклиматизировать чужеземныя деревья. «Туземцы въ свою очередь стараются: кто доставляетъ огромный кусокъ чернаго дерева, кто ведетъ обезьяну, кто жирафа.» Относительно обезьянъ любопытно, что одна порода названа «кафу» и названіе это сходно съ санскритскимъ «капи». Невольно спрашиваешь себя, что за связь могла быть между Индіей и Пунтомъ. . . Но вѣдь древность ревниво стережетъ ту или иную тайну, вѣдь древность чаще всего упорно молчитъ! На одной испорченной части стѣны, съ которой изчезли фигуры, только надпись гласитъ о нахожденіи слона въ числѣ отправленныхъ изъ Пунта животныхъ. Съ какою радостью должна была встрѣтить свою экспедицію любознательная Хатшепсу: цѣлый міръ рѣдкостей и диковинъ, цѣлое неисчерпаемое богатство!

Жизненная сила сохранившихся начертаній такъ велика, что по смыслу сжатыхъ, разбросанныхъ здѣсь и тамъ письменъ, наука даетъ возможность сродняться съ этимъ изчезнувшимъ міромъ. Для приданія наибольшей яркости картинамъ, надъ ними, — иной разъ вдругъ, — вырѣзаны надписи, вродѣ слѣдующей: «Крѣпче стой на ногахъ!» — восклицаетъ дюжій носильщикъ. «Не налегай такъ тяжело на мои плечи!» — отвѣчаетъ окликнутый.

Есть сцена, рисующая прощаніе египетскихъ посланныхъ съ обитателями Пунта. «По приказанію вождя, они принесли въ даръ огромное количество мура, массивныя золотыя кольца, много слоновыхъ клыковъ, чашу съ золотымъ пескомъ» и т. п. Мѣстный правитель имѣетъ на правой ногѣ не малое число плотно другъ къ другу прилегающихъ металлическихъ колецъ, похожихъ на тѣ, которыя носятъ Бонго внутри Африки. Надо было дождаться открытій знаменитаго путешественника Швейнфурта, чтобы поставить въ связь данныя его книги съ нѣкоторыми изображеніями въ Даръ-эль-Бахри, также какъ новѣйшимъ ихтіологамъ выпало на долю опредѣлить по этому же цѣнному источнику, какія имъ воспроизведены Красноморскія рыбы. «Посланный царицею Хатшепсу благодаритъ инородцевъ, приглашаетъ ихъ войдти въ его палатку, гдѣ, будто-бы по приказанію царицы, для нихъ приготовлено угощеніе: хлѣбъ, пиво, вино, мясо, овощи, и всякіе иные египетскіе припасы.» Слѣдуетъ вѣрноподданическое примѣчаніе: «Да будутъ ея величеству присущи здоровье, сила, жизнь!

Есть, между прочимъ, картина и того, какъ происходила самая нагрузка: тутъ уже виденъ не берегъ, а только суда и соединяющія ихъ съ сушею, замѣтно наклоненныя сходни, — наконецъ, носильщики, втаскивающіе по нимъ свой грузъ. Три обезьяны преспокойно, какъ дома, расхаживаютъ по палубѣ, или садятся. Къ мачтѣ прислонена арфа. Что за странность! Вѣдь и теперь еще однородный по внѣшности инструментъ можно видѣть въ рукахъ иного каирскаго музыканта! Сбоку тянутся іероглифы: «Суда полнехонько нагружаются чудесами страны Пунтъ: деревомъ, какое ростетъ лишь въ области небожителей, благовоніями, слоновою костью, зеленью, яшмою, рѣдкими собаками, шкурами пантеръ, наконецъ даже представителями туземнаго населенія съ женщинами и дѣтьми. Никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ созданъ міръ, подобныя диковинныя сокровища не были пріобрѣтены ни однимъ царемъ.» Какой утѣхой должна была служить эта надпись для Хатшепсу!

«Пока часть судовъ грузилась, другія уже снялись съ якоря. Вѣтеръ надуваетъ паруса; подданные царицы благополучно отправляются обратно въ Ѳивы, на славу Амона, сокровеннаго бога.»

Находящійся предъ нами памятникъ не сохранилъ подробностей о моментѣ возвращенія, такъ какъ разрушеніе въ слишкомъ сильной мѣрѣ коснулось Дэръ-эль-Бахри. По временамъ довольно трудно придать объясненій къ нѣкоторымъ частямъ надписей и не видно, къ чему пріурочить тамъ процессіи жрецовъ, солдатъ, художниковъ. Можетъ быть, эти послѣднія прямо уже не относятся къ экспедиціи въ Пунтъ, а говорятъ исключительно о характерѣ основанія здѣшняго святилища. Если-же мѣстами художникъ и изображалъ представителей того или другого народа, платившаго дань Хатшепсу, то оно дѣлалось преимущественно съ цѣлью вообще ее прославить на стѣнахъ ея лучшаго архитектурнаго созданія. Въ числѣ данниковъ, нарисованныхъ при этомъ, невольно обращаютъ на себя вниманіе Пунтскіе жители, особенно бросающіеся въ глаза формой бородъ. Эти важные держатъ на плечахъ огромные сосуды, въ которыхъ должно быть золотой песокъ; но тогда вѣдь ихъ не поднять-бы одному человѣку!

Говоря о стѣнописи, нельзя не отмѣтить, что на ней отражается внѣшній видъ тогдашнихъ египетскихъ войскъ, и при этомъ различнаго рода оружія: даже полуодѣтые нубійцы, съ луками и трубачемъ впереди, и тѣ изображены.

Затѣмъ въ одномъ мѣстѣ начертаны царскія носилки, покоющіяся обтянутыми на плечахъ звѣриными спинами. У ручекъ кресла-престола — львиныя головы; тутъ-же близко виднѣются слуги съ опахалами изъ страусовыхъ перьевъ и два золотистыхъ леопарда, ведомыхъ сторожами на привязи.

На такомъ именно носилкахъ, именно такъ сопровождаемая, Хатшепсу направляется во дни своей славы къ храму Амона въ Дэръ-эль-Бахри. Іероглифы описываютъ свиданіе «полновластнаго бога-царицы» и ея «невѣдомаго, всемогущаго покровителя». Она говоритъ ему о своемъ желаніи приказать все выполнить, чтобы въ святилищѣ находилось какъ можно больше драгоцѣнныхъ благовоній, которыя теперь можно получать непосредственно изъ Пунта. Амонъ похваливаетъ свою царственную дочь съ успѣхомъ экспедиціи и открываетъ Хатшепсу, будто онъ самъ, вмѣстѣ съ другими богами, сопутствовалъ плавцамъ, отправлявшимся на далекій, благословенный югъ, гдѣ благоухаетъ мира.

«Амону приносится въ жертву быкъ.» На одной картинѣ изображена даже сцена закланія; можно различить алтарь, на которомъ положены всякія приношенія (напримѣръ гусь, рыбы величины печеныя и т. п.). Нѣсколько жрецовъ простерли, въ молитвѣ, свои руки, другіе заняты разрѣзываніемъ битвенной туши на части. Внимательно всматриваясь во всѣ начертанныя лица, убѣждаешься, что они въ сущности не похожи другъ на друга: въ отличаются извѣстнаго рода индивидуальностью.

Памятникъ въ Дэръ-эль-Бахри предусматриваетъ даже, что случилось послѣ возвращенія изъ Пунта: сокровища, привезенныя оттуда, были пожертвованы въ храмъ; самимъ стали весьма считать все полученное, подсчитывая опись и взвѣшивания. Послѣднее, для большей точности, совершаетъ лично самъ богъ письменности — Тотъ, олицетвореніе высшей премудрости и справедливости, главный разумный помощникъ въ борьбѣ съ нечестивыми жрецы.

Покидая Дэръ-эль-Бахри, сквозь этого рисунокъ 2061 въ изображеніи далекое время, перенесемся эти стѣнами и забудемъ фигуру повелительной той царицы.

Эта египетская Екатерина II или Елизавета Англійская и со стороны внѣшности представляла интересное явленіе. Эстетики даже отдѣльно на достоинству голову одной древней статуи, приписываемую Тіи, женѣ фараона Аменхотепа III. Теперь иконографіи склоняются къ мнѣнію, что благородныя красивыя черты этого изваянія соотвѣтствуютъ Хатшепсу.

Сопровождаемые, по прежнему, гурьбою маленькихъ туземныхъ дѣвочекъ-во
юшихъ съ бархатными глазками газелей, окруженные постоянно возростающей толп
мѣстныхъ торговцевъ древностями сомнительнаго происхожденія (какъ-то кусками му
и ихъ раскрашенныхъ гробовъ, статуэтками, скарабеями и т. п.), Августѣйшіе путешес
венники подъѣзжаютъ къ развалинамъ «Рамессеума», гдѣ назначенъ довольно продолж
тельный привалъ и прислуга съ яхты торопливо накрываетъ завтракъ. Общее утомлен
отъ жары и обилія впечатлѣній постепенно сказывается въ притупленіи первоначальна
вниманія къ осматриваемымъ достопримѣчательностямъ: Египетъ однообразенъ до крайн
степени — не будучи завзятымъ археологомъ или спеціалистомъ-изслѣдователемъ, тру
обозрѣвать монотонные памятники принильской культуры, не испытывая невольнаго чувст
скуки и пресыщенія. Только отдыхъ можетъ разогнать это тягостное настроеніе,
потому всѣ спутники Ихъ Высочествъ радостно привѣтствуютъ остановку въ чер
древняго святилища, часть котораго нѣкогда служила драгоцѣннымъ книгохранилище
жречества и даже называлась «врачебницей души».

Среди массивныхъ столбовъ, изрытыхъ профилями оцѣпенѣлыхъ фигуръ, импров
зирована «столовая» съ видомъ на равнину и горы, на собравшееся окрестное населеніе
обломки минувшаго величія. Веселый разговоръ, непринужденное оживленіе, шутливь
воспоминанія и дорожныя замѣчанія все громче слышатся межъ сумрачныхъ развалин
Толпа туземцевъ смѣлѣе придвигается къ трапезѣ Августѣйшихъ путешественников
«Чубукчи» хедива, слѣдующіе за Ними по Верхнему Египту, подаютъ Ихъ Высочествам
тѣ же самыя трубки (съ инкрустаціями), которыми правитель страны, уже въ перв
день торжественнаго пріема въ Каирѣ, угощалъ Великихъ Князей.

Пора однако собираться мало по малу въ обратный путь за рѣку. По доро
предстоитъ еще посѣтить нѣсколько памятниковъ.

Передъ самымъ Рамессеумомъ, гдѣ длилась желанная полуденная остановка, лежит
расколотый на части гранитный колоссъ, нѣкогда изображавшій царственнаго воител
въ память чьихъ подвиговъ соорудился этотъ старинный храмъ. При фараонахъ од
изъ его дверей была золотая. Каменный восьмисаженный исполинъ у главнаго вхо
имѣлъ лицо въ сажень ширины, грудь въ $3\frac{1}{2}$ сажени отъ плеча къ плечу, и т.
Теперь отъ низверженнаго Рамзеса остаются обломки. Центральный залъ святилиш
считавшійся мѣстомъ проявленія «сіяющей богини Хаторъ», служитъ цѣлью прогуло
для туристовъ.

Благодаря наглядности уцѣлѣвшихъ надписей и изображеній представляется полна
возможность уяснить себѣ побудительныя причины основанія Рамессеума, съ мыслью вѣчн
чествовать духъ славолюбиваго царя.

Интересъ египетской исторіи, въ ея наидревнѣйшихъ и древнѣйшихъ періодахъ
усугубляется тѣмъ, что мы тутъ соприкасаемся не съ туманными преданіями, не съ отвле
ченно-гадательными гипотезами, а стоимъ на совершенно реальной почвѣ, видимъ пере
собою великіе памятники нетлѣнной старины.

Лѣтописи принильскаго народа задуманы и начертаны въ грандіозныхъ размѣрахъ
Созерцая представляемое ими, ни минуты не сомнѣваешься, что соотвѣтствовавшая дѣ
ствительность и вправду была еще болѣе замѣчательна, чѣмъ сохранившіеся и дошедші
до насъ остатки мѣстной культуры. Вотъ хотя бы и сегодня... Мы лицомъ къ лиц
встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ литературно-историческихъ и художественныхъ созданій
которыя отражали въ себѣ старую туземную цивилизацію. Есть чему подивиться, есть в
что внимательно и долго всматриваться.

Здѣсь, предъ нами, въ Рамессеумѣ, на стѣнахъ святилища, построеннаго въ честь бога Амона и въ память Рамзеса Великаго, тянется эпическое творенiе извѣстнаго египетскаго поэта Пентаура, восхвалявшаго побѣдную мощь знаменитаго фараона. Величина гiероглифовъ, въ связи съ правильностью уцѣлѣвшихъ и разросшихся въ цѣлыя картины изображенiй, положительно способна радовать взоры потомства, вмѣстѣ съ тѣмъ поучая его любопытнымъ характеромъ содержанiя.

ГРУППА У РАМЕССЕУМА

Египетское правительство тогда уже далеко не впервые прибѣгало къ громкому прославленiю своихъ дѣянiй (внѣ предѣловъ принильской страны). Еще ранѣе, напримѣръ, тоже случилось по отношенiю къ подвигамъ необыкновенно энергичнаго брата Хатшепсу — царя Тотмеса III, который въ памяти роднаго народа справедливо считался славнѣйшимъ завоевателемъ, — особенно, если подумаешь, на сколько вѣковъ онъ предшествовалъ Александру Македонскому.

Неутолимая жажда героическо-романтическихъ приключенiй вызывала этого фараона къ нескончаемымъ походамъ и мало по малу привела къ покоренiю половины древне-классическаго мiра, такъ какъ честолюбивый властелинъ, увлекаясь смѣлыми замыслами,

[illegible] и не по прихоти ставилъ и мѣнялъ границы своего царства. При жизни Тотмеса III подобная внѣшняя политика увѣнчивалась полнѣйшимъ успѣхомъ. Стоило ему направиться на югъ, и бичу Өиванскихъ владыкъ становились покорными страны у экваторіальныхъ озеръ, куда еще только недавно попытались проникнуть европейскіе изслѣдователи. На сѣверѣ и востокѣ передъ силой Египта трепетали острова Эгейскаго моря и верховья рѣки Евфрата, и Сирія, и Месопотамія, и Аравія. Африканскія побережья Средиземныхъ водъ, Ливія съ ея довольно загадочными воинственными племенами, — все на западѣ, до нынѣшняго Алжира, опустошалось египетскимъ войскомъ, волей-неволей признавая грознаго фараона. Въ память выдающихся и незабвенныхъ походовъ этой отдаленной эпохи одинъ изъ современныхъ ей пѣвцовъ написалъ своего рода побѣдный гимнъ и начерталъ его на черной гранитной доскѣ, поставленной въ карнакскомъ храмѣ. Слогъ произведенія, несмотря на витіеватость древней грамматики, тѣмъ не менѣе очень поэтиченъ и составленъ въ чисто восточномъ вкусѣ. Ни риѳмы, ни размѣра нѣть; но за то есть ритмъ и, подобно пѣснямъ трубадуровъ и труверовъ, строеніе отдѣльныхъ частей симметрично, картины же изобилуютъ неожиданными сопоставленіями и параллелями. Слова, а иногда и цѣлыя фразы съ умысломъ повторяются, — послѣ нѣкоторыхъ перерывовъ, — придавая музыкальную прелесть всему произведенію.

Въ Рамессеумѣ развертывается, въ свою очередь, рядъ сценъ, гораздо болѣе конкретнаго содержанія, и потому-то чрезвычайно ярка и чрезвычайно красива связанная съ ними рѣчь. Сухое перечисленіе завоеваній Тотмеса тутъ смѣняется обрисовкой того, что случилось въ походѣ съ предпріимчивымъ и хранимымъ богами царемъ Рамзесомъ II.

Когда узнаешь, именно здѣсь, объ этихъ давно минувшихъ дняхъ — думается, что какъ-бы само прошедшее смотритъ на насъ съ высоты отмѣченныхъ имъ стѣнъ, — и притомъ что за прошедшее! Не жизненнѣе-ли даже оно знакомой съ дѣтства Иліады, если одинаково съ ней приближаетъ наше воображеніе къ той глухой старинѣ и хотя минутно роднитъ насъ съ тѣмъ, что проникнуто духомъ величія?

О чемъ же говоритъ твореніе Пентаура? Востокъ (мятежный Востокъ!), въ лицѣ нѣсколькихъ покоренныхъ до того племенъ и народовъ греко-малоазійскаго типа, сплотился противъ Рамзеса II, не страшится его мстительнаго наступленія, — напротивъ готовится встрѣтить и уничтожить усталыя отъ передвиженія египетскія войска. Но фараонъ идетъ по землѣ ханаанской, которая пока ему вѣрна, входитъ въ Сирію, высматриваетъ непріятеля. Послѣдній, при всей своей многочисленности, всетаки остерегается, всетаки не увѣренъ въ результатѣ открытаго сраженія, и потому подсылаетъ въ ненавистный станъ искусныхъ лазутчиковъ. Тѣ падаютъ ницъ передъ владыкой, говорятъ ему, будто они посланы частью раскаявшихся мятежниковъ, желающихъ возсоединиться со смѣлою ратью прежняго повелителя, и будто остальные отступили куда-то дальше на сѣверъ, за нынѣшній Алеппо. . . Рамзесъ торжествуетъ. Рамзесъ убѣжденъ въ справедливости подобнаго признанія. Окруженный лишь тѣлохранителями онъ устремляется впередъ.

Но въ руки солдатъ скоро попадаются новые лазутчики: ихъ бьютъ и заставляютъ сказать правду. Оказывается, что уже совсѣмъ близко находятся враги, намѣревающіеся внезапно напасть врасплохъ на царскую гвардію, которой одной немыслимо справиться съ противниками. Однако поздно. Отступленіе отрѣзано. Отовсюду наступаютъ и подавляютъ численностью туземные мятежники.

Фараонъ не пугается ихъ. Фараонъ самъ первый переходитъ къ нападенію. Шесть разъ прорывается онъ черезъ раставленныя ими въ боевомъ порядкѣ колесницы. Шесть разъ непріятель прогоняется къ сосѣдней рѣкѣ. Наконецъ еще подоспѣваютъ отставшія

ФАРАОНЪ ВЪ БОЮ.

египетскія войска, и побѣда безповоротно рѣшена. Вотъ въ сущности составъ историческаго повѣствованія, изъ [illegible] Пентауръ.

Что же мы видимъ на дѣлѣ? О чемъ собственно идетъ рѣчь? Пѣвецъ выбралъ именно тотъ моментъ, когда царя застигли врасплохъ, при неосторожномъ наступленіи малочисленнаго отряда. Іероглифы краснорѣчивѣе иной поздн[illegible] поэмы.

«Подлый вождь хиттитовъ и его союзники подкрались на встрѣчу фараону. [illegible], имѣя по три храбрыхъ человѣка на каждой колесницѣ, они устремились на сближенье. Первый натискъ былъ удаченъ. Тогда Рамзесъ, [illegible] свѣчу, облекся въ броню и, подобно разгнѣванному богу войны, погналъ [illegible] своихъ огромныхъ коней прямо на ненавистныхъ и презираемыхъ иноплеменниковъ.»

Въ виду захватывающаго духъ интереса, который представляетъ этотъ исторически [illegible] отрывокъ древняго произведенія, самая форма описанія мѣняется: лирическое настроеніе слушателей и зрителей должно сливаться и до нѣкоторой степени отождествиться съ настроеніемъ самого великаго царя. «Я былъ одинъ» — повѣствуетъ [illegible] ни одного изъ моихъ именитыхъ соратниковъ, никого изъ моихъ начальствующихъ стрѣлковъ или опытныхъ возничихъ не было со мною. Мои тѣлохранители покинули меня, бѣжали. . . Я остался одинъ, и тутъ-то я мысленно вознесся къ моему божественному отцу Амону: я-ли не слѣдовалъ согласно твоимъ велѣніямъ на всѣхъ путяхъ жизни? Я-ли не слушался тебя? Я-ли не воздвигалъ тебѣ храмовъ изъ крѣпкаго камня? Сколько тебѣ въ жертву приносилось десятковъ тысячъ быковъ, сколько рѣдкаго и благовоннаго дерева!! Всю вселенную заставлялъ я платить тебѣ дань. Взываю къ тебѣ, отецъ! услышь меня, воззри на мое бѣдственное положеніе! Я одинъ: всѣ народы земли [illegible] лись противъ меня. Вокругъ нѣтъ ни моихъ пѣхотинцевъ, ни моей конницы. Я зову, и никто изъ нихъ меня не слышитъ. Но ты, Амонъ, изъ себя представляешь болѣе чѣмъ [illegible] стрѣлковъ, болѣе чѣмъ сотни тысячъ всадниковъ. Что передъ тобою мощь человѣческая? Ты сильнѣе всѣхъ!»

«Царь по прежнему одинокъ. Непріятель все ближе тѣснитъ его, — и вдругъ, о чудо! богъ Амонъ появляется рядомъ съ взывавшимъ, ведетъ его къ побѣдѣ, протягиваетъ ему руку, одобряетъ его голосомъ.»

«Таинственный спаситель говоритъ: я — твой отецъ, — помощь моя осязательнѣе, чѣмъ помощь сотенъ тысячъ людей. Я цѣню мужество. Я удивился твое неустрашимое сердце. Я доволенъ тобою. . . Теперь моя воля совершится.»

«. . . И Рамзесъ, съ воплемъ побѣднаго упоенія, начинаетъ метать стрѣлы направо и налѣво. Подъ копытами его коней въ дребезги разбиваются 2500 непріятельскихъ колесницъ. Низвергаемые воины даже не смѣютъ направлять оружіе на всесокрушающаго фараона. Дротики и копья не слушаются ихъ, — не имѣющихъ возможности бороться, спасающихся бѣгствомъ, стремглавъ падающихъ въ рѣку и исчезающихъ въ водѣ, какъ исчезаетъ крокодилъ. Истребляемые даже не могутъ въ себя придти отъ неудержимаго страха и смятенія, даже не оборачиваются на истребителя, а онъ ихъ все настигаетъ и губитъ. . .»

«Тогда восточныя племена и народы поняли, что неземное существо помогаетъ царю, и воскликнули: это не человѣкъ — среди насъ, это — какой-нибудь воплотившійся богъ! Бѣжимъ, — не то всѣ поголовно будутъ истреблены! И бѣжали они, и Рамзесъ мчался за ними, уподобившись пожирающему огню.»

Конецъ поэмы производитъ уже ослабленное впечатлѣніе. «Египетское войско приходитъ на поле брани, шествуетъ по безчисленнымъ трупамъ. Вездѣ — умирающіе,

вездѣ — потоки крови. Какъ могъ владыка одинъ совершить рядъ такихъ невѣроятныхъ подвиговъ? А онъ упрекаетъ своихъ, стыдитъ ихъ тѣмъ, что покинутый въ началѣ сраженія вступилъ въ небывалый поединокъ съ милліонами людей. Только добрые кони сослужили вѣрную службу, только они достойны вѣчной благодарности и награды: отвести ихъ во дворецъ! держать ихъ въ постоянной холѣ! кормить въ присутствіи самого царя!»

На слѣдующій день враговъ окончательно покорили и заключили съ ними мирный договоръ, по которому вскорѣ одна азіатская царевна была выдана замужъ за фараона.

Нельзя быть въ Рамессеумѣ, въ теченіе двухъ часовъ, и не распространиться хоть вкратцѣ о произведеніи Пентаура. Гдѣ-же въ немногихъ словахъ передать весь драматизмъ

У НѢКОТОРЫХЪ СВЯЩЕННЫХЪ ИЗВАЯНІЙ.

описываемаго легендарнаго положенія! Какъ поддѣлаться подъ утонченно-оригинальный слогъ творенія, украшающаго Рамессеумъ. Наши современные авторы не умѣютъ, да едвали и могли-бы такъ мыслить и говорить. Только тамъ, гдѣ пѣвцы стояли еще въ непосредственной близости къ народному культу, къ первобытнымъ вѣрованіямъ и къ міру сверхъестественныхъ явленій — только тамъ способна была сложиться и остаться въ назиданіе потомству подобная поэма. Насколько извѣстно, она воспроизведена на четырехъ уцѣлѣвшихъ памятникахъ (въ Луксорѣ, въ Абидосѣ около верхне-египетскаго мѣстечка Бельянэ, въ нубійскомъ храмѣ-скалѣ у Абу-Симбела на Нилѣ и здѣсь, близь Ѳиванскаго некрополя). Пятое изданіе, — безъ изображеній, — встрѣчается на стѣнахъ карнакскаго святилища. То, которое — въ Нубіи, наиболѣе грандіозно по размѣрамъ. Тамъ есть одна картина, занимающая площадь въ двѣ тысячи квадратныхъ футовъ, на которой высѣчено нѣсколько тысячъ фигуръ.

Кромѣ этихъ такъ-сказать каменныхъ лѣтописей насчитывалось еще множество воспроизведеній той-же поэмы на папирусѣ.

Египтологи обращаютъ вниманіе на одну уцѣлѣвшую въ Рамессеумѣ подробность: послѣ битвы изображенъ князь города Алеппо, вытащенный въ безсознательномъ состояніи изъ рѣки. Его держатъ головою внизъ, чтобы изо рта хлынула вода. Краски еще уцѣлѣли и можно различить, къ какому племени принадлежалъ пострадавшій: волосы и борода у него — со свѣтлымъ, рыжеватымъ оттѣнкомъ, глаза голубые.

Неровными тропинками направляется дальнѣйшій путь къ старому коптскому селенію Мединэтъ-Абу. Около одной древней постройки туземныя дѣти, собравшись въ кружокъ, провожаютъ Ихъ Высочества пѣніемъ.

Снова въѣзжаешь въ цѣлый лабиринтъ поколебленныхъ стѣнъ и башенъ, съ угрюмыми галлереями вокругъ дворовъ, среди которыхъ торчатъ подножія и обломки колоннъ. Нужны часы, чтобы хоть вскользь ознакомиться съ развалинами, нужны безконечные комментаріи, чтобы уяснить себѣ значеніе каждой части этихъ связанныхъ другъ съ другомъ и въ различное время воздвигнутыхъ сооруженій. Но день, отданный на посѣщеніе западнаго берега Ѳивъ, уже до того переполненъ многосложными наблюденіями, что нѣтъ ни силъ, ни желанья съ одинаковымъ вниманіемъ во все вникать: любознательность изсякаетъ мало по малу сама собой отъ чрезмѣрнаго и умственнаго, и физическаго напряженія.

Тѣмъ не менѣе памятникъ, высящійся передъ осматривающими его Августѣйшими путешественниками, въ общемъ поражаетъ своими очертаніями и вызываетъ въ памяти нѣкоторыя характерно-яркія подробности.

Такъ вотъ она — сокровищница царя Рампсинита! Здѣсь, въ числѣ драгоцѣнностей, хранились разныя магическія письмена. Обладаніе ими прельстило одного изъ надзирающихъ за стадами фараона. Каменьщикъ, участвовавшій въ построеніи зданія, выдалъ тайну, какъ проникнуть въ его сокровеннѣйшіе уголки. Захвативъ желаемое, первый сталъ вредить людямъ (при помощи чародѣйства), былъ схваченъ, судимъ и приговоренъ къ самоубійству. Послѣднее нерѣдко давалось тогда на выборъ уличеннымъ въ преступленіяхъ государственнаго характера, которыя, въ виду дворцовыхъ интригъ, случались весьма часто. Такой конецъ, вѣроятно, многими предпочитался столь же обычному лишенію носовъ и ушей.

Что же такое Мединэтъ-Абу? Дѣйствительно-ли это жилой чертогъ выдающагося владыки (какъ предполагали иные ученые) или же просто памятникъ въ честь его величія, гдѣ духъ Рамзеса III (коего могила осматривалась сегодня утромъ) могъ пребывать, упоенный собственнымъ блескомъ и непомѣрною роскошью? Трудно рѣшить, хотя второе толкованіе гораздо правдоподобнѣе. Египетскіе цари воздвигали только съ религіозными цѣлями каждое изъ своихъ нетлѣнныхъ сооруженій.

Видишь изображенія подъ разукрашеннымъ ими окномъ, откуда иногда будто-бы смотрѣлъ фараонъ, — изображенія сѣверянъ тевкровъ и пелазговъ, этрусковъ и сардинцевъ. Полуарійскія племена Малой Азіи и южной Европы находились тогда въ сильнѣйшемъ броженіи и передвигались вдоль всего Средиземнаго моря: съ тамошними коренными жителями они отчасти бились, имѣя опорный базисъ въ лагеряхъ съ телѣгами, въ которыя впрягались быки и гдѣ оставались семьи странствовавшихъ воиновъ, отчасти-же нападеніе производилось съ искусно управляемыхъ судовъ.

Здѣсь врѣзана въ камень картина впервые увѣковѣченнаго морскаго сраженія и варварскаго нашествія на Египетъ. Самъ Рамзесъ III мечетъ стрѣлы во враговъ. У нихъ

на головахъ уборъ изъ перьевъ, точно у краснокожихъ индѣйцевъ. Непріятели побѣждаются. Фигуры плѣненныхъ — подъ окномъ, на которое можетъ опираться фараонъ, — въ сущности должны какъ-бы служить нагляднымъ выраженіемъ его торжества. Тамъ дальше, внутри трехъэтажнаго сооруженія, находятся помѣщенія со стѣнописью, повидимому изображающею обнаженныхъ сѣверянокъ — рабынь (съ красивымъ греческимъ профилемъ). Онѣ подносятъ цвѣты Рампсиниту, играютъ съ нимъ въ шашки, ухаживаютъ за царемъ.

Наивное міросозерцаніе того времени обусловливало, что письмена на постройкахъ говорили рѣшительно обо всемъ. Напримѣръ, въ Мединэтъ-Абу упоминается о разгромленіи западныхъ Ливійскихъ племенъ и тутъ же обозначается, сколько взято и какой именно добычи: 119 штукъ рогатаго скота, 115 мечей въ 5 аршинъ длины, 93 боевыхъ колесницы, 2310 колчановъ, 183 лошади и осла и т. д. Развѣ не удивительно, не забавно?

КОЛОССЪ МЕМНОНА.

Наряду съ этимъ узнаешь, что въ сокровищницѣ хранились тяжелые мѣшки съ золотомъ, цѣлыя полосы серебра, лазоревые и зеленоватые камни, много мѣди (изъ рудниковъ Синайскаго полуострова), жертвенныхъ куреній, драгоцѣнныхъ статуй, сосудовъ, украшеній.

Фараонъ съ гордостью добавляетъ: «я повсюду заботился о разсадкѣ деревьевъ, о культурѣ растеній, о полной безопасности отъ разбоевъ внутри страны.» Когда же надвигались враги, онъ, по образному выраженію одного древняго памятника, обрушивался на нихъ подобно гигантской глыбѣ розоваго гранита: кровь ихъ смѣшивалась съ землей, какъ воды наводненія во дни разлива Нила.

Отъѣзжая и отъ этой стародавней достопримѣчательности, Августѣйшіе путешественники постепенно приближаются къ рѣкѣ, для обратной переправы. Единственная остановка по дорогѣ — у пресловутыхъ колоссовъ, когда-то украшавшихъ входъ въ безслѣдно исчезнувшее святилище Аменхотепа III-го. Они — изъ мокаттамскаго плитняка, изуродованы, довольно безформенны, вообще представляютъ печальное явленіе. Одноименный царю художникъ, воздвигавшій ихъ, отмѣчая фигуры своимъ рѣзцемъ, въ видѣ вызова грядущему предсказалъ обѣимъ статуямъ безсмертіе. Но послѣднее, — хотя и выпало имъ на долю, — тѣмъ не менѣе безславно.

Въ древности еще было иначе: одинъ колоссъ, разрушаясь, сталъ издавать странные пѣвучіе звуки, привлекшіе общее вниманіе, какъ нѣчто сверхъестественное.

Именитые римляне (даже императоры) посѣщали Ѳиванскій некрополь съ намѣреніемъ услышать эту жалобу титана. У классическихъ писателей сложилось преданіе, будто онъ

ГОСТИННИЦА ЛУКСОРА.

изображаетъ сына «Зари» — Мемнона, вождя эфіоповъ, сраженнаго Ахилломъ въ [illegible] подъ Троею. Здѣсь, близь Ливійской гряды, павшаго героя по преданію ежедневно кропила раннею росою безутѣшно плачущая мать — и, словно въ отвѣтъ на ея горе, каменное изваяніе издавало не то вздохъ, не то слабое стенаніе. Прежде ихъ старались истолковать обманными пріемами жречества; но теперь это проще объясняется дѣйствіемъ утренней теплоты на влажныя трещины вдоль мнимаго Мемнона. При Септиміи Северѣ его реставрировали, и онъ навсегда умолкъ.

Для контраста съ омертвѣвшею стариной рѣшено закончить день среди оригинальной обстановки арабскаго обѣда (по мѣстному «эль-гхада»).

Ихъ Императорскія Высочества удостаиваютъ посѣщеніемъ жилище туземца, на семьѣ котораго вотъ уже тридцать лѣтъ лежитъ исполненіе обязанностей русскаго консула. Понятно, съ какимъ восторгомъ тамъ принята столь великая милость. По дорогѣ ту[illegible] черезъ заросшій миртами и пальмами обширный садъ Луксорской гостиницы для прі[illegible]жихъ, — Наслѣднику Цесаревичу подносится букетъ отъ ея хозяина.

Пріемная комната (и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы кабинетъ) египтянина, почтеннаго пребываніемъ въ ней Августѣйшихъ путешественниковъ, отдѣлана на левантійски-европейскій ладъ съ портретами царственныхъ Особъ по стѣнамъ. Въ ожиданіи своебразнаго угощенія, не видишь еще ничего характернаго, о чемъ бы стоило упоминать.

Вскорѣ появляются слуги съ металлическими кувшинами «ибрикъ» и большими тазами для омовенія рукъ. Эти тазы — «тиштъ» — съ двойнымъ дномъ: первое сна[illegible]жено многочисленными отверзтіями, дающими стокъ водѣ. Каждому приглашенному подается полотенце «фута», которое должно служить на все время обѣда, такъ [illegible] ѣсть придется безъ вилокъ и [illegible].

Затѣмъ Ихъ Высочества со свитой переходятъ въ другую комнату, гдѣ — уже при отсутствіи сидѣній — гости по восточному разсаживаются на полу, вкругъ маленькихъ и низенькихъ столиковъ (на подобіе табуретовъ), съ перламутровой инкрустаціею, орнаментомъ изъ слоновой кости и тонкою узорчатою рѣзьбой. Ради удобства располагаешься на коврѣ, подобравъ подъ себя ноги. За спину подкладывается высокая подушка.

Августѣйшіе путешественники и часть сопровождающихъ лицъ помѣщаются съ хозяиномъ у одного столика. Остальные весело садятся, — гдѣ попало, — у слѣдующихъ. Оживленное настроеніе дѣйствуетъ крайне живительно послѣ испытаннаго переутомленія.

Вереница слугъ ставитъ на табуреты передъ нами круглые и плоскіе массивные подносы. Кромѣ деревянныхъ ложекъ нѣтъ инаго прибора. Но когда объѣдешь Ѳивы, то немудрено ощущать здоровый аппетитъ и отнюдь не смущаться простотою туземнаго взгляда на вещи. Отъ вкуснаго ароматнаго супа въ фарфоровыхъ чашечкахъ — переходъ къ сочному жареному ягненку. Блюда быстро чередуются. По арабскому обычаю подобаетъ отвѣдать каждаго, но не выказывая при этомъ особеннаго предпочтенія никакому.

Довольно затруднительно, обѣдая такимъ образомъ въ первый разъ, услѣдить за двумя десятками мелькавшихъ кушаній и опредѣлить ихъ, — зачастую по одному запаху и цвѣту, — такъ какъ прикоснуться къ сладковатой снѣди пальцами, съ которыхъ не успѣлъ еще стереться жиръ, по непривычкѣ, очевидно, не рѣшаешься, — а домочадцы консула безъ малѣйшаго промедленья убираютъ поданныя миски и замѣняютъ ихъ нов[illegible]. Пища не слишкомъ горяча. Мясо обыкновенно мелко нарублено. При помощи хлѣба есть возможность справляться съ приглянувшейся ѣдой. Изъ-за любопытства, съ которымъ

относишься къ произведеніямъ незнакомой кухни, постоянно происходятъ юмористическіе эпизоды: казавшееся лакомымъ кусочкомъ на дѣлѣ выходитъ, по нашимъ понятіямъ, почти гадостью, — и наоборотъ, такъ что обладающіе гастрономическими наклонностями поминутно приходятъ къ неожиданнымъ открытіямъ. Чередованіе сладкаго съ прѣснымъ и острымъ упраздняетъ для туземцевъ всякую потребность въ винѣ за обѣдомъ. Послѣднимъ блюдомъ приносится рисъ, сваренный на молокѣ. Туземное угощеніе удалось на славу!

За трапезой у древнихъ египтянъ было обыкновеніе показывать присутствующимъ маленькое деревянное изображеніе раскрашенной муміи, для напоминанія о томъ, что ждетъ человѣка. По словамъ Геродота, ее носили межъ гостей, когда они уже успѣвали насытиться.

Это страшное воззваніе, обращавшееся къ людямъ въ моментъ наступающаго равновѣсія между силами тѣла и духа, давно, конечно, забыто въ Египтѣ. Здѣсь, положимъ, принято, какъ и вообще на Востокѣ, молчаливо и сдержанно держать себя за столомъ; но до столь утонченнаго варварства, наглядно заводить при этомъ рѣчь о смерти, современники хедивовъ, съ ихъ слегка эпикурейскимъ міровоззрѣніемъ, и въ мысляхъ не способны [illegible].

Въ концѣ обѣда, молодой племянникъ хозяина, Мустафа Саидъ, отъ глубины растроганнаго сердца произнесъ старательно имъ задуманное и, по мѣрѣ умѣнія, оформленное французское привѣтствіе Наслѣднику Цесаревичу.

Тихо на рѣкѣ. Близко къ полуночи. Пароходы у луксорскаго побережья погружены въ сонъ и мракъ. Подводя итогъ всему, что удивляло и чаровало въ теченіе дня, не можешь не признать долины погребенія царей и навѣянныхъ ею размышленій за самое яркое и величественное воспріятіе. До сихъ поръ ничего подобнаго, по грандіозности и по глубинѣ, не встрѣчалось еще на пути Ихъ Императорскихъ Высочествъ, — да едва-ли скоро и встрѣтится.

Развалины за Великокняжескою яхтой озарены мягкимъ лазоревымъ свѣтомъ луны, представляются одѣтыми въ снѣжно-ледянистую мерцающую ризу. Тѣни движутся по нимъ. Если только дать волю усталому воображенію, Богъ вѣсть, что почудится. Но къ чему станетъ мерещиться небылица, когда дѣйствительность окрестъ насъ полна невѣроятныхъ фактовъ, непостижимыхъ явленій?! Передъ очами впечатлительнаго туриста, посѣтившаго Бибанъ-эль-мулукъ, на первыхъ порахъ поминутно встаетъ угрюмый входъ въ «глубину», гдѣ напрасно хотѣли укрыться царскія муміи. Говорятъ, что какая-то изъ

нихъ, привезенная въ Каирскій музей, однажды подъ вечеръ случайно распеленалась, въ неподходящей для нея обстановкѣ, и, къ общему ужасу, съ нѣмою укоризной подняла руку надъ головой.

[illegible]!
Твой царственный покой нарушенъ и смущ[illegible]:
Надъ тайною твоей склонились чьи-то [illegible],
Читая въ тишинѣ угаснувшихъ време[illegible].

Живыя письмена загадочнаго лона
Пытливому уму понятны и [illegible]
Могилы уже нѣтъ — останки ф[illegible]
На зрѣлище [illegible].

А [illegible],
Среди тоскливыхъ стѣнъ заглохшаго [illegible],
[illegible]
Коснуться можетъ рукъ, и груди, и [illegible] —

[illegible],
Груди, откуда свѣтъ струил[illegible],
Вѣнчаннаго че[illegible],
Какъ будто глубину паденья с[illegible]!

ДО ПОРОГОВЪ НИЛА
И
ВЪ МЕМФИСЪ.

Понедѣльникъ 19 ноября (1 декабря).

Краткій отдыхъ. Мы все еще въ Ѳивахъ! (я предпочитаю, ради иллюзіи, выражаться такъ вмѣсто Луксора). Раннее утро и очаровательная окрестность. . . Положимъ, близкія горы кажутся обнаженными и черезчуръ отвѣсными, — положимъ, кое-гдѣ просвѣчиваетъ бурая пустыня; но лучи оживляютъ темнозеленую равнину и въ связи съ этимъ разцвѣтаетъ цѣлый особый міръ красокъ, совершенно новый для сѣверянъ.

Впрочемъ, здѣсь и восходъ, и закатъ одинаково поражаютъ. Нашихъ сумерокъ нѣтъ. Солнце быстро всплываетъ надъ горизонтомъ и столь же быстро исчезаетъ. Гдѣ грань между ночью и днемъ? Гдѣ вокругъ дѣйствительно кончается полоса культуры, чтобы уступить безплодью? Отъ него къ ней — одинъ шагъ, отъ мрака къ свѣту — почти одно мгновенье.

Въ шестомъ часу яхта «Фейзрабани» съ сопутствующею ей «Хэхіэю» дымятъ уже по направленію на югъ. Предстоитъ пройдти около ста верстъ противъ теченія для достиженія Эдфу, которое замѣчательно сохранившимся тамъ святилищемъ, — до того неприкосновеннымъ въ своей первобытной красотѣ и мельчайшихъ подробностяхъ, что посѣщеніе его (такъ сказать, съ эстетической точки зрѣнія) обязательно при обозрѣніи Верхняго Египта.

Известнякъ, входящій въ составъ возвышенностей, подступающихъ къ Нилу съ востока, смѣняется плитнякомъ, еще ярче, — но безъ прежняго золотистаго оттѣнка, —

Въ древнемъ святилищѣ.

и еще суровѣе отсвѣчивающимъ въ дневномъ сіяніи. У Эрмента, съ западной стороны, берегъ густо покрытъ сикоморами. Дальше мѣстность иногда опять представляется въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Послѣ завтрака — предположенная остановка у того мѣстечка, гдѣ нѣкогда съ необыкновенною торжественностью чтился Горусъ, сынъ бога Озириса, умерщвленнаго страшнымъ враждебнымъ ему божествомъ Сетомъ. Выступая пламеннымъ мстителемъ за отца и тоскующую мать, олицетвореніе свѣтлаго начала здѣсь, въ Эдфу, еще въ миѳическія времена ведетъ упорную борьбу съ силами мрака, какъ-бы являя собою образецъ долготерпѣнія, мужества и энергіи пришельцевъ изъ Азіи, углублявшихся для колонизаціи въ неподдававшуюся тогда никакой правильной культурѣ, почти непочатую глушь сѣверныхъ областей прінильскаго побережья, безъ сомнѣнія населенныхъ лишь дикими и звѣроподобными автохтонами. Лучистый Горусъ, неутомимый борецъ, во всѣхъ религіозныхъ представленіяхъ и туманныхъ сказаніяхъ старины играетъ при этомъ роль защитника, покровителя, вождя добрыхъ духовъ и всегда, по первому призыву, готовъ устремиться на непризнающаго исконный пантеонъ (съ солнцемъ «Ра» во главѣ) и покровительствующаго инородцамъ бога Сета. Необъяснимымъ остается, почему этимъ именемъ тѣмъ не менѣе величались даже цари. Разгадка тайны затеряна въ древности.

Передъ взорами Августѣйшихъ путешественниковъ снова высятся стѣны одного языческаго святилища. Въ чертѣ нетлѣннаго сооруженія, переходя изъ доступныхъ толпѣ притворовъ кумирни къ полутемнымъ покоямъ болѣе сокровеннаго характера, невольно рисуешь себѣ приблизительную картину того, чѣмъ былъ въ дѣйствительности этотъ храмъ въ Эдфу, пока еще его оберегала и холила правительственная рука. Внѣшнему блеску туземнаго культа, конечно, въ значительной степени способствовало и то, какъ умѣли себя обставлять непосредственные слуги алтарей.

Египетскіе жрецы брили голову, одѣвались въ бѣлое и носили пурпурныя сандаліи. Въ знакъ сана черезъ плечо была перекинута леопардовая шкура. Старшіе между священнослужителями назывались «пророками». При капищѣ встрѣчались также жрицы, изъ коихъ нѣкоторыя считались искусными музыкантшами и происходили изъ царскаго рода. Убранство святилищъ отличалось необычайною роскошью. Драгоцѣнные индійскіе камни, чудные ковры и затканныя золотомъ завѣсы наполняли внутренность «жилища боговъ», гдѣ въ богатыхъ оправахъ изъ сафировъ и изумрудовъ арфы ждали прикосновенія къ вѣщимъ струнамъ.

Когда фараонъ приходилъ поклониться богамъ, его здѣсь встрѣчали трубнымъ гласомъ и барабаннымъ боемъ. Воплощенному на землѣ свѣтилу выносились для привѣтствія изображенія его предковъ — владыкъ, различныя религіозныя эмблемы, жертвенная утварь и т. д. Правитель страны могъ видѣть лелѣемыхъ въ кумирнѣ священныхъ животныхъ и лицезрѣлъ центральнаго кумира-властителя — подъ балдахиномъ, въ цвѣтахъ и повязкахъ, — окруженнаго опахалами и съ парусомъ въ рукахъ одного прислуживающаго жреца, какъ символомъ прохлады и радости.

Ихъ Высочества идутъ по безмолвному храму въ Эдфу, какъ-бы застывшему въ своей величественной неприкосновенности. Каждая черточка стѣнописи, каждая высѣченная въ камнѣ фигура и пояснительная надпись уцѣлѣли. Жизненныя основы древняго Египта исчезли, но осматриваемое нами сооруженіе окончено точно вчера и прошедшее

облекается воображеніемъ въ плоть и краски не подъ вліяніемъ жалкихъ развалинъ и могильныхъ обломковъ, а при созерцаніи незыблемо-могучей дѣйствительности.

По старымъ папирусамъ есть возможность прослѣдить многія характерныя черты языческой обрядности и возстановить болѣе или менѣе полную картину культа боговъ въ святилищахъ. Нашъ русскій египтологъ Леммъ представилъ по этому предмету нагляднѣйшее научно-литературное описаніе. По утру, на зарѣ, очередной жрецъ входилъ въ сопровожденіи другихъ священнослужителей въ такъ называемый «чертогъ огня», гдѣ онъ ими высѣкался при произнесеніи необходимыхъ заклинаній; затѣмъ они брали курильницу и, зажегши благовонія направлялись въ главный запечатанный покой, вмѣщавшій изображеніе «Амона-Ра». Въ присутствіи кумира, священнодѣйствующіе благоговѣйно падали ницъ и, прикоснувшись лицомъ къ землѣ, начинали взывать къ дивному богу, моля и славословя его. Они натирали идола драгоцѣннымъ пахучимъ елеемъ, съ примѣсью меда, окуривали его и временно покидали (до начала процессіи, выходившей обыкновенно къ народу со святынею на рукахъ). Амона-Ра выносили въ закрытомъ ковчегѣ, одинъ ужъ видъ котораго поражалъ и умилялъ толпу вѣрующихъ! По возвращеніи въ храмъ торжественнаго шествія, жрецы опять приступали къ очистительнымъ обрядамъ, окропляли священное изображеніе попеременно изъ черныхъ и красныхъ сосудовъ, обмывали его и окружали благовоннымъ дымомъ. Потомъ кумиръ облекали въ ткани бѣлаго, зеленаго, ярко-краснаго и темно-краснаго цвѣта. Туловище идола еще разъ умащалось рѣдкими мазями, а глаза бездушнаго лика подводились зеленою и черною краскою.

Внѣшній видъ статуи извѣстенъ. «Амонъ-Ра» изображался крѣпкимъ мужемъ съ пестрымъ уборомъ изъ перьевъ на головѣ, въ короткой, пышной одеждѣ, съ золотымъ ожерельемъ на шеѣ, съ широкими золотыми обручами на рукахъ и на ногахъ. Придаваемая богу голубая окраска свидѣтельствовала объ его связи съ лазурною твердью. Два бараньихъ рога посвященнаго ему животнаго иногда украшали голову дивнаго небожителя. Назвавшись его сыномъ, Александръ Македонскій (какъ Искандеръ Зулькарнейнъ) сталъ съ такими же аттрибутами героемъ восточныхъ легендъ и, обратившись въ нѣчто чисто миѳологическое, является и на монетахъ, и въ сказкахъ, подъ личиною таинственнаго «двурогаго» существа.

Обойдя храмъ, Августѣйшіе путешественники поднялись изъ его перваго входнаго двора, по узкой и темной, но удобной, лѣстницѣ въ 242 ступени, на одну изъ башенъ, подымающихся по обѣимъ сторонамъ лицеваго фасада. Широкая панорама развернулась передъ взорами Ихъ Высочествъ, полная контрастовъ и странно гармонирующихъ красокъ. Горячія плиты верхнихъ длинныхъ площадокъ сіяли какъ совершенно новыя: отверстія на нихъ во внутрь массивнаго сооруженія (служившія не проводниками свѣта во мракъ сокровенныхъ частей святилища, а только для испаренія жертвеннаго дыма) на половину прикрыты и увеличиваютъ иллюзію нетронутости цѣлаго. Тѣсно вблизи — феллахское жилье и цвѣтущая обработанная мѣстность; немного поодаль — песчаные пустыри: человѣкъ отсюда наглядно видитъ картину борьбы между плодородіемъ и безплодіемъ, видитъ и старается найдти разгадку разлада въ природѣ.

Хотя сохранившійся до нашихъ дней храмъ въ Эдфу (прежнемъ Атбо, что означало «прободаніе» побѣжденнаго здѣсь злаго бога Сета) воздвигнутъ и разукрашенъ во времена владычества Птолемеевъ, въ теченіе ста восьмидесяти лѣтъ прилагавшихъ не мало усилій, чтобы отчасти здѣсь поддержать или-же блестящимъ образомъ реставрировать египетскую

старину; но основа святилищу несомнѣнно положена гораздо ранѣе, въ такую эпоху, которую трудно и опредѣлить. Старѣйшій изъ мѣстныхъ боговъ Пта созидалъ уже тутъ кумирню въ честь солнца «Ра». Почему-то этотъ пунктъ на Нилѣ считался исходнымъ для ряда славныхъ и стремительныхъ походовъ бога Горуса противъ «князя тьмы». Описанія совершавшихся дѣяній и преслѣдованій, и ожесточенныхъ схватокъ съ врагомъ, конечно, проникнуты духомъ преданій, давно уже ставшихъ необъяснимыми; но они до такой степени характерны, что, при посѣщеніи Эдфу, какъ-то само собой становится понятна странная жизненность мѣстной древней религіи.

ЭДФУ.

Богъ «Ра» плыветъ по Нилу въ сопровожденіи свѣтлой дружины; сопутствующій ему Горусъ говоритъ, что видитъ вдали замышляющихъ коварство враговъ и, по приказанію верховнаго своего божества, устремляется на нихъ, въ видѣ крылатаго солнечнаго диска, ослѣпляетъ ихъ натискомъ, оглушаетъ нападеніемъ, — такъ что сторонники враждебнаго солнцу бога Сета въ безпорядкѣ и смятеніи начинаютъ сражаться другъ съ другомъ и истреблять другъ друга. Оставшіеся послѣ этого въ живыхъ кидаются въ воду, обращаются въ крокодиловъ и гиппопотамовъ и, въ такомъ видѣ, снова съ угрозой приближаются къ баркѣ бога «Ра» съ цѣлью его поглотить; но Горусъ и его соратники бдительно охраняютъ верховное божество и нещадно истребляютъ оборотней. Они бѣгутъ на сѣверъ, но лучезарный сынъ Озириса гонится за ними съ желѣзнымъ копьемъ

и съ цѣпью въ рукахъ и, гдѣ только настигнетъ быстро спасающихся отъ него, всюду истребляетъ противниковъ; преслѣдованіе продолжается все дальше и дальше, къ низовьямъ Нила. Враги «Ра» прячутся въ водѣ каналовъ, но и здѣсь имъ не укрыться отъ зоркаго Горуса.

Древне-египетскія надписи въ храмахъ педантично отмѣчаютъ, гдѣ имъ уничтожено 145 враговъ, гдѣ больше, гдѣ меньше. При одной удачной ловитвѣ Горусъ казнитъ на носу солнечной барки 380 сторониковъ Сета. Увидавши это торжество свѣтлыхъ началъ, послѣдній самъ выходитъ въ неистовствѣ на бой со своимъ непримиримымъ недругомъ, который однако его въ свою очередь одолѣваетъ, вяжетъ и приводитъ къ «Ра». Окончательно стереть Сета съ лица земли невозможно, потомучто онъ — существо безсмертное. Побѣды Горуса приводятъ лишь къ тому, что «князь тьмы» обращается въ змѣю, уползающую въ землю.

Невольно возникаетъ вопросъ, что есть общаго и родственнаго въ древнѣйшихъ ученіяхъ Египта и Ирана. На берегахъ Нила своеобразно рисовался и истолковывался вѣковѣчный, нескончаемый бой между Ормуздомъ и Ариманомъ.

Когда нужно, Горусъ въ моментъ борьбы принимаетъ, какую угодно, внѣшность: то онъ въ образѣ льва съ человѣческимъ ликомъ мчится за врагами въ нагорную пустыню, раздирая настигаемыхъ своими острыми когтями и вырывая у нихъ языки, то онъ выѣзжаетъ за противниками въ море и тамъ досаждаетъ супостатамъ. Но они пользуются ночною темнотою, при которой свѣтлый воитель перестаетъ что-нибудь различать даже вблизи, и ускользаютъ отъ погони. Затѣмъ, вскорѣ опять идетъ рѣчь о новыхъ козняхъ, о новыхъ столкновеніяхъ — на этотъ разъ гдѣ-то далеко на югѣ, въ Нубіи, на граняхъ страны фараоновъ, куда нѣтъ — нѣтъ и напирало по временамъ темнокожее некультурное населеніе Внутренней Африки. Тутъ уже Горусъ старается испепелить враговъ, — и это ему иногда удается.

Въ знакъ побѣды египтяне, какъ уже сказано, изображали на памятникахъ своего неутомимаго борца и хранителя въ видѣ крылатаго солнечнаго диска (хутъ или бехутъ), украшавшаго входъ въ святилище и, — подобно маленькимъ пестрымъ знаменамъ, которыя тамъ же развѣвались на шестахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ, — отгонявшаго всякое нечистое вліяніе.

Магическія средства не помогли. Иновѣріе и безвѣріе шагнули за бережно охранявшуюся черту дымящихся алтарей. Феллахи цѣлыми семьями поселились въ кумирнѣ. Мусульманскій умъ не безъ отвращенія, но всетаки суевѣрно чуждаясь насильственнаго истребленія, взглянулъ на развѣнчанныхъ боговъ, унизывающихъ внутреннія фасады храма въ Эдфу. Египтологи навѣдались сюда съ цѣлью копировать и разбирать научно-важные іероглифы. Маррьэтъ добился приказанія хедива туземцамъ не обитать въ предѣлахъ археологически цѣннаго памятника, — и теперь онъ освобожденъ отъ сора, отъ загрязненія, отъ случайнаго вандализма.

На парапетѣ верхней башенной площадки, къ которому въ данную минуту прислонился Наслѣдникъ Цесаревичъ, ясными буквами начертана французская надпись въ память французской экспедиціи въ Верхній Египетъ при Бонапартѣ. Громкія и справедливо-горделивыя слова! Отрицательный результатъ тяжелаго и опаснаго похода! Кромѣ крови, пролитой (у Луксора и во многихъ другихъ мѣстахъ) въ храбрыхъ схваткахъ съ арабами, получавшими подкрѣпленія изъ Мекки, кромѣ блестящихъ страницъ въ своей военной исторіи, кромѣ тщеславныхъ отмѣтокъ объ этомъ на камняхъ принильской старины, — сподвижники генерала Дэзэ ничего послѣ себя не оставили въ краю.

Убого лѣпятся вокругъ титаническаго святилища въ Эдфу глиняныя постройки феллаховъ-пигмеевъ. На плоскихъ крышахъ сушатся и хранятся всякіе запасы. Узенькими ленточками искрится здѣсь и тамъ вода каналовъ. Когда-то на берегу послѣднихъ приносились жертвы «змѣинымъ божествамъ», населявшимъ будто-бы эту сѣть орошенья и заботившимся о благополучныхъ лѣтнихъ разливахъ рѣки. Когда-то по ней самой скользили богатыя барки, перевозившія кумировъ, которые пріѣзжали въ гости другъ къ другу: напримѣръ, Горуса навѣщала изъ своего религіознаго центра богиня Хаторъ. Въ доказательство вражды къ злому Сету египтяне закалывали свиней, напоминающихъ его пособниковъ въ оболочкѣ гиппопотамовъ: иногда также убивался съ такою же цѣлью нелюбимый въ древности оселъ, бѣдное животное, столь пригодившееся впослѣдствіе потомкамъ этихъ ревнителей. Онъ считался нечистымъ, принадлежалъ къ тварямъ бога тьмы.

Хотя копты съ неодобреніемъ, а то прямо враждебно, посматриваютъ на дѣятельность множества американскихъ миссіонеровъ, а мусульмане такъ тѣ и вовсе не обращаются, — эти вторые всетаки имѣютъ нѣкоторый незначительный успѣхъ, сосредоточиваютъ свое главное вниманіе, если не на обращеніи, то на воспитаніи дѣтей.

Мы ѣдемъ теперь назадъ отъ святилища Эдфу къ пароходной пристани, находящейся отъ него на разстояніи какой-нибудь полутора версты, и въ дверяхъ одного дома Августѣйшихъ путешественниковъ привѣтствуетъ маленькая школа, организованная заѣзжими проповѣдниками. Такихъ разсадниковъ западнаго просвѣщенія на Нилѣ насчитывается около ста. При довольно быстрой ѣздѣ на неизбѣжныхъ осликахъ, въ облакахъ нестерпимой пыли, которая вообще — одна изъ отрицательныхъ сторонъ каждой верховой экскурсіи у Нила, не успѣваешь поближе всмотрѣться въ этихъ воспитанниковъ западной миссіи среди туземцевъ края.

Слѣдомъ за нашей скачущей, растянувшейся по улицѣ кавалькадою, — тяжелой, неуклюжей, размашистой рысью поспѣваютъ верблюды со всадниками — солдатами верхнеегипетской «конницы», тутъ намъ еще попадающимися въ первый разъ. На своихъ выносливыхъ животныхъ они свободно совершаютъ длинные переходъ степями, успѣшно высматриваютъ все окрестъ для нападенья, а въ случаѣ опасности отъ сильнѣйшаго противника спѣшиваются, прячутся за послушно ложащимися «кораблями пустыни» и, образовавъ изъ нихъ кругъ, отстрѣливаются отъ врага.

Видѣть этотъ оригинальный конвой въ непосредственно близкомъ разстояніи, конечно, было любопытно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не особенно удобно, принимая въ разсчетъ легкомысленную неустойчивость туземныхъ осликовъ, которые, съ непривычки носить на спинѣ европейца, — всѣмъ корпусомъ налегающаго впередъ, тогда какъ мѣстные жители сидятъ на задней части туловища, нерѣдко оступаются и валятся, увлекая всадника на землю. Такое непредвидѣнное паденіе случается и сегодня съ однимъ изъ лицъ свиты Августѣйшихъ путешественниковъ, — причемъ бѣжавшіе прямо за нимъ два огромныхъ верблюда чуть-чуть не наскочили на упавшаго. Къ счастью, все оканчивается вполнѣ благополучно и даже забавно.

[illegible]

Окрестность все болѣе и болѣе измѣняется, становится живописнѣе и глуше. Пустыня развертывается въ еще болѣе неотразимомъ и дикомъ величіи. Какъ рѣшались

углубляться въ нее, хотя бы и ради залежей изумруда, предпріимчивые землекопы царства фараоновъ!

Плитнякъ вообще не подступаетъ такъ близко и отвѣсно къ побережью Нила, какъ подступали постоянно на нашемъ пути известковыя возвышенности. Но за Эдфу зрѣлище мѣняется. Низкія горы сдвигаются у исторически извѣстнаго «прорыва» Сельзелэ, который съуживается тутъ до какихъ-нибудь полутораста или двухсотъ саженей. Расширенію русла способствовало въ древности, кромѣ натиска самихъ водъ, и то обстоятельство, что цѣлыя стѣны камня на этомъ мѣстѣ скалывались постепенно для производства различныхъ монументальныхъ построекъ. Еще и теперь, проѣзжая мимо, кажется, что различаешь ступени, ведшія къ неисчерпаемымъ каменоломнямъ. При нихъ процвѣтало множество судовщиковъ, сплавлявшихъ плиты на сѣверъ.

Когда-то здѣсь будто-бы протянуты были цѣпи черезъ рѣку, для огражденія Египта отъ вторженія эфіоповъ; но это, конечно, — сказка, вызванная однозвучностью древняго слова «каменная стѣна» и арабскаго слова «цѣпь».

Яхта «Фейзрабани» встрѣчаетъ у Сельзелэ сильное теченіе и, поборовъ его, выходитъ на расширяющійся изгибъ Нила, стелющагося дальше озерною гладью. Здѣсь въ сущности кончается настоящій Египетъ. Дальше, южнѣе, и въ эпоху фараоновъ уже чувствовалась безпокойная, не поддававшаяся полному сліянію окраина.

Начинается Нубія. Оба берега становятся все желтѣе и безлюднѣе, народъ темнокожѣе и обнаженнѣе, селенья и купы деревьевъ рѣже и меньше. Воздухъ недвижимъ. Солнце печетъ немилосердно. Жара достигаетъ, пожалуй, тридцати градусовъ по Реомюру. И слѣда нѣтъ феллахскихъ голубятенъ, феллахскихъ женщинъ, спускающихся за водой. День освѣщаетъ однѣ нагія скалы и свѣтлыя струйки песку, пробивающіяся сквозь ихъ разсѣлины. Багрянецъ заката отличается, какъ говорятъ, чѣмъ-то зловѣщимъ.

На крутой возвышенности стоитъ красивый древній храмъ (эпохи Хатшепсу и вплоть до Птолемеевъ) исчезнувшаго города Нуби (или Унби), въ устахъ грековъ извѣстнаго подъ названіемъ Омбосъ. Арабы, видя лишь развалины (комъ), наименовали мѣсто «Комъ-Омбу». Съ одной стороны его заноситъ вѣтеръ пустыни, уже засыпавшій глинобитныя постройки прежнихъ горожанъ, съ другой стороны внизу роется и подмываетъ береговую

черту почти безшумная рѣка. Богъ безплодія — ненавистный египтянамъ Сетъ — въ сущности царствуетъ теперь надъ этимъ обрывомъ и надъ всею унылой окрестностью. Близкое къ изчезновенію святилище воздвигнуто было въ честь бога Себака съ крокодиловою головой (одного изъ олицетвореній Сета) и въ честь его брата, но вѣчнаго противника Горуса. Оба культа какъ-то непостижимо уживались вмѣстѣ: но послѣдній не уберегъ своего алтаря. Время, смерть, разрушеніе оказались могущественнѣе, чѣмъ начало гармоніи и процвѣтанія. Полоса безплодья со стороны Ливійской гряды — желтаго цвѣта, со стороны Аравійской — сѣраго. Узкій воздѣлываемый районъ принадлежитъ бедуинамъ племени Абабдэ. Здѣсь и тамъ видны туземцы, работающіе при помощи неуклюжихъ водочерпалокъ.

Довольно рѣдко въ однообразіи пустыря мелькаютъ финиковыя пальмы. Тусклозеленые кустарники, съ какимъ-то свинцовымъ отливомъ, попадаются по временамъ. Безлюдье идетъ рука объ-руку съ отсутствіемъ растительности. Только телеграфная линія, бѣгущая вдоль берега, свидѣтельствуетъ о связи глухаго окрестнаго края съ образованнымъ міромъ.

Область темно-алаго гранита встаетъ передъ нами вдали. Зноемъ юга дышетъ совершенно отличная отъ Верхняго Египта страна. Правда, что Августѣйшіе путешественники отдалились уже отъ Каира на 900 верстъ!

Второй часъ пополудни. Постепенно открываются: слѣва окаймленный пустыней Ассуанъ, справа цвѣтущій островъ Элефантина, представляющій собою какъ-бы мозаику изъ яркой зелени, золотистаго песку и обожженныхъ солнцемъ скалъ. Тамъ нѣкогда находился коммерческій и политическій центръ Нубіи. Греческое оставшееся за нимъ названіе получилось какъ переводъ древняго слова «абу» (слонъ), ибо здѣсь прежде происходилъ крайне оживленный обмѣнъ слоновой кости, привозившейся изъ внутренней Африки, на разные товары сѣвера и востока.

Городская пристань по обыкновенію разукрашена въ честь Августѣйшихъ путешественниковъ. На берегу ожидаютъ представители власти: мѣстный губернаторъ Махеръ-бей, англійскій полковникъ Кэннингхэмъ (командующій тутъ же выстроеннымъ баталіономъ негровъ) и другіе. Ихъ Высочества идутъ по фронту почетнаго караула. Чернокожіе солдаты-суданцы, насчитывающіе въ своихъ рядахъ преимущественно освобожденныхъ рабовъ, одѣты въ темносиніе мундиры съ бѣлыми стоячими воротниками. Какъ говорятъ, эти сильные люди — отличные служаки. Британскіе инструкторы, завѣдующіе ими по всей Нубіи до Уади Хальфы (у вторыхъ пороговъ) не нахвалятся преданностью и исполнительностью своихъ «blacks.»

Пестрая толпа тѣснится по набережной Ассуана, въ надеждѣ поближе взглянуть на Великихъ Князей и королевича. Кого въ ней только нѣтъ! — восторженные греки, сосредоточенные копты, невозмутимые турки, феллахи, нубійцы, бедуины, негры... Бѣлый цвѣтъ одежды чередуется съ голубымъ и коричневымъ. Какіе-то шкари (чуть-ли не съ Краснаго моря) съ огненными глазами и могучею копной курчавыхъ волосъ, завязанныхъ на затылкѣ, рѣзче всего выдѣляются среди своеобразнаго населенія. Туземныя женщины — въ темномъ, съ непокрытыми лицами, съ кольцами въ ноздряхъ и запястьями на ногахъ — дополняютъ, вмѣстѣ съ нагими ребятишками, оригинальную картину. Тогда какъ у здѣшнихъ мужчинъ голова выбрита и только на макушкѣ есть еще клокъ волосъ, заплетенный въ нѣсколько тонкихъ косичекъ, — таковыхъ цѣлыя десятки спускаются буклями, въ видѣ пробочниковъ, со щекъ и по шеѣ черныхъ представительницъ «прекраснаго пола.» Подобный головной уборъ, встрѣчаемый во многихъ мѣстахъ Внутренней

Африки, — видимо древняго происхожденія, ибо, уже судя по памятникамъ, нравился египтянкамъ въ давнія времена. Ассуанки бросаются въ глаза кромѣ того тѣмъ, что слегка татуированы, что края вѣкъ у нихъ натерты сурмянымъ порошкомъ, а руки отчасти окрашены въ оранжевый цвѣтъ посредствомъ листьевъ хэнны. Дочери Нубіи, кажется, мажутъ себѣ голову касторовымъ масломъ: это, въ связи съ остальнымъ сказаннымъ, рисуетъ ихъ въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ для европейца.

Опоясанный пышными пальмами городъ довольно живописенъ. Томившійся здѣсь въ изгнаніи сатирикъ Ювеналъ во всякомъ случаѣ не въ правѣ былъ жаловаться на природу. Нилъ у конца пороговъ положительно величественъ. Пересѣкающія его русло исполинскія глыбы гранита издали чернѣютъ и сверкаютъ на солнцѣ, словно спины купающагося стада слоновъ. Группы разноплеменнаго люда, свѣтлые верблюды съ красными сѣдлами, рамки знойнаго африканскаго безлюдья вокругъ, — все ласкаетъ и очаровываетъ взоры.

Ихъ Высочества направляются по желѣзнодорожной линіи, — построенной на протяженіи всего нѣсколькихъ верстъ для безопасной доставки товаровъ, минуя катарактъ, — къ знаменитому острову Филэ, вознесшему свои развалины на розовогранитномъ подножіи! За Ассуаномъ быстро начинается пустынное пространство, безотраднѣе «долины смерти» у Ѳивъ. Рельсовый путь идетъ легкимъ подъемомъ въ гору. Кое-гдѣ попадаются надмогильныя сооруженія, уже мусульманской эпохи. Между ними есть нѣсколько надъ прахомъ туземныхъ «святыхъ.» Затѣмъ мрачно стелется только красновато-желтый песокъ, надвигаются безформенныя возвышенности, съ дикими скалами, тѣснящими другъ друга: вся суровая окрестность даетъ представленіе о тѣхъ невыразимо тяжкихъ условіяхъ, при которыхъ здѣсь нѣкогда добывался для обелисковъ, саркофаговъ и прочаго мощный сіэнитъ, названный такъ по имени города, извѣстнаго грекамъ подъ именемъ Сіэны (арабскаго Ассуана). Оба слова произошли отъ древняго «Сунъ» (т. е. «вступленіе, входъ» въ страну), даннаго мѣстности изъ-за присутствія пороговъ Нила, который будто-бы именно тутъ, согласно ученію жрецовъ, пробивался на свѣтъ изъ подземнаго царства. Такъ думали вѣрующіе египтяне еще при Геродотѣ.

Переѣздъ отъ Ассуана къ пункту Шеллалю совершается въ двадцать минутъ. До посѣщенія острова Филэ, находящагося уже передъ нами, Августѣйшіе путешественники и свита, въ 2 большихъ лодкахъ, отправляются сначала внизъ по теченію, чтобы полюбоваться паденіемъ водъ съ прилегающихъ прибрежныхъ возвышенностей. Худощавые туземные гребцы (нубійцы — прирожденные судовщики, кормящіеся повсюду въ Египтѣ этимъ ремесломъ, благодаря скудости заработка въ родномъ краю) быстрыми весельными взмахами бороздятъ рѣку. Они — въ сѣрыхъ войлочныхъ тарбушахъ, въ цвѣтныхъ рубахахъ съ широкими рукавами, въ ситцевыхъ жилетахъ, застегнутыхъ спереди множествомъ мелкихъ круглыхъ пуговицъ, въ шароварахъ и на босу ногу. Мѣстные жители называются «бара́бра» (множественное отъ «бэрбэри.») Это — «кушиты» древности, ка́кая-то особенная расса, строго различающаяся и отъ негровъ, и отъ феллаховъ. Смуглость ея представителей зависитъ не отъ загара, который иногда гораздо сильнѣе опаляетъ поселянъ Ѳиваиды, а отъ причинъ органическихъ. Краснобурый шоколадной цвѣтъ кожи у нубійцевъ близко подходитъ къ окраскѣ обожженныхъ солнцемъ окрестныхъ скалъ. Между ними и населеніемъ есть что-то общее во внѣшности. Въ полярныхъ странахъ наблюдаются аналогичныя явленія присущей тварямъ бѣлизны: а гороховый оттѣнокъ лицъ у египтянъ между Эдфу и Ассіутомъ развѣ не напоминаетъ кофейнаго оттѣнка водъ самого Нила?

У ПОРОГОВЪ.

Наши «бара́бра» необыкновенно типичны: высокій и прямой лобъ, тонкія брови, продолговато-узкій обликъ безъ выдающихся скулъ, толстыя губы, не прикрывающі[illegible] [illegible]овъ. У нѣкоторыхъ гребцовъ (смотря по примѣси южной или сѣверной крови) волосы курчавѣе, носъ вдавленнѣе, оболочка глазныхъ яблоковъ — съ желтоватымъ отливомъ, или же напротивъ внѣшность — скорѣе феллахс[illegible].

При искусной греблѣ запѣвала правильнымъ ритмическимъ ходомъ звуковъ ободряетъ товарищей въ работѣ. Каждый разъ, когда пѣсня почему-нибудь обрывается, они съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ какъ-бы удивленія и удовольствія громко восклицаютъ: «а . . . а . . . а . . .». Въ крикѣ слышится и печаль, и чувство облегченія, и [illegible].

Мы пристаемъ къ одному мыску съ отлогимъ подъемомъ, откуда виденъ во всей его далеко не отвѣчающей ожиданіямъ, но всетаки грозной силѣ катарактъ, игравшій такую роль въ воображеніи древнихъ. Стремнина мѣстами напираетъ на твердыни, дерзновенно преграждающія теченіе царственной рѣки, пѣнится, вздувается, образуетъ маленькіе водовороты. Стройныя пальмы и здѣсь киваютъ главами съ разбросанныхъ среди пучины каменистыхъ островковъ. Наряду съ ожесточеннымъ натискомъ волненія, перекатывающагося черезъ пороги, нѣтъ-нѣтъ и струятся спокойные, лазурно-ясные токи, какъ-будто совершенно чуждые окружающей борьбѣ и смутѣ. Это явленіе, пожалуй, — любопытнѣе самого катаракта, который въ сущности менѣе грандіозенъ, чѣмъ напр. паденіе Рейна у Шафгаузена. Извѣстность, пріобрѣтенная Ассуанскимъ катарактомъ, вѣроятно, въ значительной степени обусловлена относившимися до него сказаніями и невполнѣ, должно быть, точными описаніями. Иначе трудно объяснить, почему такъ дивились катаракту созерцавшіе его туземцы и чужестранцы. Всѣхъ ихъ, очевидно, особенно поражала картина единоборства несущихъ плодородіе водъ съ преступившею имъ путь каменною громадою, — единоборства, изъ котораго онѣ выходятъ побѣдительницами. Впрочемъ, легко пріискать и другую причину. Еще во дни Цицерона и Сенеки паденіе Нила у послѣднихъ пороговъ могло быть гораздо значительнѣе и шумнѣе, чѣмъ въ новѣйшія времена. Какъ-бы тамъ ни было, но уже и тогда окрестные жители славились (напр. по отзыву Страбона) искусствомъ плаванья въ опаснѣйшихъ мѣстахъ.

Въ данную минуту эти стройные, превосходно сложенные полудикари попеременно спрыгиваютъ съ обрыва въ стремнину, появляются на ея поверхности, сидя верхомъ на бревнахъ, играютъ съ опасностью, по желанію легко пристаютъ къ берегу. Говорятъ, одинъ молодой англичанинъ попытался продѣлать такую же штуку, но его унесло и на смерть разбило о камни теченьемъ. Выйдя изъ воды и съ изумительною ловкостью карабкаясь по скользкому подножію утесовъ, бара́бра неотвязно молятъ о бакшишѣ. Это слово — происходящее отъ персидскаго глагола «бахшиденъ» (дарить) — европейцу чаще всѣхъ другихъ словъ приходится слышать на Нилѣ. Но въ Нубіи оно особенно акклиматизировалось. Тамошніе жители такъ привыкли къ этому выраженію въ присутствіи «бѣлаго», что просятъ денегъ рѣшительно за все, даже когда нѣтъ тому ни малѣйшаго повода. Какой-то врачъ-иностранецъ, безвозмездно лѣчившій нубійцевъ, по прошествіи нѣкотораго времени осаждался своими же паціентами, требовавшими бакшиша: «за что»? «Да вѣдь мы столько дней пили ваше лекарство»!

Лодки съ трудомъ подымаются вверхъ по рѣкѣ. Грозныя скалы то разступаются, то сдвигаются по сторонамъ. Ради ускоренія подъема, вдоль дикаго отвѣснаго побережья,

иные гребцы вплавь достигаютъ его съ толстыми веревками въ рукахъ и, притягивая насъ къ себѣ, помогаютъ медленному движенію противъ низвергающихся водъ, которыя, немного дальше, уже обращаются въ пучину. Смутный шумъ доносится еще отъ скрывшагося изъ виду катаракта.

Приближаясь къ острову Филэ съ сѣверо-восточной стороны, невольно спрашиваешь себя, гдѣ же его воспѣтая издревле красота.

Камни. Рѣдкія пальмы. Развалины, успѣвшія уже повсюду пресытить и утомить взоръ. Груды обломковъ, хаотически наваленныхъ у побережья. Что-то дальше будетъ! Не рано-ли разочаровываться? И дѣйствительно, первое впечатлѣніе обманчиво. Туристъ по Нилу, опьяненный разнообразнѣйшими восхитительными впечатлѣніями, мало-по-малу становится черезчуръ требовательнымъ: причаливая къ Филэ съ его наиболѣе заглохшей и невзрачной стороны, еще не имѣешь права судить о цѣломъ островѣ, который вскорѣ открывается очамъ во всей своей безподобной красотѣ. Богиня Изида нашла себя лучшее изъ мыслимыхъ жилищъ. Здѣсь высился ея алтарь. Отсюда жрецы уносили ее по мраморнымъ лѣстницамъ къ богато разубранной баркѣ для посѣщенія благоговѣвшихъ передъ нею воинственныхъ степняковъ «блеммійцевъ», нѣкогда считавшихся грозою Ассуана. Пристань, откуда она отъѣзжала, не существуетъ уже больше. Обаяніе магическаго имени, занесеннаго вмѣстѣ съ ея культомъ въ дальніе уголки классическаго міра, потускнѣло, исчезло: богиня съ лотосомъ въ рукѣ, олицетворявшая скорбь природы при побѣдѣ мрака надъ свѣтомъ, смерти надъ жизнью и т. п., лишь незримо присутствуетъ среди возвеличивавшихъ ее стѣнъ. Красота — правда, что земная, но одухотворенная красота — осталась на нихъ какъ отраженіе неизгладимаго прошедшаго. Безшумными шагами обходишь уютный и сравнительно небольшой островъ Филэ, все глубже и сознательнѣе проникаясь трепетомъ неувядающей старины. Камни памятниковъ разсказываютъ свою вѣчно новую повѣсть.

Красноватаго цвѣта возвышенности мрачно опоясываютъ Нилъ. Теченіе вверхъ словно обрывается. Рѣка становится похожа на озеро. Обступающія развалины еще ярче выступаютъ при этомъ чарующею прелестью своихъ чисто греческихъ очертаній. Тутъ нѣтъ ничего, даже отдаленно напоминающаго суровое величіе карнакскихъ святилищъ: прекрасный цвѣтокъ, распустившійся въ глуши и льющій какъ гимнъ природѣ свое тихое мистическое благовоніе!. . .

Ихъ Высочества избрали на нѣсколько минутъ для отдыха самую возвышенную часть острова, откуда открывается восхитительный видъ на окрестность. Прямо впереди струится по угрюмой Эфіопіи нелюдимый, медлительный Нилъ. Тамъ фараоны, тяготившіеся оживленіемъ сѣверной столицы, на просторѣ отдавались охотничьимъ забавамъ, вкушали безмятежный покой среди тропической растительности, тѣшились варварскими набѣгами на чернокожую рассу, которая и въ тѣ отдаленныя времена поставляла неисчислимыхъ рабовъ.

Здѣсь, въ тишинѣ и въ уединеніи, на рубежѣ двухъ міровъ, все было посвящено молитвенной думѣ и религіозному созерцанію. Тутъ Изида оплакивала умерщвленнаго Сетомъ Озириса, предавъ дорогіе останки погребенію. Слезы богини, упадавшія въ Нилъ, заставляли его воды вздуваться для плодотворнаго орошенія страны. Таинственный «Хнему», покровитель мѣстности у катаракта, обладавшій способностью лѣпить человѣческія существа изъ глины, здѣсь собралъ и соединилъ въ одно цѣлое разрубленное на куски тѣло Озириса. Все кругомъ искони являлось загадочнымъ и плѣнительнымъ. Вѣроисповѣдныя распри, политическіе перевороты, быстрая смѣна вѣковъ и чередованіе

ФАРАОНЫ НА ОХОТѢ ВЪ НУБІИ.

[раз]рушающихъ народовъ, ничто въ сущности не клало отпечатка на мирное Филэ. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія французскій экспедиціонный отрядъ, дойдя до Шеллаля и видя признаки непокорности въ полуголыхъ «бара́бра», сгоряча сталъ въ нихъ стрѣля[illegible] картечью. Бѣдные туземцы воочію имѣли случай убѣдиться, какъ гибельно можетъ быть для нихъ надвиженіе европейскаго вліянія и европейскаго просвѣщенія!

Любуясь окрестностью, Августѣйшіе путешественники довольно долго медлятъ среди необитаемыхъ, безмолвныхъ развалинъ. Изъ павильона, выстроеннаго при фараонѣ Нектанебо, — который изъ Нубіи черпалъ силы для борьбы съ покорившими Египетъ персами, — видны справа бурыя скалы острова Бигэ, впереди тоже пустынно-угрюмое побережье. Позади — громадные, подавляющіе своею величиною пилоны (стѣны древне египетскихъ сооруженій).

Покинувъ ихъ и снова переѣхавъ на лодкѣ къ пароходной пристани (у желѣзной дороги), Ихъ Высочества бѣгло осматриваютъ большую яхту хедива, на которой одно время предполагалось подняться дальше ко вторымъ порогамъ при Уади Хальфѣ. Вечеръ близится. Сейчасъ надо отправиться обратно въ Ассуанъ. Еще разъ прощаешься съ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ Изиды, мелькнувшимъ передъ нами какъ сказочное, неземное видѣнье.

Что можетъ быть живописнѣе высокой храмовой терассы (на восточномъ берегу острова Филэ), какъ бы нависающей надъ рѣкой? При вечернемъ освѣщеніи памятники старины загораются мрачнымъ блескомъ, тѣни отъ нихъ ростутъ и доходятъ черезъ воду до черныхъ вулканическаго происхожденія утесовъ, хаотически нагроможденныхъ другъ на друга. Песокъ, желтѣющій межъ ними, издали кажется огненнымъ, золотымъ.

Передъ обѣдомъ Ихъ Высочества пѣшкомъ совершаютъ маленькую прогулку по городу на базаръ для покупки нѣкоторыхъ характерныхъ предметовъ, которыми изобилуютъ мѣстныя лавки. Тамъ особенно бросаются въ глаза вещи, привозимыя изъ Судана: во-первыхъ, оружіе (палицы изъ чернаго дерева, луки съ колчанами и стрѣлами, дротики, копья, кинжалы въ ножнахъ изъ змѣиной кожи, одѣвающихся на руку, щиты изъ кожи гиппопотамовъ и т. п.), а затѣмъ разныя цвѣтныя ткани, женскіе широкіе пояса изъ раковинъ, рога антилопъ, шкуры пантеръ, глиняная посуда и музыкальные инструменты.

Къ ночи фонарики на набережной и на палубѣ пароходовъ засвѣтились пестрыми огоньками. Кромѣ иллюминаціи зажженъ былъ фейерверкъ. При этомъ странно выдѣлялись на берегу «розовыя» фигуры нубійцевъ.

[illegible]

На обратномъ пути въ Каиръ... Сколько возможно было осмотрѣть и обдумать при кратковременномъ посѣщеніи страны, — осмотрѣно, обдумано: въ сущности весь край лежалъ и лежитъ раскинутымъ передъ путешествующими по Верхнему Египту, такъ какъ онъ занимаетъ лишь сравнительно узкую полосу вдоль береговъ, остальное же (за исключеніемъ нѣкоторыхъ оазисовъ) — область пустыни. Послѣ завтра мы вернемся въ Ассіутъ. Ю чего незамѣтно и быстро промелькнули дни во владѣніяхъ хедива!

Яхта «Фейзрабани» ускореннымъ ходомъ идетъ внизъ по рѣкѣ. Отдыхаешь отъ крайне напряженнаго состоянія духа при первоначальномъ ознакомленіи съ мѣстною глу-

бокою стариной. Въ головѣ роятся совершенно новыя, еще смутно сознаваемыя мысли; сопровождаемые мѣрнымъ всплескомъ сильно спавшихъ послѣ лѣтняго розлива водъ мы на яву вторично переживаемъ вѣщій и лучезарный сонъ, навѣянный древнею человѣческою культурой.

Жаркіе часы полудня по прежнему утомляютъ, но къ нимъ уже успѣваешь привыкнуть. Подернутая слабою мглою безцвѣтная, неприглядная даль перестаетъ привлекать усталое вниманье. Окрестности, видимыя чуть-ли не впервые, обманутому зрѣнію кажутся давно знакомыми и отчасти даже надоѣвшими. Только съ наступленіемъ малѣйшей прохлады, мечтательно-вялое настроеніе изчезаетъ и смѣняется бодрымъ, жизнерадостнымъ. Опять наслаждаешься путевыми впечатлѣніями, опять чувствуешь и цѣнишь своеобразную прелесть каждаго испытываемаго мгновенья.

Вечеръ какъ-то подкрался незамѣтно. Рѣшено остановиться у берега, — гдѣ попало, — и переждать темноту.

Берегъ оказывается высокимъ, пустыннымъ. Темноголубымъ отливомъ струится рѣка. Изъ дальняго-дальняго жилья слабо доносится собачій лай. Прозрачность воздуха болѣе чѣмъ когда-нибудь не поддается описанію, придавая окрестнымъ предметамъ фантастическій характеръ. Вотъ подошелъ къ водопою, — съ противоположной стороны, — верблюдъ, поднялъ безобразную голову и уставился на востокъ. Темный силуэтъ странно выдѣляется на красноватомъ горизонтѣ. Вотъ появились какіе-то люди, — поселяне, дѣти. Послѣдніе сидятъ на буйволахъ и осликахъ. Стада мелкаго скота бредутъ передъ ними. Каждое очертаніе (кончая такими подробностями, какъ веревка или прутъ) ясно отпечатлѣвается на догорающемъ небѣ.

Вскорѣ все кругомъ поглочено мракомъ. Чтобы дать возможность нашему отставшему спутнику — пароходу «Хэхіи» скорѣе догнать и найдти яхту, на палубѣ послѣдней зажигаются бенгальскіе огни. Ихъ Высочества сами свѣтятъ ими, съ верхняго яруса «Фейзрабани», на встрѣчу запоздавшему конвоиру, который, наконецъ, обрисовывается вблизи.

Семь часовъ. Обѣденное время. Августѣйшіе путешественники и свита, состоящая, къ слову сказать, — въ данную минуту изъ 16 человѣкъ, садятся за столъ въ передней палубной каютѣ, блещущей тяжелымъ убранствомъ отъ избытка позолоты, рѣзьбы и живописи на стѣнахъ. Въ окна и двери проникаетъ все еще жаркое дыханье южнаго вечера. Кельнеры-швейцарцы, взятые, — по распоряженію владыки страны, — изъ лучшаго Каирскаго отеля, на все время пребыванія въ Египтѣ Ихъ Высочествъ, быстро служатъ за обѣдомъ, чтобы безъ промедленія можно было затѣмъ перейдти на отдыхъ и для куренія въ сосѣднюю гостиную, съ большими шелковыми диванами желтаго цвѣта, или же подняться наверхъ, надъ нею, на крытый тентомъ длинный помостъ. Тамъ, положимъ, восхитительно тянутся часы и въ теченіе дня, — но къ ночи, въ благодатномъ покоѣ верхне-египетской природы, нельзя и описать, какъ хорошо и незабвенно отражается на душѣ эта полная самыхъ невнятныхъ звуковъ и въ тоже время глубоко-однообразная тишина.

Мѣсяцъ долженъ подняться за рѣкой, но его что-то долго не видно. Наконецъ, за горами, обозначается красновато-блѣдный кругъ, точно ликъ гигантскихъ размѣровъ. Лунный свѣтъ рѣзко и ярко ложится широкою полосою на Нилъ: по бокамъ отъ нея — чернота, и только мѣстами, какъ золотыя рыбки, плещутся во влагѣ крупные отблески туманно мерцающихъ созвѣздій.

ФИЛЭ

Тишина. Нѣтъ охоты [illegible] чѣмъ-нибудь. Хотя [illegible] можно бы было сойдти на берегъ для прогулки, но темень съ одной сторон[illegible] топкій подъемъ на прибрежную крутизну не располагаютъ къ тому, чтобъ хоть временно покинуть яхту. Съ каждымъ вечеромъ, проводимымъ въ необычной обстановкѣ, все больше и глубже сживаешся съ психическимъ строемъ Востока, понимаешь въ немъ многое, что издали казалось книжно-отвлеченнымъ и непонятнымъ, роднишься съ такою жизнью, о которой раньше и не помышлялъ. Напримѣръ, сегодня въ окружающей ночи, какъ не почувствовать, что хочетъ выразить мусульманинъ своими представленіями о джина[illegible] . . . Джины! эти странныя сказочныя существа, уже бывшія до сотворенія Адама, составляютъ нѣчто среднее между ангелами и людьми, созданы изъ огня, низко поставлены въ іерар[illegible] духовныхъ силъ міра, способны всюду невидимо присутствовать, по волѣ принимать како[illegible] угодно призрачный видъ, не только человѣческій, но и звѣриный, наконецъ, дѣлаться чу[illegible]вищами. Смерть угрожаетъ и имъ, хотя жизнь джиновъ можетъ длиться цѣлыя стол[illegible]. Иные увѣровали въ исламъ, другіе (такъ-называемые шайтаны) нѣтъ: во главѣ послѣднихъ Эблисъ (сатана). У каждаго человѣка — свой джинъ, данный ему отъ самаго рожденія.

Взятое само по себѣ такое воззрѣніе ничего [illegible] не говоритъ уму и сердцу. Тутъ, на Нилѣ, среди убаюкивающей природы, въ дымчатой сребротканной мглѣ, гдѣ пере[illegible] взорами нерѣдко плывутъ какія-то неопредѣленныя, почти безформенныя тѣни, — вооб[illegible]раженіе свободно и непосредственно входитъ въ общеніе съ отголосками и видѣні[illegible] обступившей ночи, осязаетъ крылья дла полета въ область безхитростныхъ восточн[illegible] сказаній, откликается на ихъ величаво-простыя и задушевныя слова.

Четвергъ, [illegible]

Почти вся свита помѣщается на «Хэхіи», такъ какъ «Фейзрабани» красива и [illegible]сторна съ виду, но не обладаетъ большимъ количествомъ каютъ, — насъ же много. Такое раздѣленіе, которое становится необходимымъ только на ночь, днемъ совершенно незамѣтно, такъ какъ съ утра, до отправленія въ путь, можно перейдти на яхту, а, въ часы завтрака, суда, кромѣ того, обязательно замедляютъ ходъ, для принятія послѣднею пассажировъ съ идущаго слѣдомъ парохода. При этомъ мы ежедневно имѣемъ случай наблюдать за неловкостью матросовъ-гребцовъ въ моментъ приставанія къ трапу. То лодку относитъ далеко въ сторону, то она разогнана слишкомъ впередъ, то ударяется носомъ о бортъ вмѣсто того, чтобы причалить сбоку.

Тоже неумѣнье справляться съ обычными дорожными препятствіями и случайностями сказывается, когда наталкиваешься на мель. «Фейзрабани» какъ-то удачно минуетъ м[illegible], но глубже сидящій «Хехія» задѣваетъ за откосы и разъ даже не на шутку вр[illegible]вается въ песокъ, такъ что потребовалось не мало времени, чтобы его сдвинуть. Для этого у маленькаго экипажа, видимо, не хватало смышленности, которая вообще и повсюду [illegible] свойственна простому народу. Раздѣвшись, туземцы прыгали въ воду, плечами упирали[illegible] въ судно, протяжно вскрикивали: «а. . . іа. . . Мхáммедъ!» и въ концѣ концевъ убѣжда[illegible]лись, что сначала, до напряженной работы, надо было посмотрѣть, куда собственно направлена отмель, а теперь трудъ потраченъ не только безполезно, но и во вредъ д[illegible].

Къ вечеру передъ нами обозначаются сѣрыя глинобитныя постройки города [illegible], который такъ названъ въ честь Георгія Побѣдоносца, обожаемаго мѣстнымъ христіанс[illegible] населеніемъ и отчасти замѣнившаго въ народномъ міровоззрѣніи прежняго борца [illegible] неутомимаго Горуса.

Зная о приближеніи на яхтѣ хедива православныхъ Великихъ Князей, совершающихъ плаванье на Востокъ подъ Георгіевскимъ флагомъ своего фрегата, какъ бы чувствуя, что «Сына Георгія» посѣщаютъ въ данное время прославляющій это имя и отмѣченный его подвигами край, горожане-копты торжественно вышли съ хоругвями на пристань, чтобы подобающимъ образомъ привѣтствовать Ихъ Высочества. Темный цвѣтъ одежды встрѣчающихъ странно гармонируетъ со строгой простотой молчаливо сердечнаго пріема. Надъ воздвигнутой на берегу тріумфальною аркой высится крестъ. Церковное пѣніе звучитъ и льется въ вечерѣющемъ воздухѣ.

Сегодня закатъ еще великолѣпнѣе. Солнечный дискъ, уплывая, отражается въ водѣ огненною полосою, которая съ одного конца, благодаря тамъ же отразившейся зелени берега, представляется ярко-изумрудною. Извилистый Нилъ размѣрами походитъ на заливъ. Дневное свѣтило оставляетъ послѣ себя сначала золотой цвѣтъ на небосклонѣ, потомъ оранжевый, зеленый, — и, наконецъ, свѣтлую, необъятную, невозмутимую лазурь.

Пятница, 23 ноября (5 декабря).

Снова тянутся берега страны, цвѣтущимъ состояніемъ издревле привлекавшей вниманіе иноземныхъ завоевателей. Только теперь, вторично окидывая взорами Верхній Египетъ, яснѣе и яснѣе представляешь себѣ обиліе даровъ, которыми его надѣлила природа. Здѣсь все говоритъ о человѣческой жаждѣ жить, вопреки всякимъ внѣшнимъ напастямъ и лишеніямъ, но подъ щедрымъ покровительствомъ матери-рѣки, которая — источникъ плодородія, изобилія и богатства. Пробивъ дорогу къ морю отъ сердца «чернаго» материка, Нилъ чѣмъ ближе къ устью тѣмъ заботливѣе кормитъ народъ, когда-то ему поклонявшійся, когда-то воздававшій ему чисто божескія почести. Сѣдая старина будто-бы допускала, при умилостивленіи или прославленіи его, принесеніе въ жертву людей. Подобно персидской княжнѣ, брошенной Стенькою Разинымъ въ кормилицу — Волгу, египтяне, благодарности ради, топили въ родной рѣкѣ красавицъ-дѣвушекъ. И тучными жатвами отзывался Нилъ на усиленныя моленія, на ужасные дары: наводненныя имъ поля и напоенная влагою почва свидѣтельствовали о благоволеніи могущественнаго старца.

Страна въ старину извѣстна была подъ различными наименованіями: «Та-мери» («возлюбленная страна»), «Нехи» («страна сикоморы»), «Хэмъ» (*черная* земля) и т. д. Отъ послѣдняго названія, пріурочиваемаго къ плодородію принильскаго края и цвѣту наносимаго рѣкою ила, произошло слово «химія», занесенное арабами въ Испанію и долгое время служившее для обозначенія «чернокнижной» науки о силахъ природы и вещества.

Покидая Верхній Египетъ съ его древними очагами глубокомысленной образованности и культуры, какъ-то сознательнѣе относишься къ исполинскому росту и развитію царства фараоновъ. Все, — что, при внимательномъ осмотрѣ Гизэскаго музея, было только намекомъ на рядъ непостижимо-величественныхъ явленій, — въ данную минуту, на обратномъ пути, рисуется уже отчетливо и опредѣленно. Отраженіе отъ нихъ падаетъ на классическій міръ, котораго высшую ступень представляла Олимпія съ ея искусствомъ, и, странно сказать! между этими двумя видимо далекими областями духа сказывается нѣкоторое внутреннее сродство. Здѣсь, у разсадника первобытныхъ невозмутимо-ясныхъ знаній, Западъ началъ жить разумно-стройною и широко осмысленною человѣческою жизнью. Лучшіе эллины учились у мудрецовъ на Нилѣ. Посольство изъ Элиды именно въ Египтѣ испросило совѣта относительно установленія олимпійскихъ игръ. Подымаясь отъ позднѣйшаго

и сравнительно малаго къ старѣйшему и грандіознѣйшему, мы невольно раздвигаемъ свой кругозоръ, невольно приходимъ или должны приходить къ неожиданнымъ выводамъ и обобщеніямъ.

Время подъ вечеръ. Сейчасъ конецъ рѣчнаго пути. У Ассіута, — какъ уже раньше сказано, — особенно привлекательны вдоль берега огромныя, толстыя сикоморы съ ихъ изсзеленобѣлой корой и темною, ближе къ вершинамъ, листвою. За ними уже, на ослѣпительно-яркомъ небѣ, которое не омрачено ни единымъ облачкомъ, всплываютъ главы мечетей и величаво-стройныя пальмы.

Двадцать однимъ пушечнымъ выстрѣломъ привѣтствуется возвращеніе сюда Высокихъ Гостей. Экстренный поѣздъ въ Каиръ ожидаетъ у пристани Августѣйшихъ путешественниковъ. Прощаясь, не безъ сожалѣнія, съ красивою окрестною страной, давшей намъ столько интеллектуальныхъ наслажденій, мы въ послѣдній разъ обѣдаемъ на яхтѣ «Фейзрабани». Рядомъ причалена къ берегу какая-то «дахабіэ», откуда нѣжно и сладостно доносятся звуки рояля. На душѣ накипаетъ тихое волненіе, просыпается безпричинная грусть: надо разстаться со всѣмъ тѣмъ, что стало наконецъ близкимъ и понятнымъ, — надо оторваться отъ созерцанія и думы для порывистаго слѣдованія впередъ, къ чуждымъ образамъ, къ новому очарованію. . .

Суббота, 24 ноября (6 декабря).

Седьмой часъ утра. Станція Бедрашэнъ. Три дромедара хедива (съ дорогими сѣдлами и попонами) приготовлены для экскурсіи Ихъ Высочествъ въ Мемфисъ и къ прилегающимъ пирамидамъ. Кромѣ того ожидаетъ цѣлая гурьба осликовъ и погонщиковъ.

Мы выѣзжаемъ, — слегка заспанные послѣ краткаго ночнаго отдыха въ вагонѣ, на узкую дорогу, изгибающуюся черезъ какую-то деревушку, въ густой пальмовый лѣсъ, синѣющій передъ нами на весьма значительномъ протяженіи. Онъ выросъ и раскинулся тамъ, гдѣ нѣкогда блистала одна изъ важнѣйшихъ столицъ съ міровымъ значеніемъ.

Раскопки на мѣстѣ древняго Мемфиса, по всѣмъ признакамъ, должны дать громадный научный результатъ (вродѣ того, что получился въ Олимпіи). Еще въ XIII вѣкѣ извѣстный багдадскій врачъ Абдъ-эль-Латифъ, а въ XIV столѣтіи арабскій путешественникъ Абу'ль-Фараджъ видѣли здѣсь чудеса. Требовалось нѣсколько часовъ для обозрѣнія пространства, занятаго разными памятниками. Видиѣлись огромные пьедесталы, храмовыя стѣны изъ одной каменной глыбы, непонятныя мусульманамъ изображенія и т. п. Кладоискатели рылись повсюду и, между прочимъ, уродовали колоссовъ, думая, что это чародѣи той же рассы, какъ и создатели города, и что они, пока цѣлы, мѣшаютъ открывать сокровища.

Въ старину послѣдній имѣлъ 26 верстъ въ окружности, занимая въ длину или ширину отъ пяти до десяти. Теперь, если многіе останки и сохранились, то прикрыты землей. Надъ ними, — точно цвѣты надъ могилой, — стройныя гигантскія пальмы поднялись гордыми главами и образовали цѣлый сонмъ древесныхъ исполиновъ, вообще въ Египтѣ не собирающихся въ такомъ количествѣ заразъ.

Живительный утренній воздухъ прозраченъ и душистъ. Тишина вокругъ ненарушимая. Мы, почти беззвучно какъ тѣни, движемся по мягкому бархатному песку. Среди разстилающагося по сторонамъ безлюдья и полнѣйшаго запустѣнья, вдали угрюмо просвѣчиваетъ цѣпь неуклюжихъ и поколебленныхъ временемъ пирамидъ. Проѣзжая на пути

[illegible] нимъ по этому неизмѣримому, засыпанному и полузабытому кладбищу древне-египет[illegible] архитектуры и прочихъ искусствъ, въ памяти естественно возникаютъ и мелькаютъ [illegible] [illegible]лей о туземной старинѣ.

Такъ вотъ она — первопрестольная столица одного изъ старѣйшихъ въ мірѣ государствъ! Холмики, покрытые щебнемъ и соромъ, илъ отъ недавняго наводненія, жалкія феллахскія хижины среди обломковъ, зеленыя пальмы надъ исчезающимъ прахомъ былаго величія, насмѣшливый взоръ пустыни на рубежѣ культурной полосы. . . И приходятъ на память слова пророчества Іереміи: «Мемфисъ будетъ разрушенъ, сожженъ, никто въ немъ не станетъ обитать.» Спрашивается: зачѣмъ для него, съ величайшими трудностями, добывались изъ-за рѣки матеріалы къ грандіознымъ сооруженіямъ? Надписи на скалахъ, за Ниломъ, до сихъ поръ гласятъ, кому это было нужно и сколько несчастныхъ тамъ выбивалось изъ силъ; но здѣсь, на мѣстѣ, былое величіе утрачено, развѣяно временемъ, не уцѣлѣло даже въ качествѣ значительныхъ памятниковъ старины. Причудливыя пирамиды [illegible] древнѣйшей столицы разрушаются. Могилы выдали или выдаютъ вѣковѣчную тайну. Какъ скучно и до чего ничтожно жить!

А вѣдь еще первые владыки и устроители Мемфиса съ успѣхомъ пытались анализировать дѣйствительность, уже въ эти почти доисторическія времена занимались медициной, анатоміей. Богъ врачеванія Имхотепъ означалъ «желанный» или «грядущій съ миромъ», имѣлъ прозвища «умиротворителя» и «благоликаго», изображался, какъ жрецы, съ бритой головой и со свиткомъ на колѣняхъ. Галенъ упоминаетъ о существованіи здѣсь цѣлой библіотеки, касавшейся искусства лѣченія. Оно, конечно, тѣсно связано было съ религіозными представленіями и обычаями, съ магіей и заклинаніями, но положительно имѣло реальную почву подъ ногами. Сынъ перваго здѣшняго царя Менеса — Атута («борецъ»), соорудившій мемфисскій кремль — былъ медикъ.

Въ этомъ же любопытномъ историческомъ районѣ высился храмъ бога Пта (или Фта), представителя всякой науки, письма, техники. Его святилище именуется даже «золотою кузницею». И дѣйствительно, съ зачатковъ древне-египетскаго быта, туземцы являются большими искусниками, за что ни возьмутся. Но получится-ли когда-нибудь ясный отвѣтъ, какъ у нихъ сложились и откуда вообще взялись подобныя знанія?

Дромадеры Ихъ Высочествъ и наши ослики выбрались, наконецъ, изъ пальмоваго лѣса и спѣшатъ въ гору, къ цѣпи раскинутыхъ на большемъ протяженіи пирамидъ. Между ними особенно бросается въ глаза наидревнѣйшая, такъ-называемая «ступенчатая» пирамида. Мѣстность, куда мы вступаемъ, называется, какъ и прилегающая къ ней деревня, Саккарою. Это — слегка искаженное древнее названіе, данное ей въ честь бога мертвыхъ «Сокара». Онъ же — Озирисъ, онъ же — Пта. Послѣдній проникаетъ собою все, относящееся къ Мемфису. Преданія, говорящія о покровительствѣ, которое оказывалось городу верховнымъ божествомъ округа, крайне своеобразны и отчасти поэтичны. Гдѣ, какъ не здѣсь, вспоминать объ иныхъ характерныхъ подробностяхъ туземнаго отжившаго культа?! Для примѣра можно остановиться хотя-бы на нижеслѣдующей. Ассирійскій царь Сенахерибъ, съ громаднымъ войскомъ, наступаетъ на Мемфисъ. Въ городѣ — смятеніе, приготовленія къ оборонѣ и встрѣчѣ въ открытомъ полѣ. Но въ ночь мыши прокрадываются во вражескій станъ, обгрызаютъ колчаны и стрѣлы, ремни у щитовъ. Подъ утро непріятель оказывается на половину безоружнымъ и съ урономъ бѣжитъ. Жрецы же воздвигаютъ въ честь прозорливаго Пта особенный кумиръ его «съ мышью въ рукѣ» и надписью: «глядя на меня, будьте богобоязненны!».

У ОСТАНКОВЪ МЕМФИСА.

Августѣйшіе путешественники, проѣхавши двѣ-три версты пустынею, приближаются къ домику, гдѣ когда-то жилъ и работалъ египтологъ Марьэтъ. Тутъ предположено отдохнуть, освѣжиться и затѣмъ уже приступить къ обзору главнѣйшихъ достопримѣчательностей Мемфисскаго некрополя.

Въ ожиданіи, когда экскурсія продолжится, само собою приходится бросить ретроспективный взглядъ на различные факты, тѣсно связанные съ прошедшимъ окружающей насъ мертвенной мѣстности, надо хоть вкратцѣ охарактеризовать дѣятельность ученыхъ, старавшихся въ него вникать и, такъ-сказать, намѣтившихъ сущность прежняго міросозерцанія.

Быть въ домикѣ Марьэта и не вспомнить объ этомъ мужественномъ и самоотверженномъ изслѣдователѣ, конечно, невозможно. Его продолжительное пребываніе среди окружающаго насъ въ данную минуту пустыря, — вдали отъ человѣческаго жилья, на рубежѣ области мертвыхъ, въ непосредственной близости отъ остатковъ древней культуры, — даже самимъ полудикимъ туземцамъ должно было представляться непонятнымъ и злоумышленно-таинственнымъ. Они, одно время, пришли къ убѣжденію, что здѣсь поселился великій чародѣй, которому для его волхованій необходимо сосѣдство гробницъ, куски мумій, плиты, покрытыя невѣдомыми письменами и т. п. — Когда же разнеслась вѣсть, что Марьэту иногда удается напасть на слѣдъ зарытыхъ въ землѣ сокровищъ, что золотые предметы, откапываемые имъ, плавятся для извлеченія средствъ для новыхъ раскопокъ, то нашлись арабы, пытавшіеся убить и ограбить великаго французскаго ученаго. Поставленный въ необходимость отстрѣливаться отъ нападающихъ, онъ спасся только благодаря своей безбоязненности, атлетическому тѣлосложенію и суевѣрному страху, который онъ всѣмъ своимъ существомъ, внушилъ окрестному населенію.

Простой домикъ, вмѣщавшій знаменитаго археолога, сиротливо выдѣляется межъ желтыхъ песчанныхъ холмовъ. Лучшая часть его (крытая веранда) грубо сколочена изъ досокъ и обнесена низкою, каменною стѣною. Именно здѣсь пока остановились Августѣйшіе путешественники. Только что вернувшійся изъ Франціи директоръ Гизэсскаго музея Грэбо нарочно выѣхалъ сюда для встрѣчи Наслѣдника Цесаревича.

Сейчасъ придется направиться по безлюдному, безплодному некрополю на осмотръ различныхъ гробницъ. Какъ ни мало тѣни даетъ убогое жилище, служившее пріютомъ Марьэту, — однако сознаніе, что надо къ нимъ идти пѣшкомъ, увязая въ мелкомъ, сыпучемъ, ослѣпительно бѣломъ пескѣ (притомъ идти подъ палящими лучами южнаго солнца) до того непріятно, что всѣ тутъ находящіеся какъ-бы невольно медлятъ передъ весьма въ своемъ родѣ любопытной экскурсіей.

Мы направляемся по значительному наклону къ пресловутому кладбищу быковъ Аписовъ, открытому безсмертнымъ основателемъ Гизэсскаго музея. Когда слышишь о томъ, что навело Марьэта на мысль искать здѣсь эту погребенную въ землѣ архитектурную достопримѣчательность и по какимъ признакамъ дѣйствительно удалось ее найти, — то удивленіе передъ прозорливостью и непреклонною твердостью человѣческаго генія само собою рождается и ростетъ. Даже египтологи, вродѣ Лепсіуса, утверждали, будто мѣсто, гдѣ хранились останки Аписовъ, давно безслѣдно изчезло, — и тѣмъ не менѣе Марьэтъ, вчитываясь въ Страбона, продолжалъ мечтать, что оно когда-нибудь найдется. У историка написано было приблизительно слѣдующее: «въ Мемфисѣ есть святилище, — въ мѣстности, до того песчаной, что вѣтры постоянно наносятъ цѣлые холмики праха и находящіеся тутъ сфинксы на половину зарыты въ немъ. Кто идетъ туда, — когда вихрится песокъ, подвергается опасности быть засыпаннымъ.» На основаніи лишь столь шаткихъ данныхъ,

руководимый исключительно своимъ никогда его не обманывавшимъ чутьемъ выдающагося изслѣдователя, французъ-археологъ принялся за раскопки, несмотря на всѣ препятствія, не смущаясь ничѣмъ при стремленіи къ намѣченной цѣли. Голова какого-то сфинкса, подходившаго къ описанію Страбона, вскорѣ выглянула изъ песку. Пришлось невольно вспомнить, что и раньше, въ Каиръ и Александрію, доставлялись такія-же изваянія изъ здѣшней деревни Саккары. Это было для Марьэта Аріадниной нитью. Онъ отважился израсходовать на осуществленіе плана деньги, отданныя въ его распоряженіе французскимъ правительствомъ на покупку коптскихъ рукописей. Рабочіе понемногу освободили изъ-подъ затвердѣвшихъ наслоеній цѣлую аллею сфинксовъ. При этомъ песокъ не разъ обваливался и раскопки порою угрожали жизни работавшихъ. Греческій храмъ, украшенный статуями мудрецовъ, появился вскорѣ затѣмъ среди пустыря. Статуи Пиндара, Ликурга, другихъ поэтовъ и мыслителей выглянули на Божій свѣтъ, — и вдругъ аллѐя кончилась. . . Египтологъ, шедшій по ней къ желанному тайнохранилищу, очутился безъ указаній, какъ быть дальше. По счастью онъ скоро напалъ снова на утраченный слѣдъ, прорывшись нѣкоторое время въ землѣ, въ которой сначала болѣе нигдѣ не было видно засыпанныхъ сфинксовъ. Въ ноябрѣ 1861 года, поборовъ рядъ испытаній, мучительныхъ препятствій и сомнѣній, Марьэтъ побѣдителемъ вошелъ подъ могучіе своды подземелья, остававшагося въ теченіе вѣковъ сокровеннымъ отъ человѣческаго взора и гдѣ нѣкогда египетскіе жрецы хоронили священныхъ быковъ, которые почитались воплощеніемъ божества. Французъ-археологъ могъ еще различить, у входа туда, отпечатки ногъ кого-нибудь изъ покинувшихъ напослѣдокъ это гигантское могильное сооруженіе.

Изслѣдованія въ этомъ раіонѣ длились около четырехъ лѣтъ и доказали, что извѣстное подъ этимъ именемъ подземелье создано безъ опредѣленнаго плана, представляя собою загадочный лабиринтъ, гдѣ что ни шагъ, то натыкаешься на новое открытіе.

Пройдя массивныя и мрачныя ворота, Августѣйшіе путешественники вступаютъ въ одно изъ развѣтвленій бычачьяго кладбища, высѣченнаго въ скалѣ. Душно и жарко идти въ полумракѣ, среди котораго вереницами тянутся свѣточи, разставленные вдоль стѣнъ. Предположено посѣтить здѣсь сравнительно небольшую часть всѣхъ существующихъ подъ землей переходовъ, изъ коихъ, къ тому-же, многіе, бывшіе отрытыми, теперь снова занесены пескомъ. Онъ всюду, куда только можно, проникаетъ, преграждаетъ дорогу научнымъ изысканіямъ, многое поглотилъ, еще многое вторично поглотитъ.

Разъ что старина здѣсь отозвалась на вопросъ ученыхъ о значеніи осматриваемыхъ нами мавзолеевъ, — любопытно, прежде всего, вникнуть въ то, чѣмъ собственно обусловливалось столь странное погребеніе Аписовъ.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ явленій древне-египетскаго культа было благоговѣйное отношеніе къ нѣкоторымъ животнымъ. Народъ мѣстами почиталъ крокодила, мѣстами кошку, мѣстами легендарныхъ птицъ и звѣрей, но особенно и больше всего быка. Въ Геліополисѣ это животное называлось Мневисъ. Въ Мемфисѣ чтился Аписъ. Суевѣрное возвеличеніе его столь-же старо, какъ и прошедшее туземной культуры.

Согласно воззрѣніямъ толпы, или молнія или лунный лучъ оплодотворялъ корову и божество являлось затѣмъ, на землѣ, въ образѣ рогатой твари. Особая примѣта служила для отысканія и опредѣленія священнаго быка въ мѣстныхъ стадахъ. Случалось, что жрецы годами не были въ состояніи найдти того, кто-бы, по внѣшнимъ сложнымъ примѣтамъ, соотвѣтствовалъ идеалу Аписа. Кто его находилъ, — получалъ въ награду огромное состояніе. На долю матери быка нѣкоторымъ образомъ простирался почетъ, ставшій удѣломъ избраннаго животнаго.

Его, насколько возможно, старались сначала сдѣлать ручнымъ, затѣмъ, при наступленіи перваго новолунія, везли на золотой священной баркѣ въ Мемфисъ и тамъ помѣщали въ святилищѣ бога Пта. Для прогулокъ быка былъ устроенъ дворъ; когда же онъ находился въ стойлѣ, — вѣрующіе старались заглянуть на него черезъ оконко.

Божескія почести, оказывавшіяся этому четвероногому, какъ-то даже странно описывать. Фараоны не щадили денегъ на то, чтобы окружить его культъ великолѣпіемъ. Александръ Македонскій, римскій императоръ Титъ признавали для себя полезнымъ принести жертвы Апису, который считался обладающимъ вѣщими свойствами и своеобразно предсказывалъ будущее. Когда онъ лизнулъ одежду одного извѣстнаго греческаго астронома, это значило, что послѣдній скоро умретъ, и такъ дѣйствительно случилось. Такое же указаніе прочли жрецы въ нежеланіи быка принять пищу изъ рукъ Германика. Ревъ животнаго предвѣщалъ иноземное завоеваніе. Вопрошавшіе Аписа о чемъ-нибудь загадывали, въ какой изъ своихъ покоевъ онъ послѣ того войдетъ. Если онъ именно туда входилъ, то, значитъ, получался утвердительный отвѣтъ, и наоборотъ. Въ его святилищѣ люди ложились спать въ надеждѣ видѣть полные значенія сны. Иногда быку предлагались вопросы и затѣмъ ждавшіе толкованія прислушивались къ голосу дѣтей, игравшихъ за стѣною храма, а изъ долетавшихъ отдѣльныхъ выраженій составлялось приблизительно подходящее къ дѣлу изреченіе. Когда Аписа водили среди народа, — сопровождавшіе быка юноши, находясь въ состояніи крайней экзальтаціи, пѣли и предсказывали. Дома Аписъ жилъ за пурпурными завѣсами, спалъ на мягкомъ ложѣ, ѣлъ и пилъ съ драгоцѣнныхъ металловъ.

До какой дикой необузданности долженъ былъ унизиться Камбизъ, чтобы поднять вооруженную руку на бѣдное безобидное животное и оскорбить священнѣйшія чувства покорно незлобиваго и по своему глубоко религіознаго населенія!

На быка Аписа молились; но если онъ слишкомъ долго жилъ (свыше двадцати-восьмилѣтняго возраста, когда умеръ Озирисъ), — то одѣтые въ трауръ жрецы съ почетомъ вели къ Нилу рогатое воплощеніе бога и торжественно его топили.

Умиравшихъ естественною смертью бальзамировали и хоронили съ несказанною пышностью, не щадя громаднѣйшихъ затратъ. Выдающіеся, по нравственному вліянію, жрецы изрѣдка удостаивались погребенія около Аписовъ.

Цѣлые ряды гробницъ въ соотвѣтствующихъ ихъ величинѣ склепахъ возникали среди подземнаго кладбища. Вѣрующіе приходили сюда для поклоненія и вписывали свои имена на особыя оставлявшіяся здѣсь каменныя таблички (съ точнымъ обозначеніемъ дня, когда это случилось).

Ихъ Высочества обходятъ тусклые и жаркіе корридоры удивительнаго сооруженія. У одной огромной ниши, къ саркофагу, раззоренному грабителями и поруганному фанатиками — иновѣрцами, приставлена лѣсенка, по которой мы можемъ взобраться и бросить взглядъ во внутренность брони, долженствовавшей вѣчно охранять черное тѣло Аписа. Крышка гроба отодвинута. Куча каменьевъ наворочена на нея сбоку. Мумія животнаго исчезла. Сокровища, накоплявшіяся при ней, въ качествѣ благочестивыхъ даровъ, давно унесены неизвѣстными кладоискателями. Странная обстановка вокругъ положительно кажется чѣмъ-то легендарнымъ. Люди-великаны, создававшіе ее, представляются существами изъ какого-то невѣдомаго намъ міра.

Марьэтъ, было, попытался извлечь на свѣтъ одинъ изъ темногранитныхъ бычачьихъ саркофаговъ, — но и помощь пара, и различныя техническія приспособленія нашего вѣка не дали возможности это сдѣлать, — а между тѣмъ хорошо извѣстно, что древніе египтяне какъ-то ухитрялись приволакивать изъ Нубіи на сѣверъ, за сотни верстъ, столь громоздкія массы.

Отъ единственнаго въ своемъ родѣ кладбища обожествленныхъ тварей отъѣзжаешь въ недоумѣньи и раздумьи: гдѣ туземцы отдавались подобнымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, — тамъ духъ не могъ не искать протеста, не могъ не побуждать человѣка сознательнѣе углубляться въ себя самого. Этимъ объясняется, почему въ прилегающей мѣстности, еще до нашей эры появлялись аскеты-отшельники не то буддійскаго, не то браминскаго характера. Они выступали передъ толпой глашатаями обновленія и возрожденія. Песчаная дорога, миновавъ домикъ Марьэта, спускается въ небольшую котловину, гдѣ намъ

У ГРОБНИЦЫ АНИСА.

непосредственно предстоитъ посѣтить могилу египетскаго сановника Ти, жившаго нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашего времени. Онъ служилъ тремъ фараонамъ, пользовался ихъ неограниченнымъ довѣріемъ, получилъ даже въ жены, несмотря на свое неаристократическое происхожденіе, дѣвушку изъ царской семьи. Изучивъ подземелье, гдѣ погребенъ этотъ выдающійся египтянинъ, ученые по стѣнописи могли возсоздавать полную картину старѣйшаго быта. Въ гробницѣ («мастаба») Ти найдены его девятнадцать статуй.

Лучшая — на видномъ мѣстѣ въ музеѣ Гизэ. Покойный тамъ изображенъ человѣкомъ высокаго роста, въ желтомъ парикѣ, съ могучимъ тѣломъ блѣдно-кирпичнаго цвѣта. Выраженіе лица и вообще вся внѣшность удивительно напоминаютъ современныхъ феллаховъ.

Августѣйшіе путешественники спускаются, по глубокому песку, въ посмертное жилище египтянина (эпохи V-й династіи). Могильный мракъ отгоняется свѣтомъ магнія. Тонкія очертанія іероглифовъ, нѣжность линій, при обрисовкѣ отдѣльныхъ многочисленныхъ фигуръ, участвующихъ въ той или другой сценѣ, еще совершеннѣе и замѣчательнѣе видѣннаго нами до сихъ поръ. Искусство, приложенное къ внутреннему убранству Ѳиванскихъ могилъ, едва-ли не ниже того, которое наблюдается въ осматриваемой нами гробницѣ, да, къ тому же, лишено реальности, и, поражая насъ фантастичностью образовъ, въ сущности остается загадочно-чуждымъ. Художники наидревнѣйшаго Египта обладали бо́льшими знаніями и дарованіями чѣмъ представители позднѣйшихъ царствованій. Согласно инымъ восточнымъ умозрѣніямъ вселенная, отраженная Первоисточникомъ немеркнущаго сіянія, по мѣрѣ удаленія отъ Творца омрачается грѣхомъ и мертвѣетъ: не то-ли самое произошло и съ духовною жизнью приніильскаго народа?

Въ гробницѣ Ти Ихъ Высочества имѣютъ возможность разсмотрѣть цѣлый рядъ изображеній, отчетливо сгруппированныхъ по стѣнамъ. Напримѣръ, видны какъ-бы служанки съ разными предметами на головѣ; одна придерживаетъ клѣтку съ 4 голубями и несетъ гуся подъ мышкой, вторая тащитъ тяжелую корзину съ кувшинами, какіе и теперь еще въ употребленіи, третья — хлѣба, и т. д. При каждой — надпись съ ея именемъ.

Нельзя сказать съ точностью, насколько во мракъ склепа идеально пересаживался весь тогдашній хозяйственный строй. Быть можетъ, многое рисовалось лишь сообразно съ дѣйствительностью, но безъ прямаго отношенія къ челяди покойнаго.

Надъ фигурами женщинъ изображена сцена, какъ на ослахъ перевозится зерно. Передній покрытъ попоной съ бахромою. Впереди его сѣменитъ маленькими ножками преуморительный осленокъ. По срединѣ картины, тяжелая кладь начала сползать со спины животнаго. Провожатые — работники стараются помочь бѣдѣ. Кто подпираетъ ношу, кто удерживаетъ длинноухаго упрямца за морду, кто за хвостъ, точно и теперь въ иной узкой улицѣ какого-нибудь города на средне-азіатскомъ востокѣ, когда скученность толпы по временамъ положительно вынуждаетъ прибѣгать къ столь крутой мѣрѣ. У людей — нимало не африканскій типъ лица, а скорѣе все говоритъ за ихъ принадлежность къ кавказской расѣ. Каждый слуга имѣетъ свою болѣе или менѣе оригинальную физіономію.

Хозяинъ выдѣляется среди нихъ, будучи нарисованъ гигантскаго роста, и именно Ти очерченъ на хрупкой ладьѣ, при опасной охотѣ на гиппопотамовъ и крокодиловъ. Подчиненные его неустрашимо борются противъ чудовищъ, наводнявшихъ широко разливавшуюся рѣку, причемъ все кругомъ ея еще представляло довольно первобытную дебрь, едва тронутую человѣческой культурой.

Мы опять круто спускаемся подъ землю (къ другой гробницѣ) по узкому и крайне душному проходу въ могилу царя Унаса, жившаго тоже за нѣсколько тысячелѣтій. Она сравнительно недавно изслѣдована преемникомъ Марьэта — египтологомъ Масперо. Въ ней найдены остатки муміи, саркофагъ и любопытная стѣнопись, дающая хоть и смутное представленіе, что́, по мнѣнію древнѣйшихъ египтянъ, творится съ душей, разставшейся съ тѣломъ.

Какъ-то жутко подумать, что гласитъ одна надпись въ гробницѣ царя: «Не хорошо Унасу испытывать голодъ и не имѣть возможности ѣсть, чувствовать жажду и не пить.» Положимъ, мертвецу приносятъ дары, чтобы избавлять его отъ такихъ тяжкихъ лишеній. Положимъ, разныя магическія формулы должны ихъ облегчать. Но если всего этого недостаточно, тогда надо работать самому на томъ свѣтѣ, надо заниматься тамъ хлѣбопашествомъ. Легко-ли это бывшимъ фараонамъ? Тутъ является исходъ изъ затрудненія въ лицѣ «ушебти». Такъ назывались фигурки прислужниковъ, замуровывавшіяся въ могилы великихъ міра сего.

Впереди, послѣ прохожденія мытарствъ, Унасъ способенъ выше и выше подниматься въ іерархіи сверхъестественныхъ существъ, волшебною силою подчинить себѣ боговъ, присвоить себѣ нѣкоторыя изъ ихъ свойствъ и, наконецъ, взойдти, въ качествѣ новаго Озириса, на солнечный престолъ міроправителя.

Саккара осталась за нами. Величественный пальмовый лѣсъ надъ Мемфисомъ вторично принялъ Августѣйшихъ путешественниковъ. У двухъ поверженныхъ колоссовъ Рамзеса Великаго происходитъ кратковременная остановка. Оба они замѣчательны и размѣрами, и красотой исполненія. Одна статуя воздвигнута была царемъ-завоевателемъ у преддверья кумирни Пта, въ память своего чудеснаго избавленія отъ гибели, когда онъ, возвращаясь изъ похода, какъ-то ночью едва спасся отъ огня, при поджогѣ его ставки вѣроломнымъ братомъ. Передъ этимъ и одинаковымъ нынѣ исчезнувшимъ изваяніемъ въ древности устраивались «бои быковъ». Уцѣлѣвшая фигура, изъ свѣтлаго камня, принадлежитъ Британскому музею. Она долго лежала ничкомъ, — заброшенная, заливаемая наводненіемъ. Теперь ее повернули на спину, огородили: по деревянной лѣсенкѣ можно взобраться на мостикъ, надъ самымъ колоссомъ, прямо въ очи взглянуть величавому «божественному» лику и, прощаясь сегодня окончательно съ египетскою стариной, унести отсюда, какъ послѣднее глубокое впечатлѣніе, недвижно-холодный взоръ каменнаго фараона.

У СУЭЗА И ВЪ КРАСНОМЪ МОРѢ.

Воскресенье, 2 [illegible] ([illegible]).

Ихъ Высочества со вчерашняго утра кратковременно пребываютъ въ Каирѣ, въ томъ же дворцѣ принца Гуссейна. Зрѣлище, представляемое древнимъ и новымъ Египтомъ, близится къ концу. Занавѣсъ надъ нимъ тихо опускается. Дальній путь, увлекающій въ невѣдомую даль, яснѣе прежняго развертывается передъ воображеніемъ. Какъ-то даже жутко подумать, что насъ еще ждетъ.

Изъ Россіи получены благополучныя вѣсти, доходятъ сравнительно недавнія новости: къ свитѣ Великихъ Князей присоединился прямо изъ Петербурга пріѣхавшій докторъ Рамбахъ, прибылъ второй фельдъ-егерь съ дорогими для каждаго письмами. Дальше такое быстрое общеніе съ родиною станетъ немыслимо. Мучительно долго потянутся дни, а порой и часы, — въ ожиданіи какихъ-нибудь запаздывающихъ извѣстій. Но, и при полученіи ихъ, въ сущности въ душѣ останется прежняя тоскливая неизвѣстность.

Сегодня, къ ночи, Августѣйшіе путешественники простятся съ гостепріимнымъ правителемъ страны. Уже вчера днемъ, позавтракавъ дома въ Гизэ съ Ихъ высочествами, шведскою наслѣдною четою, Они были съ послѣднимъ визитомъ у хедива въ Абдинѣ.

Передъ обѣдомъ, долженствующимъ состояться тамъ-же около семи часовъ, Ихъ Высочества инкогнито, для покупокъ, посѣщаютъ базаръ. Время летитъ незамѣтно. Вотъ и вечеръ, вотъ и окончательный отъѣздъ изъ симпатичнаго дворца, служившаго памятнымъ мѣстопребываніемъ въ Каирѣ.

За столомъ у его высочества Тевфика-паши никого нѣтъ, кромѣ принца Гуссейна-паши, спутниковъ Наслѣдника Цесаревича, немногихъ сановниковъ и лицъ, входящихъ въ составъ русскаго дипломатическаго агентства въ Египтѣ.

Въ исходѣ десятаго хозяинъ края отправляется съ Гостями въ театръ (на Оперной площади). Избранное общество собралось здѣсь, чтобы проститься съ Августѣйшими путешественниками. Три гимна (нашъ, мѣстный и греческій) встрѣчаютъ прибытіе Ихъ Высочествъ.

Мы уже вчера видѣли въ здѣшнемъ театрѣ «Бокаччіо». Теперь идетъ «Petit Duc». Фески въ партерѣ, закрытыя рѣшетчатыми стѣнками ложи мусульманскихъ дамъ, Парижъ,

пересаженный въ опереткѣ на совершенно чуждую для него почву, — все странно вяжется съ разсказомъ о томъ, какъ въ Каирѣ возникло, при хедивѣ Измаилѣ, великолѣпное оперное зданіе и какъ въ немъ, въ присутствіи самого Верди, съ неслыханной роскошью ставилась «Аида».

Послѣ перваго акта «Petit Duc» бывшая въ Россіи m-me Bohrer, аккомпанируемая хоромъ, спѣла «Очи черныя».

Около полуночи Ихъ Высочества направляются по иллюминованнымъ, разукрашеннымъ улицамъ на желѣзнодорожный вокзалъ. Шумъ и блескъ проводовъ, оживленіе и торжественность прощальныхъ народныхъ привѣтствій не уступаютъ празднеству въ первый день въѣзда.

Станція переполнена провожающими. Длинная линія вагоновъ напоминаетъ о такихъ же уже пережитыхъ мгновеніяхъ неизбѣжнаго разставанья съ тѣмъ, что казалось такъ трудно оставить за собой. Августѣйшіе путешественники сердечно благодарятъ хедива и прощаются съ нимъ. На дебаркадерѣ вдругъ вспыхиваютъ и разгораются многочисленные бенгальскіе огни. Флаги, ткани, зелень и цвѣты выступаютъ вдоль ярко-озареннаго фасада. Паровозъ медленно приходитъ въ движеніе. Ужъ не сонъ-ли все это было, не сказка-ли «Тысячи и одной ночи»?

Понедѣльникъ, 26 ноября (8 декабря).

Утро. Половина девятаго. Такъ называемая «Terre Pleine», конечный пунктъ рельсоваго пути въ Суэзъ. Наша эскадра виднѣется вблизи. Узкою полоскою тянется къ морю какая-то насыпь, покрытая народомъ; среди воды мелькаютъ домики и деревья; окрестность кажется отчасти искусственнымъ насажденіемъ, вродѣ Портъ-Саида, создавшимся и развившимся исключительно ради канала.

Для встрѣчи Ихъ Высочествъ выстроенъ караулъ отъ мѣстныхъ войскъ. Губернаторъ Мохамедъ Рашидъ-бей, русскій вице-консулъ Коста, консула другихъ государствъ, капитанъ надъ портомъ Уэстонъ-бей и т. д. ожидаютъ прибытія Августѣйшихъ путешественниковъ. Покидая свой экстренный поѣздъ, отличавшійся еще бо́льшимъ комфортомъ, чѣмъ предыдущіе (сегодня ночью египетскіе вагоны впервые освѣщены были электричествомъ; кромѣ того снопы свѣта лились отъ фонаря, прикрѣпленнаго передъ локомотивомъ и озарявшаго, по крайней мѣрѣ, 150 саженей впереди, въ то время какъ разставленные по всей дорогѣ костры тоже ярко освѣщали значительное пространство), Ихъ Высочества милостиво прощаются съ Ріазомъ-пашей (предсѣдателемъ совѣта министровъ, сопровождавшимъ Наслѣдника Цесаревича изъ Каира), съ греческимъ генеральнымъ консуломъ Аргиропуло, съ церемоніймейстеромъ Діа-беемъ и завѣдывавшей ночнымъ движеніемъ высшей желѣзнодорожной администраціей.

При громкихъ крикахъ привѣтствующаго населенія Ихъ Высочества переходятъ по насыпи къ катеру «Памяти Азова». Салюты съ нашихъ судовъ и пришедшаго сюда же изъ Портъ-Саида англійскаго военнаго судна «Scout» до основъ потрясаютъ Суэзское побережье. «Ура» матросовъ, стоящихъ по реямъ, громовыми раскатами встрѣчаетъ Великихъ Князей.

Георгіевскій судовой праздникъ, дома, на родномъ фрегатѣ. День тезоименитства Августѣйшаго мичмана, вернувшагося на свой постъ. Обѣдня, молебенъ въ батарейной палубѣ. Завтракъ въ каютъ-компаніи, за которымъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ

[illegible]нимаетъ бокалъ за здравіе кавалеровъ ордена св. Георгія, коихъ представителемъ, за [illegible]ломъ, является одинъ изъ героевъ послѣдней войны, командиръ «Владиміра Мономаха» капитанъ 1-го ранга Ѳ. В. Дубасовъ.

Оживленный обмѣнъ воспоминаній и впечатлѣній между вернувшимися на фрегатъ и офицерами «Памяти Азова» занимаетъ бо́льшую часть времени до обѣда. Стоянка въ Суэзѣ, въ общемъ хотя и была скучна для послѣднихъ, но дала возможность нѣкоторымъ изъ нихъ совершить любопытную экскурсію на верблюдахъ въ Каиръ, выбравъ старую дорогу пустыней. Наши матросики отпускались на берегъ и, несмотря на то, что тамъ гуляли сотни нижнихъ чиновъ, выпущенныхъ на волю изъ однообразной служебной обстановки, даже англійская печать удостовѣрила добропорядочность ихъ поведенія. Только съ однимъ случилось несчастье. Онъ возвращался по желѣзнодорожному полотну, ведя пьянаго товарища. На встрѣчу шелъ паровозъ. Оттаскивая съ пути нетвердаго на ногахъ

НАШИ ОФИЦЕРЫ НА ДОРОГѢ ПУСТЫНЕЮ ВЪ КАИРЪ.

[illegible]мляка, бѣдняга самъ былъ задѣтъ локомотивомъ и вскорѣ умеръ въ госпиталѣ. Это — первая и, Богъ дастъ, единственная потеря въ теченіе нашего плаванія на Востокъ.

Двѣ съ половиною недѣли мы будемъ теперь сживаться съ бытомъ нашихъ моряковъ при ихъ самоотверженномъ и продолжительномъ уходѣ на чужбину. Какъ ни ярко горятъ передъ нами картины Египта, какъ ни залетаешь мечтой въ улыбающіеся издали неизвѣстные края, — всетаки душа сладостно отдыхаетъ въ родномъ кружкѣ, подъ сѣнью русскаго стяга, подъ отголосокъ знакомыхъ и радующихъ сердце рѣчей, при отзывчивомъ настроеніи окружающихъ и пониманіи ими каждой дорожной думы, каждаго зародившагося чувства.

Вечеръ близится. Зеленое море мерцаетъ чешуей. Убогій коричневый парусъ арабской [illegible] заливѣ. Съ египетской стороны высится Джебель Аттака (съ [illegible] изборожденными склонами) — тула, къ Азіи, [illegible]нутся горы Синайскаго полуострова. Тамъ изъ-подъ Моисеева посоха брызнула скв[illegible]

каменную грудь живительная влага, тамъ вознесена къ небу твердыня, бывшая какъ-бы престоломъ еврейскаго вождя и мыслителя. Еще задолго до него египтяне строили въ этой же области крѣпости для подчиненія себѣ тамошнихъ кочевниковъ, пользовались Синайскими богатыми копями, врѣзывали въ скалы іероглифическій слѣдъ своихъ дѣяній и побѣдъ.

Солнце опускается въ волны, сразу темнѣющія и принимающія темнолиловый цвѣтъ, между тѣмъ какъ западныя возвышенности вдругъ кажутся охваченными пожаромъ и расплавленными, а нѣдра ихъ словно состоящими изъ яхонтовъ, рубиновъ и аметистовъ.

Поздно и темно; но на фрегатѣ царствуетъ необычное веселое оживленіе: гости-офицеры наѣзжаютъ съ «Владиміра Мономаха» и «Запорожца». Суда иллюминованы, набережная переполнена народомъ, въ ожиданіи факельнаго шествія съ музыкой, устраиваемаго греческою колоніей.

Вотъ и оно блистательно прошло, вотъ и фейерверкъ, единовременно съ нимъ зажженный, отгорѣлъ надъ погруженною въ темноту густолиственною аллеей.

Въ каютъ-компаніи «Памяти Азова» долго еще не умолкаютъ разговоры, веселье и тосты. Моряки варятъ жженку. Составъ ея довольно загадоченъ и посвященные въ тайны ея изготовленія отмалчиваются, когда ихъ точнѣе распрашиваешь о ней. Крѣпкій напитокъ, впрочемъ, болѣе дѣйствуетъ на вкусъ чѣмъ на голову. Офицеры дружно и радостно окружаютъ сидящихъ съ ними Великихъ Князей. Десятки русскихъ сердецъ бьются однимъ біеніемъ, будучи въ тѣсной непосредственной близости Тѣхъ, чья безопасность и чье благополучіе поручено въ сущности всѣмъ и каждому изъ присутствующихъ. Молодое кипучее оживленіе проникаетъ товарищески обставленную праздничную пирушку. Участвовавшимъ въ ней долго будетъ памятно, какъ разгоралось и закончилось ликованіе на фрегатѣ въ день судоваго торжества.

Вторникъ, 27 ноября (9 декабря).

«Запорожецъ» долженъ возвратиться въ Пирей. Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ лодку, чтобы милостиво проститься съ командиромъ, офицерами и командой, и осчастливилъ ихъ подарками. Нашъ дипломатическій агентъ г. Кояндеръ и вице-консулъ Ивановъ, провожавшіе до Суэза, только-что откланялись. Мы снимаемся съ якоря; какая-то туземная шлюпка съ продавцами, предлагающими фрукты и овощи, торопливо отчаливаетъ отъ фрегата, который сопровождаемый «Владиміромъ Мономахомъ» плавно уходитъ въ широко раздвигающійся заливъ.

Море, по которому финикіяне, рискуя жизнью, устремлялись на очарованный и манящій сокровищами Востокъ, море, по которому эти послѣднія издавна привозились въ Египетъ даже китайскими мореплавателями, это море страшныхъ крушеній и сказочныхъ чудесъ разстилается передъ нами то бирюзовое, то изумрудное. Теперь оно потеряло обаяніе прежней сравнительной недоступности изъ-за коралловыхъ рифовъ и негостепріимно-грозныхъ береговъ. Опасныя мѣста тщательно намѣчены на картахъ, снабжены маяками, требуютъ усиленной бдительности и знаній. Переходъ по нему только томителенъ въ виду жары и однообразія очертаній суши, которая почти никогда не исчезаетъ съ горизонта.

Жуанъ де Кастро, посланный въ 1541 г. португальскими властями изъ Индіи, чтобы уничтожить у Суэза турецкую флотилію, первый изъ европейцевъ ознакомился съ трудностями плаванія въ здѣшнихъ водахъ и составилъ о нихъ обстоятельный отчетъ, впослѣдствіи которого оцѣненный англичанами. Когда слышишь о мучительномъ зноѣ, испытываемомъ тутъ современными путешественниками, — хотя они окружены комфортомъ, защищены отъ лучей, въ изобиліи снабжены водою и т. д. — невольно спрашиваешь себя, что за выносливостью отличались эллины временъ македонскаго владычества, а потомъ и сподвижники Алмейды, если закованные въ броню, на далеко ненадежныхъ судахъ, они рѣшались довѣряться Красному морю.

Металлическій отблескъ исходитъ отъ раскаленныхъ волнъ. Тишина надъ просторомъ еще явственнѣе проявляется въ этомъ жестокомъ для взоровъ отраженьи. Пустынное гористое пространство виднѣется съ обѣихъ сторонъ нашего пути. Остовъ погибшаго корабля зловѣщею чернотой обрисовывается у безлюдно-угрюмаго побережья. Слѣва, въ лиловой мглѣ, подымается могучій хребетъ; но среди него едва-ли можно съ точностью опредѣлить вершину настоящаго Синая. Краснобурыя скалы торчатъ здѣсь и тамъ: бѣлый, какъ снѣгъ, песокъ вкрапленъ въ ихъ трещины и жилы, струится внизъ по обрывамъ или доползаетъ змѣиными изгибами до обнаженныхъ верхушекъ.

Вечерѣетъ. Что за дивное изчезновеніе дневнаго свѣтила! Пожалуй, такого великолѣпія еще не было и въ Верхнемъ Египтѣ. Сотни прозрачныхъ облачковъ воспламенились на пріютившей ихъ тверди. И она вспыхнула красками зари, и морская гладь преобразилась, ярко отражая ее. Небо, воды, земля, наши суда и даже лица человѣческія стали золотыми. Позолота вдругъ потускнѣла. Смѣна цвѣтовъ закончилась кровавымъ. Затѣмъ пепельный оттѣнокъ легъ на все окрестъ. Солнце умерло. Отъ его погребальнаго костра остается одна зола. . .

(Среда — [illegible], 28 ноября — 1 декабря ([illegible] 13 [illegible]).

Жарко! Этимъ словомъ выражается совокупность мыслей и ощущеній въ Красномъ морѣ. Положимъ, градусникъ не показываетъ чрезмѣрно высокой температуры. Но тутъ проявляется лишь несовершенство, съ которымъ люди способны опредѣлять окружающія явленія. На самомъ дѣлѣ зной необычайно силенъ, а главное до болѣзненности чувствителенъ. Отчего такой-же точно горячій воздухъ — напримѣръ, въ Италіи на берегу моря — не дѣйствуетъ столь разслабляющимъ образомъ на организмъ, а здѣсь гнететъ? Отчего только здѣсь, между Аравіей и Африкой (да, пожалуй, еще въ Персидскомъ заливѣ и у Сенегамбіи) жара, одинаковая по числу градусовъ не только съ тропическою, но и съ южно-европейскою, гораздо тягостнѣе чѣмъ въ какой-нибудь другой части земнаго шара? То, что живописные берега пустынны и безплодны, что никакая рѣка не вноситъ своихъ струй въ это исключительно поставленное море, что наконецъ вѣтру негдѣ разгуляться на просторѣ, — еще не есть объясненіе; а сознаніе, будто находишься подъ свинцовою крышею средневѣковой венеціанской тюрьмы, вполнѣ осязательно и крайне тяжело. Какъ могутъ жить на мѣстныхъ маячныхъ островочкахъ приставленные къ ночнымъ свѣточамъ сторожа (греки, арабы) положительно загадка? Кромѣ безумной скуки, вѣдь должно же ими испытываться и физическое страданіе!

Погода кажется безвѣтренна, но это только кажется. Въ декабрѣ тутъ господствуютъ сѣверные вѣтра; но мы движемся впередъ такъ быстро, что воздушному попутному току воздуха не угнаться за разрѣзающимъ волны фрегатомъ.

Прозвище «Чермнаго», — данное морю туземцами, — хотя и обусловлено цвѣтомъ влаги въ иныхъ мѣстахъ, изъ-за окрашивающихъ ее подводныхъ растеній, — тѣмъ не менѣе красивѣе звучитъ, чѣмъ соотвѣтствуетъ истинѣ, такъ какъ этого оттѣнка путешественники, направляющіеся серединою Красноморскихъ водъ, не замѣчаютъ (развѣ только на зарѣ!).

Мы третій день въ морѣ. Рѣзкія очертанія желтаго Синайскаго хребта давно уже потонули вдали на востокѣ. Джидда, гавань Мекки, привлекающая ежегодно сотни тысячъ богомольцевъ, гдѣ-то по близости, на невидимомъ восточномъ берегу. Зной, которымъ дышетъ просторъ окружающихъ водъ, все усиливается и становится нестерпимымъ.

Нами пересѣченъ тропикъ Рака. Разслабляющій жаръ такъ-сказать проникаетъ все существо человѣка, убиваетъ энергію, ослабляетъ душевную дѣятельность, давитъ и жжетъ. Сначала начинаешь чувствовать отсутствіе аппетита, а затѣмъ является и отвращеніе къ ѣдѣ. Мучительная безсонница или исполненный жестокаго томленья безпокойный сонъ сопровождаетъ ночью, — днемъ же каждый часъ, отданный отдыху, только еще болѣе утомляетъ, только еще болѣе разстраиваетъ. Если взглянешь на море, водная поверхность, подобная разплавленному стеклу, нестерпимо ярко отсвѣчиваетъ въ дневномъ сіяніи. Ослѣпительный блескъ, утомляя взоры, порождаетъ невольное уныніе. Тамъ, на горизонтѣ, видиѣется Аравійская земля; но она не притягиваетъ вниманія, такъ какъ знаешь, что и за гранью тамошнихъ береговъ тянутся такія же ужасающія огненныя пространства, гдѣ солнце поглотило жизнь, гдѣ живутъ и сверкаютъ лишь раскаленные лучи. По временамъ кажется (если на мгновеніе забудешь о неотступно сопутствующемъ и близкомъ «Мономахѣ»), что пучина кругомъ мертва, что нашъ быстроходный фрегатъ не движется, что мы застываемъ въ оцѣпенѣлой влагѣ. Все какъ-будто спитъ подъ какимъ-то тягостнымъ гнетомъ; воздухъ замеръ; почти нечѣмъ дышать; всюду огни, перебѣгающіе по соннымъ волнамъ, точно сверхъестественная сила ихъ вяжетъ и чаруетъ.

Темно. Духота еще невыносимѣе: но мечта, очнувшись отъ удрученности, испытываемой въ теченіе дня, мало-по-малу устремляетъ воздушный полетъ къ звѣзднымъ мірамъ и въ область неизвѣданнаго.

Воды кругомъ преображаются. Новое море... Новыя созвѣздія! Сѣверъ отступилъ далеко назадъ; въ небѣ ясно обозначились причудливо мерцающія линіи Южнаго Креста. Уже второй день не видно Большой Медвѣдицы. Черная твердь, словно засыпанная неисчислимыми свѣтилами, ниже и ниже наклоняется надъ землею т. е. надъ окружающимъ насъ водянымъ просторомъ, просится въ душу и сквозь десятки милліоновъ верстъ льетъ свое неизсякающее алмазное сіяніе. Въ такую ночь забытье прерываемо видѣньями и смутными воспоминаніями. Внезапно и безпричинно пробуждаясь, съ лихорадочною тревогой, сразу не отдаешь себѣ отчета, гдѣ находишься: темная бездна увлекаетъ куда-то впередъ и, опять засыпая, сознаешь лишь одно, что безпомощно падаешь въ нее все глубже и глубже.

Передъ разсвѣтомъ, окончательно лишившись сна, выходишь на кормовой балконъ или на палубу, въ тщетныхъ поискахъ за свѣжимъ воздухомъ. Все море усѣяно свѣтящимися точками. Молочнаго цвѣта искристый слѣдъ змѣится за «Азовомъ». Невдалекѣ гигантскими мечтами темнѣетъ поспѣвающій за нами «Мономахъ».

Изъ его трубъ вылетаетъ какой-то синій дымъ, въ которомъ вихрятся несмѣтныя, на мгновеніе вспыхивающія искры.

Гдѣ-иногда на горизонтѣ нѣтъ-нѣтъ и сверкнетъ цвѣтной огонекъ, — словно предупрежденіе далекаго маяка, словно фонарь окутаннаго темнотой встрѣчнаго судна. Но это не люди подаютъ о себѣ вѣсть: тамъ въ дали надъ пучиной всплываютъ или тонутъ [illegible] звѣзды. Онѣ же роятся надъ головой, смотрятся съ купола небесъ въ необъятную влагу, еще какъ-бы насыщенную дневнымъ свѣтомъ, дробятся въ ней, блещутъ странными переливами блеска — затѣмъ вдругъ начинаютъ блѣднѣть и гаснуть... Утро розовымъ, нѣжнымъ сіяньемъ касается волнъ. Море на нѣсколько минутъ оправдываетъ данное ему прозвище «Краснаго» — потомъ подергивается ровною, спокойною синевою. Кругозоръ раздвигается и опредѣляется вполнѣ. Ликъ солнца сейчасъ покажется надъ зеркально-тихою ширью.

Воскресенье, 2 (14) декабря.

Острова, попадающiеся на пути, поражаютъ безлюдьемъ и угрюмымъ видомъ своихъ обрывистыхъ, черныхъ и кремнистыхъ утесовъ. Вулканическія силы оставили тутъ повсюду страшной слѣдъ позабытой работы огня.

Съ западной стороны тянется по прежнему гористое африканское побережье. Иныя вершины тянутся въ высь, до удивительной степени уподобляясь пирамидамъ. На востокѣ туманно обрисовывается что-то бѣлое, безформенное. Это — какъ намъ говорятъ — арабскій городъ Мокка, славившійся вывозомъ кофе.

Впереди рѣзко обозначается высокая скалистая твердыня Перима, такъ находчиво занятаго англичанами въ моментъ, когда французы собирались водрузить на немъ свое знамя. Выходъ въ океанъ, Бабъ-эль-мандебскій проливъ, эти «врата горя (или слезъ)» на языкѣ арабскихъ мореплавателей, призывно встаютъ, суля за собою свободу полнаго простора и живительную прохладу.

Мы направляемся въ сравнительно самый узкій изъ двухъ рукавовъ, охватывающихъ англійскій островъ. Пріятный вѣтеръ дышетъ въ лице. Могучее теченье волнуется на встрѣчу фрегатамъ. Материки какъ-бы силятся сблизиться въ послѣдній разъ, разобщаемые природой, отодвигаемые враждебною стихіей.

Парусныя ладьи съ грузами, управляемыя чалмоносцами, мелькаютъ надъ властно всколыхнувшеюся влагою. Онѣ по типу какъ-бы начинаютъ быть переходнымъ звѣномъ къ китайскимъ «джункамъ», имѣя сравнительно низкій носъ и высокую корму. Гдѣ-то сбоку, налѣво, должна находиться французская территорія Шейхъ-Саидъ, откуда — при непреклонномъ намѣреніи стать твердою ногой, создать портъ и укрѣпиться — обладатели его смѣло угрожали бы Периму, пріобрѣли важную угольную станцію и способный развиваться коммерческій центръ съ гораздо бóльшимъ значеніемъ, чѣмъ лежащій на противоположномъ берегу Обокъ.

Минуя проливъ, мы замѣчаемъ справа пароходъ, попавшій на рифъ изъ-за ошибки въ счисленіи. Около него работаетъ спасательный ботъ и тяжести перегружаются на барки.

«Память Азова» направляется на сѣверо-востокъ и поздно вечеромъ приближается къ Адену. На рейдѣ долженъ ожидать возвращающійся изъ дальняго плаванія крейсеръ «Адмиралъ Корниловъ». Онъ дѣйствительно находится въ глубинѣ залива и показываетъ свои позывные вспышками сигнальнаго огня.

АДЕНЪ.

Понедѣльникъ, 3 (15) дека[illegible].

Первый день во владѣніяхъ ея величества королевы Викторіи, и притомъ у города, который былъ первымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ въ ея царствованіе. Раннее утро. Флагъ еще не поднятъ. На фрегатѣ обычная чистка и суета.

Дико-величественныя горныя твердыни (Шамшанъ) подымаются надъ англійскимъ портомъ. Темныя, грозныя, изрытыя мрачными впадинами, онѣ говорятъ о внутреннихъ мукахъ пожираемой пламенемъ земли, выбросившей, наконецъ, на поверхность эти причудливо очерченныя, сухія и безплодныя громады. По одному мусульманскому преданію, гдѣ-то тамъ, на зубчатой вершинѣ, — могила Каина. Ужаснѣе мѣста для нея народная фантазія, видимо, не въ состояніи была пріискать. Съ противоположной стороны желтѣютъ столь же безотрадные и совершенно пустынные пески.

Крошечныя лодочки съ черномазыми мальчуганами (прикрытыми лишь передничкомъ и съ кожанными или желѣзными нарамниками) вертятся и шумятъ около насъ, наполняя воздухъ своими надоѣдливыми предложеніями достать изъ темнозеленой влаги брошенную за бортъ серебряную монетку (мѣдную не различишь въ водѣ). Если ее кинешь, они, на перегонку, по лягушечьи спрыгиваютъ въ море и пропадаютъ въ глубинѣ. Вскорѣ надъ волной появляется улыбающаяся рожица дикаря съ находкой въ бѣлоснѣжныхъ зубахъ. Иногда, въ дракѣ изъ-за нея, какой-нибудь утлый челночекъ, безъискусно выдолбленный изъ древеснаго ствола и управляемый небольшимъ весломъ, опрокидывается вверхъ дномъ. Но для плавающаго какъ рыба туземца это — только забава. Онъ его поворачиваетъ, ладонями вычерпываетъ воду и опять, какъ ни въ чемъ не бывало, разъѣзжаетъ передъ иностранцами, призывая ихъ благотворить его ловкости. Когда дѣлаешь видъ, что не замѣчаешь этихъ тунеядцевъ, они обижаются и начинаютъ скорѣе ревѣть чѣмъ пѣть подъ самыми окнами каютъ, подпрыгивая на своей скорлупѣ, щелкая зубами и ударяя въ тактъ весельными лопаточками. Нѣкоторые шмыгаютъ вокругъ фрегата просто верхомъ на бревнахъ. Дѣти солнца и пучины — мальчики сомалійскаго происхожденія, рождаемые туземными женщинами отъ временно проживающихъ здѣсь африканцевъ, выростаютъ на свободѣ какъ звѣрьки, питаются подаяніемъ, безобидной эксплоатаціей туриста-европейца и тѣмъ, что не боятся опасной близости акулъ. Положимъ, онѣ

отгоняются крикомъ, — положимъ, дальнозоркіе пловцы издали замѣчаютъ отвратительнаго врага, но все же гибель отъ него возможна и случается. Хорошо еще, если чудовище отхватитъ лишь руку или ногу. Изувѣченные маленькіе дикари тогда преспокойно продолжаютъ выгодное ремесло водолазовъ: недостаетъ однако, по остроумному выраженію одного французскаго писателя, чтобы отрѣзанная оконечность у нихъ постепенно отростала, точно лапка у пострадавшаго омара.

Раздается обычная утренняя команда: «флагъ поднять!» Звуки музыки оглашаютъ палубу «Памяти Азова». Тихій рейдъ сразу преображается. Громъ салютовъ, начиная отъ произведеннаго съ «Адмирала Корнилова», безумолчно перекатывается по морю до горъ и, отпрядывая отъ нихъ, наполняетъ окрестность оглушительнымъ эхомъ.

Аденскій губернаторъ (или точнѣе политическій резидентъ) со свитой пріѣзжаетъ на фрегатъ представиться Наслѣднику Цесаревичу. Затѣмъ Августѣйшіе путешественники отправляются на встрѣтившій Ихъ русскій крейсеръ (подъ командой капитана 1-го ранга Е. И. Алексѣева), гдѣ Его Императорское Высочество изволитъ произвести смотръ.

Оффиціальный съѣздъ на берегъ. Пристань разубрана флагами и тканями. На привѣтственной аркѣ съ надписью по русски: «Царевичу» — признаки тощей зелени. Власти встрѣчаютъ Гостей подъ навѣсомъ вродѣ шатра. Противъ выхода изъ него выстроенъ длинный почетный караулъ, а за нимъ, вдоль и вверхъ по скаламъ, живописнѣйшими, чрезвычайно эффектными группами расположились туземцы. Подъ ослѣпительными солнечными лучами, вскарабкавшись на голые утесы, удобно размѣстившись по коричневымъ камнямъ, они пестро скучились надъ крутизной — точно отдыхающія отъ полета диковинныя морскія птицы надъ затерянными въ океанѣ островкомъ. Кого только нѣтъ! Тутъ видны представители различныхъ народностей отъ Индіи до Занзибара и до почти недоступныхъ пустынь Аравіи: ея сыны съ огненными вдумчивыми очами и горделивою осанкой, стройные и могучіе сомали съ волосами, натертыми известкою и словно посеребренными или же окрашенными въ красный цвѣтъ, дюжіе негры, абиссинцы и всякіе африканцы съ падающими имъ на лобъ и на щеки густыми змѣйчатыми прядями, огнепоклонники-парсы изъ Бомбея, индусы-купцы джайнскаго толка (т. е. исповѣдующіе религію, по духу сродную буддизму) и т. д.

Надъ англійскимъ Аденомъ рѣзко и звучно гремитъ «Боже, Царя храни!» Пройдя по фронту почетнаго караула, Августѣйшіе путешественники — въ сопровожденіи губернатора и другихъ лицъ администраціи, конвоируемые индійскими копѣйщиками (въ красныхъ чалмахъ, темной одеждѣ и высокихъ сапогахъ) на небольшихъ ретивыхъ лошадяхъ — направляются со свитою къ туземному городу, отстоящему отъ европейскаго на восемь верстъ. Отличная, но лишенная тѣни дорога ведетъ туда, слегка извиваясь въ гору, гдѣ амфитеатромъ раскинулся потухшій кратеръ внушительной величины. Множество темноликихъ полицейскихъ въ желтыхъ головныхъ уборахъ со значками «А. Р.» разставлено на нашемъ пути, по которому поминутно попадаются пыльные ослики-водоносы, проворныя козы и овцы съ курдюками, перегруженные мулы и сухопарые верблюды. Послѣдніе мѣстами лежатъ цѣлымъ усталымъ караваномъ среди огромнаго занятаго вьюками двора или на площади. Въ угрюмыхъ рамкахъ окружающаго пустыря, недвижные и безобразные, они похожи на какихъ-то ископаемыхъ тварей неизвѣстнаго періода, неизслѣдованной эпохи.

Разныя строенія (фабрика для изготовленія льда, опрѣснители, гигантскіе угольные склады) тянутся здѣсь и тамъ параллельно побережью. Потомъ уже по сторонамъ дороги скучиваются крытыя цыновками хижины съ высыпавшимъ на улицу населеніемъ, состоящимъ въ данную минуту преимущественно изъ бабъ и нагихъ ребятишекъ. Это — гавань Маала, служащая туземцамъ. Яркое море съ арабскими каботажными судами (багала) стелется за нею, мерцая переливающимися оттѣнками. Дорога круче. Скалистыя твердыни суровѣе вблизи. Узкія врата ведутъ укрѣпленіемъ къ непроходимому съ виду ущелью. Очутившись въ тѣснинѣ, почти не замѣчаешь неба надъ собой. Стража отдаетъ честь. Спускъ за нимъ выводитъ на сравнительно ровную дорогу. Передъ глазами развертывается совершенно неожиданная картина оживленнѣйшаго восточнаго города, съ готическимъ храмомъ слѣва на возвышеніи, толпами народа, сбѣгающагося взглянуть на Великихъ Князей, бѣлыми домами арабской архитектуры, къ которымъ мы подъѣзжаемъ, и, что поразительнѣе всего, мрачными глыбами застывшей лавы надъ единственною въ своемъ родѣ окрестностью.

Дальше, наряду съ грязными жилищами, виднѣются довольно опрятныя лавки. Зеленыя узорчатыя заслонки оконъ, терассы, переполненныя тучными негритянками и статными бронзовыми женщинами библейскаго типа, масса перекликающихся людей, которые

стремятся вслѣдъ за экипажами, — все вмѣстѣ взятое представляетъ любопытное зрѣлище. Но едва-ли не любопытнѣе еще тотъ самый пунктъ земнаго шара, куда сегодня прибыли Ихъ Высочества. Мало мѣстъ достойно бо́льшаго вниманія съ культурно-исторической точки зрѣнія.

Аденъ уже съ глубокой древности славился своимъ торговымъ положеніемъ; о немъ, можетъ быть, упоминается въ книгѣ Іезекіиля (XXVII, 23) при обозначеніи мѣста (Эденъ), откуда купцами привозились на Западъ цвѣтныя восточныя ткани съ изящнымъ шитьемъ и ящички изъ кедроваго дерева. Находясь на южномъ берегу Счастливой Аравіи, сопредѣльно съ нынѣшнею провинціею Іеменъ, на пути, такъ сказать, коммерческаго и культурнаго общенія полуденныхъ и полуночныхъ странъ, Аденъ издавна долженъ былъ быть извѣстенъ и египтянамъ, и китайскимъ мореплавателямъ. Съ наступленіемъ нашей эры исторія его становится яснѣе. Въ IV-мъ столѣтіи императоръ Констанцій присылаетъ сюда пословъ для сооруженія христіанскихъ храмовъ. Когда же окружающіе язычники начали тѣснить христіанъ, то Аденомъ и смежною съ нимъ частью материка на нѣкоторое время завладѣли абиссинцы, понуждаемые къ тому стремленіемъ оказать помощь единовѣрцамъ. Затѣмъ край переходитъ въ руки персовъ-огнепоклонниковъ, потомъ къ мусульманамъ. Переходя сперва изъ-подъ власти халифовъ одной династіи подъ власть халифовъ другой, Аденъ въ X-мъ вѣкѣ сталъ процвѣтать подъ управленіемъ собственныхъ имамовъ. Торговля съ Индіей и Небесной имперіей (а косвенно черезъ Египетъ и съ Европой) крѣпла и развивалась. Но будучи лакомымъ кусочкомъ для болѣе или менѣе могущественныхъ сосѣдей, мѣстность постоянно мѣняла владыкъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ португальцы снарядили довольно значительную экспедицію, дабы овладѣть Аденомъ. Въ Свѣтлое воскресенье 1513 г. европейцы устремились на приступъ, однако съ большимъ урономъ были отбиты туземцами. Обладаніе свободолюбивымъ городомъ казалось, между прочимъ, желательнымъ и для египетскихъ мамелюковъ, и для ихъ враговъ-турокъ, и для португальскаго короля, такъ какъ въ то время на юго-западѣ Азіи разыгрывалась грандіозная борьба христіанскаго міра съ тамошнимъ кореннымъ, за право стать твердою ногой на индійскихъ и индо-китайскихъ побережьяхъ. При Сулейманѣ Великолѣпномъ турецкая флотилія хитростью овладѣла Аденомъ. Подойдя къ нему, она высадила на берегъ часть

ТУЗЕМНЫЯ ЖЕНЩИНЫ

матросовъ, подъ предлогомъ, что они — тяжело больные. Правитель Адена былъ приглашенъ на адмиральскій корабль, предательски схваченъ и повѣшенъ. Тѣмъ временемъ, захвативши городъ врасплохъ, завоеватели устроились въ немъ, прикрывшись сотнею пушекъ и достаточнымъ гарнизономъ. Хотя жители Адена и передались вскорѣ вслѣдъ затѣмъ португальцамъ, но высланный съ эскадрой изъ Египта Пери-паша снова захватилъ Аденъ и еще надежнѣе его укрѣпилъ. Въ теченіе десятковъ лѣтъ подданные царьградскаго падишаха не церемонились съ наѣзжавшими европейцами, арестовывали ихъ и даже бросали въ тюрьму появлявшихся здѣсь съ судами командировъ-англичанъ.

Постепенно турецкое вліяніе вездѣ въ Іеменѣ ослабѣло и край, перейдя по прежнему въ управленіе родныхъ имамовъ, сталъ терпѣть отъ внутреннихъ неурядицъ. Аденъ находился преимущественно въ рукахъ маленькаго арабскаго султана (округа Лахеджъ, племени Абдали, на которое, какъ на сравнительно маловоинственный родъ, нападали полудикіе разбойники-сосѣди, грабившіе при этомъ Аденъ). Подъ предлогомъ установленія порядка въ этой мѣстности, англійское правительство въ 1839 г. выслало сюда десантъ изъ 700 человѣкъ съ десятью пушками и захватило городъ. Важный торговый центръ, нѣкогда славившійся богатствомъ и многолюдіемъ, полъ-вѣка назадъ былъ найденъ занявшими его европейцами въ состояніи крайняго упадка и обѣдненія. Со свойственной имъ энергіей и дѣловитостью англичане быстро подняли значеніе Адена. Сначала жители ближайшихъ частей Аравіи сильно тяготились сосѣдствомъ «невѣрныхъ». Какой-то фанатикъ сталъ даже противъ нихъ проповѣдывать священную войну. Арабы пытались произвести нападеніе, но все это ни къ чему не привело и, когда англійское правительство назначило абдальскому вождю ежегодное жалованье, то неудовольствіе мало по малу улеглось. За извѣстную, ежегодно выдаваемую сумму ближайшіе къ Адену туземцы согласны давать пропускъ направляющимся сюда караванамъ. Такъ съ тѣхъ поръ и дѣлается: слѣдуя подобной же осмотрительной политикѣ на неспокойныхъ границахъ, могущественный народъ въ сущности платитъ дань мелкимъ племенамъ. Между тѣмъ, когда подумаешь о грозныхъ укрѣпленіяхъ, мимо которыхъ мы ѣхали изъ порта за кряжъ, отдѣляющій его отъ материка, когда скажешь себѣ, что орудій, направленныхъ на послѣдній, достаточно для отраженія дисциплинированныхъ войскъ, не говоря уже о полудикихъ арабахъ, — предупредительность аденскихъ властей, по отношенію къ инородцамъ-разбойникамъ, безъ сомнѣнія, характерна и поучительна.

Если вѣрить даннымъ одной недавно написанной и весьма разумной книги Поля Бонетэна (Bonnetain) о дальнемъ Востокѣ, туземное толпящееся теперь вокругъ насъ населеніе охотно переселилось бы отсюда въ Шейхъ-Саидъ, захоти только французское правительство твердо тамъ утвердиться и парализовать стратегическое значеніе Перима. Правда, у новаго центра пришлось бы искусственно создавать коммерческій портъ, а у Адена онъ по природѣ существуетъ отъ вѣка. Городу словно предопредѣлено быть въ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ его засталъ, напримѣръ, Марко Поло.

Лошади идутъ въ гору. Широкая котловина сдвигается намъ на встрѣчу. Предстоитъ осмотрѣть знаменитые такъ-называемые «tanks», грандіозные водоемы для храненія драгоцѣнной дождевой воды, спадающей съ возвышенностей при крайне рѣдкихъ здѣсь ливняхъ. Сооруженія эти ведутъ свое начало чуть-ли не съ VII вѣка, когда краемъ правили персы Сассанидской эпохи. Высказывалось даже предположеніе, что цистерны существовали уже при царѣ Соломонѣ (т. е. три тысячи лѣтъ назадъ) и что именно тутъ находилась неподдающаяся до сихъ поръ опредѣленію страна Офиръ, откуда въ Палестину доставлялись всякія драгоцѣнности Востока.

Передъ водохранилищами (къ слову сказать, почти лишенными воды отъ продолжительнаго бездождія) разбитъ садъ, если вообще такимъ именемъ можно назвать немногочисленныя насажденія, чахнущія въ пыли и жарѣ.

Передъ нимъ — арка съ привѣтственной надписью («Welcome to the Czarewitch»). Ихъ Высочества выходятъ изъ экипажа. Наслѣднику Цесаревичу подносится букетъ. Мало дающая тѣни дорожка довольно круто подымается вверхъ. Странно бросаются въ глаза надписи по-англійски и французски: «запрещается рвать цвѣты», когда съ виду растительность вообще здѣсь скорѣе отсутствуетъ. Но бѣдность аденской флоры, говорятъ, искупается ея оригинальностью. Ботаники, будто-бы совершенно искренно, интересуются ею и находятъ среди этихъ выжженныхъ скалъ около ста разновидностей.

Вотъ и знаменитые водоемы, въ нынѣшнемъ столѣтіи дошедшіе до полнаго упадка и съ большими затратами возстановленные англійскимъ правительствомъ. Они расположены одинъ надъ другимъ, соединены между собою, занимаютъ цѣлое дикое ущелье, уходящее въ горную высь. Воды въ цистернахъ очень мало, да онѣ, кажется, и наполняются-то разъ

ДОРОГА ИЗЪ ГАВАНИ ВЪ ТУЗЕМНЫЙ АДЕНЪ

въ нѣсколько лѣтъ. Туземцы ею пользуются, но она гадка на вкусъ. Европейцы поэтому не пьютъ ни ее, ни ту колодезную воду, которая отчасти проведена, отчасти привозится для продажи изъ степи, а прибѣгаютъ къ заведеннымъ въ Аденѣ превосходнымъ опрѣснителямъ.

Мы ѣдемъ назадъ къ морю, избравши только болѣе дальній путь вдоль кряжа, опоясаннаго укрѣпленіями. Часовые и пушки, пушки и часовые постоянно обрисовываются по сторонамъ. Зычные звуки трубъ провожаютъ здѣсь и тамъ проѣздъ Августѣйшихъ путешественниковъ. Синева залива сверкаетъ за уступами твердынь и обрывами. Экипажи затѣмъ углубляются въ душный и сѣрый тунель, тускло освѣщенный сверху вонючими керосиновыми лампами, и вскорѣ спускаются къ порту, откуда началась экскурсія.

До возвращенія на нашъ фрегатъ, который запасается углемъ, рѣшено принять завтракъ въ губернаторскомъ домѣ (Residency) и обѣдъ на крейсерѣ «Адмиралъ Корниловъ».

Направляясь къ первому, ѣдешь съ горы на гору.

Зданіе, отведенное представителю власти, — типичное индійское «bungalow», какихъ намъ придется увидѣть еще великое множество: одноэтажная постройка съ плоскою крышей на столбахъ и широкими верандами вокругъ просторныхъ и прекрасно обставленныхъ комнатъ. Въ нихъ царитъ легкій полумракъ, потому что цыновки, закрывающія фасадъ, вмѣстѣ со свѣтомъ пропускали бы черезчуръ много пыли и зноя.

Кромѣ свиты Великихъ Князей, къ завтраку приглашены старшіе офицеры и администраторы города. Аденъ въ сущности принадлежитъ уже Индіи, подчиненъ Бомбею, служитъ ей мѣстомъ ссылки. Всѣ разговоры вращаются около тэмъ, относящихся до нашего путешествія въ страну, гдѣ большинство собесѣдниковъ долго служило. Хозяинъ тамъ провелъ полъ жизни и убилъ, между прочимъ, огромное количество тигровъ.

Туземные слуги въ чалмахъ, восхитительная прохлада, навѣваемая «панкою» (своего рода вѣеромъ, состоящимъ изъ обтянутой матеріею длиннѣйшей доски, повѣшанной высоко надъ серединой стола и приводимой слугами въ постоянное движенье), рѣчи новыхъ знакомыхъ, въ которыхъ слышится столько любопытныхъ и яркихъ подробностей о втягивающемъ въ себя Востокѣ, — все будитъ въ душѣ странное чувство удовлетворенія при видѣ этого Востока въ двухъ шагахъ отъ насъ.

Простившись съ семьей губернатора и пройдя по фронту выстроеннаго передъ домомъ почетнаго караула, Ихъ Высочества возвращаются на рейдъ.

Палуба и орудія нарядпаго крейсера положительно блестятъ отъ бѣлизны и чистоты. Властное распоряженіе: «командѣ разойдтись!» только-что прогремѣло. Августѣйшіе посѣтители спускаются до обѣда въ свѣтлое и, несмотря на просторность кормовыхъ каютъ, чрезвычайно уютное и богато снабженное книгами помѣщеніе капитана Е. И. Алексѣева. «Адмиралъ Корниловъ» — его дѣтище въ полномъ смыслѣ слова, такъ какъ, пока онъ строился во Франціи, будущій командиръ самолично вникалъ во всѣ подробности созданья броненосца. Характерная красота послѣдняго, совершенно отличная отъ присущей болѣе грандіознымъ и строгимъ съ виду фрегатамъ «Память Азова» и «Владиміръ Мономахъ», сразу бросается въ глаза какъ что-то новое и еще незнакомое.

Естественная радость служащихъ на крейсерѣ чувствовать себя соединенными съ эскадрой подъ флагомъ Наслѣдника Цесаревича усугубляется присутствіемъ Ихъ Высочествъ (между прочимъ и сына обожаемой нашими моряками королевы Эллиновъ) среди офицеровъ, которымъ еще такъ неизгладимо памятно прошлогоднее плаваніе Наслѣдника Цесаревича по Средиземному морю на «Адмиралѣ Корниловѣ» передъ его уходомъ во Владивостокъ. Объ этихъ чувствахъ, проникающихъ и каютъ-компанію, и всю команду, капитанъ Алексѣевъ очень сердечно выражается во время обѣда, позволивъ себѣ, съ бокаломъ въ рукѣ, предложить встрѣченный громомъ привѣтствій тостъ за Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича.

Столъ накрытъ на палубѣ. Благодаря легкому вѣтерку, приходишь понемногу въ себя отъ обычной дневной жары. Лихо, хватая за сердце, льются пѣсни матросскаго хора. Темное небо сливается съ тихо вздыхающими океанскими волнами. Адская панорама Адена потонула въ тьмѣ. Забываешь, что отъ Россіи отдѣляетъ уже цѣлая бездна, что разстояніе

АДЕНЪ.

отъ дома все ростетъ и становится ужасающимъ: задушевные звуки родныхъ напѣвовъ развѣяли тоску, заглушаютъ невольную внутреннюю тревогу, заставляютъ погрузиться въ чисто стихійный порывъ беззавѣтнѣйшаго веселья, на которое вездѣ и всегда, даже въ самыя тяжелыя жизненныя минуты, способенъ только русскій человѣкъ. Зажигающій нѣгу въ груди, плѣнительный для слуха строй нашихъ простонародныхъ пѣсенъ дрожитъ въ ночномъ воздухѣ, яркимъ отголоскомъ будитъ въ насъ молчавшія струны, наполняетъ сердца слушателей и томленіемъ, и жалостью, и разудалой огненной жаждой извѣдать неизвѣданное.

. . . Отзвенѣли мощные, почти дикіе всплески пѣсенныхъ волнъ. Ихъ Высочества простились съ офицерами и молодцеватой командой крейсера. Катеръ отвалилъ по направленію къ «Азову». По бортамъ покидаемаго броненосца загораются бенгальскіе огни. Причудливо озаренныя фигуры обозначаются вдоль борта «Корнилова». Оглушительное, несмолкающее, напутственно-дружное «ура» гремитъ вслѣдъ Царскимъ Сыновьямъ.

Вторникъ, 4 (16) декабря.

Эскадра ждетъ прибытія новаго фельдъ-егеря на слегка запоздавшемъ пассажирскомъ пароходѣ. Пора сняться съ якорей. Въ виду громадности перехода въ Индію, не мѣшало бы имѣть въ запасѣ побольше времени.

ПРИБРЕЖНЫЕ ЖИТЕЛИ АДЕНА

Лодки съ продавцами окружаютъ фрегатъ. Это — преимущественно крайне типичные евреи, появившіеся на здѣшнемъ побережьи чуть-ли не со временъ Соломона или, согласно другой версіи, наѣзжающіе сюда съ Малабарскаго берега. Ихъ спеціальность — покупка и сбытъ необдѣланныхъ страусовыхъ перьевъ. Кромѣ того, около судовъ снуютъ еще и продавцы кораловъ, раковинъ, плетеныхъ корзиночекъ, цыновокъ съ Мадагаскара, львиныхъ шкуръ и проч. Два грека привозятъ на «Память Азова», чтобы показать Августѣйшимъ путешественникамъ, выброшенное прибоемъ морское чудище странной формы и величины, вѣроятно, занесенное теченіями откуда-нибудь изъ антарктическихъ странъ.

Послѣ полудня наконецъ приходитъ желанный пароходъ съ везущимъ вѣсти изъ Россіи.

Фрегаты покидаютъ Аденъ. По мѣрѣ того какъ онъ скрывается за горизонтомъ, все суровѣе становятся парящія надъ океаномъ, какъ-бы отрѣшенныя отъ земли, зубчатыя фантастическія вершины сопредѣльныхъ городу скалистыхъ острововъ.

[illegible]

Время поздно къ вечеру. Завтра день тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича, которое всѣ совершающіе знаменательное плаванье отпразднуютъ на пути въ Бомбей, идя полнымъ ходомъ къ берегамъ плѣнительной страны, издревле притягивающей и чарующей чужеземцевъ. Радостно дышется среди морскаго приволья. Свѣжія, негаданныя силы закипаютъ въ груди. Какъ-то неизбѣжно проникаешься сознаньемъ нашей внутренней сплоченности и мощи на этомъ постепенно расширяющемся для ока окрестномъ пространствѣ, пожираемомъ быстрымъ бѣгомъ русскихъ военныхъ судовъ. Ночь не страшна впереди. Еще не проснувшаяся въ своихъ хрустальныхъ чертогахъ утренняя заря словно чувствуется въ предразсвѣтномъ мракѣ.

Небо янтарное въ тающей мглѣ отдаленья....
Искры всходящаго солнца на сонныхъ вода[illegible]. . .
Краски вечерней зари при лучахъ торжества, возрожденья. . .
Отблескъ живой красоты на далекихъ прибрежныхъ горахъ.
Лаской зажо[illegible]
Алый вос[illegible]
Южную ясную твердь и загадочно-тихое море.

Ширь необъятнаго моря съ волшебной улыбкой пр[illegible]. . .
Еле бѣгущія волны подъ грудью нѣмой корабл[illegible]. . .
Свѣтлый, глубокій просторъ надъ равниной лазури и с[illegible]. . .
Тайна великой Любви надъ блаженствомъ зыб[illegible]
Отзвукъ какой-то невнятной священной печали
Есть въ неземныхъ голосахъ призывающей дали.

Даль голубая все выше и глубже мани[illegible]
Еле шумѣвшія волны давно отшумѣ[illegible],
Краски румяной зари отошли, отгор[illegible], —
Алое утро изчезло, но день-самодержа[illegible] царит[illegible]:
Брызги огня ниспадаютъ съ вершины престола.
Рдѣютъ въ спокойныхъ волнахъ выраженьемъ Иного Глаго[illegible] —
Яркой молитвой природы въ сліяньи съ Творц[illegible].

ЕГИПЕТЪ.

Средиземное море
Александрія
Нижній Египетъ
Портъ Саидъ
Іерусалимъ
Полуостровъ Синай
Суэцъ
Ассіутъ
Верхній Египетъ
Ассуанъ
Красное море
Масштабъ 1 : 250000
2 Кѣ. вост. отъ Пулкова

Типографія Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

[illegible]

4126/6 vols
SCR.